ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

2
2018

2018 №2
ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2018

2

Журнал выходит шесть раз в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Серийное издание

К 200-летию
Института востоковедения РАН

To the 200th Anniversary
of the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Дизайн обложки – *С. В. Ветохов*; макет и верстка – *С. Е. Малых*

На обложке: Дж. Кастильоне. Портрет императора Цяньлуна. Деталь свитка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2018

2

Published bimonthly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

The Journal was founded by the Academic Council
of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Вестник Института востоковедения РАН. № 2. – М.: ИВ РАН, 2018. – 210 с.

ISSN 2618-7302

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

RUSSIA – CHINA – JAPAN: ECONOMICS AND POLITICS

VISUALISING ORIENT

ORIENTAL LANGUAGES

HISTORIOGRAPHY OF THE ORIENT

TRANSLATIONS

ОТ РЕДАКЦИИ

Во втором номере «Вестника Института востоковедения РАН» не только находят свое продолжение некоторые важные темы первого выпуска, но и вводятся новые: так, рубрику *Pax Mongolica* сменяет «Тюркский мир вчера и сегодня», от религий Кавказа мы переходим к буддологическим исследованиям, а статьи, посвященные теоретической проблематике, фокусируются на не теряющих актуальности вопросах собственности – в каком виде существует она на Востоке, и что вообще под нею понимать?

На страницах этого выпуска журнала наконец-то встречаются Запад и Восток (рубрика «Orient et Occident»), расшифровываются рунические надписи, читателю предлагается вместе с автором подумать над назначением древнеегипетских сосудов типа «цветочные горшки», и все вместе могут повторно (считая первый номер) напиться японского чаю – на этот раз в ультрасовременном стеклянном павильоне в Венеции.

Нашлось место и детективной истории: если вы не знали, почему Михаил Фрунзе передал Мустафе Кемалю, тогда еще не бывшему Ататюрком, миллион золотых рублей, ищите разгадку на страницах этого номера.

Обложку украшает светлейший лик молодого цинского императора Цяньлуна кисти художника Лан Шинина (Джузеппе Кастильоне); о них обоих в одной из наших статей. И, безусловно, востоковедный журнал был бы неполным без острой приправы, – в ее роли выступает перевод эссе о знаменитой индийской ученой даме.

Редакция журнала «Вестник Института востоковедения РАН»

К 20-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «ВОСТОЧНЫЙ АРХИВ»

В. В. Беляков, Д. Д. Васильев, Н. К. Чарыева*

В год 200-летия Института востоковедения РАН отмечает свой 20-летний юбилей журнал «Восточный архив». Журнал зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации (ISSN 2072-5795), выходит два раза в год и внесен в подписной каталог научных изданий агентства «Роспечать». Научная презентация журнала состоялась на пленарном заседании Международной конференции, посвященной 100-летию Государственной Архивной службы России (Томский Государственный университет, 15–16 мая 2018 г.). В статье излагаются основные вехи создания и существования журнала, рассматриваются направления его научной публикационной активности.

Ключевые слова: Институт востоковедения РАН, «Восточный архив», архивное востоковедение, архивы РФ.

TO THE 20th ANNIVERSARY OF THE ORIENTAL ARCHIVE JOURNAL

Vladimir V. Belyakov, Dimitry D. Vasiliev, Natalia K. Charyeva

In the year of the bicentennial of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the *Oriental Archive* journal celebrates its 20th anniversary. The journal is registered by the National Agency of the ISSN of the Russian Federation (ISSN 2072-5795), is published twice a year and is included in the catalog of scientific publications of the agency *Rospechat*. The scholarly presentation of the journal took place at the plenary session of the International Conference dedicated to the centenary of the State Archival Service of Russia (Tomsk State University, May 15–16, 2018). The article outlines the main milestones of the creation and existence of the journal, examines the directions of its scientific publication activity.

Keywords: Institute of Oriental Studies RAS, *Oriental Archive*, archival Oriental studies, archives of the Russian Federation.

В современном отечественном востоковедении накоплен огромный фонд исследований, основанных на изучении архивных материалов. Среди них – официальные документы, свидетельства исторических событий, обзоры, донесения и записки востоковедов, дипломатов, военных, верой и правдой служивших отечеству. Это и личные дневники, письма, карты, фотографии и зарисовки, которые также являются ценнейшими источниками для историков. Без этого обширнейшего наследия немыслимо представить любые востоковедческие изыскания, будь то филология, история, экономика, политика, культура народов Востока.

* Владимир Владимирович БЕЛЯКОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; beliakov2007@yandex.ru

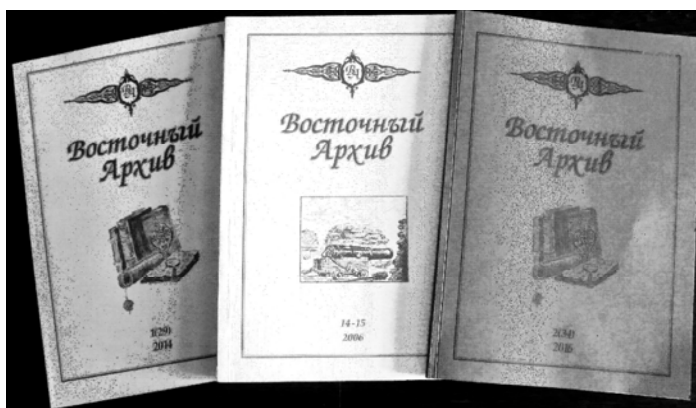
Vladimir V. BELYAKOV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; beliakov2007@yandex.ru

Дмитрий Дмитриевич ВАСИЛЬЕВ, кандидат исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории Востока, Институт востоковедения РАН, Москва; dmivas46@mail.ru

Dimitry D. VASILIEV, PhD (History), Professor, Chair of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmivas46@mail.ru

Наталья Какабалыевна ЧАРЫЕВА, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ailatan_51@mail.ru

Natalia K. CHARYEVA, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ailatan_51@mail.ru



Сбор архивных материалов по определенной тематике – процесс очень трудоемкий. Материалы эти неоднородны и весьма различны по характеру, объему, степени достоверности, сохранности и читаемости. Учитывая особенности восточных языков, следует также иметь в виду шрифтовые, почерковые, а иногда и криптографические особенности документа. Хранилища, фонды, досье, где могут быть обнаружены интересующие исследователя документы, часто также непредсказуемы, и поэтому архивные изыскания можно приравнять к научной экспедиции, а находка забытого документа становится открытием исторического памятника.

Для отечественного востоковедения поиски, сбор, научная обработка и публикации письменных источников, в том числе и архивных, традиционно были одним из приоритетных и снискавших профессиональное уважение направлений. На протяжении истории нашей науки внимание к архивной ориенталистике не было равномерным. Нынешний повышенный интерес к изысканиям и публикации архивных раритетов связан, прежде всего, с активным развитием практического востоковедения, потребностями администрации почти любого уровня в своих решениях ссылаться на исторические прецеденты, правовые и регионально-традиционные казусы. Мы являемся свидетелями того, как в ряде случаев подготовка востоковедами, как для отечественной дипломатии, так и для региональной администрации обоснований законодательных решений оказывается наиболее удачной (что особенно важно для национальных регионов), если она основана на традиции, сведения о которой почерпнуты из архивного наследия. И часто комментированное переиздание даже известного профессионалам-историкам архивного документа становится сенсационным открытием и необходимым инструментом для практика-пользователя.

Собственно востоковедческие фонды, связанные с регионами, ведомствами или персоналиями, структурно выделены в ряде крупных российских и зарубежных архивов. Однако помимо неравномерного использования даже этих тематически объединенных документов практически неизвестными остаются многочисленные материалы, хранящиеся в архивных фондах, казалось бы, не имеющих прямого отношения к истории стран Востока. В подобной ситуации особенно актуальным становится сотрудничество архивистов-востоковедов как академических, так и архивных учреждений. Одной из форм этого и стало специальное периодическое издание, сочетающее с одной стороны профессиональный с точки зрения архивиста уровень публикации документа, а с другой – компетентный комментарий ориенталиста.

Архивные фонды стали более доступными для научных изысканий, и это создает благоприятные условия для возрождения одного из направлений классического отечественного востоковедения. В связи с этим в Институте востоковедения РАН, в Отделе истории Востока более 20 лет назад был специально создан Сектор архивных публикаций, в котором работают востоковеды разных поколений, а при Обществе востоковедов РАН была создана Архивная комиссия, в состав которой вошли коллеги из других учреждений Российской Федерации.

Эти первые мероприятия показали очевидную необходимость разработки методики, которая сочетала бы правила и нормы публикации архивного документа (часто на редком восточном языке) и научную компетенцию востоковеда, готовящего к изданию исторический источник. Совершенствование опыта, меняющиеся условия пользования архивными материалами, консультации и взаимодействие с коллегами, работающими в архивах,

международное сотрудничество обосновали необходимость выпуска периодического издания. И в 1998 г. в Отделе истории Востока Института востоковедения РАН вышел первый номер журнала «Восточный архив»[1]. Дальнейшее становление журнала связано с приходом в Отдел Виталия Ивановича Шеремета, который с энтузиазмом взялся за привлечение новых авторов и совершенствование методики архивной ориенталистики [Vitaleus, 2010. с. 3–11]. После его кончины основная работа по формированию номеров и отбору материалов для публикаций успешно ведется руководителем Сектора Владимиром Владимировичем Беляковым.

В 2018 г. журналу «Восточный архив» исполняется 20 лет. На его страницах опубликованы статьи востоковедов из разных городов России – от Санкт-Петербурга до Владивостока – и зарубежных исследователей: из Турции и Болгарии, Германии и Венгрии, Израиля, Польши, Украины, Туркменистана, Казахстана, Таджикистана, Азербайджана.

За эти годы вышли в свет 38 номеров журнала, опубликовано более 400 научных статей. Спектр направлений исследований востоковедной тематики хронологически охватывает все исторические периоды Востока от древности до наших дней. Это статьи о востоковедении и востоковедах, материалы и документы, посвященные истории стран Востока. В частности, публиковались материалы и документы, связанные с историей Афганистана, Алжира, Балканских стран и Средиземноморья, Египта, Индии, Ирана, Индонезии, Китая, Кореи и Монголии, Марокко, Сирии, Ливана, Туниса, Османской империи и Республиканской Турции, государственных образований и народов Центральной Азии, Эфиопии, Японии, Крыма и Кавказа, народов Азиатской России.

На страницах журнала «Восточный архив» были впервые опубликованы многие документы из:
АВПР – Архив внешней политики России, Москва;
АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи, Москва;
АРАН – Архив Российской Академии наук, Москва;
Архив Академии наук Монголии, Улан-Батор;
Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, Санкт Петербург;
Архив Гарвардского Университета, Бостон, США;
Архив Института востоковедения РАН, Москва;
Архив Урало-алтайских языков, Университет Префектуры СИМАНЭ (Япония);
БИКЗ – Научный архив Бахчисарайского историко-культурного заповедника, Бахчисарай;
Большой Османский архив при Кабинете премьер-министра Турецкой Республики, Стамбул;
БФРЗ – Библиотека-фонд «Русское зарубежье» (Дом-музей М. Цветаевой), Москва;
ГААО – Государственный архив Астраханской области, Астрахань;
ГААРК – Государственный архив Автономной Республики Крым, Симферополь;
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва;
ГИАЛО – Государственный исторический архив Ленинградской обл., Санкт Петербург;
Государственный архив Израиля, Тель-Авив;
НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан, Казань;
Научный архив, рукописный отдел ИИМК, Фотоархив Института истории материальной культуры РАН, Санкт Петербург;
Национальный архив Франции, Париж;
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Гос. исторического музея, Москва;
ОРРК НБ К(П) ФУ – Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань;
Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, Москва;
Отдел рукописей Музея им. Н. К. Рериха, Москва;

[1] «Восточный архив». 1998. №1. М.: ИВ РАН. Электронные версии журнала «Восточный архив» доступны на сайте: Журнал «Восточный архив» // *Институт востоковедения РАН*. URL: http://ivran.ru/vostochnyj-arhiv (дата обращения: 18.05.2018).

РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота, Санкт Петербург;
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва;
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва;
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории, Москва;
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории, Москва;
РГВА – Российский государственный военный архив, Москва;
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, Москва;
РГИА – Российский государственный исторический архив, Москва;
СПб.Ф РАН – Санкт-Петербургский филиал РАН, Санкт Петербург;
ЦА ФСБ – Центральный архив федеральной службы безопасности, Москва;
ЦАМО – Архив Министерства обороны РФ, Подольск, Московская область;
ЦГАА – Центральный Государственный архив Абхазии, Сухум;
ЦГИА – Центральный государственный архив Грузии, Тбилиси;
Центр Национальных документов. Каир, Египет;
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы, Москва;
Documents d`archives du Ministere des Affaires Etrangeres de France, Париж;
HIA – Hoover Institution Archive, Стэнфорд;
The National Archives, Лондон.

Одной из целей, которые ставила для себя редколлегия, стала активизация сотрудничества профессионалов-архивистов и ученых-востоковедов в деле выявления, сбора, анализа и публикации с научными комментариями архивных документов по политической и этнической истории, культурному наследию и религиям народов Востока. Возглавившие работу редколлегии академик Виталий Вячеславович Наумкин и ведущий научный сотрудник Владимир Владимирович Беляков вместе с коллективом Сектора архивных публикаций продолжают на страницах журнала развивать сотрудничество востоковедов-архивистов. Именно с этой целью были проведены четыре Международные конференции «Архивное востоковедение» в 2008, 2011, 2014 и 2017 гг. Участниками конференции были отечественные и зарубежные специалисты. В работе конференций были представлены крупнейшие центры отечественного востоковедения из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Кавказа, Новосибирска, Владивостока.

На примере последней конференции (ноябрь 2017 г.) можно проследить, насколько широк спектр проблем, которые обсуждались на заседаниях. Архивные документы, представленные участниками, дают возможность по-новому взглянуть на такие вопросы, как причины голода в Казахстане в 1921–1922 г.; деятельность восточных «националистических» центров в СССР в 1920-х гг.; сатирическое восприятие Революции 1917 г. в ее «восточном ракурсе»; история советско-афганских отношений в период правления Надиршаха (1931–1939 гг.); неизвестные ранее документы из Одесского государственного архива (древности Баб эль-Газус); деятельность В. Н. Татищева как главы Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел (1741–1745 гг.); съемки фильма «Вьетнам» в 1945–1955 гг. Р. Л. Карменом; открытие в Лейденском университете (Нидерланды) Азиатской библиотеки; британская миссионерская активность на Ближнем Востоке в XIX в.; израильские архивы как источник востоковедческих исследований; советская тюркология 1970–1990 гг. в письмах; встречи советских дипломатов и эмигрантов в Египте в конце Второй мировой войны; и многие другие.

По предложению редколлегии журнала Отдел истории Востока ИВ РАН начал издание серии книг, которую можно было бы назвать «Библиотекой журнала "Восточный архив"». В этой серии публикуются сборники документов и монографии, основанные на архивных материалах. Первыми книгами в этой серии стали работы постоянного автора нашего журнала из Екатеринбурга А. В. Антошина «Золото Сеннара. Египет и Судан глазами уральского мастера золотодобычи XIX века» [Антошин, 2013], руководителя Сектора архивных публикаций Отдела истории Востока ИВ РАН В. В. Белякова «Египет глазами

россиян XV–XVIII веков. Сборник хожений»[2] [Беляков, 2013], дневник-травелог чиновника Азиатского департамента МИД Российской империи Е. Ф. Тимковского «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.» с предисловием, статьями и комментариями Д. Д. Васильева, В. Г. Дацышена и Д. В. Дубровской [Васильев, Дацышен, Дубровская, 2017], «Православные святыни Балкан» в материалах Русской Македонской экспедиции 1904 г.» [Васильев, Длужневская, Малевинская, 2004] и «Крым в прошлом: в старых фотографиях» из российских архивов, опубликованная в серии трудов Турецкого исторического общества на двух языках и выдержавшая уже два издания. Обе последние книги подготовлены на материалах российских фотоархивов Г. В. Длужневской и Д. Д. Васильева [Васильев, Длужневская, 2006, 2017].

Интерес к работе востоковедов Сектора архивных публикаций и в том числе публикациям журнала «Восточный архив» за рубежом обусловил участие сектора в трех международных проектах: совместно с Азиатским обществом в Калькутте, Турецким историческим обществом им. Ататюрка и Эфиопским исследовательским центром.

В течение периода издания журнала редколлегия подготовила несколько тематических выпусков. Один из них был посвящен истории отечественного востоковедения и вышел накануне Международного конгресса востоковедов (ICANAS-37), который состоялся в Москве в августе 2004 г. Специальные номера были также посвящены юбилею Победы в Великой Отечественной войне, событиям Восточной (Крымской) войны середины XIX в. и некоторым другим важным для востоковедов историческим событиям.

Список литературы / References

Антошин А. В. З*олото Сеннара: Египет и Судан глазами уральского мастера золотодобычи XIX века*. М., 2013 [Antoshin A. V. *Zoloto Sennara: Egipet i Sudan glazami ural'skogo mastera zolotodobychi XIX veka*. Moscow, 2013].

Беляков В. В. *Египет глазами россиян XV–XVIII веков. Сборник хожений*. М., 2013 [Belyakov V. V. *Egipet glazami rossiyan XV–XVIII vekov. Sbornik hozhdeniy*. Moscow, 2013].

Васильев Д. Д., Длужневская Г. В., Кырымлы Х. *Крым в прошлом: в старых фотографиях. Türk Tarih Kurumu*. Анкара, 2006, 2017 [Vasiliev D. D., Dluzhnevskaya G. V., Kirimli H. *Krym v proshlom v staryh fotografiyah. Türk Tarih Kurumu*. Ankara, 2006, 2017].

Васильев Д. Д., Длужневская Г. В., Малевинская М. Е. *Православные святыни Балкан*. М., 2004 [Vasiliev D. D., Dluzhnevskaya G. V., Malevinskaya M. E. *Pravoskavnye svyatyni Balkan*. Moscow, 2004].

Васильев Д. Д., Дацышен В. Г., Дубровская Д. В. *Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах*. М., 2017 [Vasiliev D. D., Dubrovskaya D. V., Datsyshen V. N. *Timkovskyi E. F. Puteshestvie v Kitay cherez Mongoliyu v 1820 i 1821 godah*. Moscow, 2017].

Vitaleus. Сборник статей, посвященный 70-летию В. И. Шеремета. М., 2010 [*Vitaleus. Sbornik statey, posvyaschennyi 70-letiyu V. I. Sheremeta*. Moscow, 2010].

Электронные ресурсы

Журнал «Восточный архив» // *Институт востоковедения РАН*. URL: http://ivran.ru/vostochnyj-arhiv (дата обращения: 18.05.2018).

[2] Эта книга переведена также и на арабский язык в издательстве «Анба-Руссия» (Беляков В. *Миср фи уюн русийя мин аль-карн 15–18*. Аль-Кахира, 2015).

ОТДЕЛ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX И В XXI В.

А. Ю. Другов, Д. В. Мосяков, Е. А. Фомичева*

Статья представляет собой исторический обзор исследований Юго-Восточной Азии в ИВ АН СССР после переезда института из Ленинграда в Москву и до настоящего времени. Дана характеристика основным публикациям о регионе, перечислены основные исследователи проблематики Юго-Восточной Азии, их важнейшие труды, проанализированы направления работы.

Ключевые слова: Институт востоковедения РАН, ИВ РАН, история науки, Юго-Восточная Азия.

DEPARTMENT FOR SOUTHEAST ASIAN STUDIES OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS IN THE SECOND HALF OF THE 20TH AND IN THE 21ST CENTURIES

Alexey Yu. Drugov, Dimitry V. Mosyakov, Elena A. Fomichyova

The article gives historical outline of South-Eastern Region Studies in the Institute of Oriental Studies (SAS) after the relocation of the Institute to Moscow. Main publications of Russian scholars in related field are reviewed, leading researchers, published works, and main research topics are listed and analysed.

Keywords: Institute of Oriental Studies (RAS), IOS RAS, science history, Southeast Asia.

Во второй половине 1960-х гг. изучением региона Юго-Восточной Азии занимались не менее 40 человек, причем их исследования охватывали практически все аспекты исторического, политического и социально-экономического развития стран ЮВА. Известным исключением были языки и культура, которыми занимались другие подразделения Института, хотя некоторые сотрудники Отдела совмещали политические изыскания с обращением к культурным ценностям.

Научная работа в Отделе Юго-Восточной Азии Института востоковедения была организована по страновому принципу, объединявшему исследователей каждой из стран региона, и по направлению исследований. До начала 1990-х гг. по каждой стране работало несколько специалистов, все со знанием западных языков, большинство со знанием восточных.

Среди сотрудников Отдела, до 1977 г. возглавляемого В. А. Жаровым, были ученики академика А. А. Губера – основоположника изучения ЮВА в нашей стране. Пожалуй, наиболее широким диапазоном научных интересов отличался Н. А. Симония [Симония, 1978; 1979], занимавшийся по преимуществу политическими и социальными проблемами стран ЮВА и региона в целом, впоследствии он станет академиком и возглавит ИМЭМО АН

* Алексей Юрьевич ДРУГОВ, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alexdrugov37@yandex.ru

Alexey Yu. DRUGOV, DSc (Political science), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alexdrugov37@yandex.ru

Дмитрий Валентинович МОСЯКОВ, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва; mosyakov.d@gmail.com

Dimitry V. MOSYAKOV, DSc (History), Professor, Chair of the Center for South-Eastern Asian, Australian, and Oceanian Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mosyakov.d@gmail.com

Елена Алексеевна ФОМИЧЕВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; elen-fomicheva@yandex.ru

Elena A. FOMICHYOVA. PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; elen-fomicheva@yandex.ru

СССР. Политическими и экономическими проблемами региона и отдельных стран, экономической интеграцией занимался Г. И. Чуфрин [Чуфрин, 1975; 1978; 1987; 1989], возглавивший Отдел в 1977 г., а позже ставший заместителем директора ИВАН СССР. Впоследствии он будет избран членом-корреспондентом АН СССР, академиком РАН и назначен заместителем директора ИМЭМО. Д. В. Мосяков [Мосяков, 2010; 2012; 2016], начинавший свою научную деятельность как специалист по Камбодже, после защиты докторской диссертации расширил диапазон научных интересов, которые теперь охватывают широкий круг общих вопросов безопасности и других региональных проблем Юго-Восточной Азии. С 1997 г. и вплоть до настоящего времени с небольшим перерывом, когда он исполнял обязанности Директора ИВ РАН, Д. В. Мосяков руководит Отделом (Центром) ЮВА.

Среди страноведов наиболее многочисленную группу всегда составляли специалисты по Индонезии, самой крупной стране региона, занимавшей особое место в восточной политике Советского Союза. Индонезией занимался и заведующий Отделом В. А. Жаров [Жаров, 1985]. Капитальные труды по истории Индонезии и некоторым другим странам региона, в частности, Малайзии, принадлежали В. А. Тюрину [Тюрин, 1980]. Чрезвычайно скрупулезные и глубокие исследования по истории национально-освободительного движения Индонезии оставил А. Б. Беленький [Беленький, 1978].

Историей Индонезии занимался и Л. М. Демин, ему же принадлежат очень интересные работы по культуре регионов Индонезии, в частности, острова Бали, об индонезийском художнике Радене Салехе, российских исследователях региона ЮВА, а также о Брунее и Сингапуре. Плодотворность Л. М. Демина как исследователя в значительной степени подпитывалась его длительными командировками в регион в качестве журналиста [Демин, 1964; 1965; 1973; 1975].

А. И. Ионова едва ли не первой в нашей стране приступила к исследованию религиозной ситуации в Индонезии – проблеме, которая впоследствии приобрела чрезвычайную актуальность, причем индонезийский опыт имеет значение и полезен не только для специалистов по этой стране [Ионова, Погадаев, 1974].

Е. А. Черепнева с присущей ей скрупулезностью занималась в основном историографией Индонезии, социально политическими концепциями развития индонезийского общества [Черепнева, 1989].

В течение шести лет в отделе (до перехода в Институт Международного рабочего движения) работал А. Б. Резников. Самостоятельно изучив индонезийский язык (а впоследствии и фарси), он стал автором нескольких работ по истории Индонезии в 1957–1965 гг., истории коммунистического движения Индонезии и других стран Востока [Резников, 1967].

Е. П. Заказникова, работавшая в ИВ АН СССР с 1950 г., сосредоточила свое внимание на развитии рабочего движения в Индонезии и некоторых других странах. В последние годы своей жизни она занималась проблемами Новой Гвинеи и Австралии [Заказникова, 1958]. Е. В. Голубева изучала вопросы социального и политического развития и формирования классов в Индонезии и некоторых других странах ЮВА [Голубева, 1988].

Многочисленные работы по экономике, внешнеэкономическим связям и социальным процессам в Индонезии принадлежат Л. Ф. Пахомовой [Пахомова, 2007], А. В. Попову [Попов, 2010], уделяющему большое внимание изучению отдельных регионов страны, А. А. Рогожину [Плеханов, Рогожин, 1985], Н. М. Хрящевой [Былиняк, Исаев, Хрящева, Чуфрин, 1982], Г. С. Шабалиной [Шабалина, 1984]. Их работы не только представляли самостоятельную научную ценность, но и давали коллегам пищу для политических обобщений и прогнозов.

Располагая собственными первоклассными кадрами индонезиеведов, Отдел широко привлекал для участия в своих проектах специалистов из других подразделений Института и других институтов и практических организаций. В 1961 г. вышел сборник «Республика

Индонезия. 1942–1960» [Республика Индонезия, 1961]. В 1970 г. была опубликована коллективная монография «Национально-освободительное движение в Индонезии. 1942–1965» с предисловием А. А. Губера [Национально-освободительное движение, 1970]. В 1978 г. вышел сборник «Республика Индонезия, 1965–1977» [Республика Индонезия, 1978]. В написании справочника «Индонезия» [Индонезия, 1983], наряду с учеными Отдела ЮВА, участвовали сотрудники МИД СССР, МГУ им. М. В. Ломоносова и других ВУЗов.

На протяжении почти 30 лет Отдел осуществлял научно-политический диалог с Центром стратегических и международных исследований Индонезии – обмен делегациями и изданиями. В условиях чрезвычайно сложной внутриполитической обстановки в Индонезии и неоднозначной атмосферы в двухсторонних отношениях на государственном уровне ввиду воинствующего антикоммунизма правящего режима Индонезии научные связи имели весьма существенное значение.

Очень сильные ученые составляли группу, занимавшуюся Филиппинами. Ряд монографий и статей по истории страны принадлежал Г. И. Левинсону [Левинсон, 1986]. И. В. Подберезский опубликовал значительное число оригинальных работ по истории и культуре Филиппин, религиозной ситуации, политической культуре филиппинцев, с которой он вплотную мог познакомиться в ходе двух научных стажировок на Филиппинах [Подберезский, 1974; Подберезский, 1970]. Более сотни работ опубликовала Ю. О. Левтонова, осветив практически все периоды новой и новейшей истории страны [Левтонова, 1979]. Она нередко выступала в соавторстве с О. Г. Барышниковой, пожалуй, крупнейшим специалистом по экономике Филиппин в нашей стране [Барышникова, 1999]. В 1979 г. вышел капитальный справочник «Филиппины», подготовленный сотрудниками Отдела с привлечением ученых других отделов Института, других научных учреждений, высших учебных заведений и практических организаций. Редакторами справочника были Г. И. Левинсон, О. Г. Барышникова, Ю. О. Левтонова [Филиппины, 1979].

Бирма привлекала в то время особое внимание в силу ее роли в движении неприсоединения и внутриполитического развития. Основные работы по этой стране принадлежали перу В. Ф. Васильева (история страны) [Васильев, 1962; 1969; 2010], И. В. Можейко (история, культура, религиозная ситуация) [Можейко, 1967], А. Н. Узянова (история) [Можейко, Узянов, 1973; Узянов, 1982], В. С. Котлярова (социальные и политические процессы, внешняя политика) [Котляров, 1970], А. П. Мурановой, А. А. Симония и А. Ф. Жабреева (экономическая проблематика) [Муранова, 1978; Симония, 2012; Жабреев, 1971]. В научном творчестве И. В. Можейко, которого в стране знали как писателя Кира Булычева, сочетались объективность анализа с умением увлекательно описывать исследуемые события, что делало его книги востребованными и популярными [Можейко, Седов, Тюрин, 1966; Можейко, 1967].

Историей Таиланда занимались Н. В. Ребрикова, среди работ которой «Таиланд. Социально-экономическая история (XIII–XVIII вв.)», «Очерки новой истории Таиланда», «Очерки новейшей истории Таиланда» [Ребрикова, 1960; 1966; 1977], совместно с Н. И. Калашниковым написанная работа «Таиланд. Общество и государство» [Ребрикова, Калашников, 1984]. Э. О. Берзин исследовал средневековую историю ЮВА, среди его монографий были «История Таиланда. Краткий очерк», «Юго-Восточная Азия с древнейших веков до XIII в.», «Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII – начале XVIII» [Берзин, 1973; 1987; 1989]. В следующем поколении в этой группе работали Е. А. Фомичева – автор монографии «Внешняя политика Таиланда» [Фомичева, 1991], Н. Г. Рогожина – автор работ «Интеллигенция Таиланда», «Национальный вопрос в Таиланде» [Рогожина, 1983; 1985]. С. С Грикуров разрабатывал проблемы экономического развития Таиланда [Грикуров, 1982].

Малайзией занимались по преимуществу специалисты по этнически и культурно близкой Индонезии. Ряд статей опубликовали В. Ф. Урляпов и Ю. Ф. Хренов. Работы по экономике страны принадлежали М. Н. Гусеву. В 1987 г. вышел справочник «Малайзия» [Малайзия, 1987], в котором, наряду с сотрудниками ИВ АН СССР, участвовали ученые из

МГУ и других вузов и научных институтов. В 2015 г. была опубликована книга В. Ф. Урляпова «Внешняя политика Малайзии от Махатхира Мохамада до Наджиба Разака» [Урляпов, 2015].

Э. О. Берзину принадлежали работы по истории Юго-Восточной Азии, по вопросам религиозной ситуации в регионе и в отдельных странах, по истории Таиланда, Филиппин. Сингапурская проблематика нашла отражение в работах Э. М. Гуревич, Г. И. Чуфрина, М. Г. Осиповой, Е. М. Астафьевой.

Несколько работ было опубликовано по Брунею. Их подготовили Л. М. Демин [Демин, 1973], коллектив сотрудников Отдела [Бруней, 1984]. Справочник «Бруней» вышел в свет в 1990 г. [Бруней, 1990]. Несколько статей по этой стране опубликовал Ю. Ф. Хренов [Хренов, 1970].

В 2015 г. увидела свет монография «История Тимора-Лешти. XX век», принадлежавшая перу В. Ф. Урляпова – первый капитальный труд, посвященный истории одного из самых молодых государств мира [Урляпов, 2015].

Особую роль в Отделе всегда играл В. А. Тюрин [Тюрин, 2010]. Это был выдающийся ученый-историк, автор множества работ, а главное, прекрасный человек, который вместе с коллегами формировал особую атмосферу в Отделе ЮВА – атмосферу взаимного уважения, свободы творчества и мнений относительно всего, что происходило в прошлом и настоящем в стране и в мире.

После 1991 г. в ведение Отдела перешли такие страны региона, как Вьетнам, Камбоджа, Лаос. Проблемами Вьетнама (история, культура) занимались П. В. Познер, организатор и один из авторов «Полной академической истории Вьетнама» в 6-ти томах [Познер, 2014], Г. М. Маслов, совмещавший научную деятельность с периодическими командировками во Вьетнам для работы в посольстве, таким образом получая возможность для своего рода полевых исследований [Маслов, 2009], и А. А. Соколов, сочетающий исторические исследования с работами по культуре Вьетнама [Соколов, 1984, 2011]; ряд работ принадлежали перу Г. Ф. Мурашевой [Мурашева, 1973].

С. И. Иоанесян [Иоанесян, 1980] и В. А. Кожевникову [Кожевников, 1979] принадлежит ряд работ по проблемам истории, политического развития и экономики Лаоса. Ю. П. Дементьев был одним из пионеров изучения Камбоджи, особенно ее революционного движения, причин формирования в нем такого явления как движение «красных кхмеров» во главе с Пол Потом [Дементьев, 1979].

Отметим, что приведенное выше деление коллектива отдела по страноведческой тематике является в известном смысле относительным, поскольку, как отчасти показано выше, многие сотрудники сочетали исследования по отдельной стране с работой по кругу более широких проблем. Весьма универсальной была специализация С. А. Былиняка – автора около 100 работ по экономическим проблемам развивающихся государств [Былиняк, 1982].

Периодически выходили в свет подготовленные Отделом с привлечением ученых из других организаций работы по проблемам региона в целом. В 1989 г. вышел справочник «Юго-Восточная Азия. Несоциалистические страны». В 1988 г. был опубликован справочник «Юго-Восточная Азия: современность и традиция». Сотрудники отдела А. Б. Беленький и Г. И. Левинсон были редакторами-составителями вышедшей к 75-летию со дня рождения академика в 1976 г. книги «А. А. Губер. Избранные труды» [Губер, 1976].

Отдел Юго-Восточной Азии принял активное участие в составлении сборника документов «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии», изданного в 1965 г.

С 1998 г. Отдел, а позже Центр, при поддержке известного специалиста по странам ЮВА Н. П. Малетина, издает журнал «Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития», в котором участвует широкий круг востоковедов из различных научных учреждений и высших учебных заведений РФ. В настоящее время этот журнал выходит в свет четыре раза в год и включен в список ВАК.

Особое место в личных и коллективных трудах сотрудников Отдела занимали внешнеполитические проблемы, вопросы развития АСЕАН, преимущественно в контексте интересов Советского Союза. С середины 1970-х гг. в деятельности Отдела Юго-Восточной Азии появился новый элемент – ситуационные анализы, к участию в которых приглашались специалисты из других научных и практических учреждений. На основе этих анализов, где дискуссии велись в весьма свободном духе, готовились обобщающие материалы, которые направлялись в партийные инстанции, МИД СССР, другие государственные учреждения, которые испытывали реальную потребность в оценках и выводах ученых.

Большим достижением ученых Центра стала подготовка фундаментальных трудов по истории стран ЮВА в XX в. Они выходили с 1998 г. – «История Индонезии» [Другов, Тюрин, 2005], «История Бирмы» [Васильев, 2010], «История Филиппин» [Левтонова, 2011], «История Камбоджи» [Мосяков, 2010], «История Малайзии» [Тюрин, Цыганов, 2010]. Все вместе они создают достаточно полную картину развития ключевых стран ЮВА в прошедшем веке.

В последнее время Центр пополнился целой группой молодых исследователей, которые активно включились в научную жизнь. Ученым секретарем Центра является энергичный профессионал Е. М. Астафьева. А. О. Захаров занимается исследованием древней истории стран ЮВА, Д. С. Панарина – изучением Филиппин, О. Л. Петрова – Индонезией, Е. В. Кочеткова – Малайзией.

В настоящее время Центр ЮВА ежегодно проводит межинститутские конференции по широкому спектру проблем региона, в которых принимают участие ведущие российские ученые и практические работники, связанные с ЮВА. В 2013, 2015 и 2017 гг. Центр ЮВА организовал три международные конференции по проблемам Южно-Китайского моря, которые проходили в Москве. Признанием авторитета Центра стал приезд и выступление на этих конференциях ведущих ученых из США, Европы, Индии, Австралии, которые активно влияют на политику своих правительств в Восточной и Юго-Восточной Азии.

В Центре работали и работают люди, увлеченные своей профессией. Благодаря им Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании не только сохраняет лидирующие позиции в изучении ЮВА в России, но и обладает возможностью проведения сквозных исследований по любой крупной политической или экономической проблеме региона Юго-Восточной Азии.

Литература / References

Барышникова О. Г. *Юго-Восточная Азия: люди и труд.* М., 1999 [Baryshnikova O. G. *Yugo-Vostochnaya Aziya: lyudi i trud.* Moscow, 1999].

Беленький А. Б. *Идеология национально-освободительного движения в Индонезии 1917–1942 гг.* [Belen'kiy A. B. *Ideologiya natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya v Indonezii. 1917–1942 gg.* Moscow, 1978].

Берзин Э. О. *История Таиланда. Краткий очерк.* М., 1973 [Berzin 'E. O. *Istoriya Tailanda. Kratkiy ocherk.* Moscow, 1973].

Берзин Э. О. Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII – начале XVIII вв. М., [Berzin 'E. O. *Yugo-Vostochnaya Aziya i 'ekspansiya Zapada v XVII – nachale XVIII vv.* Moscow, 1987].

Берзин Э. О. *Юго-Восточная Азия с древнейших времен до XIII в.* М., 1989 [Berzin 'E. O. *Yugo-Vostochnaya Aziya s drevneyshih vekov do XIII v.* Moscow, 1989].

Бруней. История, экономика, политика. М., 1984 [*Brunei. Istoriya, 'economika, politika.* Moscow, 1984].

Бруней. Справочник. М., 1990 [*Brunei. Spravochnik.* Moscow, 1990].

Былиняк С. А., Исаев В. А., Хрящева Н. М., Чуфрин Г. И. *Экономическое сотрудничество и интеграция стран Востока.* М., 1982 [Bylinyak S. A., Isaev V. A., Hryascheva N. M., Chufrin G. I. *'Ekonomicheskoe sotrudnichesto i integratsiya stran Vostoka.* Moscow, 1982].

Васильев В. Ф. *Бирма на новых рубежах.* М., 1969 [Vasiliev V. F. *Birma na novyh rubezhah.* Moscow, 1969].

Васильев В. Ф. *История Мьянмы/Бирмы.* М., 2010 [Vasiliev V. F. *Istoriya Miyanmy/Birmy.* Moscow, 2010].

Васильев В. Ф. *Очерки истории Бирмы 1885–1947.* М., 1962 [Vasiliev V. F. *Ocherki istorii Birmy 1885–1947.* Moscow, 1962].

Голубева Е. В. *Государственная бюрократия и политика: Индонезия и Филиппины, 70–80-е годы.* М., 1988 [Golubeva E. V. *Gosudarstvennaya byurokratiya i politika: Indoneziya i Filippiny, 70–80-e gody*. Moscow, 1988].

Грикуров С. С. *Таиланд: прошлое и настоящее.* М., 1982 [Grikurov S. S. *Tailand: proshloe i nastoyaschee.* Moscow, 1982].

Губер А. А. Избранные труды. Ред.-сост. А. Б. Беленький и Г. И. Левинсон. М., 1976 [*Guber A. A. Izbrannye Trudy.* Red-sost. A. B. Belen'kiy, G. I. Levinson. Moscow, 1976].

Дементьев Ю. П. *Кампучия: крах маоистского эксперимента.* М., 1979 [Dementiev Yu. P. *Kampuchiya: krah maoistskogo ʻeksperimenta.* Moscow, 1979].

Демин Л. М. *Бруней.* М., 1973 [Demin L. M. *Brunei.* Moscow, 1973].

Демин Л. М. *Искусство Индонезии.* М., 1965 [Demin L. M. *Iskusstvo Indonezii.* Moscow, 1965].

Демин Л. М. *Малайзия экзотическая и будничная.* М., 1971 [Demin L. M. *Malayziya ʻekzoticheskaya i budnichnaya.* Moscow, 1971].

Демин Л. М. *Остров Бали.* М., 1964 [Demin L. M. *Ostrov Bali.* Moscow, 1964].

Другов А. Ю., Тюрин В. А. *История Индонезии. XX век.* М., 2005 [Drugov A. Yu., Tyurin V. A. *Istoriya Indonezii. XX vek.* Moscow, 2005].

Жабреев А. Ф. *Аграрные отношения в современной Бирме.* М., 1971 [Zhabreev A. F. *Agrarnye otnosheniya v sovremennoy Birme.* Moscow, 1971].

Жаров В. А. *Официальные идеологические доктрины Индонезии, Малайзии и Филиппин.* М., 1985 [Zharov V. A. *Ofitsial'nye ideologicheskie doktriny Indonezii, Malayzii i Filippin.* Moscow, 1985].

Заказникова Е. П. *Юго-Восточная Азия. Очерки экономики и истории.* М., 1958 [Zakaznikova E. P. *Yugo-Vostochnaya Aziya. Ocherki ʻekonomiki i istorii.* Moscow, 1958].

Индонезия. Справочник. М., 1983 [*Indoneziya.* Spravochnik. Moscow, 1983].

Иоанесян С. И. *Сельское хозяйство стран Юго-Восточной Азии.* М., 1980 [Ioanesyan S. I. *Sel'skoe hozyaistvo stran Yugo-Vostochnoi Azii.* Moscow, 1980].

Ионова А. И., Погадаев А. А. *Политическая роль мусульманского движения в странах Юго-Восточной Азии.* М., 1974 [Ionova A. I., Pogadaev A. A. *Politicheskaya rol' musul'manskogo dvizheniya v stranah Yugo-Vostochnoy Azii.* Moscow, 1974].

Кожевников В. А. *Очерки новейшей истории Лаоса.* М., 1979 [Kozhevnikov V. A. *Ocherki noveishei istorii Laosa.* Moscow, 1979].

Котляров В. С. США и Бирма (Американская стратегия и политика). М., 1970 [Kotlyarov V. S. *SShA i Birma (Amerikanskaya strategiya i politika).* Moscow, 1970].

Левинсон Г. И. (ред.). *Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии.* М., 1986 [Levinson G. I. (red.). *Kitayskie ʻetnicheskie gruppy v stranah Yugo-Vostochnoy Azii.* Moscow, 1986].

Левтонова Ю. О. *История Филиппин.* М., 1979 [Levtonova Yu. O. *Istoriya Filippin.* Moscow, 1979].

Левтонова Ю. О. История Филиппин. XX век. М., 2011 [Levtonova Yu. O. *Istoriya Filippin.* XX vek. Moscow, 2011]

Малайзия. Справочник. М, 1987 [*Malayziya. Spravochnik.* Moscow, 1987].

Маслов Г. М., Урляпов В. Ф. *Вьетнам в системе современных международных отношений в Азиатско-тихоокеанском регионе.* М., 2009 [Maslov G. M., Urlyapov V. F. *Vietnam v sisteme sovremennyh mezhdunarodnyh otnosheniy v Aziatsko-tihookeanskom regione.* Moscow, 2009].

Можейко И. В. *5.000 храмов на берегу Иравади.* М., 1967 [Mozheiko I. V. *5 000 hramov na beregu Iravadi.* Moscow, 1967].

Можейко И. В., Седов Л., Тюрин В. *С крестом и мушкетом.* М., 1966 [Mozheiko I. V., Sedov L., Tyurin V. *S krestom i mushketom.* Moscow, 1966].

Можейко И. В., Узянов А. Н. *История Бирмы (краткий очерк).* М., 1973 [Mozheiko I. V., Uzyanov A. N. *Istoriya Birmy (kratkiy ocherk).* Moscow, 1973].

Мосяков Д. В. *История Камбоджи.* XX век. М., 2010 [Mosyakov D. V. *Istoriya Kambodzhi. XX vek.* Moscow, 2010].

Мосяков Д. В. *Новая и Новейшая история: модернизация и глобализация восточных обществ.* Учебное пособие. М., 2016 [Mosyakov D. V. *Novaya i Noveishaya istoriya: modernizatsiya i globslizatsiya vostochnyh obschestv.* Moscow, 2016].

Мосяков Д. В. *Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему.* М., 2012 [Mosyakov D. V. *Politika Kitaya v Yugo-Vostochnoy Azii: ot proshlogo k nastoyaschemu.* Moscow, 2012].

Муранова А. П. *Экономическое развитие Бирмы: проблемы финансирования*. М., 1978 [Muranova A. P. *Ekonomicheskoe razvitie Birmy: problem finansirovaniya*. Moscow, 1978].

Мурашева Г. Ф. *Вьетнамо-китайские отношения. XVII–XIX вв*. М., 1973 [Murasheva G. F. *V'yetnamo-kitayskiye otnosheniya. XVII–XIX vv*. M., 1973].

Национально-освободительное движение в Индонезии. 1942–1965. М., 1970 [*Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Indonezii. 1942-1965*. Moscow, 1970].

Пахомова Л. Ф. *Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)*. М., 2007 [Pahomova L. F. *Modeli protsvetaniya (Singapur, Malayziya, Tailand, Indoneziya)*. Moscow, 2007].

Плеханов Ю. А., Рогожин А. А. *Экономика и политика АСЕАН*. М., 1985 [Plehanov Yu. A., Rogozhin A. A. *Ekonomika i politika ASEAN*. Moscow, 1985].

Подберезский И. В. *Сампагита, крест и доллар*. М., 1974 [Podberezskiy I. V. *Sampagita, krest i dollar*. Moscow, 1974].

Подберезский И. В. *Страна семи тысяч островов*. М., 1970 [Podberezskiy I. V. *Strana semi tysyach ostrovov*. Moscow, 1970].

Познер П. В. и др. *Полная академическая история Вьетнама*. В 6 т. М., 2014 [Pozner P. V. Et al. *Polnaya akademicheskaya istoriya Vietnama*. V 6 t. Moscow, 2014].

Попов А. В. *Очерки регионального развития Индонезии*. М., 2010 [Popov A. V. *Ocherki regional'nogo razvitiya Indonezii*. Moscow, 2010].

Ребрикова Н. В. *Очерки новейшей истории Таиланда (1918–1959)*. М., 1960 [Rebrikova N. V. *Ocherki noveyshei istorii Tailanda (1918–1959)*. Moscow, 1960].

Ребрикова Н. В. *Очерки новой истории Таиланда*. М., 1966 [Rebrikova N. V. *Ocherki novoy istorii Tailanda*. Moscow, 1966].

Ребрикова Н. В. *Таиланд. Социально-экономическая история (XIII–XVIII вв.)*. М., 1977 [Rebrikova N. V. *Tailand. Sotsial'no-'economicheskaya istoriya (XIII–XVIII vv.)*. Moscow, 1977].

Ребрикова Н. В., Калашников Н. И. *Таиланд. Общество и государство*. М., 1984 [Rebrikova N. V., Kalashnikov N. I. *Tailand. Obschestvo i gosudarstvo*. Moscow, 1984].

Резников А. Б. *Индонезия* // Ежегодник БСЭ. М., 1967. С. 275–278 [Reznikov A. B. *Indoneziya* // Ezhegodnik BS'E. Moscow, 1967. Pp. 275–278].

Республика Индонезия, 1965–1977. М., 1978 [*Respublika Indoneziya. 1965–1977* Moscow, 1978].

Республика Индонезия. 1942–1960. М., 1961 [*Respublika Indoneziya. 1942–1960*. Moscow, 1961].

Рогожина Н. Г. *Интеллигенция Таиланда*. М., 1983 [Rogozhina N. G. *Intelligentsiya Tailanda*. Moscow, 1983].

Рогожина Н. Г. *Национальный вопрос в Таиланде*. М., 1985 [Rogozhina N. G. *Natsional'nyi vopros v Tailande*. Moscow, 1985].

Симония Н. А. *Индонезия*. М., 1978 [Simoniya A. A. *Indoneziya*. Moscow, 1978].

Симония А. А. *Внешнеэкономические связи Бирмы. 1962–76*. М., 1979 [Simoniya A. A. *Vneshne'ekonomicheskie svyazi Birmy. 1962–76*. Moscow, 1979].

Симония А. А. *Мьянма: переход к рыночной экономике (1988–2011)*. М., 2012 [Simoniya A. A. *Mianma: perehod k rynochnoi 'ekonomike (1988–2011)*. Moscow, 2012].

Соколов А. А. *Русско-вьетнамский разговорник*. М., 1984 [Sokolov A.A. *Russko-v'yetnamskiy razgovornik*. Moscow, 1984].

Соколов А. А. К. А. Вяземский. *Путешествие вокруг Азии верхом. Вьетнамские дневники. 1892*. М., 2011 [Sokolov A.A. *K. A. Vyazemskiy. Puteshestviye vokrug Azii verkhom. V'yetnamskiye dnevniki*. Moscow, 2011].

Тюрин В. А. *История Малайзии. Краткий очерк*. М., 1980 [Tyurin V. A. *Istoriya Malayzii. Kratkiy ocherk*. Moscow, 1980].

Тюрин В. А., Цыганов В. А. *История Малайзии. XX век*. М., 2010 [Tyurin V. A., Tsyganov V. A. *Istoriya Malayzii. XX vek*. Moscow, 2010].

Узянов А. М. (ред.). *Бирма. Справочник*. М., 1982 [Uzyanov A. M. (red.). *Birma. Spravochnik*. Moscow, 1982].

Урляпов В. Ф. *Внешняя политика Малайзии от Махатхира Мохамада до Наджиба Разака*. М., 2015 [Urlyapov V. F. *Vneshnyaya politika Malayzii ot Mahathira do Nadzhiba Razaka*. Moscow, 2015].

Урляпов В. Ф. *История Тимора-Лешти. XX век*. М., 2015 [Urlyapov V. F. *Istoriya Timora-Leshti. XX vek*. Moscow, 2015].

Филиппины. Справочник. М., 1979 [*Filippiny. Spravochnik*. Moscow, 1979].

Фомичева Е. А. *Внешняя политика Таиланда*. М., 1991 [Fomichyova E. A. *Vneshnyaya politika Tailanda*. Moscow, 1991].

Хренов Ю. Ф. *Проблемы экономической самостоятельности стран Юго-Восточной Азии.* М., 1970 [Hrenov Yu. F. *Problemy politicheskoi samostoyatelnosti stran Yugo-Vostochnoi Azii.* Moscow, 1970].

Черепнева Е. А. *Индонезия глазами индонезийцев: современные концепции социально-политического и культурного развития.* М., 1989 [Cherepnyova E. A. *Indoneziya glazami indoneziytsev: sovremennye kontseptsii sotsial'no-politicheskogo i kul'turnogo razvitiya.* Moscow, 1989].

Чуфрин Г. И. *Внешнеэкономические связи современной Индии.* М., 1978 [Chufrin G. I. *Vneshne'ekonomicheskie svyazi sovremennoi Indii.* Moscow, 1978].

Чуфрин Г. И. Экономическая интеграция в Азии. М., 1975 [Chufrin G. I. *'Economicheskaya integratsiya v Azii.* Moscow, 1975].

Чуфрин Г. И. *Экономическая интеграция развивающихся стран Азии: возможности, трудности, пределы.* М., 1987 [Chufrin G. I. *'Economichesksys integratsiya stran Azii: vozmozhnosti, trudnosti, predely.* Moscow, 1987].

Чуфрин Г. И., Гуревич Э. М. *Внешняя политика Сингапура.* М., 1989 [Chufrin G. I. Gurevich 'E. M.*Vneshnyaya politika Singapura.* Moscow, 1989].

Шабалина Г. С. *Юго-Восточная Азия: национальные кадры и научно-технический прогресс.* М., 1984.

Юго-Восточная Азия. Несоциалистические страны. Справочник. М., 1989 [*Yugo-Vostochnaya Aziya. Nesotsialisticheskie strany. Spravochnik.* Moscow, 1989].

Юго-Восточная Азия: современность и традиция. Справочник. М., 1988 [*Yugo-Vostochnaya Aziya: sovemennost' i traditsiya. Spravochnik.* Moscow, 1988].

ЦЕНТР ЯПОНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Е. Л. Катасонова, К. О. Саркисов[*]

Статья представляет собой исторический обзор японоведческих исследований в России от петровских времен до настоящего времени в Институте востоковедения РАН. Дана характеристика основным публикациям Центра японских исследования ИВ РАН, перечислены его руководители, сотрудники, направления работы.

Ключевые слова: Япония, японоведение, история науки, Институт востоковедения РАН, Центр японоведческих исследований ИВ РАН.

JAPAN STUDIES IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS

Elena L. Katasonova, Konstantin O. Sarkisov

The article gives a historical outline of Japan Studies in Russia since Peter the Great's times, particularly in the Institute of Oriental Studies (RAS) in Moscow. Main publications of the Centre for Japan Studies are reviewed, its chairs, researchers, and main research topics are listed and analysed.

Keywords: Japan, Japan studies, science history, Institute of Oriental Studies (RAS), Centre for Japan Studies (IOS RAS).

Зарождение российского японоведения тесно связано с Санкт-Петербургом, где по указу Петра I в 1702 г. был основан первый в России класс японского языка, а после установления дипломатических отношений между двумя странами в 1855 г. изучение японского языка и страны стало складываться в комплексную науку. В первых десятилетиях XX в. на базе Петербургского университета, а также Владивостокского Восточного института появилась фундаментальная школа отечественного японоведения, представленная именами выдающихся российских ученых. Это Д. М. Позднеев – автор трудов по географии и истории Японии и Китая, о русско-японских отношениях, составитель первого иероглифического японо-русского словаря; Е. Г. Спальвин – один из основателей русской лингвистической школы японоведения, автор трудов по истории, религии и литературы Японии; Е. Д. Поливанов, получивший мировую известность своими исследованиями по японской диалектологии, а также по сравнительному языкознанию восточных языков, и др.

Большим стимулом для углубленного изучения Японии в дореволюционной России послужила Русско-японская война, которая всколыхнула огромный интерес в российском обществе к изучению своего набиравшего влияние в мире дальневосточного соседа. И русские японоведы по примеру своих западных коллег вместе с преподаванием японского языка обратились к исследованиям древней и средневековой истории, религии, традиционной культуры этой страны, базируясь на переводах исторических хроник и литературных памятников, составлявших духовное наследие Японии.

[*] Елена Леонидовна КАТАСОНОВА, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, руководитель Центра японских исследования Института востоковедения РАН, Москва; katasonova@rambler.ru

Elena L. KATASONOVA, DSc (History), PhD (Philology), Institute of Oriental Studies, RAS, Chair of the Center for Japan Studies, Moscow; katasonova@rambler.ru

Константин Ованесович САРКИСОВ, кандидат исторических наук, почетный профессор университета Яманаси Гакуин, Кофу; Институт востоковедения РАН, Москва; sarkisovko@yahoo.com

Konstantin O. SARKISOV, PhD (History), Honorary Professor of Yamanashi Gakuin University, Japan; Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; sarkisovko@yahoo.com

После 1917 г. многие известные специалисты по Японии, сформировавшиеся как ученые еще в дооктябрьский период, оказались перед трудным профессиональным и идеологическим выбором. Одновременно с этим перенос столицы из Петрограда в Москву, переезд в Москву Наркомата иностранных дел, органов Коминтерна, создание в 1921 г. в Москве Коммунистического университета трудящихся Востока стимулировал передислокацию в Москву известных японоведов. Они-то и составили в дальнейшем основной костяк преподавательского состава кафедры японского языка в открывшемся в 1927 г. Московском институте востоковедения им. Нариманова (МИВ), явившемся своеобразной «кузницей» японоведческих кадров. Забегая вперед, следует сказать, что в 1954 г. МИВ был закрыт. Однако в институте успели получить образование те, кто в дальнейшем составил цвет послевоенного советского японоведения: Т. П. Григорьева, А. С. Коломиец, И. А. Латышев, Я. А. Певзнер, К. Е. Черевко, С. Б. Маркарьян и др.

Большая потребность в изучении японского языка в постреволюционной России диктовалась целым рядом факторов: учитывался опыт и гражданской войны и еще не завершившейся японской интервенции в Сибири. А после установления в 1925 г. дипломатических отношений между нашими странами и ввиду заметной активизации двусторонних общественных и культурных связей, на повестку дня встали задачи широкого распространения знаний о Японии. Советская столица становится главным местом проведения крупных культурных акций, а их главным организатором – Всесоюзное Общество культурных связей с заграницей (ВОКС), которое делало в своей работе на Японию особую ставку на привлечение московских японоведов к просветительской и лекторской деятельности. Им в помощь приглашались и известные японоведы из Ленинграда, где в созданном в 1930 г. Институте Востоковедения АН СССР бережно хранили лучшие традиции русского классического японоведения. Здесь трудились такие «патриархи» отечественной науки, как основатель советской японоведческой школы будущий академик Н. И. Конрад, а также блестящий знаток Японии, проживший там почти 15 лет, крупнейший специалист по ряду языков Восточной Азии, включая Японию и Китай, Н. А. Невский.

Москва же была целиком сориентирована на разработку современных проблем экономического и политического развития Японии и других стран Тихоокеанского региона, а также международных отношений на Дальнем Востоке. Эти задачи позволили быстро выдвинуться в ряды ведущих теоретиков и организаторов науки молодому историку Е. М. Жукову (с 1958 г. – академик), возглавившему образованный в 1943 г. Тихоокеанский институт АН СССР – на тот момент являвшийся центром советской востоковедной мысли. Еще до получения ученой степени кандидата исторических наук в 1936 г. он был известен не только как автор разделов о новой и новейшей истории Японии, написанных для Большой Советской Энциклопедии, и первых советских обобщающих трудов по истории Востока, но и публикациями в советской прессе по проблемам современной Японии. А в 1939 г. выходит его монография «История Японии: краткий очерк» [Жуков, 1939], ставшей на долгие годы образцом марксистского подхода к исторической науке, на который ориентировалось не одно поколение японоведов.

Тотальный политический и идеологический контроль, установившийся в сфере науки, как, впрочем, и по всей стране, привел к открытым политическим репрессиям, которые обескровили отечественное японоведение и нанесли ему непоправимый урон. За период с 1936 по 1938 гг. незаконным арестам подверглось не менее половины работавших в то время исследователей Японии. На сохранившемся оттиске коллективного письма группы ленинградских и московских японоведов из 38 ученых Н. И. Конрад отмечает как пострадавших в 1937–1938 гг. девятнадцать. Однако судьба еще нескольких человек была ему, вероятно, неизвестна. Некоторые из них, в том числе и сам Н. И. Конрад, также оказавшийся в тюремных застенках, и его супруга – известный японовед-филолог Н. И. Фельдман-Конрад, а также их коллеги и ученики – А. Е. Глускина, И. Л. Иоффе и др. были впоследствии

освобождены и реабилитированы, но большинство погибло. Среди них Н. А. Невский, Д. М. Позднеев, Е. Д. Поливанов и др.

Новое испытание для советского японоведения, как и для всей отечественной науки, принесла Вторая мировая война, на завершающем этапе которой СССР и Япония перешли к открытому военному противостоянию – началась Советско-японская война. В этих условиях своеобразными центрами изучения Японии становятся военные учреждения, большая часть которых находилась на Дальнем Востоке, в Сибири и в Средней Азии. Там вели преподавательскую, референтскую, разведывательную, переводческую и пропагандистскую работу Б. Г. Сапожников, Г. К. Меклер, П. П. Топеха, Г. И. Подпалова и др., после войны пополнившие ряды сотрудников Отдела Японии Института Востоковедения АН СССР (ИВ АН), в 1950 г. переведенного в Москву

С 1950 по 1953 гг. Отдел возглавлял Е. М. Жуков, после расформирования Тихоокеанского института АН СССР получивший должность заместителя директора Института Востоковедения АН СССР, совмещая ее с руководством его японским подразделением, куда перешли и многие его бывшие сотрудники.

Перечисляя имена японоведов старшего поколения, работавших в Отделе Японии в 1950-е гг., следует назвать историков Х. Т. Эйдуса, А. Л. Гальперина, П. П. Топеху, В. А. Попова, Г. И. Подпалову, экономистов М. И. Лукьянову, Н. А. Ваганова и А. И. Стадниченко и др. В этот же период в Отдел пришли молодые культурологи Н. И. Чегодарь и Л. Д. Гришелева, недавние аспиранты В. А. Власов, С. Б. Маркарьянц и др. Наряду с ними в других подразделениях института Страну восходящего солнца изучала группа весьма компетентных специалистов в области филологии и лингвистики. Речь идет, прежде всего, об академике Н. И. Конраде, а также о научных сотрудниках института: литературоведах А. Е. Глускиной и В. В. Логуновой, лингвистах К. А. Попове и Н. А. Сыромятникове и др.

Послевоенное советское японоведение переживало стремительный взлет, в значительной степени расширив области исследований, теперь включавших не только историю и страноведение, но и внешнюю и внутреннюю политику, экономику, этнографию, искусствоведение, историографию, источниковедение и т.д. Смерть Сталина и «хрущевская оттепель» внесли свои новые коррективы в методологию и тематику японоведческих исследований. На события по развенчанию культа личности Н. И. Конрад откликнулся статьей «Размышления об истории культурного и научного развития человечества» [Конрад, 1974], где предпринималась попытка нового осмысления логики исторического развития, которая жарко обсуждалась в широких научных кругах.

С середины 1960-х гг. в советской японоведческой науке все очевиднее стала проявляться тенденция к «актуализации исследований». Маститые ученые, занимавшиеся проблемами феодализма, владевшие письменным языком средневековой Японии *камбун*, были вынуждены заниматься рабочим движением, компартией Японии, оппозиционными политическими движениями и т. д. В норму входят написания «аналитических записок» в инстанции. Вот почему наряду с фундаментальными работами по истории и внутренней политике Японии, выполненными в старом методологическом ключе[1], в эти годы выходит индивидуальная монография Г. И. Подпаловой «Социалистическая партия Японии» [Подпалова, 1975], книги П. П. Топехи «Рабочее движение в Японии» [Топеха, 1973], И. А. Латышева «Правящая либерально-демократическая партия Японии» [Латышев, 1967], И. К. Державина «Сока-гаккай – Комэйто. Религиозно-политическое движение в послевоенной Японии» [Державин, 1972] и т. д.

Вместе с тем, бурный экономический рост Японии, демонстрация высоких темпов индустриального развития страны придали необычайную актуальность исследованиям японской экономики. При слабеющем давлении марксистско-ленинской догматики работы того периода, если и не были с точки зрения теории новаторскими, приносили большую

[1] См.: [Эйдус, 1968; Подпалова, 1960].

практическую пользу, знакомя советского читателя и специалистов с особенностями японской экономики на макро- и микроуровнях. К ним относятся работы по японской промышленности и научно-техническому прогрессу, мелким и средним предприятиям (В. А. Власов), сельскохозяйственной кооперации (С. Б. Маркарьянц).

1970-е гг. ознаменовались приходом в японоведческую науку большого числа молодых кадров – выпускников московских и ленинградских вузов. И вскоре после этого происходит дифференциация направленности исследований – классика и древность становится прерогативой Ленинградского отделения, а современность – Москвы. Такое условное размежевание диктовалось не только географической близостью московских японоведов к властным структурам, постоянно требующим оперативной информации, но и научными пристрастиями руководителя Отдела И. А. Латышева (возглавлял Отдел Японии с 1966 по 1973 гг. и с 1979 по 1986 гг.). Свято соблюдая все партийные установки, он, человек с большим профессиональным чутьем, стремился внести новую струю в застывшие рамки советской японоведческой науки. Знаковым явлением тех лет стал выпуск первого номера ежегодника «Япония» [Япония, 1972], не прекращающийся и по сей день. Заметно активизируются и международные связи Отдела. На регулярной основе проводятся «Конференции советских и японских историков». В Японии для подготовки этих конференций создается специальный комитет историков в основном левого направления во главе с профессором Токийского государственного университета Вада Харуки. С советской стороны конференции проходят при поддержке Национального Комитета историков СССР, руководившемся академиком С. Л. Тихвинским.

Начинается активное сотрудничество Отдела Японии с ведущими японскими университетами – Хосэй, Рицумэйкан, Кэйо, а также с Международным Домом Японии в рамках т. н. безвалютных обменов учеными. Все больше сотрудников Отдела командируются в Японию для «полевых» работ, для сбора материала прямо на местах. Ответные приезды ученых из Японии, их выступления с лекциями вносят свежую струю, поднимают уровень понимания сложных страноведческих проблем. В 1979 г. Отдел получает возможность направлять сотрудников в советское посольство в Токио для координации сотрудничества с японскими научными и учебными организациями (К. О. Саркисов, Г. Ф. Кунадзе, А. И. Кравцевич).

Японоведы Института все меньше занимаются номенклатурной тематикой и все больше работ посвящаются живым проблемам, но методология не меняется – марксизм остается «священной коровой». Однако классовый подход все больше сводится к набору цитат в самом начале исследования, после чего оно ведется на основе здравого смысла и практического опыта.

1980-е гг. отмечены реакцией японоведов Отдела на бурное развитие Японии и достижение страной уровня «второй экономической державы» капиталистического мира. Это коллективная монография «Япония: смена модели экономического роста» [Лебедева, Кравцевич, 1990], сборник «Научно-технический прогресс в Японии» [Денисов, 1990], работа А. И. Кравцевича «Общественное предпринимательство в Японии» [Кравцевич, 1988] и т. д. Особенно ярко признаки «новой волны» в японоведении проявились в годы Перестройки с выходом сборника «“Дух Ямато” в прошлом и настоящем» [Латышев, Гришелева, 1989].

По-настоящему новая эпоха в работе Отдела Японии наступила после событий 1991 г. Теперь коллектив смело брался за новые научные задачи, избегая идеализации, стремился освоить новый взгляд на современную Японию. В фокусе оказалось осмысление экономических и политических процессов через призму идентичности, культурного самосознания японцев: «Демократия в Японии: опыт и уроки» [Саркисов, 1991], «Актуальные проблемы политики и экономики современной Японии» [Лебедева, Саркисов, 1991], книга Е. Л. Катасоновой «Японские корпорации: культура, благотворительность, бизнес» [Катасонова, 1992] и др., Это перечисление венчает этапная работа в деятельности Отдела – коллективная монография «Японский феномен» [Саркисов, 2013]. Одновременно создается

ряд фундаментальных трудов по экономике, политике и истории, написанных по-новому. Это исследования И. П. Лебедевой «Японские корпорации: стратегия развития, финансово-организационные аспекты» [Лебедева, 1995], Д. В. Стрельцова «Современный японский парламент» [Стрельцов, 1994], Э. В. Молодяковой – «Япония: профсоюзы и общество» [Молодякова, 1994], коллективная монография «Япония 90-х: кризис системы или временные сбои?» [Лебедева, Кравцевич, 1998] и, наконец, двухтомная История Японии под ред. А. Е. Жукова [Жуков, 1939] – учебное пособие для студентов, актуальное и сегодня.

В первой половине 1990-х гг. на базе Отдела Японии был сформирован Центр японских исследований, первым руководителем которого стал К. О. Саркисов. Он же явился создателем и первым Председателем Всероссийской Ассоциации японоведов (ныне Ассоциация японоведов), которая особенно успешно действует в последние годы. Однако над японоведением нависла новая угроза – проблема выживания в условиях резкого снижения уровня социальной и материальной обеспеченности и, как результат, оттока кадров в Японию и на практическую работу. К чести сотрудников Центра следует отметить, что наиболее сложный период в истории японоведения Института они выдержали. Издавалось большое количество книг, сразу несколько сотрудников отдела – И. Л. Тимонина, Е. Л. Катасонова, И. П. Лебедева защитили докторские диссертации. В последнее время наблюдается возвращение в Отдел тех, кто его покинул в теперь уже в далекие годы Перестройки.

В нулевые годы нового столетия и по сегодняшний день, несмотря на трудности существования отечественной науки в целом и японоведения в частности, активность японоведческих исследований сохранялась. Были издано много новых исследований, в том числе коллективные монографии: «Япония и современный мировой порядок» [Лебедева, Жуков, 1992], «Портрет современного японского общества» [Молодякова, 2005], «Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы» [Молодякова, 2003], «Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии» [Молодякова, Маркарьян, 2004], «Япония: опыт модернизации» [Молодякова, 2011] и др., раскрывающие наиболее актуальные проблемы современной Японии. На протяжении почти 15 лет вплоть до своей кончины в 2016 г. главным редактором этих изданий (проектов) являлась известный российский японовед, руководитель Центра японских исследований Э. В. Молодякова, которая не только обладала высоким профессионализмом ученого, но и великолепно чувствовала потребности времени и умела ответить на них. Так появилась написанная ею в соавторстве с С. Б. Маркарьян и В. Э. Молодяковым «История Японии. XX век» [Молодякова, Маркарьян, Молодяков, 2007]. Об этом же свидетельствует и выпущенный Отделом уже после ее кончины сборник статей Э. В. Молодяковой «Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные работы 2000–2016» (под ред. Е. Л. Катасоновой) [Молодякова, 2017].

Не менее многочисленны и разнообразны индивидуальные монографии сотрудников Центра, написанные и изданные в эти годы. Это «Система государственного управления Японии в послевоенный период» Д. В. Стрельцова [Стрельцов, 2002], «Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав» [Катасонова, 2004] и «Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений» Е. Л. Катасоновой [Катасонова, 2005], «Литературная жизнь Японии между двумя Мировыми войнами» Н. И. Чегодарь [Чегодарь, 2004], «Малый бизнес в Японии» [Чегодарь, 2004], «Япония: промышленность и предпринимательство (вторая половина XX – начало XXI в.» [Лебедева, 2007] и «Глобализация японского промышленного производства» И. П. Лебедевой [Лебедева, 2012] и т. д. И, наконец, одни из последних печатных работ, выпущенных в Центре японских исследований, – это «Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры» Е. Л. Катасоновой [Катасонова, 2012] и «Законодательные уложения Сэнгоку даймё: исследования и переводы» С. А. Полхова [Полхов, 2015]. Даже этот далеко не полный перечень работ свидетельствует о том, что российская школа японоведения верна традициям своих славных предшественников и

успешно развивается и в наши дни благодаря активности, энтузиазму и большому потенциалу ученых Центра японских исследований.

Литература / References

Денисов Ю. Д. (ред.). *Научно-технический прогресс в Японии.* М., 1990 [Denisova Y. D. (red.). *Nauchno-tehnicheskyi progress v Yaponii.* Moscow, 1990].

Державин И. К. *Сока-гаккай – Комэйто. Религиозно-политическое движение в послевоенной Японии.* М., 1972 [Derzhavin I. K. *Soka-gakkai – Komeito. Religiozno-politicheskoe dvizhenie v poslevoennoi Yaponii.* Moscow, 1972].

Жуков Е. М. *История Японии: краткий очерк.* М., 1939 [Zhukov E. M. *Istoriya Yaponii: kratkiy ocherk.* Moscow, 1939].

История Японии в 2-х т. Учебное пособие под ред. А. Е. Жукова. М., 1992 [*Istoriya Yaponii v 2-h tomah.* Uchebnoe posobie pod redaktsiei A. E. Zhukova. Moscow, 1992].

Катасонова Е. Л. *Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений.* М., 2005 [Katasonova E. L. *Poslednie plenniki Vtoroi mirovoi voiny: maloizvestnye stranitsy rossiysko-yaponskih otnosheniy.* Moscow, 2005].

Катасонова Е. Л. *Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав.* М., 2004 [Katasonova E. L. *Yaponskie voennoplennye v SSSR: bol'shaya igra velikih derzhav.* Moscow, 2004].

Катасонова Е. Л. *Японские корпорации: культура, благотворительность, бизнес.* М., 1992 [Katasonova E. L. *Yaponskie korporatsii: kul'tura, blagotvoritel'nost', biznes.* Moscow, 1992].

Катасонова Е. Л. *Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры.* М., 2012 [Katasonova E. L. *Yapontsy v real'nom i virtual'nom mirah: ocherki sovremennoi yaponskoi massovoi kul'tury.* Moscow, 2012].

Конрад Н. И. *Избранные труды. История.* Составитель Н. И. Фельдман-Конрад. М., 1974 [Konrad N. I. *Izbrannye trudy. Istoriya.* Sostavitel N. I. Feldman-Konrad. Moscow, 1974].

Конрад Н. И. Размышления об истории культурного и научного развития человечества // Конрад Н. И. *Избранные труды. История.* М., 1974. С. 283–289 [Konrad N. I. Razmyshleniya ob istorii kul'turnogo i nauchnogo razvitiya chelovechestva // Konrad N. I. *Izbrannye trudy. Istoriya.* M., 1974. Pp. 283–289].

Кравцевич А. И. *Общественное предпринимательство в Японии.* М., 1988 [Kravtsevitch A. I. *Obschestvennoe predprinimatel'stvo v Yaponii.* Moscow, 1988].

Латышев И. А. *Правящая либерально-демократическая партия Японии.* М., 1967 [Latyshev I. A. *Pravyaschaya liberal'no-demokraticheskaya partiya Yaponii.* Moscow, 1967].

Латышев И. А., Гришелева Л. Д. (ред.). *«Дух Ямато» в прошлом и настоящем.* М., 1989 [Latyshev I. A., Grishelyova L. D. (red.). *"Duh Yamato"v proshlom I nastoyaschem.* Moscow, 1989].

Лебедева И. П. *Глобализация японского промышленного производства.* М., 2012 [Lebedeva I. P. *Globalizatsiya yaponskogo promyshlennogo proizvodstva.* Moscow, 2012].

Лебедева И. П. *Япония: промышленность и предпринимательство (вторая половина XX – начало XXI в.* М., 2007 [Lebedeva I. P. *Yaponiya: promyshlennost' i predprinimatel'stvo (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.).* Moscow, 2007].

Лебедева И. П. *Японские корпорации: стратегия развития: финансово-организационные аспекты.* М., 1995 [Lebedeva I. P. *Yaponskie korporatsii: strategiya razvitiya: finansovo-organizatsionnye aspekty.* Moscow, 1995].

Лебедева И. П., Жуков А. Е. (ред.). *Япония и современный мировой порядок.* М., 1992 [Lebedeva I. P., Zhukov A. E. (red.). *Yaponiya i sovremennyi mirovoi poryadok.* Moscow, 1992].

Лебедева И. П., Кравцевич А. И. (ред.). *Япония 90-х: кризис системы или временные сбои.* М., 1998 [Lebedeva I. P., Kravtsevich A. I. (red.). *Yaponiya 90-h: krizis sistemy ili vremennye sboi.* Moscow, 1998].

Лебедева И. П., Кравцевич А. И. (ред.). *Япония: смена модели экономического роста.* М., 1990 [Lebedeva I. P., Kravtsevich A. I. (red.). *Yaponiya: smena modeli 'economicheskogo rosta.* Moscow, 1990].

Лебедева И. П., Саркисов К. О. (ред.). *Актуальные проблемы политики и экономики современной Японии.* М., 1991 [Lebedeva I. P., Sarkisov K. O. (red.). *Aktual'nye problem politiki I 'ekonomiki sovremennoy Yaponii.* Moscow, 1991].

Молодякова Э. В. (ред.). *Портрет современного японского общества.* М., 2005 [Molodyakova 'E. V. (red.). *Portret sovremennogo yaponskogo obschestva.* Moscow, 2005].

Молодякова Э. В. (ред.). *Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы.* М., 2003 [Molodyakova 'E. V. (red.). *Yaponiya vtoroy poloviny XX veka: problemy i sud'by.* Moscow, 2003].

Молодякова Э. В. (ред.). *Япония: опыт модернизации.* М., 2011 [Molodyakova 'E. V. (red.). *Yaponiya: opyt modernizatsii.* Moscow, 2011].

Молодякова Э. В. *Япония: профсоюзы и общество.* М., 1994 [Molodyakova 'E. V. *Yaponiya: profsoyuzy i obschestvo.* Moscow, 1995].

Молодякова Э. В. *Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные работы 2000–2016*. Сборник статей Э. В. Молодяковой под ред. Е. Л. Катасоновой. М., 2017 [Molodyakova 'E. V. *Yaponiya: total'naya pobeda konservatorov. Izbrannye raboty 2000–2016*. Sbornik statei 'E. V. Molodyakovoi pod red. E. L. Katasonovoi. Moscow, 2017].

Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. (ред.). *Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии.* М., 2004. [Molodyakova 'E. V., Markarian S. B. (red.). *Rossiya i Yaponiya: sosedi v novom tysyacheletii.* Moscow, 2004].

Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б., Молодяков В. Э. *История Японии. XX век.* М., 2007 [Molodyakova 'E. V., Markarian S. B., Molodyakov V. 'E. *Istoriya Yaponii. XX vek.* Moscow, 2007].

Подпалова Г. И. *Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII — начале XVIII вв.* М., 1960 [Podpalova G. I. *Krestianskoe petitsionnoe dvishenie v Yaponii vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII vv.* Moscow, 1960].

Подпалова Г. И. *Социалистическая партия Японии (1945–1972).* М., 1975 [Podpalova G. I. *Sotsialisticheskaya partiya Yaponii (1945–1972).* Moscow, 1975].

Полхов С. А. *Законодательные уложения Сэнгоку даймё: исследования и переводы*. М., 2015 [Polhov S. A. *Zakonodate'nye ulozheniya C'engoku daimyo: issledovaniya i perevody*. Moscow, 2015].

Саркисов К. О. (ред.). *Демократия в Японии: опыт и уроки («Круглый стол» сов. японоведов).* М., 1991 [Sarkisov K. O. (red.). *Demokratiya v Yaponii: opyt i uroki ("Kruglyi stol" covetskih yaponovedov).* Moscow, 1991].

Саркисов К. О. (ред.). *Японский феномен.* М., 2013 [Sarkisov K. O. (red.). *Yaponskiy fenomen*. Moscow, 2013].

Стрельцов Д. В. *Система государственного управления Японии в послевоенный период.* М., 2002 [Strel'tsov D. V. *Sistema gosudarstvennogo upravleniya Yaponii v poslevoennyi period.* Moscow, 2002].

Стрельцов Д. В. *Современный японский парламент.* М., 1994 [Strel'tsov D. V. *Sovremennyi yaponskiy parlament.* Moscow, 1994].

Топеха П. П. *Рабочее движение в Японии.* М., 1973 [Topeha P. P. *Rabochee dvizhenie v Yaponii.* Moscow, 1973].

Чегодарь Н. И. *Литературная жизнь Японии между двумя Мировыми войнами.* М., 2004 [Chegodar' N. I. *Literaturnaya zhizn' Yaponii mezhdu dvumya Mirovymi voinami*. Moscow, 2004].

Чегодарь Н. И. *Малый бизнес в Японии.* М., 2004 [Chegodar' N. I. *Malyi biznes v Yaponii.* Moscow, 2004].

Эйдус Х. Т. *История Японии с древнейших времен до наших дней.* М., 1968 ['Eidus H. T. *Istoriya Yaponii s drevneishih vremen do nashih dnei*. Moscow, 1968].

Япония. Ежегодник. М., 1972 [*Yaponiya. Ezhegodnik*. Moscow, 1972].

СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ И ВЛАСТЬ НАД НАСЕЛЕНИЕМ (К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИЯХ ЗАПАДА И ВОСТОКА)

Л. Б. Алаев[*]

Принято считать, что основным отличием общественного строя средневековой Западной Европы от традиционных обществ Востока служило преобладание разных форм собственности на землю: частной в Европе и государственной в империях Азии. Автор доказывает, что, если частная собственность на землю созрела в Европе постепенно, к концу Средних веков, то на Востоке преобладала *власть-собственность*, и частная собственность не развивалась. Причиной этого различия, которое привело к разнице в судьбах континента, послужило разное отношение к *праву:* права на землю на Востоке не закреплялись законодательно.

Ключевые слова: государственная собственность, частная собственность, собственность на землю, Восток и Запад, Древняя Греция, Китай, Индия, средневековая Европа, власть.

PROPERTY IN LAND AND POWER OVER POPULATION (TO THE QUESTION OF DIFFERENCES BETWEEN EAST AND WEST)

Leonid B. Alayev

It is commonly assumed that the social structure of Medieval Western Europe differed from conditions in the traditional countries of the East because different forms of landed property dominated: in Europe, private ownership; in Asian empires, state property. The author argues that private property in Europe ripened gradually only towards the end of Middle Ages. In the East *power-ownership* prevailed, hindering the development of private property due to a different regard to law; here, neither private nor state land rights were enshrined in legislation.

Keywords: state property, private property, land property, East and West, Occident and Orient, Ancient Greece, China, India, medieval Europe, authority.

Одна из трудностей, с которой сталкиваются историософы, пытаясь решить вопрос о том, чем и почему отличаются Восток и Запад, состоит в том, что к Востоку применяется понятийный аппарат, выработанный в ходе изучения западных обществ, т.е. этот аппарат принимается как универсальный. Это вполне объяснимо и закономерно, поскольку именно по этому маршруту развивалась вся гуманитарная наука Европы, а за ней – также и гуманитарная наука незападных стран (в той мере, в какой она вообще возникла и получила самостоятельное бытие). Это одно из проявлений *ориентализма*, как его понимал Э. Саид [Саид, 2006].

Надо осознать этот **недостаток** европейского обществоведения, который следовало бы по возможности изживать. Наше мышление забито стереотипами и терминами, лишь по видимости несущими однозначное понимание. К ним относятся такие понятия, как *государство, собственность, рента-налог, знать, духовенство, крестьянство* и многие другие. Эти термины применяются к явлениям, которые не идентичны европейским реалиям, обозначаемым теми же словами.

В нашем постсоветском обиходе эта черта европейской науки особенно выпукла, поскольку мы пропитаны марксизмом, который являлся и является наиболее ярким

[*] Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alaev_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAYEV, DSc, Principal Research Fellow, Professor, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alaev_leonid@mail.ru

проявлением европоцентризма, или ориентализма. Достаточно сказать, что понятие «азиатского способа производства» было введено К. Марксом не для того, чтобы подчеркнуть особенность азиатских обществ, а, напротив, чтобы вставить Восток в единую схему смены формаций в качестве ее первого этапа, предшествовавшего античности (рабовладению).

Здесь мы коснемся только одного аспекта вестернизации понятийного аппарата, применяемого к Востоку, а именно употребления понятия ***собственность***, в том числе ***государственная собственность***, применительно прежде всего к земле. Избыточное внимание к категории *собственность* в отечественной науке обусловлено теми же остатками марксизма, о которых говорилось выше. Мы привыкли считать, что **тип собственности** (общинная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная, общенародная) определяет весь строй общества (правда, никто не формулировал, что такое *тип собственности*). Точно так же для нас была крайне важна **форма** собственности (частная, кооперативная, государственная). Необходимо было знать, в чьей *собственности* находились «*орудия и средства производства*», а кто был лишен этих самых средств. Историки исходили из того, что чья-либо *собственность* непременно существует, надо только ее обнаружить. Сами того не осознавая, они находились на уровне средневекового (феодального) юриста, который когда-то изрек: «Нет земли без хозяина!»

Тезис, что Запад и Восток отличаются прежде всего господствующей формой собственности на землю, – частной на Западе и государственной на Востоке, прочно утвердился в отечественной науке и, казалось бы, сомнению не подлежит. Однако несомненно и то, что отчуждение и перераспределение материальных ценностей может происходить (и на протяжении истории большей частью происходило) не на основе **права** собственности, а на основе прямого принуждения (с применением силы и/или идеологического угнетения). На Востоке, как правило, нет **права** собственности ни у государя, ни у подданного. «*Государственная собственность»* в наших сочинениях о традиционных обществах – это попытка определить некую реальность через другую реальность, чуждую этому обществу. Это европоцентризм.

Не стоит преувеличивать роль частной собственности и на Западе (в античности и раннем средневековье). Расхожее мнение, что европейская экономика, начиная с периода Античности, базировалась на частной собственности на землю, просто неверно. Подобные утверждения, например, высказывались Л. С. Васильевым, который считал, что «*антично-буржуазный строй*» просуществовал в Западной Европе начиная с древности до современности. Он настойчиво убеждал читателя, что для античного общества была характерна полная неограниченная частная собственность [Васильев, 2007, с. 16, 422, 429, 436, 440]. Непонятно, как можно было утверждать подобное, зная, что земля считалась собственностью города (*полиса,* общины). И в Греции, и особенно в Риме значительная часть земли оставалась в общей собственности города (ager publicus). Как можно говорить о свободной частной собственности, если в Афинах был «*установлен земельный максимум*» [Васильев, 2007, с. 360, 378], а до Солона имущество умершего становилось собственностью филы [Васильев, 2007, с. 307]? Спартиаты вообще отрицали свою частную собственность [Васильев, 2007, с. 305]. Автор сообщает, что тираны Кимпсел и Periандр изгнали из Коринфа «всех аристократов, конфисковав их земли и раздав их неимущим» [Васильев, 2007, с. 300]. Земли отбирались и позже [Васильев, 2007, с. 308]. Как в данных случаях обстояло дело с уважением к правам частной собственности?

Представление о европейском средневековье сложилось в период, который мы сейчас называем Ранним Новым временем. Оно отражает не столько средневековую реальность, сколько представление об этой реальности мыслителей Возрождения [Одиссей, 2006; Феодализм, 2008]. Специалисты **перестали находить феодализм** в изучаемых ими странах [Reynolds, 1994]. Требуют пересмотра как раз представления о частной собственности. И. В. Дубровский присоединяется к выводам С. Рейнольдс: «Представление о вассалитете сложилось в те историографические времена, когда отрицали существование в Средние века

политической власти и всякого понятия о публичном». «Понятием вассалитета нередко стремятся описать нормальные отношения между правителем и подданными», патроном и клиентом, землевладельцем и держателем, нанимателем и слугой, военным предводителем и солдатом [Дубровский, 2006, с. 53].

Само слово *феод*, на которое часто ссылаются как на признак существования феодальных отношений (и на отсутствие соответствующего слова в других языках как на свидетельство отсутствия феодализма) в германских языках означало «*богатство, деньги, скот*». Где-то в районе 1000 г. это слово приобрело значение «*дарение, вознаграждение, плата*». «В качестве земельного пожалования феод нередко подразумевает собой в это время (около 1000 г. – *Л. А.)* род собственности, которой наделяются графы, виконты, викарии и другие высокопоставленные представители власти из фонда публичных (фискальных) земель, отчего слово fiscus оказывается обычным синонимом феода, а сами пожалования привязаны к административному делению на графства, викарии и затем кастелянства».

Изменение происходит в XIII в. Феод уже собственность знатного лица, отличная от других наследственных владений. Но *феодал* (в буквальном смысле – владелец *феода*) все еще не имеет права свободно отчуждать феод, должен получить санкцию на продажу. Феод может быть конфискован, если его владелец не служит. В Англию *феод* занесли норманны, он стал обозначать любую полную собственность. И. В. Дубровский утверждает, что только с этого времени социальная структура начинает зиждиться на системе земельных отношений, однако и тогда «Сеньориальный строй не основывался на системе поземельных отношений в той степени, как это было в позднее Средневековье. Власть существовала, так сказать, в чистом виде – не будучи опосредованной поземельными правами, не выступая в их облике. Власть в этом мире – она и есть власть». «Никогда до XIII в. феод не обозначал собственности знати как таковой; некой особой благородной собственности до тех пор вообще не существовало» [Дубровский, 2006, с. 52–53, 55–58]. Дубровский цитирует французского историка А. Герро, который утверждал, что в так называемые Средние века преобладала система «глобального господства», и лишь «упразднение глобального господства (к XVIII в. – *Л. А.)* позволило выделить внутри феодальных отношений право собственности, и светские аристократы **незаметно** (выделено мной – *Л. А.*) превратились в землевладельцев» [Одиссей, 2006, с. 101]. Само слово *феодализм,* по утверждению Ф. Броделя, родилось в битвах Французской революции [Бродель, 1988, с. 221].

Возникает картина, напоминающая ту, что демонстрируют нам средневековые азиатские империи, а именно практика выдачи из казны ассигновок на сбор налогов при условии военной службы (*икта, тимары, зеаметы, союргалы, тиули, джагиры* и проч.) которую отечественные востоковеды называют *военно-ленной системой.*

Европа в Средние века тоже начинала с власти над населением, которая постепенно перешла в собственность на землю без власти над людьми, а на Востоке этого не произошло. Подробно останавливаться на причинах этого здесь не место, но кратко сформулировать основную разницу, как мне кажется, можно. Это разная роль **права** в жизни социума. На Западе еще со времен Рима пытались права граждан зафиксировать в законах и постановлениях, а в азиатских обществах права даже государства, не говоря уже об индивидуумах, оставались на уровне обычаев, понятий, принятых практик.

Применяя к отношениям на Востоке термин *собственность* (*ownership, property, das Eigentum, la propriété*), мы попадаем в лингвистическую ловушку, которая искажает понимание института. В Европе эти слова возникли для обозначения именно не всеобщей, а индивидуальной, *особенной, обособленной* собственности. В них явно звучат *соб-, особ-, own-, eigen-*. Они одновременно означают «свойство [человека]» и «дом», «поместье». В Европе государство со временем овладело многими активами, не говоря уже о том, что явился так называемый *реальный социализм*, где почти все стало государственным, а частная собственность была юридически запрещена. В юриспруденции появились помимо *физических* еще и *юридические лица*, «лица», которые нормального лица не имеют.

Юристам, может быть, удобно счесть фирму или государство *как бы человеком, юридическим лицом,* и тем самым навести порядок в своем терминологическом хозяйстве, но у историков другие задачи. При изучении социальных систем есть опасность наименования институтов по аналогии с другими, играющими в других системах схожие, но *иные* роли. Это относится к понятиям *государственная собственность*, *общенародная собственность*, *коллективная собственность* и т. п.

Приравнивая государство, имеющее множество **лиц** даже в самой централизованной деспотии, к одному особому лицу, мы невольно ожидаем от него поведения **собственника, хозяина.** Между тем государство имеет отличные от частного хозяина цели. Его критерии успешного «хозяйствования» совсем другие. Не говоря уже о том, что эти критерии у разных представителей государства не одинаковые.

Неприменимость к традиционным обществам современного понятия частной собственности уловил даже Энгельс, который, конечно, разделял точку зрения Маркса на собственность как форму производственных отношений. Он высмеивал британских юристов, которые считали своей задачей четко и однозначно выяснить, «*кто здесь собственник*», подобно тому, «как тщетно ломал себе голову блаженной памяти князь Генрих LXXII Рейс-Грейц-Шлейц-Лобенштейн-Эберсвальде над вопросом “Кто здесь ночной сторож”» [Маркс, Энгельс, 1961, с. 181].

«Государственная собственность на землю» (в смысле *на всю* землю) юридического оформления не имела, т. к. правителю – восточному деспоту – принадлежало всё. Но этим своим достоянием он не мог распорядиться как частное лицо. Он не мог его продать, заложить, даже сдать в аренду, потому что все частные хозяйчики и так платили ему ренту за то, что живут на его земле. Чем он действительно владел – это возможностью взимать налог и распоряжаться этим налогом. И это право он мог жаловать, конфисковать и даже продавать. Собственность находилась в пользовании налогоплательщиков. Она так называлась (*милкият*, *свамитва*, *свамья*, *ватан, минь тянь*), и она таковой выступала на практике, она «кормила» и власть, и того, кому эта власть переуступила право собирать налог.

Были земли, клин земель, считавшихся принадлежащими государству (*мири* – в Османской империи; *гуань-тянь* – в Китае, *хас, халисе* – в Индии), но и на этих землях государству принадлежала не сама земля (её мог возделывать тот, кто на ней жил, кому она была дана в награду), а налог с нее. Помимо этих «*закрепленных*» государством для себя земель[1] имелись другие, именно налог с которых военачальники могли оставлять себе в качестве жалованья. Отношения по распределению налога я называю в своих работах *верховной собственностью,* или *собственностью на территорию с подвластным населением.* Права же на землю, которыми обладали налогоплательщики, в таком случае можно называть *низовой,* или *податной* собственностью – эти права в более позднее время сравнимы с правом арендатора.

Сосуществование двух комплексов прав на землю замечено и в других странах Востока: в Халифате [Надирадзе, 1970], арабских странах Нового времени [Смилянская, 1979], Камбодже [Спекторов, 1979], Китае [Тяпкина, 1984]. В Китае «*двухслойность»* прав на землю получила терминологическое выражение. Правда, те права, которые мы называем *верховной* собственностью, китайцы считали правом на *нижний* слой земли (*тяньди*), а имуществом частного землевладельца – ее *верхний* слой, почву [Непомнин, 1980, с. 44]. Только в очень приблизительном европейском переводе это будет обозначать: пользование, распоряжение и владение.

Среди исследователей нет единства относительно содержания понятия собственность. Смысловой диапазон меняется от полного отрицания *государственной* собственности как собственности до непризнания собственности в частном виде под сенью государственной мощи.

О. Е. Непомнин признает существование в Китае двух систем имущественных отношений: государственной и частной; двух различных классов «*феодалов*»; двух форм

[1] *Халисе – «особое», «чистое».* Аналогия русскому *опричнина.*

изъятия прибавочного продукта – ренты-налога и частной земельной ренты. В конструируемой им социально-экономической схеме традиционного Китая взаимодействуют «два господствующих класса – верховный и частнофеодальный»; крупные и средние землевладельцы «составляли “второй” феодальный эксплуататорский класс» [Непомнин, Иванов, 2010, с. 27, 33–38]. Но при этом *второй* господствующий класс *собственностью* на землю не обладает, он состоит только из *владельцев* земли.

В западных востоковедных работах в последние десятилетия стали различать property in land, в руках налогоплательщиков, и control of land, которым пользовались государи. Можно это переводить буквально: контроль над землею; можно подобрать русское слово, например, *господство, верховенство*. Важно различать эти два права не только по его субъекту (частное лицо, государь), но и по его внутреннему содержанию (т. е. право собственности не гарантировано законом, а может быть пересмотрено государем).

В тамильских государствах Юга Индии эти два вида прав получили четкое терминологическое различие. Право на налог называлось *миятчи* (*верхняя власть-собственность*), право плательщика налогов называлось *каранмей* (*черное владение)*, в XIV–XVIII вв. замененное на *каниятчи («наследственная власть-собственность»)*[2]. Слово *атчи*, составляющее главную часть этих двух терминов, как раз и означает и *власть, господство,* – и *собственность.* Поиски «правильного» перевода испытывают затруднения, нет полного соответствия смысла понятий, означающих правовые отношения, в индийских и европейских языках. Дункан Дерретт, автор трехтомника по индусскому праву, пришел к выводу, что в Индии могут быть несколько собственников вещи, «владеющие не просто долей, но **равновеликими** правами **разного** характера» [Derrett, 1997, p. 13]. Дональд Дэвис, изучавший много лет правовую систему традиционной Keралы, тоже не смог описать ее в европейских понятиях: «Таким образом, я отхожу от западной концепции собственности как абсолютного доминирования индивидуума, чтобы исследовать разветвления народных отношений к земле в социальном строе Кералы». И он же: «Какой смысл называть собственником владельца некоторых прав на вещь, а собственника других прав на ту же вещь – как-нибудь иначе, чем “собственник”» [Davis, 2004, p. 14, 20, 69].

В индийских языках нет слова ***право*** ни в значении *jus* (справедливость, права человека), ни в значении *lex* (правовой порядок) [Rocher, 1977]. Слово *дхарма* крайне многозначно. Это некие общие законы мироздания, установленный порядок, которым должен следовать каждый индус от царя до последнего неприкасаемого, но *дхарма* состоит из *ачара* (практические правила) и *марьяда* (тоже «правила», обычай) [Davis, 2004, p. 112].

Изучить сложную систему перекрещивающихся и налагаемых друг на друга прав (в смысле принятых обычаев) в Индии довольно трудно. В качестве примера приведем данные из нескольких дарственных грамот династии Личчхави, правившей в Непале в первые века н. э.[3] Эти грамоты иногда указывают на обязанности царя осуществлять «*верховенство дхармы*» [№75, 83]. Но подчиняться следует царскому указу (*аджна*), а тот, кто не подчиняется, – «*нарушитель правил*» (*марьяд-абхангакарин*) [№66]. В другой надписи утверждается, что «правила», или «обычаи» «устанавливаются царем» (*нарапати крта-марьяда*) [№78, 97]. Еще один указ разъясняет, что царь составляет «комплекс правил» (*марьяда бандха*), который следует использовать в «будущем», «при совершении дарений домов, полей и другого имущества» [№ 81].

Основная трудность изучения раннесредневекового индийского государства заключается в том, что взаимоотношения между участниками социально-политической жизни **не были регламентированы**. Власть царя, да и мелкого князя не ограничивалась

[2] Подробнее см.: [Алаев, 2018, с. 56–72].

[3] Воспользуюсь собранием непальских надписей, созданным недавно ушедшим от нас Д. Н. Лелюхиным (1956–2014) и помещенным на сайте Института востоковедения [Лелюхин Д. Н. *Индийская Эпиграфика.* URL: http://indepigr.ivran.ru/ (дата обращения 20.04.2018)]. Номера надписей в нижеследующем тексте даются по собранию Лелюхина.

законом. С этой точки зрения она вполне отвечает понятию «деспотизм». Но не были ограничены также и права общин. Они могли вершить правосудие и вмешиваться в дела, с нашей точки зрения исключительно государственные, – например, устанавливать «справедливые» ставки налогов с самих себя. И то же общество при таком подходе выглядит общинным.

Иногда эта многофакторность индийской политики находит прямое отражение в надписях. Например, в 959 г. в надписи князя династии Алупа в Южном Канаре формулируется максима: есть три силы, стоящие на защите *дхармы* и способные защитить дарение, – царь, окружная община и городская община (*дхармmаванну арасу наду накхара палиси бахару*) [SII, VII, p. 165, no.134]. В другой надписи из Белгаума от 980 г. изложена целая система «сдержек и противовесов», работавшая в индийской глубинке: деревенское собрание (*ур*) и настоятели храма (*стхана-ачарья)* должны совместно охранять дарения от вмешательства «царей»; *стхана-ачарьи* должны защищать храмовую собственность от покушений со стороны *ура*; *ур* должны беречь храмовую собственность от расхищения *стхана-ачарьями* [EI, XVI, p. 9, no.1].

Если собственность существует в условиях отсутствия *права собственности*, она приобретает совершенно иной характер. Л. С. Васильев выдвинул и отстаивал тезис, что на Востоке *власть* была первична, а *собственность* – вторична, что имущественные отношения между государством и частным лицом укладываются в формулу **власть-собственность**, где первому элементу формулы следует придать решающее значение [Васильев, 1982, с. 60–99; Васильев, 2007, с. 137–141]. Этот тезис, конечно, надо взять за основу, но снабдить его некоторыми уточнениями.

Во-первых, как показано выше, в Западной Европе в Средние века тоже крупная частная собственность на землю развилась из права управления и сбора налогов. Это же относится и к России. Соединение собственности на землю и власти над населением характеризует крупную земельную собственность повсюду в тех странах, которые мы считаем феодальными [Гуревич, 1968, с. 97–99; Гуревич, 1970, с. 44–46, 59; Павлов-Сильванский, 1988, с 288–290].

Во-вторых, *власть* выступала первопричиной не только крупной собственности, так называемых военных ленов, но являлась непременной составляющей и низовой собственности, владельцев самой земли. Вообще понятия «власть» и «собственность» долгое время не различаются. Выше обращалось внимание на то, что тамильское, например, *атчи* означало одновременно и «власть», и «собственность», причем первое значение со временем стало основным. *Ур-атчи*, означавшее в Средние века «деревенскую собственность», в том числе земли, сейчас употребляется как наименование здания аппарата местного самоуправления. В древних индийских текстах *свамин* – это и «хозяин», индивидуальный собственник, и *государь*. В арабском *мулк* – это и неограниченная власть, и безусловная собственность. *Малик* – это и *собственник,* и *господин*, в том числе халиф или султан (правда, в данном случае точное значение зависит от долготы звука «и»). Таким образом, понятие «власть-собственность» может быть отнесено и к правам общинников (*ватандары, мирасдары*, *арбаб-и-замин, каниятчикары* – в Индии; «крупные и средние дворы» – в Китае; *дехкане* – на Ближнем и Среднем Востоке). Источники сообщают, что они могли быть довольно крупными землевладельцами, обладавшими серьезной властью в масштабах макрообщин.

Таким образом, употребление слов *собственность* и *право* применительно к реалиям традиционного Востока без уточнения, как власть относилась к праву и собственности, не может адекватно отразить тогдашнюю действительность. «Государственная собственность на землю» при ближайшем рассмотрении оказывается «собственностью» не на землю, а на налог, синонимом государственной *власти. Право* на налог никак не закреплено и рушится при смене государства/династии. Ч*астная собственность* на свою наследственную землю общинника-налогоплательщика снабжена многими правами (наследования, отчуждения), но при отсутствии важнейшего права – защиты от государственного вмешательства. Она тоже не

имеет юридического закрепления, а потому неспособна перейти от власти над неполноправным населением общины к свободным отношениям «собственник – держатель». Получается, что называть все эти отношения просто *собственностью*, в том числе и *властью-собственностью,* нерелевантно. Достаточно и одной **власти.** Это понятие охватывает все отношения по поводу имущества всех слоев социума.

Литература / References

Алаев Л. Б. *Южная Индия: Общинно-политический строй VI–XIII вв.* М., 2018 [Alaev L. B. *Yuzhnaya India: Obschinno-politicheskii stroy 6th – 13th vekov.* Moscow, 2018].

Васильев Л. С. Феномен власти-собственности (К проблеме типологии докапиталистичеких структур) // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века.* М., 1982. С. 60–99 [Vasilyev L. S. Fenomen vlasti-sobstvennosti (K probleme tipologii dokapitalisticheskih struktur) // *Tipy obschestvennyh otnosheniy na Vostoke v sredniye veka.* Moscow, 1982. Pp. 60–99].

Васильев Л. С. *Всеобщая история.* Том I. *Древний Восток и античность.* М., 2007 [Vasilyev L.S. *Vseobschaya Istoriya.* Tom I. *Drevniy Vostok i antichnost'.* Moscow, 2007].

Гуревич А. Я. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // *Вопросы истории.* 1968. №4. С. 97–103 [Gurevich A. Ya. Problema zemel'noy sobstvennosti v dofeodal'nyh i rannefeodal'nyh obschestvah Zapadnoy Evropy // *Voprosy istorii.* 1968. 4. Pp. 97–103].

Гуревич А. Я. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе.* М., 1970 [Gurevich A. Ya. *Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoy Evrope.* Moscow, 1970].

Дубровский И. В. Как я понимаю феодализм // *Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков.* М., 2006. С. 50–62 [Dubrovskiy I. V. Kak ya ponimayu feodalizm // *Odissey. Chelovek v istorii. 2006. Feodalizm pered sudom istorikov.* Moscow, 2006. Pp. 50–62].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения.* Т. 20. М., 1961 [Marks K., 'Engels F. *Sochineniya.* T. 20. Moscow, 1961].

Надирадзе Л. И. Проблема государственной собственности на землю в Халифате в VII–VIII вв. // *Арабские страны. История. Экономика.* М., 1970 [Nadiradze L. I. Problema gosudarstvennoy sobstvennosti na zemlu v Halifate v 7th – 8th vv. // *Arabskiye strany. Istoriya. Economika.* Moscow, 1980].

Непомнин О. Е. *Социально-экономическая история Китая. 1894–1914.* М., 1980 [Nepomnin O. E. *Sotsial'no-'ekonomicheskaya istoriya Kitaya. 1894–1914.* Moscow, 1980].

Непомнин О. Е., Иванов Н. А. *Типология азиатских обществ.* Учебное пособие. М., 2010 [Nepomnin O. E., Ivanov N. A. *Tipologiya aziatskih obschestv.* Uchebnoye posobiye. Moscow, 2010].

Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. М., 2006 [*Odissey. Chelovek v istorii. 2006. Feodalizm pered sudom istorikov.* Moscow, 2006].

Павлов-Сильванский Н. П. *Феодализм в России.* М., 1988 [Pavlov-Sil'vanskiy N. P. *Feodalizm v Rossii.* Moscow, 1988].

Саид Э. В. *Ориентализм. Западные концепции Востока.* СПб., 2006 [Said, Edvard V. Saint Petersburg, 2006].

Смилянская И. М. *Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени.* М., 1979 [Smilyanskaya I. M. Sotsialno-'ekonomicheskaya struktura stran Blizhnego Vostoka na rubezhe novogo vremeni. Moscow, 1979].

Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола. Москва, 25 апреля 2005 г. М., 2008 [*Feodalizm: ponyatie i realii. Materialy kruglogo stola. Moskva, 25 aprelya 2005 g.* Moscow, 2008].

Davis D. R. The Boundaries of Hindu Law. Tradition, Custom and Politics in Medieval Kerala // Botto O. (ed.). *Corpus Juries sanscriticum et fontus juris Asiae meridianae et centralis. A Series on Social and Religious Law.* Vol. V. Torino, 2004.

Derrett J., Duncan M. *Essays in Classical and Modern Hindu Law. Dharmasastra and Related Ideas.* Vol. II. Leiden, 1997.

EI – *Epigraphia Indica.* Vol. XVI. Calcutta, 1922.

Reynolds S. *Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted.* Oxford, 1994.

Rocher L. Hindu Conceptions of Law // *Hastings Law Journal.* 1977. 29, no.6. Pp. 1283–1305.

SII – *South-Indian Inscriptions.* Vol. VIII. Madras, 1933.

Электронные ресурсы

Лелюхин Д. Н. *Индийская Эпиграфика.* URL: http://indepigr.ivran.ru/ (дата обращения 20.04.2018)

КОРПУС СТРАЖЕЙ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, АДМИНИСТРАЦИЯ ВЕРХОВНОГО ЛИДЕРА И ИСЛАМСКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ФОНДЫ В ЭКОНОМИКЕ ИРАНА

Д. Б. Графов[*]

8 мая 2018 года президент Соединенных Штатов Дональд Трамп заявил о выходе из соглашения по ядерной программе Ирана (Совместный всеобъемлющий план действий – СВПД; англ. Joint Comprehensive Plan of Action, сокр. JCPOA; перс. برنامه جامع اقدام مشترک *), которое было заключено в 2015 г. между Ираном, с одной стороны, и США, Россией, КНР, Великобританией, Францией, Германией – с другой, с целью ограничения иранской ядерной программы в обмен на отказ мирового сообщества от санкций против Ирана.*

Выход США из СВПД означает возврат санкций в отношении иранской экономики, как минимум, со стороны Вашингтона. Насколько готова экономика Ирана к новому удару – чем отличается иранская «досанкционная» экономика от «послесанкционной» – во многом определяется контролем государства над иранской собственностью, ключевыми предприятиями и отраслями.

В статье рассматривается трансформация государственной собственности в условиях неограниченной теократической власти Исламской республики Иран. Управление и владение многочисленными активами Корпусом стражей Исламской революции, администрацией верховного Лидера, бониядами представляют собой систему, которая позволяет сохранять контроль над экономикой страны, иностранными инвесторами, обходить международные санкции, создавать ресурсы для проведения амбициозной внешней политики и удовлетворять потребности клерикальной элиты. Делается вывод: в иранской политической системе реализован концепт власти-собственности, что позволяет неограниченной верховной власти определять, какие свойства собственности власть готова закрепить и за кем, а какие оставить на собственное усмотрение без четкого определения.

Ключевые слова: Корпус стражей Исламской революции, КСИР, верховный Лидер, бонияд, государственная собственность, власть-собственность.

ISLAMIC REVOLUTIONARY GUARD CORPS (IRGC), EXECUTION OF IMAM KHOMEINI'S ORDER, AND BONYADS IN IRANIAN ECONOMY

Dimitry B. Grafov

The article looks at the participation of Islamic Revolutionary Guard Corps, Execution of Imam Khomeini's Order and Bonyads in the Iranian economy and explains how, during the reign of Supreme Leader Khamenei, they gained control of Iran's most important enterprises. Understanding whose interests these assets serve reveals details of Iran's political system. It may currently be viewed as a realisation of the power-property concept that eases international sanctions, predominantly in service of the personal interests of Iran's Islamic elite.

Keywords: Islamic Revolutionary Guard Corps, IRGC, bonyad, Supreme Leader, Khamenei, state property, private property, public property.

[*] Дмитрий Борисович ГРАФОВ, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; graftvc@mail.ru

Dmitry B. GRAFOV, PhD (Politology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; graftvc@mail.ru

Содержание понятия собственность, закрепленное в практике властвования (государства, закона или суверена), во все времена и во всех системах власти отражало несколько принципиальных вопросов:

1) насколько власть контролирует собственника, а он через свою собственность, которую защищает закон, независим от власти?

2) насколько эта собственность может считаться его, или дана властью в награду в качестве «кормления» и может быть отнята с целью манипуляции или наказания?

3) как сама власть или суверен относятся к государственной собственности – насколько считают ее своей или общей?

Исламская республика Иран по своей конституции может считаться социальным государством с закрепленными принципами социальной ответственности власти. По замыслу основателя Имама Хомейни в новом *общественном* устройстве религиозная миссия сочетается с исламской справедливостью. В *государственном* устройстве гибрид веры и социалистической идеи тоже имеет свою «направляющую и руководящую силу», которая легитимизируется не идеологическим, а теократическим принципом. Легитимность теократического ядра политической системы Ирана основана на принципе Вилаят аль-Факи, т. е. «государстве просвещенных» (ولاية الفقيه) или «государстве факихов». Принцип подразумевает, что в эпоху Большого сокрытия двенадцатого имама Мухаммада аль-Махди руководство шиитами переходит к компетентным шиитским факихам и муджтахидам (высокопоставленным факихам). Одним из них и должен быть верховный Лидер, под контролем которого работают светские республиканские институты.

После Исламской революции Иран развивался как государство с централизованным планированием, хоть и рыночной, но сильно зависимой от государства экономикой. Однако уже с первой половины нулевых годов в экономике Ирана произошли три вещи:

– приватизация и связанная с ней либерализация;

– ускоренная модернизация, связанная с необходимостью привлечь иностранные инвестиции и технологии, чтобы создать экономический потенциал, необходимый для ракетной, ядерной программ и амбициозной внешней политики;

– наложение и преодоление американских и международных экономических санкций.

Как свидетельствуют представители западного бизнеса, вернувшиеся в Иран после ослабления международных санкций в 2016 г., иранская экономика претерпела серьезные изменения. Лишь около 20% компаний можно считать условно частными, остальная же часть находится под контролем государства. Наиболее влиятельными «государственными менеджерами» являются Корпус стражей Исламской революции (КСИР) и администрация верховного Лидера. Из 110 соглашений на сумму около 80 млрд. долларов, подписанных с момента заключения ядерной сделки с Ираном в 2015 г., 90 сделок пришлись на компании, контролируемые этими государственными структурами[1]. Конечно, и до того как европейские страны были вынуждены подчиниться санкциям и начать сворачивать деятельность в Иране (до 2012 г.), иранские госкомпании выступали партнерами, правительство Ирана играло существенную роль в переговорах, а КСИР выполнял надзорные функции. Однако за прошедшие годы положение Корпуса в экономике Ирана существенно изменилось. КСИР не только присутствует в переговорном процессе, оценивает иностранных инвесторов с коммерческой и идеологической точек зрения, следит за соблюдением государственных интересов, но и, по сути, является владельцем (или представителем) интересующих Запад активов.

Когда венская сделка с Ираном закончилась частичным снятием санкций и активы заработали, выяснилось, что выигрывают от этого в первую очередь КСИР и Исполнительное управление Имама Хомейни – EIKO (The Execution of Imam Khomeini's

[1] Torbati Y., Sharafedin B., Dehghanpisheh B. After Iran's nuclear pact, state firms win most foreign deals // *Reuters*. 19.01.2017. URL: https://www.reuters.com/article/us-iran-contracts-insight-idUSKBN15328S (дата обращения 22.04.2018).

Order, ستاد اجرایی فرمان امام, Setade Ejraiye Farmane Emam). Они не только получили контроль над основными компаниями в стратегических отраслях, но стали также и бенефициарами.

Исторически Корпус стражей Исламской революции был создан и как орган власти, и как спецслужба, и как часть вооруженных сил. Первой экономической задачей Корпуса была организация производственного процесса для победы в Ирано-Иракской войне (1980–1988 гг.). После ее окончания КСИР занялся восстановлением экономики Ирана[2]. Статья 147 Конституции Ирана позволяет правительству в мирное время использовать армию «в производственных и созидательных целях»[3]. Строительное направление КСИР превратилось в гигантский строительный холдинг «Хатам аль-Анбия» с оборотом на 2008 г. в 12 млрд. долларов и числом около 40 тысяч сотрудников. Рост экономической империи КСИР ускорился в период правления президента Махмуда Ахмадинежада, который еще на заре своей политической карьеры во время Ирано-Иракской войны состоял в отрядах «Басидж» народного ополчения КСИР. Благодаря Ахмадинежаду холдинг «Хатам аль-Анбия» получил от правительства большой объем чрезвычайно выгодных заказов без какого-либо конкурса. Крупнейшие из них – контракт в 2,4 млрд. долларов на строительство линии тегеранского метро[4] и контракт в 2,5 млрд. долларов на ввод в эксплуатацию крупнейшего газового месторождения «Южный Парс». Корпус стал самостоятельно искать мелких субподрядчиков, после того как из-за санкций работу на месторождении прекратили западные нефтяные гиганты "Shell", "Repsol" и "Total"[5]. По данным Минфина США, кроме строительного конгломерата владение КСИР распространяется на нефтяную компанию "Oriental Oil Kish", автосборочные предприятия "Bahman Group"[6].

Укрепление позиций Корпуса в экономике произошло с началом приватизации. Чтобы управлять активами шахского режима после Исламской революции, был создан «Фонд угнетенных Земли», контроль за которым получил КСИР. Это дало Корпусу выгодные стартовые условия, когда началась приватизация.

В мае 2005 г. в Иране издана директива «о приватизации». Провозглашена цель – вывести из государственного управления 80% предприятий и передать их в частный сектор. С 2005 по 2008 гг. были «приватизированы» активы на 12 млрд. долларов. Шахты, сырьевые предприятия (в том числе по переработке нефти и газа), электростанции, авиационные, внешнеторговые и страховые компании, банки, почта, железные дороги. Участвуя в приватизации через свои полугосударственные компании, КСИР получил контроль над большим числом компаний по заниженной цене. В качестве примера можно привести приватизацию Telecommunication Company of Iran, 51% акций которой стоимостью 7,8 млрд. долларов попал в руки КСИР через компанию "Mobin Trust Consortium (Etemad-e-Mobin)", находящуюся под контролем «стражей революции»[7].

Еще целый ряд предприятий КСИР приобрело с расчетом на их дальнейшее использование, когда их акции были обесценены. Это вполне можно рассматривать как инвестиции, обеспечившие высокую прибыль, после того как активы попали в руки Корпуса. Например, судостроительная компания "Sandra" (Iran Marine Industrial Company)

---

[2] The Guard Entering the Economy Was the Wish of Hashemi to Help the Government // *Mehr News (Iran)*. 5.05.2010. URL: http://www.mehrnews.com/fa/newsdetail.aspx?NewsID=1067961 (дата обращения 10.04.2018).

[3] *Конституция Исламской республики Ирана, ст. 147.*
URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения 10.03.2018).

[4] Mehdi K. Iran's Revolutionary Guards Corps, Inc. // *The Washington Institute for Near East Policy*. 17.08.2007. URL: http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-revolutionary-guards-corps-inc (дата обращения 04.04. 2018).

[5] Iran: Shell And Repsol Pull Out Of Regime's Gas Project // *National Council of Resistance of Iran*. 12.05.2008. URL: https://ncr-iran.org/en/iran-world/iran-shell-and-repsol-pull-out-of-regimes-gas-project (дата обращения 17.04.2018).

[6] Katzman K. Iran Sanctions // *Congressional Research Service Report*. 18.04.2018.
URL: https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS20871.pdf (дата обращения 04.05. 2018).

[7] Tait R. Revolutionary Guards buy 51% stake in Iran's telecommunications company // *The Guardian*. 7.10.2009. URL: https://www.theguardian.com/world/2009/oct/07/revolutionary-guards-iran (дата обращения 04.04. 2018).

приобретена после того, как лишилась государственных заказов. Цена ее акций в предбанкротном состоянии резко упала в 2009 г. В этот момент судостроительный актив приобрел КСИР через свой конгломерат «Хатам аль-Анбия»[8]. Дела “Sandra” снова пошли в гору – у компании появились долгожданные заказы. Точно так же КСИР получил контроль над многими другими высокодоходными активами: судоходными, портовыми, логистическими компаниями, горнодобывающими и промышленными предприятиями, жилищным строительством, туристическими фирмами и даже производством напитка «Зам-Зам» (иранского аналога «Кока-Колы»). В металлургии Корпус стражей Исламской революции через инвестиционную компанию “Mehr Eghtesad Iranian Investment Company” (и одноименный банк) контролирует производителей цинка, алюминия и стали – “Iran Zinc Mines Development Company”, “Iran Aluminium Company”, “Esfahan’s Mobarakeh Steel” [Ottolenghi, 2016, p. 11–22].

Этот этап получения контроля над собственностью со стороны институтов власти можно охарактеризовать как владение через номинальное лицо или владение через управление.

В нефтехимической отрасли КСИР контролирует компании: “Kermanshah Petrochemical Industries Company”, “Pardis Petrochemical Company”, “Parsian Oil and Gas Development Company”, “Shiraz Petrochemical Company” [Ottolenghi, 2016, p. 15].

Схема, использующая «фронтальную» компанию (подставную компанию), затем стала применяться для обхода санкций. По ней компании, внешне не связанные с иранскими властями, «стражи революции» использовали в экспорте нефти через Турцию и Объединенные Арабские Эмираты. Корпус стражей Исламской революции еще до введения санкций обосновывал свои претензии на нефтегазовую отрасль национальной безопасностью Ирана. Так, он получил контракт на строительство внутреннего трубопровода стоимостью 1,3 млрд. долларов, а потом в борьбе за контракт на 2,3 млрд. долларов в газовом месторождении «Южный Парс» потеснил норвежскую компанию с большим опытом и репутацией. «Южный Парс» – наглядный пример того, как Корпус в лице своей компании “Sepanir” обходил санкции. До 2010 г. европейские нефтегазовые гиганты вели переговоры с Тегераном о конкретных объемах работ на месторождении «Южный Парс». После принятия санкций ЕС, Советом Безопасности ООН и США, когда “Sepanir” не смог получить доступ к необходимой для проекта технологии, Корпус создал подставную компанию “Petrokish” (Petro Karan Shafagh Kish)[9]. Через подконтрольные банки КСИР имеет доступ к международной платежной системе, а также контролирует ряд СМИ. Ему фактически принадлежат иранский порт «Шахид Раджаи» и международный аэропорт «Пайам» в городе Кередже.

В 2010 г. доля подконтрольной КСИР экономики Ирана оценивалась в одну треть[10]. По разным оценкам, ей соответствует около 1/6–1/5 ВВП Ирана. По мнению западных дипломатических источников, на 2016 г. активы под контролем Корпуса стражей исламской революции составляли 10–12 млрд. долларов[11]. Все эти оценки весьма относительны, особенно в отношении цены активов.

В данном виде экономическая модель владения выглядит как защита национальных интересов и проведение государственной политики через наделение КСИР особыми правами

---

[8] Meidari A. “ ناريا يزاس يصوصخ نيرتگرزب تشونرس زا ييامه سرد (Lessons of Iran’s Biggest Privatization Case)” // *Human Sciences Portal (Iran)*. URL: http://www.ensani.ir/fa/content/224552/default.aspx (дата обращения 04.06.2016).

[9] Crawford D. “Sanctions Hit – and Miss – in Germany Trade With Iran” // *The Wall Street Journal*. 17.12.2011. URL: http://www.wsj.com/articles/SB10001424052970204323904577040172793024832 (дата обращения 20.04.2018).

[10] Gregory M. Expanding business empire of Iran’s Revolutionary Guards // *BBC*. 26.07.2010. URL: http://www.bbc.com/news/world-middle-east-10743580 (дата обращения 20.04.2018).

[11] Hafezi P. Iran’s elite Guards to gain regional, economic power in post-sanctions era // *Reuters*. 19.01.2016. URL: https://www.reuters.com/article/us-iran-sanctions-guards-insight/irans-elite-guards-to-gain-regional-economic-power-in-post-sanctions-era-idUSKCN0UX2M3 (дата обращения 20.04.2018).

специального экономического агента. Шиитским лидерам понадобились менеджеры из числа Стражей Исламской революции не только для обхода удушающих американских и международных санкций. На КСИР как на наиболее верную и организованную силу руководство Ирана возложило задачу обеспечения ядерной и ракетных программ, что потребовало мобилизации экономического и научного потенциалов. На Корпус также возложена задача финансовой, экономической, военной поддержки союзников Тегерана – Дамаска, ливанского движения «Хезболла», шиитской милиции Ирака, а также проведение финансовых операций за границей. Например, один из источников указывает, что для обслуживания тесных связей с Венесуэлой был создан банк "Banco Internacional de Desarrollo", в котором все семь исполнительных директоров являлись иранцами, а часть из них – штатными сотрудниками КСИР[12].

Однако где проходит граница между собственными интересами КСИР и государственными интересами, сказать крайне трудно. Источниками информации об этой чрезвычайно закрытой области выступают или иностранные бизнесмены, или дипломаты, или иранцы, оказавшиеся в эмиграции. Мехди Халаджи, научный сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики, считает, что Корпус трансформировался в особую военно-экономическую социокультурную структуру с горизонтальными и вертикальными связями, которая, продолжая охранять режим от различных угроз, зарабатывает деньги как в легальном бизнесе, так и в теневом[13]. Али Альфонех, научный сотрудник американского Института предпринимательства, считает, что не только забота о национальных интересах заставляет КСИР проникать во все сферы иранской экономики: стражи Исламской революции занимаются самыми разными видами экономической деятельности – и законными, и незаконными[14]. А некоторые их действия напоминают рейдерство. Например, в 2004 г. силы КСИР взяли под контроль аэропорт Имама Хомейни в Тегеране. Они просто заблокировали взлетно-посадочную полосу и объявили, что турецкому консорциуму, управлявшему аэропортом, нельзя доверять, т. к. у него есть деловые отношения с «сионистской фирмой» [Ottolenghi et al., 2016, p. 13–22].

В то же время активное участие КСИР в экономике не оставляет возможности не задать вопрос, насколько широк круг бенефициаров контролируемых активов? Можно ли говорить только о санкции и контроле над Корпусом со стороны верховного Лидера, или о личных интересах также? Только защитой государственных интересов трудно объяснить, зачем самой власти быть бенефициаром контролируемых активов. Вопросы вызывает даже специфика иранской «приватизации». Она состоит в том, что КСИР обеспечивал передачу пакетов акций в Управление Верховного лидера в размере, необходимом с точки зрения безопасности. По сути, это означает не приватизацию (переход государственной собственности в частные руки), а трансформацию духовной власти в экономическую (с расчетом на то, что КСИР будет более эффективным управляющим). Интересы «офиса Верховного лидера» представляют назначенные чиновники, подбором которых занимается КСИР.

Кроме самой администрации Верховного лидера бенефициарами от передачи этих активов являются различные ветви администрации. Главные из них – это Исполнительное управление Имама Хомейни – EIKO, а также полугосударственные исламские «благотворительные» фонды. Точных данных об их активах еще меньше.

---

[12] Patton K. Bonyads: Iran's Underground Economy Its Greatest Strength Against Sanctions // *American Thinker*. 01.2012; URL: https://www.americanthinker.com/articles/2012/01/bonyads_irans_greatest_strength_against_sanctions.html (дата обращения 26.04.2018).

[13] Khalaji M. Iran's Revolutionary Guards Corps, Inc. // *The Washington Institute for Near East Policy,* 17.08.2007. URL: http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-revolutionary-guards-corps-inc (дата обращения 29.04.2018).

[14] Gregory M. Expanding business empire of Iran's Revolutionary Guards // *BBC*, 26.07. 2010. URL: http://www.bbc.com/news/world-middle-east-10743580 (дата обращения 20.04.2018).

Исторически EIKO создавалось Имамом Хомейни как орган для конфискации имущества, «накопленного незаконным путем» шахским режимом, а также собственности, брошенной бежавшими от революции владельцами. Но затем EIKO-Setad стала одним из государственных держателей высокоприбыльных и стратегических активов, за которым стоят интересы той части клерикальной элиты, которая образует аппарат верховного Лидера.

Формально статья 44 Конституции очень по-социалистически провозглашает владение государством практически всей базовой инфраструктурой промышленности, транспорта и связи. «Государственный сектор включает в себя всю крупную промышленность основных отраслей, внешнюю торговлю, горнорудные предприятия, банковское дело, страхование, обеспечение электроэнергией, плотины и крупные водопроводы, радио и телевидение, почту, телеграф и телефон, гражданскую авиацию, судоходный транспорт, автомобильные и железные дороги и т. п. Все это в виде общественной собственности находится в ведении государства»[15].

EIKO-Setad имеет право вето на доступ в активы иностранных инвесторов. Они получают и прибыль, что делает их независимыми в вопросах финансирования от бюджета и парламента. И, несмотря на то что они все равно содержатся государством, в своих доходах перед бюджетом они не отчитываются. Всего известно о 14 экономических гигантах, прямо или косвенно контролируемых администрацией верховного Лидера или ее управлениями (филиалами) [The Rise of Iran's Revolutionary, 2017, p. 15]. Наиболее известной компанией является "Rey Investment Co.", которая оценивается в 40 млрд. долларов (2010 г.). По данным Минфина США, ей принадлежат, например, 19% «Иранской телекоммуникационной компании» ("Telecommunication Co of Iran") стоимостью 3 млрд. долларов, а также акции еще 24 компаний, торгуемых на Тегеранской фондовой бирже[16]. Общая стоимость активов, принадлежащих EIKO-Setad, по отдельным оценкам составляла 95 млрд. долларов (2013 г.). Из них порядка 52 млрд. приходилось на недвижимость, и оставшиеся 43 млрд. представляли собой корпоративные активы[17].

Оценки того, как далеко простираются границы экономической империи «стражей революции» и администрации верховного Лидера, расходятся. По мнению Д. Коэна, заместителя министра финансов США, отвечающего за финансовую разведку, "Setad" генерирует миллиарды долларов в год, часть их находится в распоряжении верховного Лидера и инвестируется через одно из подразделений "Setad", известное как "Tadbir Economic Development Group". По данным Минфина США, инвестиционные счета есть у верховного Лидера и других высших руководителей Ирана. Совет директоров "Setad" назначается по личному указанию верховного Лидера[18]. На отношения высшего руководства к этим активам проливает свет информация о назначении верховным лидером Хаменеи председателем правления "Rey Investment Co" Мохаммада Рейшахри, бывшего ранее главой разведки. По данным источника, Рейшахри был назначен Хаменеи в благодарность за отстранение конкурента – великого аятоллы Хоссейна Али Монтазери в момент отбора кандидатов на пост верховного Лидера после смерти аятоллы Хомейни[19].

Интересы другой части клерикальной элиты можно увидеть за так называемыми «бониядами» – исламскими благотворительными фондами (bonyads, بنیاد "foundation").

[15] *Конституция Исламской республики Ирана, ст. 44.* URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения 10.03.2018).

[16] Dehghanpisheh B., Stecklow S. Khamenei controls massive financial empire built on property seizures // *Reuters*. 12.11.2013. URL: https://www.reuters.com/investigates/iran/#article/part2 (дата обращения 24.04.2018).

[17] Dehghanpisheh B., Stecklow S., Torbati Y. Khamenei controls massive financial empire built on property seizures // *Reuters*. 12.11.2013. URL: https://www.reuters.com/investigates/iran/#article/part1 (дата обращения 20.04.2018).

[18] Dehghanpisheh B., Stecklow S. Khamenei's conglomerate thrived as sanctions squeezed Iran // *Reuters*. 12.11.2013. URL: https://www.reuters.com/investigates/iran/#article/part2 (дата обращения 16.04.2018).

[19] Ghosh P. Iran's Supreme Leader Ayatollah Khamenei… A Multi-Billionaire And BMW Car Dealer? // *The International Business Times*. 05.03.13. URL: http://www.ibtimes.com/irans-supreme-leader-ayatollah-khamenei-multi-billionaire-bmw-car-dealer-1233899 (дата обращения 30.04.2018).

Считается, что в них находятся в основном не нефтяные и не стратегические активы, а бизнес и собственность, «близкие к земле». Однако по своим финансовым оборотам бонияды сопоставимы с четвертью ВВП Ирана. Исторически эти фонды существовали и до Исламской революции. Они использовались шахом Мухаммедом Резой Пахлави почти таким же образом, как и нынешней властью. Под вывеской благотворительности концентрируются активы, прибыль от которых непрозрачна и идет на цели, определяемые властью. И тогда и сейчас основные активы бониядов сосредоточены в недвижимости, туризме, гостиничном бизнесе, земельной собственности, розничной торговле. Информации об их финансовой деятельности крайне мало, но некоторые источники указывают, что фонды освобождены от налогов и субсидируются государством, а средства идут на поддержку клерикальной элиты и исламских групп [Mackey, 1996, p. 370].

Всего исламских благотворительных фондов в Иране около ста, наиболее крупных – восемь. Есть бонияды, прямо связанные с Корпусом стражей Исламской революции (IRGC Cooperation Bonyad) и правоохранительными органами (NAJA Cooperation Bonyad), они оказывают помощь ветеранам. Другие провозглашают помощь инвалидам, бедным, поддержку паломников. Фонд "Astan Quds Razavi", созданный для обслуживания архитектурного комплекса в городе Мешхед, где находится гробница Имама Аль-Резы и гробницы других почитаемых имамов, обладает активами в 15–20 млрд. долларов. Фактически ни один вопрос, касающийся строительства или торговли в Мешхеде, не может быть решен без согласия бонияда.

Еще один крупнейший бонияд "Bonyad-E Mostazafen va Janbazan" (фонд для угнетенных и инвалидов) контролирует около пятой части производства текстиля, более трети рынка соков и минеральной воды, две трети производства стеклянной тары и посуды, ему принадлежат производства строительных материалов, автомобильных шин и продуктов питания. Бонияды подотчетны только верховному Лидеру и, по сути, выполняют известную еще со времен средневековья функцию наделения собственностью в форме «кормления» определенных лиц (или групп) за услуги, оказываемые власти. Фонды не только освобождаются от налогов, получают субсидии от правительства, но и собирают религиозные пожертвования (закят, садака), а также участвуют в так называемой системе перевода денег Hawala (арабск. حَوالة, «вексель») между частными лицами. Поэтому реальные финансовые ресурсы бониядов с трудом поддаются даже косвенной оценке. Например, два крупнейших фонда по цене активов сопоставимы с Национальной иранской нефтяной компанией. Можно констатировать, что благодаря протекции и субсидированию бониядов со стороны власти все мелкое духовенство превратилось в социальную базу иранского режима, хотя традиционно в исламском мире умма (религиозная община) обладала некоторой самодостаточностью и независимостью от правителя.

Что касается активов, контролируемых самой администрацией верховного Лидера, то определить правовую форму так называемого конгломерата "Setad" довольно непросто. По структуре это холдинг, по официальному назначению – благотворительный фонд, с точки зрения реальных функций – личный фонд верховного Лидера. Как упоминалось, он не контролируется парламентом, и это дает Хаменеи финансовую независимость от парламента, бюджета и возможность финансировать свою политику. Такой возможности не было у его предшественника – верховного Лидера Хомейни.

40 лет назад Исламская революция в Иране создала новый тип клерикальной власти, новый тип политической системы, а потом и новый тип власти-собственности. Этот тип собственности, с одной стороны, имеет все современные рыночные атрибуты. С другой стороны, вопрос, касающийся выгод от ее владения, может решаться по абсолютному произволу власти. По сути, мы имеем дело с современным видом власти-собственности. Известный востоковед Л. С. Васильев, который и ввел это понятие, считает «власть-собственность» имманентной сущностью всех неевропейских (незападных по происхождению) обществ в истории [Васильев, 2000, с. 96–114]. Идею о том, что в концепте

власть-собственность собственность вторична, а власть первична, развивает и другой известный востоковед Л. Б. Алаев [Алаев, 2018, с. 35].

Справедливости ради следует заметить, что особенные виды власти-собственности мы можем найти не только в традиционных восточных обществах, но и в других надзаконных системах правления, где власть проявляется в виде господства и насилия. Ордена госпитальеров, тамплиеров были религиозными корпорациями с неограниченной властью на покоренных территориях. Завоеванная ими собственность и плоды организованной экономической деятельности шли на достижение политических целей и на собственное потребление. Правда, обогащение верхушки сдерживалось механизмами коллективного контроля (Капитулом). Была и еще одна особенность – почти полностью автономное положение по отношению к внешнему суверену.

Другой пример – советская власть, которая на всем своем протяжении проявляла тотальное властвование и над собственностью, и над самим этим понятием. От военного коммунизма до горбачевских моделей хозрасчета собственность выполняла не хозяйственные, а идеологические задачи власти. Официально существовавшая коллективная (колхозная, общенародная) собственность с юридической точки зрения была лишь формой государственной собственности, оформленной на номинальное юридическое лицо, а с точки зрения политического устройства являлась идеологическим симулякром. Власть наделяла правом трансформации собственности различные исполнительные органы (но не суды!). От оперуполномоченного до руководителя ГПУ-НКВД каждый «страж революции» обладал своей долей власти не только менять границы чужой собственности (наделять и лишать), но и путем принуждения создавать новую – как ведомственную, так и личную.

Иранская авторитарная политическая система придала современную форму понятию «собственность, зависимая от власти». Неожиданна лишь реинкарнация власти-собственности в рыночной инфраструктуре. Но суть явления остается прежней: неограниченная верховная власть свободна в определении, какие свойства собственности власть готова закрепить (и за кем), а какие оставить на собственное усмотрение без четкого определения. Верховная власть Ирана меняет форму собственности так, как она наиболее соответствует ее интересам. Что говорит и о полной неограниченности самой власти, и об абсолютной неподконтрольности «суверенной собственности» республиканским институтам и обществу.

Литература / References

Алаев Л. Б. Собственность на землю и власть над населением (к вопросу о различиях Запада и Востока) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. №2. С. 30–36 [Alaev L. B. Sobstvennost’ na zemlyu i vlast’ nad naseleniem (k voporosu o razlichiyah Zapada i Vostoka // V*estnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018. 2. Pp. 30–36].

Васильев Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000. С. 96–114 [Vasil’ev L. S. Vostok i Zapad v istorii (osnovnye parametry problematiki) // *Al’ternativnye puti k tsivilizatsii*. Moscow, 2000. Pp. 96–114].

Mackey S. *The Iranians: Persia, Islam and the Soul of a Nation*. New York, 1996.

Ottolenghi E., Ghasseminejad S., Fixler A., Toumaj A. *How the Nuclear Deal Enriches Iran’s Revolutionary Guard Corps*. Washington, 2016.

The Rise of Iran’s Revolutionary Guards’ Financial Empire: How the Supreme Leader and the IRGC Rob the People to Fund International Terror // *NCRI-U.S. Representative Office*. 2017.

Электронные ресурсы

Crawford D. Sanctions Hit – and Miss – in Germany Trade With Iran // *The Wall Street Journal*. 17.12.2011. URL: http://www.wsj.com/articles/SB10001424052970204323904577040 172793024832 (дата обращения 20.04.2018).

Dehghanpisheh B., Stecklow S., Torbati Y. Khamenei controls massive financial empire built on property seizures // *Reuters*. 12.11.2013. URL: https://www.reuters.com/investigates/iran/#article/part1 (дата обращения 20.04.2018).

Dehghanpisheh B., Stecklow S., Khamenei's conglomerate thrived as sanctions squeezed Iran, // *Reuters*, November 12, 2013; URL: https://www.reuters.com/investigates/iran/#article/part2 (дата обращения: 16.04.2018).

Ghosh P., Iran's Supreme Leader Ayatollah Khamenei… A Multi-Billionaire And BMW Car Dealer? // *The International Business Times,* 05/03/13; URL: http://www.ibtimes.com/irans-supreme-leader-ayatollah-khamenei-multi-billionaire-bmw-car-dealer-1233899 (дата обращения 30.04.2018).

Gregory M. Expanding business empire of Iran's Revolutionary Guards // *BBC*. 26.07.2010. URL: http://www.bbc.com/news/world-middle-east-10743580 (дата обращения 20.04.2018).

Hafezi P. Iran's elite Guards to gain regional, economic power in post-sanctions era // *Reuters*. 19.01.2016. URL: https://www.reuters.com/article/us-iran-sanctions-guards-insight/irans-elite-guards-to-gain-regional-economic-power-in-post-sanctions-era-idUSKCN0UX2M3 (дата обращения 17.03.2018).

Iran: Shell And Repsol Pull Out Of Regime's Gas Project // *National Council of Resistance of Iran*. 12.05.2008. URL: https://ncr-iran.org/en/iran-world/iran-shell-and-repsol-pull-out-of-regimes-gas-project (дата обращения 10.04.2018).

Katzman K. Iran Sanctions // *Congressional Research Service Report* 18.04.2018. URL: https://fas.org/sgp/crs/mideast/RS20871.pdf (дата обращения 14.04.2018).

Khalaji M. Iran's Revolutionary Guards Corps, Inc., // *The Washington Institute for Near East Policy,* 17.08.2007. URL: http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-revolutionary-guards-corps-inc (дата обращения 29.04.2018).

Mehdi K. Iran's Revolutionary Guards Corps, Inc. // *The Washington Institute for Near East Policy*. 17.08.2007. URL: http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-revolutionary-guards-corps-inc (дата обращения 10.04.2018).

Meidari A. درس هايي از سرنوشت بزرگترين خصوصي سازي ايران (Lessons of Iran's Biggest Privatization Case) // *Human Sciences Portal (Iran)*. URL: http://www.ensani.ir/fa/content/224552/default.aspx (дата обращения 03.05. 2018).

Patton K. Bonyads: Iran's Underground Economy Its Greatest Strength Against Sanctions // *American Thinker*. 5.01.2012; URL: https://www.americanthinker.com/articles/2012/01/bonyads_irans_greatest_strength_against_sanctions.html (дата обращения 26.04.2018).

Tait R. Revolutionary Guards buy 51% stake in Iran's telecommunications company // *The Guardian*. 7.10.2009. URL: https://www.theguardian.com/world/2009/oct/07/revolutionary-guards-iran (дата обращения 04.04.2018).

The Guard Entering the Economy Was the Wish of Hashemi to Help the Government // *Mehr News (Iran)*. 5.05.2010. URL: http://www.mehrnews.com/fa/newsdetail.aspx? NewsID=1067961 (дата обращения 10.04.2018).

The Islamic Revolutionary Guard Corps: Military and Political Influence in Today's Iran // *The Brookings Institution*. 18.11.2008. URL: https://www.brookings.edu/events/the-islamic-revolutionary-guard-corps-military-and-political-influence-in-todays-iran/ (дата обращения 10.04.2018).

Torbati Y., Sharafedin B., Dehghanpisheh B. After Iran's nuclear pact, state firms win most foreign deals // *Reuters*. 19.01.2017. URL: https://www.reuters.com/article/us-iran-contracts-insight-idUSKBN15328S (дата обращения 23.04.2018).

Конституция Исламской республики Иран. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения 10.04.2018).

CORRIGENDA К ДЕШИФРОВКЕ НАСКАЛЬНОЙ РУНИЧЕСКОЙ НАДПИСИ НА УТЕСЕ ГОРОДОВАЯ СТЕНА

Д. Д. Васильев*

В статье приводятся уточнения и исправления расшифровки одной тюркской рунической наскальной надписи на правом берегу Енисея. Автор делает выводы об обстоятельствах возникновения надписи и ее датировке.

Ключевые слова: рунические надписи, надписи, эпиграфика, тюркские языки, расшифровки, Енисей, Городовая стена.

DECIPHERING RUNIC INSCRIPTION ON THE ROCK GORODOVAYA STENA [TOWN WALL] (CORRIGENDA)

Dimitry D. Vasiliev

The article gives addenda and corrigenda to an earlier deciphering of a Turkic runic rock inscription found on the right bank of the Yenisei River. The author dates the inscription and makes inferences about the circumstances in which it was made.

Keywords: runic inscriptions, inscriptions, epigraphic studies, Turkic languages, deciphering, the Yenisei, Gorodovaya stena.

В 1986 г. нами была опубликована тюркская руническая наскальная надпись, названная в то время «самой северной на Енисее» [Васильев, 1986, с. 53–56]. Она была обнаружена в 1982 г. на правом берегу Енисея, в 3 км ниже села Новоселово Хакасской автономной области, на южном склоне утеса Городовая стена. Памятник был обследован и скопирован в виде прорисовки (*илл. 1*) сотрудником Минусинского государственного краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова Н. В. Леонтьевым при участии С. Г. Архипецкого и П. И. Коробейникова.

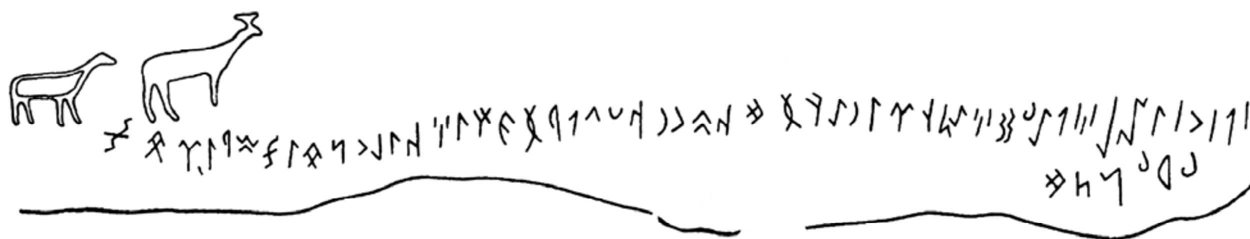
Надпись выполнена тонкой гравировкой и расположена горизонтально в 2 м от максимального уровня воды в Красноярском водохранилище. Надпись состоит из двух строк, в начальной части строки 1 знаки различимы слабее, и нет абсолютной уверенности в точности их реконструкции. Это особенно относится к первым 3–4 знакам справа. Знаки строки 2 менее рельефны и мельче. Изображения животных выполнены в иной технике. По существующей кодификации тюркских рунических надписей бассейна Енисея [Васильев, 1976, с. 71–81; Васильев, 1978, с. 92–95] памятник был обозначен нами «Е 143. Новоселово».

Тонко процарапанные знаки надписи были настолько слабо различимы, что по методике копирования, принятой во время открытия надписи, более надежным считалась их прорисовка, а не фотографирование. Поэтому фотографии памятника не были выполнены и не публиковались.

Уже в первой публикации нами были оговорены возможные неточности в выполненной зарисовке. Тем не менее, нами была выполнена транслитерация и предложен вариант прочтения текста в соответствии с прорисовкой археологов.

* Дмитрий Дмитриевич ВАСИЛЬЕВ, кандидат исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории Востока, Институт востоковедения РАН, Москва; dmivas46@mail.ru

Dimitry D. VASILIEV, PhD (History), Professor, Chair of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmivas46@mail.ru



Илл. 1. Тюркская руническая наскальная надпись Е 143. Новоселово

Илл. 2. Детали цифровой фотокопии наскальной надписи Е 143. Новоселово

Надпись (также в прорисовке) была опубликована И. Л. Кызласовым [Кызласов, 1985, с. 352–354]. Автором были сделаны незначительные коррективы по составу надписи, предложена иная интерпретация отдельных знаков и текста в целом. Однако характеристика надписи как доказательства существования «института отшельничества в древнехакасском государстве» вызвала возражения тюркологов.

В марте 2018 г. заведующий сектором археологии лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета Олег Андреевич Митько прислал мне цифровую фотокопию надписи, выполненную местным краеведом. О. А. Митько проводил раскопки таштыкско-тюркского могильника Маркелов мыс II в Новоселовском районе Красноярского края в непосредственной близости от утеса Городовая стена, имел возможность тщательно сопоставить оригинал, цифровую копию и

опубликованные зарисовки и любезно внес коррективы в идентификацию одного рунического знака. Это, казалось бы, незначительное уточнение меняет лексическую единицу и смысловой блок текста.

Транслитерация:
1) **Š^{2}ïs^{1}ʋs^{1}in^{2}l^{1}γpab^{1}d^{1}γas^{2}ŋr^{2}in^{1}ak ämqt^{1}ʋn^{1}qb^{1}s^{1}pj^{2}ägš^{2}iγ qpl^{1}ʋr^{1}b^{2}izt^{1}j^{2}ir^{2}b^{2}z**
2) **b^{1}j^{1}b^{1}r^{1}qm**

Транскрипция:
1) **iš^{2}i s^{1}üs^{1}in^{2} al^{1}γ ï p a b^{1}ad^{1}ïγ a t^{2}äŋir^{2}i an^{1}a käm qat'un^{1}**
qab^{1} ï š^{1}ïp j^{2}äg eš^{2}i γ qop ol^{1}ur^{1}b^{2}iz at^{1} a j^{2}ir^{2}ib^{2}iz
2) **b^{1}aj^{1}b^{1}ar^{1}q ïm**

Перевод:
1) «Госпожа! Их войско уничтожив, о Глубокая божественная Мать-река Кем, мы все, объединившись, добрыми твоими друзьями станем. Наши исконные (отцовские) земли».
2) «Мое богатое сооружение».

Центральным элементом текста является образ «реки Кем» (Енисей). Приложение **qatun** «госпожа» встречается в сочетании с гидронимами в текстах некоторых енисейских надписей (Е 3, Е 108). Однако здесь впервые в рунических текстах главенствующее значение этой водной артерии подчеркивается словами **tengri** «божественная» и **ana** «мать». Сочетание **tengri ana kem qatun** становится прямым подтверждением точки зрения о восприятии тюрками образа реки как женского [Добродомов, 1982, с. 99–102].

Текст строки 1 состоит, по нашему мнению, из двух частей. Первая из них представляет собой сложноподчиненную конструкцию с двумя однородными деепричастиями (alγïp… qabïšïp) в той форме, которая передает временную, причинную, целевую и условную характеристики действия [Кононов, 1980, с. 128–129]. Глагольная основа **alq-** зафиксирована во многих формах в древнетюркских памятниках различных регионов и хронологически охватывает также достаточно широкий период употребления, причем отмечается возможность перебоя здесь **q/γ** [Древнетюркский словарь, 1969; Clauson, 1972, p. 135]. **Qabïšïp** в аналогичной грамматической форме встречается в надписи в честь одного из политических руководителей Второго тюркского каганата Тоньюкука [Малов, 1951; Кононов, 1980, с. 148].

В первой публикации надписи, выполненной на основании зарисовки, фигурировало сочетание **badïγ sïŋïrï** «ее глубокая жила» (кровеносный сосуд), которое выглядело несколько странным, но воспринималось как литературная метафора. Коррективы, ставшие возможными благодаря цифровой копии надписи, позволили уточнить текст, и вместо слова **sïŋïrï** безусловно реконструируется **teŋri** – «божественная». Более понятным становится и определение **badïγ** «глубокая».

Фрагмент **jag ešiγ qop olurbiz** читается достаточно четко. Здесь следует прокомментировать слово **ešiγ** как **eš** «друг, сподвижник», имеющее аффикс принадлежности 2-го лица ед. числа [Тенишев, 1971, с. 289–295].

Вторая часть строки 1 имеет номинативную функцию и в этом отношении сближается с текстом строки 2. Однако строки имеют не только композиционное, но и логическое обоснование. Содержание и направленность текста строки 1 имеют более высокий уровень. Декларация здесь идет от имени одной или нескольких тюркских племенных групп, тогда как строка 2 имеет отношение только к автору (или «заказчику») надписи.

Начальная часть строки 1 также не была установлена в первой публикации достаточно четко, и не были идентифицированы первые две руны. Поскольку вся надпись адресована «глубокой, божественной, матери-реке Кем», предлагаем расшифровку первых рун, как

обращение: **iši** – «женщина, знатная дама». Здесь мы допускаем зеркальный орфографический перебой знаков для **i / p** (**i / p**).

Варианты перевода термина **barq (-ïm)** в тексте строки 2 («сооружение», «надгробие», «постройка») трудно уточнить без археологического обследования местности.

Орфографической особенностью памятника является изредка встречающийся в енисейской рунике прием использования в качестве пунктуационного разделителя графемы **a** [Васильев, 1983, с. 50]. Иные формы словораздела в данной надписи отсутствуют.

В графике надписи дважды нашел отражение локальный орфоэпический вариант перебоя **s** / **š**. Возможность такого явления в обоих случаях (**alq-/alγ-, badïq/badïγ**) отмечена в словарях [Divanu, 1948, c. 1, s. 371, c. 3, 6, s. 188*;* Clauson*,* 1972, p. 135, 301].

В целом орфография надписи свидетельствует о навыках «правописания» у ее автора. В отличие от многих других енисейских граффити здесь имеется значительное количество знаков для гласных, соблюдается орфографическая регулярность и палатально-велярная рядность знаков, например – для **s / š** [Тенишев*, 1971,* с. 289–295] (за исключением возможного орфографического нарушения в написании **$s^1ʊs^1in^2$** / **$s^1üs^1in^2$** «их войско» в винительном падеже)

В отличие от большинства енисейских рунических памятников, надпись не является эпитафией. Ее основное назначение – засвидетельствовать в монументальной форме свое право на данную территорию, а также посредством обращения к такому крупному природному явлению, как река Енисей, упомянуть о каком-то предшествовавшем событии («их войско уничтожив») и призвать соседей-соплеменников к мирным отношениям. Стиль текста эмоционально окрашен. Енисейские надписи пограничного, «межевого» назначения, локализующие пребывание или проживание какого-либо лица в упоминаемой местности, составляют уже определенную группу [Кызласов, Кызласов, 1976, с. 58–65; 1981, с. 86–92; Баскаков, 1978, с. 152–154; Кляшторный, 1971, с. 228–231; Васильев, 1981, с. 57–61].

При том характере скотоводства и землепользования, которое существовало у средневековых центральноазиатских тюркских и монгольских народов, цикличность использования пастбищ являлась необходимостью. Правом же на ту или иную территорию обладали те претенденты, следы или знаки пребывания которых здесь в прошлом сохранились на местности [Румянцев*,* 1910, с. 52; Марков, 1975, с. 176; Кляшторный, 1978, с. 158].

В надписи впервые в тюркской рунике упоминается река как нечто, обладающее божественным и «материнским» статусом. Надписи и родовые тамги, обнаруженные в Саянском каньоне Енисея, дополнительно подтверждают освоение этого водного пути и его функционирование. Упоминание в тексте об установлении мирных отношений с соседями, живущими по берегам «матери-реки Кем», может быть интерпретировано как отражение периода, наступившего после крупной военной экспедиции Бильге-кагана и Тоньюкука через Саяны против кыргызского правителя Барс-бега в 711 г. [Кляшторный, 1976, с. 265–266]. Выделение в памятнике в честь Тоньюкука того обстоятельства, что для внезапности нападения на кыргызов необходимо было искать обходной путь и прибегать к помощи местных проводников, также косвенно подтверждает известность средневековым жителям бассейна Енисея зимнего и летнего пути по реке.

Возможно, надпись из окрестностей Новоселова отмечает один из конечных северных пунктов похода, в результате которого кыргызы были подчинены тюркам. Эти соображения и палеография надписи позволяют датировать ее первой половиной VIII в.

Литература / References

Баскаков Н. А. Наскальная руническая надпись в Терезеннике-Бююк урочища Мугур-Саргол Тувинской АССР // *Советская этнография.* 1978. №3. С. 152–154 [Baskakov N. A. Naskal'naya runiheskaya nadpis' v Terezennike-Byuyuk urochischa Mugur-Sargol Tuvinskoi ASSR // *Sovetskaya 'etnografiya*. 1978. 3. Pp. 152–154].

Васильев Д. Д. *Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала*. М., 1983 [Vasiliev D. D. *Graficheskiy fond pamyatnikov tyurkskoy runicheskoi pis'mennosti aziatskogo areala*. Moscow, 1983].

Васильев Д. Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. II // *Тюркологический сборник. 1977*. М., 1981. С. 57–61 [Vasiliev D. D. Drevnetyurksksya 'epigrafika Yuzhnoi Sibiri. II // *Tyurkologicheskiy sbornik. 1977*. Moscow, 1981. Pp. 57–61].

Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // *Советская тюркология*. 1976. №1. С. 71–81 [Vasiliev D. D. Pamyatniki tyurkskoy runicheskoi pis'mennosti aziatskogo areala // *Sovetskaya tyurkologiya*. 1976. 1. Pp. 71–81].

Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. II // *Советская тюркология*. 1978. № 5. С. 92–95 [Vasiliev D. D. Pamyatniki tyurkskoy runicheskoi pis'mennosti aziatskogo areala. II // *Sovetskaya tyurkologiya*. 1978. 1. Pp. 92–95].

Васильев Д. Д. Самая северная руническая надпись на Енисее // *Turcologica-1986. К 80-летию академика А. Н. Кононова*. Л., 1986. С. 53–56 [Vasiliev D. D. Samaya severnaya runicheskaya nadpis' na Enisee // *Turcologica-1986. K 80-letiyu akademika A. N. Kononova*. Leningrad, 1986. Pp. 53–56].

Добродомов И. Г. О надежности топонимических этимологий // *Этимология. 1980*. М., 1982. С. 99–102 [Dobrodomov I. G. O nadyozhnosti toponimicheskih 'etimologiy // *'Etimologiya. 1980*. Moscow, 1982. Pp. 99–102].

Древнетюркский словарь. Л., 1969 [*Drevnetyurkskiy slovar'*. Leningrad, 1969].

Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии // *Тюркологический сборник-1975*. М., 1978. С. 151–158 [Klyashtornyi S. G. Naskal'nye Runicheskie nadpisi Mongolii // *Tyurkologicheskiy sbornik-1975*. Moscow, 1978. Pp. 151–158].

Кляшторный С. Г. Рунические надписи Саянского каньона Енисея // *Ученые записки Тувин. НИИЯЛИ*. Кызыл, 1971. Вып. 16. С. 228–231 [Klyashtornyi S. G. Runicheskie nadpisi Sayanskogo kaniona Eniseya // *Uchenye zapiski Tuvin. NIIYaLI*. Kyzyl, 1971. Vyp. 16. Pp. 228–231].

Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера // *Turcologica: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова*. Л., 1976. С. 265–266 [Klyashtornyi S. G. Stely zolotogo ozera // *Turcologica: K semidesyatiletiyu akademica A. N. Kononova*. Leningrad, 1976. Pp. 265–266].

Кононов А. Н. *Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.)*. Л., 1980 [Kononov A. N. *Grammatika yazyka tyurkskih runicheskih pamyatnikov (VII–IX vv.)*. Leningrad, 1980].

Кызласов И. Л. Институт отшельничества в древне-хакасском государстве: Енисейские надписи нового жанра // *Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщения IV Всесоюзной тюркологической конференции*. Ашхабад, 1985. С. 352–354 [Kyzlasov I. L. Institut otshel'nichestva v drevne-hakasskom gosudarstve: Eniseiskie nadpisi novogo zhanra // *Voprosy sovetskoi tyurkologii. Tezisy dokladov i soobscheniya IV Vsesoyuznoy tyurkologicheskoy konferentsii*. Ashhabad, 1985. Pp. 352–354].

Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия) // *Советская тюркология*. 1976. №1. С. 58–65 [Kyzlasov L.R., Kyzlasov I. L. Srednevekovaya pogranichnaya nadpis' s nizoviev Yibata (Hakasiya) // *Sovetskaya tyurkologiya*. 1976. 1. Pp. 58–65].

Кызласов И. Л. Новые материалы по енисейской рунической письменности // *Советская тюркология*. 1981. №4. С. 86–92 [Kyzlasov I. L. Novye materialy po eniseiskoi runicheskoi pis'mennosti // *Sovetskaya tyurkologiya*. 1981. 4. Pp. 86–92].

Малов С. Е. *Памятники древнетюркской письменности*. М.-Л., 1951 [Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti*. Moscow, Leningrad, 1951].

Марков Г. Е. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М., 1975 [Markov G. E. *Kochevniki Azii. Struktura hozyaistva I obschestvennoi organizatsii*. Moscow, 1975].

Румянцев П. П. *Киргизский народ в прошлом и настоящем*. СПб., 1910 [Rumyantsev P. P. *Kirgizskiy narod v proshlom i nastoyaschem*. Saint Petersburg, 1910].

Тенишев Э. Р. Перебой s/š в тюркских рунических памятниках // *Структура и история тюркских языков*. М., 1971. С. 289–295 [Tenishev 'E. R. Pereboy s/š v tyurkskih runicheskih pamyatnikah // *Struktura i istoriya tyurkskih yazykov*. Moscow, 1971. Pp. 289–295].

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, 1972.

Divanu lugat-it-türk dizini. Endeks. Yazan B. Atalay. Ankara, 1948.

ОБ ИЗУЧЕНИИ «БАТТАЛ-НАМЕ» В РОССИЙСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ: НЕИЗДАННАЯ РУКОПИСЬ ТРУДА П. А. ФАЛЕВА

Т. А. Аникеева*

Статья вводит в научный оборот отрывок, посвященный турецкому эпическому сказанию «Баттал-наме» из оставшегося неизданным труда российского тюрколога П. А. Фалева.

Ключевые слова: история российской тюркологии, эпос, «Баттал-наме», турецкий фольклор.

ON "*BATTAL-NAME*" STUDIES IN RUSSIAN TURKOLOGY: AN UNPUBLISHED MANUSCRIPT BY PYOTR A. FALEV

Tatyana A. Anikeeva

The article introduces an excerpt about the Turkish epic tale *Battal-name* from an unpublished work of the Russian Turkologist Pyotr A. Falev.

Keywords: history of Russian Turkology, epics, *Battal-name*, Turkish folklore.

Неопубликованная рукопись труда тюрколога П. А. Фалева «Ногайское сказание об Едигее» посвящена в основном исследованию эпоса «Едигей». Однако эта рукопись включает в себя и другие материалы, касающиеся тюркского фольклора[1]. Рукопись находится в Архиве востоковедов ИВР РАН (АВ. Разряд 2, опись 4, №34).

Российский тюрколог Павел Александрович Фалев (1888–1922) закончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по разряду арабско-персидско-турецко-татарской словесности в 1912 г., был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию [Биобиблиографический словарь, 1989, с. 234]. Преподавал на факультете восточных языков, в Практической восточной академии, Центральном институте живых восточных языков. Преподавание совмещал с деятельностью в Восточном отделе Русского географического общества и Восточном отделении Русского археологического общества (ВОРАО), с научными поездками к ногайцам и крымским татарам в Ставропольскую губернию (1914, 1916 гг.), участвовал в экспедиции Академии наук на Кавказ, организованной для охраны памятников (1916 г.). Позднее, с 1921 г., преподавал в Туркестанском восточном институте, работал в отделе научного библиографирования Туркестанской публичной библиотеки, был избран действительным членом Туркестанского отдела Русского географического общества.

Архив П. А. Фалева уже привлекал внимание исследователей, однако не сам по себе, а лишь в связи с исследованиями других тюркологов – прежде всего П. М. Мелиоранского[2]. Довольно подробный обзор рукописи работы Фалева дает Л. В. Дмитриева [Дмитриева, 1973]; в свою очередь, В. А. Гордлевский отмечал, что наследие Фалева, «оставленное им в области изучения южнотюркских языков и литератур, незначительно» [Гордлевский, 1968, с. 416]; но на момент написания этих слов было известно лишь о нескольких

* Татьяна Александровна АНИКЕЕВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tatiana.anikeeva@gmail.com

Tatiana A. ANIKEEVA, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tatiana.anikeeva@gmail.com

[1] Более подробно см.: [Аникеева, 2018].

[2] См., например, «Тюркологический сборник 1972», посвященный памяти П. М. Мелиоранского: [Тюркологический сборник, 1973].

опубликованных при жизни и посмертно работах Фалева[3]. Наследие Фалева остается в значительной мере недооцененным и представляет собой большой интерес как для истории российской тюркологической науки, так и для изучения тюркских эпических традиций.

Помимо тетрадей, представляющих собой рукописные материалы, касающиеся эпоса «Едигей», а также большого количества разрозненных листов, содержащих заметки о лингвистических особенностях эпоса и заметки по азербайджанскому языку, безусловный интерес для тюрколога представляет часть неопубликованного исследования Фалева, повествующая о «Книге моего деда Коркута» и турецком *газават-наме* о Сейииде Баттале – то есть о традиции огузского тюркского эпоса. Это часть (лл. 1–16) общего двадцатистраничного «Введения» к труду о ногайском «Едигее».

Газават-наме, или так называемая «воинская повесть», является довольно поздним в хронологическом отношении жанром эпического турецкого фольклора. По всей видимости, он начал складываться одновременно с циклизацией сказаний в рамках другого значимого памятника турецкого фольклора – «Книги моего деда Коркута», то есть в XIII–XIV вв. Специфика данного жанра состоит в том, что в нем героика подвигов традиционного тюркского богатырского эпоса переплетена со сказочными событиями, местными малоазиатскими преданиями и арабской и персидской агиографическими традициями. Герой *газават-наме*, борясь с неверными-*гяурами*, совершает подвиги во имя веры (то есть ислама), а в центре воинской повести соответственно находится изображение боевых походов. Исторической основой повести о храбром султане Сейиид Баттале («Баттал-наме»), или Баттал-*гази*, являются события, связанные с арабо-византийскими войнами. Принято считать, что основные события, о которых идет речь в этом сказании, восходят к IX–X вв., наиболее поздние – к XII в. [Боролина, 1970, с. 353]. К сожалению, сказание о Сейиид Баттале (его жанровые особенности, исторический контекст, особенности бытования и т. д.) довольно долгое время оставалось обойденным вниманием российских исследователей[4] – и в этом смысле замечания Фалева относительно данного эпоса приобретают особую ценность. П. А. Фалев рассматривает воинскую повесть о Баттале не как фольклорное произведение, но в качестве анонимного литературного памятника, близкого арабскому народному роману «Сират Антара», или даже в какой-то степени исторического источника: «“Баттал” – не произведение эпического творчества тюрков-кочевников, а подражательный роман, приноровленный ко вкусам воинов за веру, газиев…» [Фалев, рукопись].

Мы сохраняем орфографию и пунктуацию оригинального текста. Библиографические ссылки П. А. Фалева преобразованы в соответствии с современными правилами цитирования (библиографический список приведен отдельно). Наши примечания размещены в квадратных скобках и помечены инициалами «*Т. А.*».

НОГАЙСКОЕ СКАЗАНИЕ ОБ ЕДИГЕЕ

Введение

[…] Ногайцы имели чрезвычайно интересную историю, которая вся отразилась в их эпосе. Между тем ногайский эпос, как таковой, не привлекал еще внимания исследователей. […] Гораздо более известны (хотя тоже довольно поверхностно) эпос южных тюрков, османцев, и эпос кара-киргизов.

Есть два произведения южно-тюркского эпоса, более других привлекавшие внимание ученых. Это – «Подвиги в битвах за веру Сеида Баттала-Гази» и «Китаб-и Коркуд». Подробную характеристику первого найдем в работах Флейшера [Fleischer, 1888] и В. Д. Смирнова [Смирнов, 1891]. Со вторым познакомили ориенталистов Диц [Diez, 1811-

[3] Например: [Пословицы, поговорки и приметы, 1915; Фалев, 1917].

[4] Исторический аспект сказания о Баттале, а также отголоски бытования эпоса в виде существующих в XX в. исторических легенд, связанных с почитанием могил сподвижников Сейиид Баттала, приведены у В. А. Гордлевского в его работах «Сельджукиды в Малой Азии» и «Османские сказания и легенды. Часть I» (см.: [Гордлевский, 1960 (1); Гордлевский, 1960 (2)].

1815, II, p. 399] и более подробно В. В. Бартольд [Бартольд, 1894; Бартольд, 1899; Бартольд, 1900]. В. В. Бартольд, характеризуя «Китаб-и Коркуд», противополагает ее «Батталу», как произведение, носящее более народный характер: «Герои Баттала – не национально-тюркские, а мусульманские герои, борцы за веру, и все носят мусульманские имена; имена героев «Коркуда» чисто турецкие» [Бартольд, 1894, с. 205]. Но этого мало – имена героев «Баттала» не только мусульманские, а более того, арабские. Среди турок ходят имена Османа, Омара, Ахмеда, Мухаммеда, Хусейна, Хасана и т. д., но в «Подвигах Баттала», кроме таких имен, мы находим чисто-арабские имена Мунзира, Али ибн Хашима, Аухада, Вахида, Яхьи ибн Мунзира, Абд-ас-Салама, Абд-аль-Ваххаба, Абу Тахира, Кельба ибн Сабаха и т. п. Любопытно отметить, что последнее арабское имя носит греческий полководец. Вероятно, здесь сказалось влияние значения имени Кельб – «собака». Распространенное в Аравии еще в до-мухаммеданскую эпоху, это имя казалось странным архи-правоверному автору «Баттала».

Присутствие арабских имен указывает на влияние арабских литературных источников. О влиянии со стороны арабской литературы говорит и другая черта, отличающая «Баттала» от «Коркуда». «Баттал», замечает В. В. Бартольд: «постоянно переписывается со своими противниками; герои “Коркуда” едва-ли умели писать» [Бартольд, 1894, с. 206]. Ради точности, укажу здесь, что на стр. 294 рукописи «Коркуда» упоминается письмо, но этот единственный факт не может служить опровержением. Отсутствие указаний на частые письменные сношения между героями вполне естественно в поэтическом произведении кочевого народа. Зато если мы встречаем в произведениях этого народа упоминание частой переписки, мы вправе искать инородного влияния. И здесь, как и в предыдущем случае, это влияние идет со стороны арабской литературы. Когда мне пришлось прочесть известную «Футух-и Шам» Псевдо-Вакиди[5], частое упоминание переписки в этой хронике сразу привело мне на память соответственную черту в «Баттале». На связь «Баттала» с арабской литературой указывают и многие другие частности, как например, характеристика врагов мусульман, греков поклонниками Лата и Маната[6]. Затем еще один факт: царь магрибского города Самнии собирается в поход на Шам[7], намереваясь оттуда предпринять завоевание Рума. Разумеется, мы не можем требовать от автора «Баттала» отчетливого знания географии, но совпадения направления этого предполагаемого похода на Рум с направлением таковых же походов арабов – заставляет и здесь искать зависимости от арабской литературы.

На эту зависимость давно указал Флейшер [Fleischer, 1888]. «Подвиги Сеида Баттала» он сближает с арабскими романами типа романов про Антару, Хамзу и Абу-Муслима. Этим вполне обоснованным сближениям названное произведение вводится в родную ему среду восточных рыцарских романов и выводится из чуждой ему области тюркского эпоса. «Подвиги Сеида Баттала» и «Китаб-и Коркуд» – две несоизмеримые величины. Их взаимное сравнение будет невыгодно либо для того, либо для другого. Так, подходя к «Батталу», как к национально-тюркскому эпосу, В. В. Бартольд находит, что «религиозные интересы поглощают в нем все остальное; для бытовых картин совсем не остается места, между тем как «Коркуд», как нельзя лучше изображает быт кочевников» [Бартольд, 1894, с. 205]. Но если принять во внимание, что «Баттал» – не произведение эпического творчества тюрков-кочевников, а подражательный роман, приноровленный ко вкусам воинов за веру, газиев, то необходимо будет признать его вполне отвечающим запросам вызвавшей его создание среды…

[5] [«Футух аш-Шам» («Завоевание Сирии») – историческая хроника, приписывающаяся историку IX в. ал-Вакиди, автору знаменитой «Китаб ал-магази». В случае «Футух аш-Шам» его авторство считается недостоверным, потому в историографии автора этого труда принято называть «Псевдо-Вакиди». – *Т. А.*].

[6] [То есть неверными, идолопоклонниками. Аллат и Манат – божества древнеарабской мифологии, почитавшиеся в Северной и Центральной Аравии. – *Т. А.*].

[7] [«Шам» и «Рум» в арабской географической литературе, а также в целом в арабской, персидской и тюркской литературной традиции и фольклоре обозначают Сирию и Византию (Римскую империю) соответственно. – *Т. А.*].

Литература / References

Аникеева Т. А. Неопубликованные материалы об огузском книжном эпосе в архиве П. А. Фалева // *Тюркологический сборник*. М., 2018 (в печати) [Anikeeva T. A. Neopublikovannye materialy ob oguzskom knizhnom epose v arkhive P. A. Faleva // *Tiurkologicheskii sbornik*. Moscow, 2018 (in print)].

Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под ред. А. Н. Кононова. М., 1989 [*Biobibliograficheskii slovar' otechestvennykh tiurkologov. Dooktiabr'skii period*. Ed. A. N. Kononov. Moscow, 1989].

Боролина И. В. Литература Турции // *Литература Востока в средние века*. Ч. II. М., 1970 [Borolina I. V. Literatura Turtsii // *Literatura Vostoka v srednie veka*. Vol. II. Moscow, 1970. Pp. 352–357].

Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии // Гордлевский В. А. *Избранные сочинения*. Т. 1. М., 1960. С. 31–218 [Gordlevskii V. A. Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloi Azii // Gordlevskii V. A. *Izbrannye sochineniia*. Vol. 1. Moscow, 1960. Pp. 31–218].

Гордлевский В. А. Османские сказания и легенды. Ч. I // Гордлевский В. А. *Избранные сочинения*. Т. 1. М., 1960. С. 321–361 [Gordlevskii V. A. Osmanskie skazaniia i legendy. Vol. I // Gordlevskii V. A. *Izbrannye sochineniia*. Vol. I. Moscow, 1960. Pp. 321–361].

Гордлевский В. А. Памяти П. А. Фалева (1888–1922) // Гордлевский В. А. *Избранные сочинения*. Т. 4. М., 1968. С. 415–416 [Gordlevskii V. A. Pamiati P. A. Faleva (1888–1922) // Gordlevskii V. A. *Izbrannye sochineniia*. Vol. 4. Moscow, 1968. Pp. 415–416].

Дмитриева Л. В. Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР // Тюркологический сборник 1972. М., 1973 [Dmitrieva L. V. Rukopis' raboty P. A. Faleva ob epose "Edigei" v Arkhive vostokovedov Instituta vostokovedeniia AN SSSR // *Tyurkologicheskii sbornik 1972*. Moscow, 1973].

Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные с А. А. Боданинским, Мартино и С. Мурасовым. Предисловие П. А. Фалева // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. Вып. 52. Симферополь, 1915. С. 1–67 [Poslovitsy, pogovorki i primety krymskikh tatar, sobrannye s A. A. Bodaninskim, Martino i S. Murasovym. Predislovie P. A. Faleva // *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Vol. 52. Simferopol', 1915. Pp. 1–67].

Тюркологический Сборник 1972. М., 1973 [*Tiurkologicheskii Sbornik 1972*. Moscow, 1973].

Фалев П. А. *Ногайское сказание об Едигее*. Рукопись. Архив востоковедов ИВР РАН (АВ. Разряд 2, опись 4, №34) [Falev P. A. *Nogaiskoe skazanie o Edigee*. Rukopis'. Arhiv vostokovedov IVR RAN (AV. Razryad 2, opis' 4, no.34)].

Фалев П. А. *Введение в изучение тюркских литератур и народов*. Ташкент, 1922 [Falev P. A. *Vvedenie v izuchenie tiurkskikh literatur i narodov*. Tashkent, 1922].

Фалев П. А. Кобланды-батыр // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. Т. XXIV. Петроград, 1917 [Falev P. A. Koblandy-batyr // *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. Vol. 24. Petrograd, 1917].

Литература в рукописи П. А. Фалева

Бартольд В. В. Китаби-Коркуд, I. Борьба богатыря с ангелом смерти // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. Т. VIII. СПб., 1894 [Bartol'd V. V. Kitabi-Korkud, I. Bor'ba bogatyria s angelom smerti // *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. Vol. 8. Saint Petersburg, 1894].

Бартольд В. В. Китаби-Коркуд, II. Рассказ о Богач-Джане, сыне Дерсе-хана // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. Т. XI. СПб., 1899 [Bartol'd V. V. Kitabi-Korkud, II. Rasskaz o Bogach-Dzhane, syne Derse-khana // *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. Vol. 11. Saint Petersburg, 1899].

Бартольд В. В. Китаби-Коркуд, III. Рассказ о разграблении дома Салор-Казана // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. Т. XII. СПб., 1900 [Bartol'd V. V. Kitabi-Korkud, III. Rasskaz o razgrablenii doma Salor-Kazana // *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. Vol. XII. Saint Petersburg, 1900].

Бартольд В. В. Китаби-Коркуд, IV. Рассказ о Бамси-Бейреке, сыне Кам-Бури // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. Т. XV. СПб., 1904 [Bartol'd V. V. Kitabi-Korkud, IV. Rasskaz o Bamsi-Beireke, syne Kam-Buri // *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. Vol. XV. Saint Petersburg, 1904].

Смирнов В. Д. *Очерк истории турецкой литературы*. СПб., 1891 [Smirnov V.D. *Ocherk istorii turetskoi literatury*. Saint Petersburg, 1891].

Diez H. F., von. *Denkwürdigkeiten von Asien in Künsten und Wissenschaften*. Bd. I–II. Berlin, 1811–1815.

Fleischer H. L. *Kleinere Schriften. Gesammelt, durchgesehen und vermehrt. Des zweiten bandes*. Leipzig, 1888.

ОТКОЧЕВКА НА ЗАПАД: КУМАНЫ И ЗОЛОТАЯ ОРДА В ВЕНГРИИ В XIII–XV ВВ.

А. Ш. Кадырбаев*

Эпоха многовековых взаимоотношений Венгрии, Болгарии, Сербии, Валахии и Польши с народами евразийских степей кипчаками и монголами – время неизгладимого взаимовлияния культур этих народов. Данная статья представляет собой исторический экскурс во взаимосвязи Венгрии и куманов и является первой в серии статей, посвященных истории взаимоотношений степных народов Евразии – монголов и куманов-кипчаков с Венгрией и странами Балкан в эпоху монгольского нашествия и Золотой Орды.

Ключевые слова: Дешт-и-кипчак, Монгольская империя, Золотая Орда, Евразия, степные народы, куманы, монголы, татары.

MIGRATION TO THE WEST: CUMANS AND THE GOLDEN HORDE IN HUNGARY IN 13-15TH CENTURIES

Alexander Sh. Kadyrbaev

The article is about the history of Hungary, Poland and Balkan states' relations with nomads of Eurasian steppes – Mongols and Cumans during Mongol invasion of the 13–15th centuries. The author describes the vast mutual influence of Golden Horde and Cumans, who served in Hungary, Poland and the Balkans.

Keywords: Cumans, Mongol empire, nomads, Golden Horde, steppe, Tatars, Hungary, Bulgaria, Poland, Serbia.

Первые поселения кипчаков в Венгрии, известных на Западе как «куманы» или «команы», восходят к 1091 г., когда они во главе с ханом Копулхой [Инсебаев, 2017, с. 108] совершили набег на эту страну, но были отражены. Многие их них попали в плен, однако вскоре были освобождены и поселились в специально отведенных для них районах на территории Венгерского королевства. В статье сделана попытка рассмотреть историю проживания куманов на венгерских землях как опыт относительно мирного взаимодействия кочевнической и оседлой культур на территории Восточной Европы

В борьбе со своими внутренними и внешними врагами венгерские короли неоднократно вступали в союз с куманами. С согласия правителей этой страны многие куманы остались здесь на постоянное жительство. Известны имена семи куманских ханов – Ретел, Бунга, Ете, Гурзул, Кубат, Овшад или Аузад, Байта, которые вместе с соплеменниками еще задолго до монгольского нашествия проживали в Венгрии и находились на службе у венгерских королей [Голубовский, 1883, с. 11–16].

Переселенцы-кипчаки образовали в Венгрии две орды – Большую и Малую Кумании. Каждая из них «управлялась наследственными начальниками из их же рода по народным уставам, обычаям и обрядам» [Голубовский, 1883, с. 17]. Куманская знать активно вмешивалась в интриги при венгерском дворе, и «команы» стали вызывать недовольство венгерской аристократии. В 1222 г. венгерский король Андрей II вынужден был под их давлением ограничить права куманской знати при венгерском дворе. Согласно королевской

* Александр Шайдатович КАДЫРБАЕВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kadyr_50@mail.ru

Alexander Sh. KADYRBAEV, DSc, Leading Research Fellow, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; kadyr_50@mail.ru

конституции, куманы не допускались на должности без разрешения Государственного Совета, в котором доминировали представители коренной мадьярской аристократии. Тем не менее, знатные куманы и их окружение пустили прочные корни в Венгрии, устанавливали родственные связи с королевским домом и не утрачивали свое влияние на государственные дела. В течение первой половины XIII в. число этих переселенцев в Венгрии выросло в результате монгольского нашествия, принудившего непокорных куманов оставить свои кочевья в Дешт-и-Кипчаке – стране кипчаков от Алтая до Дуная и бежать на запад, до самой Венгрии.

Отдельные орды кипчаков, известных в Европе и под названием «куны» (а на Руси как половцы), после поражения от монголов в 1223 г. на реке Калке [Пашуто, 1970, с. 221] переселялись в Венгрию и обязались принять католическую веру. В 1217–1234 гг. в Венгрии и Валахии на территории современной Румынии была создана специальная Половецкая католическая епархия. В 1237 г., когда вторая мощная волна монгольского нашествия охватила княжества Северо-Восточной Руси [Плетнева, 1990, с. 180–181], кипчакский хан Котян Сутоевич, еще недавно грозивший Галицко-Волынскому княжеству, обратился с письмом к венгерскому королю Беле IV, прося убежища и выражая готовность принять католичество. Король приветствовал это предложение, одарил послов Котяна и направил с ними в обратный путь послов-доминиканцев, скорее всего, из числа служивших в епископстве венгерских куманов, уже давно осевших в этой стране и принявших католичество.

Осенью 1239 г., когда третья волна монгольского нашествия охватила Южную Русь, и шло наступление на Киев, Бела IV лично встретил Котяна и его 40-тысячную кипчакскую орду на границе своих владений [Пашуто, 1970, с. 220]. Значительная часть Венгрии пострадала от прихода кипчаков хана Котяна – потоптаны были пашни, огороды и виноградники. Несмотря на это, в страхе перед надвигающимися на Венгрию монголами, сейм венгерской знати санкционировал поселение кипчаков в междуречье Дуная и Тисы и на восточных границах государства, где ожидался первый удар монголов. Узнав об этом, Бату-хан (Батый древнерусских летописей) послал королю высокомерное письмо, наполненное желанием поссорить венгров с кипчаками и угрозами в случае неповиновения разгромить Венгрию: «Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством, посему впредь приказываю тебе не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они кочуют без домов в шатрах, могут быть и в состоянии убежать, ты же, живя в домах, имеешь земли и города, как же тебе избежать руки моей» [Плетнева, 1985, с. 50].

Очевидно, Бела IV не пожелал подчиниться столь бесцеремонному диктату, и в начале 40-х гг. XIII в. куманы, «собравшиеся в Венгрии в большом количестве», совершили набег на авангард монгольских войск чингизида Сонгкура, но были разбиты. Однако куманы продолжали кочевать в венгерских степях, приняли католичество, а с Котяном Бела IV заключил соглашение о военной службе. Наследник Белы принц Стефан взял в жены одну из дочерей Котяна, крестившуюся Елизаветой, а сам Котян получил от короля титул "Dominus Cumanorum" – владыка куманов. Однако венгерская знать встревожилась усилением власти короля, получившим в свои руки такую силу, как куманы. Другой причиной недовольства венгров стало упомянутое послание монгольского хана к Беле IV [Плетнева, 1990, с. 180].

В 1241 г. куманы вторглись в Венгрию, где им немедленно было предъявлено обвинение в «опасных связях» с захватчиками – как с кипчаками, так и с выходцами из русских княжеств, а в целом – в том, что они навлекли на Венгрию монголов [Малышев, 2004], исходя из той логики, что в войсках монгольского вторжения был велик процент русских и кипчаков. В результате заговора Котян и другие куманские военачальники были убиты в Пеште, и под давлением венгерской знати королю пришлось с этим смириться. Убийство произошло в год монгольского нашествия на Венгрию и дорого обошлось этой

стране: часть куманов осталась служить венгерскому трону, но большинство восстали и начали разорять венгерские селения. Король пытался утихомирить их, но куманы продолжали набеги, отвечая: «Это тебе за Котяна». Не пожелав далее подчиняться королю, куманское войско устремилось на юг и, сокрушая все на своем пути, ушло на Балканы – в земли соседней Болгарии. Венгеро-куманский союз развалился, резко ослабив обороноспособность Венгрии и приведя к ее разгрому монгольскими войсками.

Но и после этих событий, когда нашествие уже схлынуло, влияние оставшихся кипчаков сохранялось при воспитанном матерью-куманкой короле Ласло, окружившем себя знатными куманами. Самыми влиятельными среди них были ханы, звавшиеся Узур и Альпар – во многом, они определили моду на куманскую роскошь, одежду, да и обычаи в целом [Плетнева, 1990, с. 185].

Тем временем при монгольском хане Берке (1259–1267 гг.), занявшем золотоордынский трон после смерти старшего брата Бату-хана и принявшем ислам, началось отделение Улуса Джучи (Золотой Орды, т. е. земель на западе, завоеванных при Бату) от распадавшейся Монгольской империи и сближение с кипчакскими мамлюками Египетско-Сирийского султаната, врагами западноевропейских крестоносцев, побуждавшими Орду к нападению на Европу. Берке решил сделать из Венгрии плацдарм для нападения на Европу, где к 1259 г. распространились слухи о новом нашествии, когда Берке отправил королю Беле послов с предложением военного союза.

Монголы помнили, что предки венгров, кочевые угорские племена несколько столетий назад пришли в Центральную Европу из глубин Азии и попытались использовать некоторую близость исторических и этнических корней, чтобы склонить венгров к союзу с монголами против Европы [Контрер, 2002, с. 3]. Союз предлагалось скрепить династическим браком детей Белы и Берке. Предусматривалось, что сын Белы с частью венгерских войск примет участие в походе под командованием военачальников Берке на Европу и получит пятую часть будущей добычи. Бела колебался, но все же склонился в пользу союза с Западом: к этому времени венгры, восточный по происхождению народ, стали гораздо ближе цивилизации Запада. Берке пытался использовать кипчакский фактор для сближения с Венгрией, ведь кипчаки составляли основу как золотоордынской, так и венгерской армий, а этническое родство было одной из причин политических связей Золотой Орды и венгерских куманов. Но Бела отказался от военного союза с Джучиевым Улусом и поход Берке на Европу не состоялся [Федоров-Давыдов, 1966, с. 190–191].

Политика близкого к куманам короля Ладислава (Ласло) IV Куна, сменившего Белу, вызывала постоянное раздражение венгерских магнатов, владения которых часто подвергались куманским набегам, тогда как Ласло, заинтересованный в ослаблении непокорных венгерских вассалов, закрывал на это глаза. Тогда венгерская знать обратилась к Римскому Папе, который прислал в страну представителя и в 1279 г. обязал короля огласить манифест, требовавший от куманских ханов и их окружения оставить почитание старых языческих богов, отбросить обычаи язычников и креститься. Кроме того, от них потребовали отказаться «от палаток и переносных жилищ... и оставаться в деревнях по обычаю христианскому» [Голубовский, 1889, с. 51].

О переселившихся в Венгрию куманах известно, что они гладко брились, волосы стригли коротко, многие обривали наголо и голову, но, в отличие от простых кочевников, представители знати носили на левой стороне головы клок волос или косу. Куманская мода на одежду и куафюр распространилось среди широких кругов венгерской знати [Бисенбаев, 2003, с. 46]

В манифесте 1279 г. в качестве снисхождения куманам разрешалось брить бороду, стричь волосы и носить свою одежду. Встречается указание, что они носили «шерстяной калпак». Для контроля за соблюдением объявленных в манифесте правил в каждое куманское «племя» и его «колена», т. е. в орды и курени назначались инквизиторы. Куманская верхушка

получала определенные наделы земли и на основании этого владения превращалась в вассалов короля, равных в правах с венгерской знатью [Кадырбаев, 1997, с. 58].

Через три года куманы вновь восстали (часть из них откочевала под власть Золотой Орды) и оттуда при поддержке ордынцев напали на Венгрию, разорив страну до самой столицы Пешта. Вероятно, после этого все, что стесняло свободу куманов в манифесте, было отменено, поскольку в 1290 г. Римский Папа Николай вновь писал королю Венгрии, чтобы он заставил куманов жить в домах, а принявших христианство – уничтожить хотя бы идолов, символизирующих старых богов. Вплоть до смерти короля Ласло в 1290 г., куманы занимали прочные позиции при дворе и сопротивлялись христианизации.

В 1285 г. Ласло вступил в переговоры с влиятельным золотоордынским военачальником Ногаем («темником» по-древнерусски, или «тюмен-беги» по-тюркски), что позволило ему удержаться у власти еще несколько лет. Ногай был чингизидом, потомком хана Джучи. Ногай являлся ключевой фигурой в истории Джучиева Улуса с 1260 г. до его смерти в 1300 г., когда под его управлением оказалась большая часть западных владений Золотой Орды от Дона до нижнего Дуная, известная как Ак-Орда. Хотя Ногай официально не был ханом Ак-Орды, он обладал поистине ханской властью на этих землях, о чем свидетельствуют древнерусские летописи, часто называющие Ногая «царем», русским эквивалентом слова «хан». С 1262 г. имя Ногая встречается уже среди новообращенных в мусульманскую веру, о чем он заявляет в письме султану Мамлюкского государства в Египте и Сирии ал-Малику аз-Захири в 1270 г. [Рахманалиев, 2009, с. 211]. К сфере влияния Ногая относились и северные земли Дунайской Болгарии, поэтому неудивительно, что его старший сын впоследствии занял болгарский трон.

С Ногаем был вынужден считаться даже император Византии Михаил VIII Палеолог, владения которого в 1271 г. подверглись его набегам. В 1272 г. византийцы заключили мир с Ногаем, и для укрепления союза выдали за него дочь императора Ефросинью. Политическая значимость этого брака была весьма показательна, так что Ласло был отнюдь не первым правителем, с которым Ногай поддерживал тесные связи. И хотя факт сговора Ласло с Ногаем не доказан, ушедшие из Венгрии к Ногаю куманы в 1285 г. вместе с кипчаками Золотой Орды участвовали в набеге на Венгрию.

Вне сомнения, одной из главных причин связей Венгрии и Улуса Джучи было этнокультурное родство кипчаков обоих государств. Из-за противодействия христианизации в 1290 г. Римский Папа даже призвал соседние государства к войне с Венгрией, но в том же году приближенные куманские князья убили Ласло. Возможно, это было вызвано борьбой группировок куманской знати по вопросу об отношениях с Ордой.

Итак, часть куманов в Венгрии были сторонниками сближения с этнически близкой Золотой Ордой. Военный союз куманов – венгерских кипчаков с Джучиевым Улусом не сложился из-за того, что Берке не смог переубедить Белу, находившегося под влиянием Римских Пап [Почекаев, 2010, с. 47–73]. Союз Ласло и Ногая оказался непрочным, хотя и поддерживался венгерскими и золотоордынскими кипчаками, которые к тому времени стали одними из самых влиятельных племен Улуса[1]. Интересно, что и в древнерусских летописях, посвященных Куликовской битве, воинов беклярибека Золотой Орды Мамая называют половцами, что свидетельствует о том, что кипчаки составляли заметный контингент его армии. Оппозиция венгерской знати и папства союзу как Венгрии и Золотой Орды, так и кипчаков этих государств, оказалась сильнее, а после смерти короля Ласло в 1290 г. и Ногая в 1300 г. шансы на сближение Венгрии и Золотой Орды исчезли [Федоров-Давыдов, 1966, с. 233].

Римские Папы и венгерская знать воспринимали куманов в Венгрии как своего рода «пятую колонну» и стремились «нейтрализовать» их влияние в стране путем христианизации,

[1] Об этом свидетельствует, например, формирование гвардии хана Тохтамыша, взявшего в 1382 г. реванш у Московского княжества за поражение ордынцев Мамая на Куликовом поле, только из воинов четырех племен, в числе которых находились кипчаки. См., например: [Каргалов, 2008, с. 353].

отрывая их от собственной культуры, языка, образа жизни. Только через сто лет, в конце XIV в., кипчаки в Венгрии полностью осели и приняли христианство, но по-прежнему оставались военным сословием. На протяжении длительного исторического периода с XI по XIX вв. венгерские кипчаки сохраняли этническую самобытность и язык. Памятником языка и культурным достижением куманов является "Codex Cumanicus", датируемый XIV в. и дошедший до наших дней [Гаркавец, 2006]. Ныне куманы, или команы, стали субэтнической группой в составе венгерского народа.

Литература / References

Бисенбаев А. К. *Другая Центральная Азия.* Алматы, 2003 [Bisenbaev A. K. *Drugaya Tsentral'naya Aziya.* Almaty, 2003].

Гаркавец А. Н. *Codex Cumanicus. Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII-XIV вв.* М., 2006 [Garkavets A. N. *Codex Cumanicus. Polovetskie molitvy, gimny i zagadki XIII-XIV vv.* Moscow, 2006].

Голубовский П. *Печенеги, торки и половцы до нашествия татар.* Доп. к III части. СПб, 1883 [Golubovsky P. *Pechenegi, torki i polovtsy do nashestviya tatar.* Dop. k III chasti. Saint-Petersburg, 1883].

Голубовский П. Половцы в Венгрии (Исторический очерк) // *Университетские известия. Год XXIX.* № 12 – Декабрь. Киев, 1889. С. 45-72. [Golubovskiy P. Polovtsy v Vengrii (Istoricheskiy ocherk) // *Universitetskie izvestiya. God XXIX.* N 12—Dekabr'. Kiev, 1889. Pp. 45-72].

Инсебаев Т. А. *Историческое прошлое кыпчаков Евразии (очерки истории средневековых кыпчаков).* Т. 3. *Кыпчакский след.* Павлодар, 2017 [Insebaev T. A. *Istoricheskoe proshloe kypchakov Evrazii (ocherki istorii srednevekovyh kypchakov).* V. 3. *Kypchakskiy sled.* Pavlodar, 2017].

Кадырбаев А. Ш. *За пределами Великой степи.* Алматы, 1997 [Kadyrbaev A. Sh. *Za predelami Velikoy stepi.* Almaty, 1997].

Каргалов В. В. *Русь и кочевники* / Гл. ред. С. Н. Дмитриев. М., 2008 [Kargalov V. V. *Rus' i kochevniki* / Gl. red. S. N. Dmitriev. Moscow, 2008].

Контрер Л. *История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы.* М, 2002 [Kontrer L. *Istoriya Vengrii. Tysyacheletie v tsentre Evropy.* Moscow, 2002].

Малышев А. Б. Половцы в Венгрии и Золотая Орда в середине – конце XIII в. // *Дешт-и-Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов.* Материалы международной конференции. М., 2004. С. 24-30 [Malyshev A. B. Polovtsy v Vengrii I Zolotaya Orda v seredine – kontse XIII v. // *Desht-i-Kipchak i Zolotaya Orda v stanovlenii kul'tury evraziyskih narodov.* Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Moscow, 2004. Pp. 24-30].

Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // *Татаро-монголы в Азии и Европе.* М., 1970 [Pashuto V. T. Mongol'skyi pohod v glub' Evropy // *Tataro-mongoly v Azii i Evrope.* Moscow, 1970].

Плетнева С. А. *Половцы.* М., 1990 [Pletnyova S. A. *Polovtsy.* Moscow, 1990].

Плетнева С. А. Донские половцы // *Слово о полку Игореве.* М., 1985 [Pletnyova S. A. Donskie Polovtsy // *Slovo o polku Igoreve.* Moscow, 1985].

Почекаев Р. Ю. *Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды.* СПб, 2010 [Pochekaev R. Yu. *Tsari ordynskie. Biografii hanov i pravitelei Zolotoi Ordy.* Saint-Petersburg, 2010].

Рахманалиев Р. *Империя тюрков. Великая цивилизация.* М., 2009 [Rahmanaliev R. *Imperiya tyurkov. Velikaya tsivilizatsiya.* Moscow, 2009].

Федоров-Давыдов Г. А. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.* М., 1966 [Fyodorov-Davydov G. A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskih hanov.* Moscow, 1966].

МИССИЯ М. В. ФРУНЗЕ В АНКАРУ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ, ОЦЕНКАХ УЧАСТНИКОВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

А. Д. Васильев*

В статье делается попытка проанализировать известные материалы и открытые архивные документы, посвященные военно-политической миссии М. В. Фрунзе в Турции в 1921 г. Выдвинуто предположение, что передача туркам российского золота и выяснение деталей франко-турецкого соглашения не являлись первоначальными задачами миссии. Основной целью миссии должны были стать разработка и координация планов возможных совместных военных акций (от лица советской Украины) против Антанты, военно-техническая помощь турецкой армии, а также заверение Мустафы Кемаля в том, что РСФСР будет поддерживать только его и свернет поддержку его конкурентов-младотурок и турецкой компартии.

Ключевые слова: М. В. Фрунзе, Мустафа Кемаль Ататюрк, советско-турецкие отношения, дипломатия, Турция, СССР, Россия, Украина.

MIKHAIL V. FRUNZE'S MISSION TO ANKARA AS REFLECTED IN ARCHIVE DOCUMENTS, REFERENCES OF THE PARTICIPANTS, AND RESEARCHERS

Alexander D. Vasiliev

The article analyzes both well-known materials and recently found archival documents concerning the mission of Mikhail V. Frunze to Ankara in 1921. The author suggests that transfer of Russian gold to the Turks and clarification of the Franco-Turkish agreement were not the original tasks of the mission. Instead, the objectives were to develop and coordinate plans for possible joint military actions (on behalf of Soviet Ukraine) against the Entente, to provide military and technical assistance to the Turkish army, and to give assurance to Mustafa Kemal on behalf of Soviet leadership that they would support only him and withhold support of his rivals – Young Turks and the Turkish Communist Party.

Keywords: M. V. Frunze, Mustafa Kemal Ataturk, Soviet-Turkish relations, diplomacy, Turkey, Russia, Ukraine.

Начальный этап советско-турецких отношений (1918–1923) – период, насыщенный событиями и фактами, неоднократно описанный и, в то же время, противоречивый и хранящий немало тайн. В советской историографии установление связей между РСФСР и Турцией было принято трактовать как однонаправленный процесс дружбы и поступательного и расширяющегося сотрудничества перед лицом западного империализма. Часто такая оценка встречается и сегодня. Однако в свете раскрытия новых архивных документов, доступных исследователям, картина советско-турецких отношений представляется более многогранной и запутанной. До конца не освещены попытка экспорта революции в Турцию на рубеже 1920–1921 гг., а также политика Советов в отношении бывших младотурецких лидеров – Энвера и Джемаля-пашей. Военно-политическая миссия М. В. Фрунзе (25 ноября 1921 – 16 января 1922 гг.) стала наиболее важным событием в российско-турецких отношениях после заключения Московского и Карсского договоров 1921 г. Формально ее задачей было подписание договора о дружбе и

* Александр Дмитриевич ВАСИЛЬЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. VASILIEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru

братстве с Украиной вслед за признанием Турцией советских закавказских республик, у которых с той имелись общие сухопутные границы. Однако задачи Фрунзе имели особый характер и выходили «далеко за рамки» подписания двустороннего договора. Советские ученые, писатели и публицисты неоднократно обращались к ее описанию, а зарубежные исследователи – в гораздо меньшей степени. В советских туркологических[1] исследованиях миссия и ее военно-политическая подоплека освещались крайне скупо и сквозь призму господствовавшей идеологии. Поездка Фрунзе в Анкару стала сюжетом для литературных произведений, способствовавших ее мифологизации. Однако военно-политическая подоплека миссии, несмотря на обширное ее описание самим Фрунзе, по-прежнему остается во многом неизвестной. В данной статье будет предпринята попытка проанализировать изучение миссии Фрунзе и ее военно-политическую составляющую.

Личность и деятельность М. В. Фрунзе неоднократно становились объектом научных и научно-популярных работ. Участие в революции, руководство Красной армией в 1918–1920 гг. и полководческая деятельность Фрунзе в годы Гражданской войны не раз освещалась российскими публицистами, военными и писателями[2].

Менее известна дипломатическая деятельность Фрунзе. Вероятно, он проявил свои дипломатические способности еще на фронтах Туркестана и на Советской Украине. Однако наибольшую известность как дипломат Фрунзе получил в связи с поездкой в Анкару. Впервые о Фрунзе как дипломате писали в связи с кончиной: советский постпред в Турции С. И. Аралов [Аралов, 1925], начальник штаба Фрунзе А. К. Андерс [Андерс, 1925], первый советский посол в Персии и известный советский писатель Ф. Ротштейн [Ротштейн, 1926]. Краткие газетные статьи имели характер некрологов. В сборнике статей «М. В. Фрунзе. Полководческая деятельность» генерал-майор В. В. Васильев опубликовал обширную статью «Фрунзе – дипломат» [Фрунзе, 1950, с. 242–270]. Статью, посвященную миссии Фрунзе в Турцию, опубликовал А. Н. Хейфец [Хейфец, 1962, с. 90–104]. Этим почти исчерпывается советская литература, посвященная непосредственно дипломатической деятельности Фрунзе. Однако о ней неоднократно упоминалось в общих трудах по истории советско-турецких отношений [Гоголев, 1950].

Уже в новой России известный историк, исследователь ислама в Российской империи и СССР Д. Ю. Арапов впервые в отечественной историографии рассмотрел фигуру Фрунзе с точки зрения его отношения к исламу и мусульманскому Востоку [Арапов, 2015, с. 143–152]. Миссия Фрунзе стала сюжетом для литературных и научно-популярных работ – «Турецкий караван» Я. Ильичева, «Господин чрезвычайный посол» Г. В. Петрухина [Ильичев, 1980; Петрухин, 1983].

Основной первоисточник информации о турецкой миссии – серия путевых дневников и очерков Фрунзе, опубликованная им в газете «Коммунист» вскоре после поездки в Анкару, а затем перепечатанная в собрании сочинений Фрунзе [Фрунзе, 1929, т. I, с. 274–364]. В него же вошел и доклад на заседании ВУЦИК и СНК УССР о заключении договора о дружбе и братстве с Турцией [РГВА, Ф. 32392, Оп. 1, Д. 30, Л. 4–11]. К важным источникам можно отнести и мемуары дипломатов, служивших на турецком направлении в 1921–1922 г.: например, мемуары советского постпреда в Анкаре С. И. Аралова, успевшего встретиться с

[1] Среди советских исследователей существовал консенсус о необходимости разделить исследования тюркского мира на «туркологическую» и «тюркологическую» части (см.: [Болдырев, Орешкова, 2018, в печати]). Однако в своей деятельности Фрунзе рассматривал, например, события в Туркестане и Персии в тесной связи с процессами на территории Турции [Васильев, 2018, в печати]. Одним из критериев выбора кандидатуры Фрунзе стало его знание тюркских языков и знакомство с мусульманским миром. Подобное разделение на «туркологов» и «тюркологов», предполагающее сверхузкую специализацию, представляется в настоящий момент рудиментом советской эпохи, учитывая тесные региональные связи тюркоязычных государственных образований и в 1920-х гг., и особенно после распада СССР.

[2] О М. В. Фрунзе см.: [Фрунзе, 1991; Архангельский, 1970; Рунов, 2011], а также: [Архангельский 1970; Млечин, 2014]. Ценные сведения о Фрунзе содержатся в фонде «М. В. Фрунзе», хранящемся в Российском государственном военном архиве (РГВА) в Москве. См. также: [Фадеев, 1938].

Фрунзе в Самсуне, когда тот возвращался в Харьков [Аралов, 1960, с. 41–45]. Мемуары советского писателя и журналиста А. Г. Глебова, в 1920–1924 гг. работавшего в Наркоминделе РСФСР, а в 1922 г. бывшего вторым секретарем миссии С. И. Аралова, описывали достаточно откровенную и длительную беседу Фрунзе с членами советской миссии на борту парохода «Феликс Дзержинский» в порту Самсуна [Глебов, 1960, с. 42–44].

В 1958 г. вышла статья адъютанта Фрунзе Л. С. Колядко о его участии в миссии в Ангору (так называлась Анкара в советских документах) [Колядко, 1958, с. 12], впоследствии перепечатанная в расширенном варианте [Колядко, 1965, с. 200–208] [3]. Свидетельство Колядко, что именно в Батуме при погрузке золота для анкарского правительства на пароход «Георгий» он увидел, как выглядит один миллион золотых рублей [Колядко, 1985, с. 245][4], неоднократно цитировалось советскими авторами.

Всплески научного и общественного интереса к миссии Фрунзе в советской тюркологии совпадали с периодами советско-турецкого сближения. Так, на фоне начала потепления в двусторонних отношениях и активизации экономических и культурных контактов в 1958 г. вышла статья с воспоминаниями Л. С. Колядко [Колядко, 1958, с. 12] и некоторые работы по истории украинско-турецкого договора [Шамсутдинов, 1959, с. 174–181]. По совпадению мемуары С. И. Аралова и А. Г. Глебова практически одновременно вышли в 1960 г. на фоне дружественных заявлений турецкого премьер-министра Дж. Гюрселя о связях с СССР. Сложно сказать, насколько точно и объективно авторы мемуаров передают ход бесед и детали встреч спустя почти 38 лет. В том же 1960 г. выходит советская публикация документов, связанных с миссией Фрунзе [Миссия Фрунзе в Турцию, 1960, с. 155–158]. Вскоре выходит и статья известного исследователя А. Н. Хейфеца [Хейфец, 1962] – пожалуй, лучшая советская статья о миссии. В 1963 г. в журнале «Звезда» в рубрике «Заметки писателя» появилось эссе Я. Ильичева «С доброй миссией» [Ильичев, 1963] – отрывок из книги, целиком посвященной миссии Фрунзе.

На фоне подъема советско-турецкого сотрудничества конца 1970-х – начала 1980-х гг. появляются крупные литературные произведения о миссии [5]. Сюжет о ее дружественном характере становится элементом советской «мягкой силы» и народной дипломатии в отношениях с Турцией. В то же время ни один из писавших о поездке Фрунзе в связи с российско-турецкими отношениями того времени не пользовался архивными материалами[6], опираясь преимущественно на литературу, газетные статьи, публикации документов и мемуаров. По всей видимости, документов о деятельности миссии не так много. Прекрасный знаток российских архивов по Востоку и исламу Д. Ю. Арапов в беседах с автором неоднократно отмечал, что в российских и украинских архивах недостаточно материалов, освещающих ход переговоров Фрунзе в Анкаре.

На первый взгляд, мы знаем о миссии Фрунзе практически все – примерный состав, цели, детальное описание пути; существует обширная, хотя и несколько мифологизированная историография. Однако остаются неизвестными наиболее важные и принципиальные вопросы. Каково было реальное состояние советско-турецких отношений накануне миссии? Как намекает вслед за Колядко Хейфец, значение миссии «далеко выходило» за рамки чисто турецко-украинских отношений [Хейфец, 1962, с. 92]. Каким было истинное содержание бесед Фрунзе с Мустафой Кемалем? Российские исследователи пока не выявили документы, освещающие личные встречи участников (хотя их было как минимум

---

[3] См. также переиздание: [Колядко, 1985, с. 244–251].

[4]. Судя по публикации советских документов, Фрунзе должен был передать Мустафе Кемалю 1.100.000 золотых рублей. См.: [Миссия Фрунзе в Турцию, 1960, с. 155–158. Док. №5].

[5] См., например: [Ильичев, 1980; Петрухин, 1983].

[6] Исключением стала лишь статья Хейфеца, сославшегося на одно хранившееся в Центральном партархиве Института Марксизма-ленинизма сообщение Анатолийского телеграфного агентства об интервью Фрунзе журналисту газеты «Хакимиет-и Миллие».

две, плюс переговоры на уровне военных специалистов) [7], однако предполагаемое содержание этих бесед дало богатую почву фантазиям советских литераторов[8]. Договор же с Советской Украиной о «дружбе и братстве» был подписан Фрунзе и министром иностранных дел анкарского правительства Юсуфом Кемалем.

Еще 28 мая 1921 г. Г. В. Чичерин сообщил Ю. Кемалю, что Советская Украина желает вступить в переговоры с анкарским правительством. Предполагалось провести переговоры в тогдашней столице Харькове. Правительство Мустафы Кемаля, занятое противостоянием с греками, в ответе, пришедшем 22 июля, просило Чичерина повлиять на Украину, чтобы она прислала представителя в Анкару. 9 августа 1921 г. в качестве посла была утверждена кандидатура М. В. Фрунзе, а 26 августа получено официальное согласие «Тур Пра»[9]. Однако миссия Фрунзе отправилась из Харькова только 5 ноября. Была ли вызвана двухмесячная задержка занятостью Фрунзе на посту Главкома Украины и борьбой с остатками банд Махно? Или же советское (да и турецкое) руководство ожидало итогов важного сражения на реке Сакарье (22 августа – 13 сентября 1921 г.)[10]? Очевидно, что в это время Фрунзе внимательно следил за развитием ситуации в Турции и готовил «медийный» фон для своей поездки: 6 октября в газете «Коммунист» появляется статья «По ту сторону Черного моря» [Фрунзе, 1921], где он дает свое видение итогов греко-турецкой борьбы и делает прогноз будущих отношений Турции и стран Антанты.

Неотъемлемым элементом советского нарратива о миссии Фрунзе был рассказ о необходимости выяснить подоплеку франко-турецкого договора 22 октября 1921 г. Советское руководство интересовалось, не имел ли договор секретных статей, направленных против Советской России. Вопрос возник после того как участники, цели и задачи миссии, «выходящей далеко за рамки» украинско-турецких отношений, были согласованы. В чем же еще, помимо дипломатического зондажа, передачи золота и «подчеркивания тесной дружбы» с Турцией, могли состоять цели миссии?

Наконец, еще один вопрос, остающийся без ответа: почему для миссии была выбрана кандидатура военного деятеля М. В. Фрунзе? Ведь до него дипломатическими представителями РСФСР и других советских республик (например, Азербайджана) были либо партийные деятели (Ш. З. Элиава, Я. Я. Упмал-Ангарский, И. М. Абилов, Б. Г. Мдивани, полпред в Турции С. П. Нацаренус), либо персоны, имевшие смешанный партийно-политический и (в меньшей степени) военный опыт. Кроме того, в руководстве УССР были и другие опытные дипломаты, например, нарком иностранных дел Украины Х. Г. Раковский или выпускник Сорбонны Д. З. Мануильский [11]. По всей видимости, необходима была кандидатура посла, более авторитетного в военных вопросах, а также пользующегося полным доверием ЦК. В пользу выбора кандидатуры Фрунзе было еще и то, что он владел разговорным киргизским языком. Хотя тогдашний киргизский достаточно существенно отличался от османского турецкого, знакомство Фрунзе с мусульманским миром и «восточными делами», считалось важным слагаемым успеха.

Состояние советско-турецких отношений с марта по декабрь 1921 г. описано в советских трудах достаточно схематично: Московский договор 1921 г. – конференция закавказских республик и Карсский договор 1921 г. – миссия Фрунзе в Турцию. Детали советско-турецких отношений того периода упоминаются вскользь. Имеющаяся в нашем

---

[7] Известный турецкий исследователь Явуз Аслан в статье [Aslan, 2002], опубликованной отдельным изданием, приводит интереснейшие сведения о беседе, записанные представителем советского Азербайджана И. Абиловым.

[8] См., например: [Ильичев, 1963, с. 412–417; Петрухин, 1983, с. 350–354, 360–363].

[9] Так в текстах советских документов зачатую сокращенно именовалось турецкое правительство.

[10] Силы греков и турок были примерно равны, но техническое превосходство – на стороне греков. Битва не принесла решающего успеха ни одной из сторон, однако греки приняли решение отвести войска западнее на прежние, более укрепленные позиции.

[11] Кстати, еще один выпускник Сорбонны, Дж. А. Коркмасов, совместно с Г. В. Чичериным подписал Московский договор 1921 г. с Турцией.

распоряжении сводка турецкого стола НКИД о состоянии советско-турецких отношений в 1920–1921 гг. (по декабрь 1921 г.), подготовленная для ВО ГПУ [Центральный архив ФСБ. Ф. 1, Оп. 6, Д. 448, Л. 141–147], позволяет пролить свет на обстоятельства советско-турецких отношений, приковывавших внимание НКИД. Так, в сводке указывается, что в марте начались притеснения русского населения в отошедшей к Турции Карсской области [Центральный архив ФСБ. Ф. 1, Оп. 6, Д. 448, Л. 144]. Речь шла не только об оставшемся там русском населении, но прежде всего о молоканах, активно переселявшихся туда на рубеже XIX–XX вв. Попытки сначала призвать молокан на службу в турецкую армию, а затем вытеснить их с занятых земель весьма беспокоили НКИД РСФСР.

18 мая 1921 г. НКИД требует передать РСФСР концессию на разработку Чорохских и Кварцианских медных рудников [Центральный архив ФСБ. Ф. 1, Оп. 6, Д. 448, Л. 144]. До Первой мировой войны месторождения медных руд в бассейне реки Чорох находились на территории Батумской области Российской империи и активно разрабатывались; в регионе действовал крупный Дзансульский медеплавильный завод в районе реки Мургул. Однако в результате развала Кавказского фронта Первой мировой войны медные рудники и медеплавильные заводы оказались в руках турок. Кроме того, в регионе добывали марганец, свинец, в незначительных количествах – серебро. Однако требования насторожили турецкое правительство, посчитавшее их возвратом Советской России к политике, проводившейся в отношении Турции Российской империей.

В РГАСПИ хранятся малоизвестные документы о деталях переговоров вокруг Кварцианских и Чорохских медных рудников. В записке И. Сталину от 5 ноября 1921 г. (т. е. когда Фрунзе еще только собирался выехать из Харькова) Чичерин писал о полученной из Анкары от С. П. Нацаренуса шифровке, где говорилось о ноте турецкого министра иностранных дел Ю. Кемаля по поводу советской концессии на рудники. Советская сторона поставила вопрос о том, что дальнейшая уплата части денежных взносов РСФСР в соответствии с Московским договором в помощь Турции должна была быть связана с предварительным соглашением о рудниках Чороха.

Чичерин писал, что позиция советского руководства ставит в затруднительное положение заинтересованное в дружбе с Россией «крыло» турецкого правительства. Подчеркивая особую роль Турции на мусульманском Востоке, Чичерин полагал: такая позиция даст повод критиковать советско-турецкое сближение и сыграет на руку сторонникам сближения с «многовековым другом» Турции – Францией [РГАСПИ. Ф. 159, Оп. 2, Д. 57, Л. 84].

Уже на следующий день Чичерин написал записку в Политбюро ЦК РКП(б), где изложил предысторию вопроса о рудниках: «Когда было принято решение предоставить туркам из второй половины нашего взноса *1.100.000* (выделено мной – *А. В.)* рублей после заключения соглашения о рудниках Чороха, т. Ганецкому было поручено одновременно заключить соглашение о Чорохе и выдать означенную сумму[12]. Ввиду того, что Карабекир[13] не был уполномочен на первое, сумма не была передана. Таким образом, дальнейшая выдача золота приобрела характер компенсации за услуги, или же форму обусловленности компенсацией с турецкой стороны. Юсуф Кемаль написал по этому поводу чрезвычайно взволнованную ноту, в которой указал, что приверженцам ориентации на Россию чрезвычайно трудно продолжать свою линию, ввиду неисполнения Россией своих обязательств, так как в договоре[14] выдача золота предусматривалась без компенсации» [РГАСПИ. Ф. 159, Оп. 2, Д. 57, Л. 85]. Чичерин предложил немедленно выдать очередной

[12] Якуб Ганецкий (Яков Станиславович Фюрстенберг) – представитель РСФСР во время заключения и подписания Карсского договора между Турцией и советскими закавказскими республиками в 1921 г. По всей вероятности, договоренность должна была быть заключена во время конференции в Карсе.

[13] Карабекир, Кязым – командующий Восточным фронтом в ходе турецкой национально-освободительной войны, руководитель турецкой делегации на Карсской конференции (26 сентября – 13 октября 1921 г.)

[14] Вероятно, речь идет о договоренностях о финансовой помощи Турции в ходе подготовки Московского договора в феврале–марте 1921 г.

взнос и срочно направить по запросу Ю. Кемаля экспертов для переговоров о рудниках. Также он просил Политбюро поручить Орджоникидзе «немедленно передать то, что значилось в списке в момент заключения договора, и что сейчас у него наготове» [РГАСПИ. Ф. 159, Оп. 2, Д. 57, Л. 85].

В советской историографии передача миллиона рублей стала неотъемлемым эпизодом описания миссии Фрунзе. Б. В. Легран в телеграмме Чичерину от 15 ноября подтверждал, что указание выполнено и 1.100.000 золота Фрунзе будут переданы[15]. По всей видимости, учитывая ряд задержек Фрунзе в пути[16], Чичерину подвернулся удобный случай напрямую передать туркам золото в компенсацию за рудники под надзором надежного товарища. Золото грузили на отдельный пароход из необходимости соблюдать скрытность [Колядко, 1985, с. 245]. Однако это может свидетельствовать и том, что первоначальный план миссии Фрунзе не предполагал передачу золота.

12 июля 1921 г. Юсуф Кемаль обратился к советскому руководству с просьбой «провести диверсию» на румынской границе [Центральный архив ФСБ. Ф. 1, Оп. 6, Д. 448, Л. 144]. Отношения РСФСР с Румынией в тот момент были чрезвычайно напряженными. Румынский министр иностранных дел Таке Ионеску был активным сторонником создания антисоветской Антанты пяти государств от Балтийского до Эгейского морей (в нее должны были войти Польша, Чехословакия, Югославия, Румыния и Греция)[17]. Свержение советской власти в Бессарабии привело к разрыву отношений РСФСР и Румынии[18]. В то же время отношения Турции с Румынией оставались натянутыми. В ходе Первой мировой войны Румыния находилась в лагере врагов Турции и по итогам войны вошла в состав держав-победителей. Хотя у Турции и Румынии не было сухопутной границы, проект создания Антанты пяти государств также подразумевал поддержку греческих притязаний на Измир и Западную Анатолию. Весной и летом 1921 г. Таке Ионеску подписывает оборонительные договоры с Польшей, Чехословакией, Югославией[19]. По сообщению турецкой газеты «Йени Гюн», во время посещения европейских столиц Ионеску заявил, что если Турция продвинется к Проливам, то Румыния готова взамен некоторых уступок и преимуществ послать войска против анатолийской армии [Васильев, 1950, с. 259]. Учитывая турецкое отступление и тяжелую ситуацию на турецко-греческом фронте, румынская военная поддержка могла изменить баланс сил в Анатолии в пользу Антанты. В этой ситуации военная поддержка Советской Украины была весьма кстати. Вполне вероятно, что во время встреч с турецкими генштабистами Фрунзе обсуждал возможные планы совместной военной демонстрации против Румынии.

7 августа Мустафа Кемаль заявил С. П. Нацаренусу, что «если Россия хочет советизировать Турцию, это легче сделать через мое посредство, чем через Энвера» [Центральный архив ФСБ. Ф. 1, Оп. 6, Д. 448, Л. 145]. В целом, роль Энвер-паши и младотурок в советско-турецких отношениях в советской историографии не рассматривалась. О тесных контактах советских вождей с младотурками как с альтернативным центром силы в Турции упоминалось зачастую лишь отрывочно[20]. Основное внимание уделялось анализу связей Советской России с анкарским правительством и личным отношениям советских

---

[15] См.: [Миссия Фрунзе в Турцию, 1960, с. 157. Док. №6]. Документ адресован Чичерину и подписан полпредом РСФСР в закавказских республиках Б. В. Леграном.

[16] Чичерин полагал, что Фрунзе выедет из Харькова 26 октября [РГАСПИ. Ф. 159, Оп. 2, Д. 57, Л. 83]. Фактически, Фрунзе выехал из Харькова 5 ноября, и до 24 ноября задержался в Батуме. См.: [Миссия Фрунзе в Турцию, 1960, с. 157. Док. №4, 6].

[17] См.: *Ионеску Т.* URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/554/ИОНЕСКУ (дата обращения 22.04.2018).

[18] См.: [Мельтюхов, 2010]. Также см.: Мельтюхов М. *Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940.* URL: https://profilib.net/chtenie/156851/m-meltyukhov-bessarabskiy-vopros-mezhdu-mirovymi-voynami-1917-1940-lib.php (дата обращения 22.04.2018).

[19] *Ионеску Т.* URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/554/ИОНЕСКУ (дата обращения 22.04.2018).

[20] См., например: [Хейфец, 1964, с. 109–110].

лидеров с Мустафой Кемалем. Смена идеологических парадигм и открывшиеся в 1990-х гг. архивные фонды позволили начать процесс переоценки сотрудничества младотурок и советского правительства [Казанджян, 1996; Тихонов, 2010, с. 50–62]. Вместе с тем вопрос о ходе, причинах и итогах этого сотрудничества остается малоисследованным. Энвер-паша и его сторонники сравнительно рано, еще в 1918 г. установили контакты с Советской Россией, стремясь использовать бывшего врага для борьбы с Великобританией и последующего возвращения в Турцию. Советское руководство было заинтересовано в использовании связей и опыта младотурок для экспорта революции на Восток и борьбы с Великобританией и Францией.

Вопрос о том, на какую силу сделать ставку – коммунистов, «энверистов»[21] или Мустафу Кемаля – был одним из основополагающих для советско-турецких отношений на начальном этапе. Вопрос о выборе и поддержке наиболее лояльных к Советской России сил был тесно связан и с проблемой выбора дальнейшей политики в отношении Турции – «советизировать» Турцию или же поддержать «национальные силы» при условии, что новая Турция займет дружественную или нейтральную позицию по отношению к РСФСР.

В исследованиях советского периода не указывалось, какие инструкции получил Фрунзе. В мемуарах Глебова упоминается длительная полуторачасовая беседа Фрунзе с Чичериным: Глебов передает услышанный в коридоре отрывок прощального разговора Чичерина и Фрунзе: «Когда Фрунзе вышел, Чичерин проводил его до двери в коридор. Проходя через комнату, тесно уставленную шкафами и столами, он говорил ему: – Для нас линия дружбы с кемалистской Турцией не конъюнктурная, а принципиальная линия, Михаил Васильевич. Это линия Владимира Ильича. Разумеется, она и моя, и ваша, как цекиста. Сопротивление империалистическому насилию – вот что сближает с нами все угнетенные народы. Это лейтмотив, и из этого вы исходите. А всякие конъюнктурные комбинации – это фиоритуры[22], не больше того» [Глебов, 1960, с. 21]. В РГАСПИ хранится проект инструкции Чичерина Фрунзе, датированный 3 октября 1921 г. В нем говорилось, что, хотя Фрунзе ехал в Анкару официально от Украины, политически его посещение будет расцениваться как проявление дружественных отношений всех советских республик и прежде всего России. Чичерин писал, что поездку необходимо использовать для выяснения важных вопросов. Также было необходимо оценить с военной точки зрения общее положение Турции и значение курдского, армянского и греческого фактора[23]. По всей видимости, часть инструкций была получена Фрунзе устно. В депеше С. П. Нацаренусу от 25 октября 1921 г. Чичерин пишет, что Фрунзе по плану должен уехать 26 октября, и если направленное против РСФСР турецко-французское соглашение действительно существует, его поездка должна будет дополнительно укрепить симпатии к советской России. Далее Чичерин говорит, что лучший способ противодействовать влиянию Франции – и далее подчеркивать «нашу дружественную политику» к Турции [РГАСПИ. Ф. 159, Оп. 2, Д. 57, Л. 83]. Значит, дипломатический зондаж добавился к целям миссии уже непосредственно перед отправкой Фрунзе в Анкару.

К осени 1921 г. советскому руководству стало очевидно, что надежды на советизацию Турции[24] и развертывание на ее территории активного коммунистического движения не

---

[21] В ВО ГПУ по поручению В. А. Стырне была создана особая папка «Энверисты», куда подшивались все документы по данной тематике. По словам сотрудников Центрального архива ФСБ, папка была уничтожена, часть документов распределена по другим делам. Однако на ряде документов имеется автограф Стырне и его распоряжение «В дело “Энверисты”».

[22] Орнаментальный пассаж, украшающий мелодию.

[23] РГАСПИ. Ф. 5, Оп. 2, Д. 315, Л. 181. Цит. по: [Барсегов, С. 544]. К сожалению, ознакомиться с полным текстом инструкции не удалось, т. к. дело, где содержится инструкция, находится на секретном хранении.

[24] Заявление Мустафы Кемаль-паши первому секретарю постпредства РСФСР в Турции Я. Упмал-Ангарскому. 25.10.1920 // *Коллекция документов АВП РФ*. Цит. по: Дж. Гасанлы. Подготовка к Московской конференции и Армянский вопрос в региональной политике // *Regnum*. URL: https://regnum.ru/news/polit/1448967.html (дата обращения 23.04.2018).

имеют ничего общего с реальностью. В то же время между советским и турецким руководством существовало недоверие[25]. Чичерин полагал, что Мустафа Кемаль сближается с Антантой (в первую очередь – с Францией), а Мустафа Кемаль полагал, что РСФСР хочет советизировать Турцию, сделав ставку на Энвера. Кроме того, сложный ход переговоров во время Карсской конференции по заключению мирных договоров с Грузией, Арменией и Азербайджаном сформировал у Мустафы Кемаля подозрения в том, что РСФСР хочет продолжить в отношении Турции политический курс царской России [Барсегов, с. 544–555]. По всей видимости, в это же время советское руководство пришло к выводу, что Энвер-паша является помехой в установлении доверительных отношений с Мустафой Кемалем.

Во время обсуждения кандидатуры Фрунзе как посла в Турцию 10 августа 1921 г. Энвер-паша появляется в Батуме. Согласно рапорту советского представителя в Батуме Гольцмана [Центральный архив ФСБ. Ф. 1, Оп. 6, Д. 447, Л. 138–141 об.], Энвер-паша намеревался тайно переправиться в Турцию, чтобы возглавить направленный против Мустафы Кемаля мятеж. Тяжелое положение на греческом фронте, недоверие к Советской России и внутренняя оппозиция курсу Мустафы Кемаля давали Энвер-паше шанс на успешный перехват власти. Однако по указанию Чичерина Гольцман почти месяц до начала сентября под любыми предлогами не выпускал Энвера за пределы РСФСР [Центральный архив ФСБ. Ф. 1, Оп. 6, Д. 447, Л. 140 об.]. Гольцман сообщает о состоявшихся 7 сентября в Тифлисе в штабном вагоне переговорах Энвера и «виднейших советских деятелей Закавказья»: Ш. Элиавы, С. Орджоникидзе, Б. Леграна, Б. Мдивани и И. Абилова. В ходе встречи обсуждался вопрос о дальнейших шагах Энвера в случае, если он выедет в Турцию. Энвер на все вопросы отвечал уклончиво. На вопрос Мдивани, будет ли Энвер советизировать Турцию, был дан отрицательный ответ. По словам Гольцмана, логическим завершением встречи стала речь Орджоникидзе о том, что вне зависимости от советизации Турции РСФСР заинтересована в сильной Турции, противостоящей грекам и Антанте [Центральный архив ФСБ. Ф. 1, Оп. 6, Д. 447, Л. 140–140 об.]. Таким образом, накануне миссии Фрунзе вопрос о том, на какие силы опираться в Турции, был советским руководством решен. Была выбрана линия на отказ от советизации и поддержку Мустафы Кемаля. Вероятно, дружеское сообщение Мустафе Кемалю об этом решении из уст видного советского военного деятеля входило в полномочия Фрунзе.

К сожалению, дипломатическая деятельность Фрунзе до сих пор известна мало. Пик его карьеры как дипломата пришелся на поездку в Анкару, трактовавшуюся в советской историографии как «миссия дружбы». Вместе с тем новые архивные документы могли бы дать ответ на ряд вопросов об истинных целях и задачах миссии. Подводя итог, можно предположить, что первоначально основной целью миссии Фрунзе все же должно было стать решение военно-политических вопросов: разработка и координация планов возможных совместных военных акций (от лица советской Украины) против Антанты (тем более что Фрунзе в поезде сопровождал начальник его штаба А. К. Андерс), военно-техническая помощь турецкой армии[26], а также внушающее доверие заверение Мустафы Кемаля в том, что советское руководство будет поддерживать только его и постепенно свернет поддержку младотурок и турецкой компартии на советской территории. Вероятно, выяснение деталей турецко-французского договора, вопрос о судьбе молокан, проблема концессий на медные рудники стали лишь случайными обстоятельствами, достаточно важными, но все же второстепенными по отношению к первоначальным целям миссии. Можно надеяться, что поиски новых документов в отечественных и зарубежных архивах смогут дать ответ на вопрос

[25] Джамиль Гасанлы. Как Бейбуд Шахтахтинский и Энвер-паша спасли судьбу Московской конференции // *Regnum*. URL: https://regnum.ru/news/1451933.html (дата обращения 23.04.2018).

[26] По итогам миссии Фрунзе Чичериным упоминался особый «список Фрунзе», где были перечислены основные нужды турецкой армии и проектировались объемы военной помощи турецкому правительству в будущем. Чичерин был поражен содержимым списка, которое «много превышает возможности Советской России» [РГАСПИ. Ф. 159, Оп. 2, Д. 57, Л. 93].

о том, каковы были первоначальные цели миссии и каково было содержание бесед М. В. Фрунзе и Мустафы Кемаля.

Литература / References

Андерс А. К. М. В. Фрунзе – чрезвычайный посол // *Известия*. 3 ноября 1925 г. [Anders A. K. M. V. Frunze – chrezvychaynyi posol // *Izvestiya*. 03.11.1925].

Аралов С. И. *Воспоминания советского дипломата*. М., 1960 [Aralov S. I. *Vospominaniya sovetskogo diplomata*. Moscow, 1960].

Аралов С. И. М. В. Фрунзе в Турции // *Красная звезда*. 03.11.1925 г. [Aralov S. I. M. V. Frunze v Turtsii // *Krasnaya zvezda*. 03.11.1925].

Арапов Д. Ю. М. В. Фрунзе и мусульманский мир // *Национальный вопрос в истории России*. М., 2015. С. 143–152 [Arapov D. Yu. M. V. Frunze i musul'manskiy mir // *Natsional'nyi vopros v istorii Rossii*. Moscow, 2015. Pp. 143–152].

Архангельский В. В. *Фрунзе*. М., 1970 [Arhangl'skiy V. V. *Frunze*. Moscow, 1970].

Болдырев А. В., Орешкова С. Ф. Сектор Турции Института востоковедения РАН // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. №3. (в печати) [Boldyrev A. V., Orshkova S. F. Sektor Turtsii Instituta vostokovedeniya RAN // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018. 3. (in print)].

Васильев В. В. М. В. Фрунзе как дипломат // Фрунзе М. В. *Полководческая деятельность*. М., 1950 [Vasilyev V. V. M. V. Frunze kak diplomat // Frunze M. V. *Polkovodcheskaya deyatel'nost'*. Moscow, 1950].

Глебов А. Г. *Линия Дружбы. Рассказы о Турции*. М., 1960 [Glebov A. G. *Liniya Druzhby. Rasskazy o Turtsii*. Moscow, 1960].

Гоголев З. В. Советско-турецкие отношения в 1919–1923 гг. // *«Ученые записки» Якутского государственного педагогического и учительского института*. Вып. II. Якутск, 1950 [Gogolev Z. V. Sovetsko-turetskie otnosheiya v 1919–1923 gg. // *"Uchenye zapiski" Yakutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta*. Vol. II. Yakutsk, 1950].

Ильичев Я. С доброй миссией // *Звезда*. 1963. № 4. С. 152–155 [Il'ichyov Ya. S dobroy missiey // *Zvezda*. 1963. 4. Pp. 152–155].

Ильичев Я. *Турецкий караван*. Л., 1980 [Il'ichyov Ya. *Turetskiy karavan*. Leningrad, 1980].

Казанджян Р. *Большевики и младотурки: новые документы о российско-турецких отношениях (1920–1922 гг.)*. М., 1996 [Kazandzhyan R. *Bol'sheviki i mladoturki: novye dokumenty o rossiysko-turetskih otnosheniyah (1920–1922 gg.)* Moscow, 1996].

Колядко Л. С. Посол М. В. Фрунзе // *Огонек*. 1958. № 39. С. 12 [Kolyadko L. S. Posol M. V. Frunze // *Ogonyok*. 1958. 39. P. 12].

Колядко Л. С. Миссия в Турцию / *О Михаиле Фрунзе. Воспоминания, очерки, статьи современников*. М., 1985. С. 244–251 [Kolyadko L. S. Missiya v Turtsiyu / *O Mihaile Frunze. Vospominaniya, ocherki, stat'yi sovremennikov*. Moscow, 1985. Pp. 244–251].

Мельтюхов М. *Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940*. М., 2010 [Mel'tyuhov M. *Bessarabskiy vopros mezhdu mirovymi voinami*. 1917–1940. Moscow, 2010].

Миссия Фрунзе в Турцию. Новые документы // *Международная жизнь*. 1960. № 7. С. 155–158 [Missiya Frunze v Turtsiyu. Novye dokumenty // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 1960. 7. Pp. 155–158].

Млечин Л. М. *Фрунзе*. М., 2014 [Mlechin L. M. *Frunze*. M., 2014].

Петрухин Г. В. *Господин чрезвычайный посол*. Фрунзе, 1983 [Petruhin G. V. *Gospodin chrezvychainyi posol*. Frunze, 1983].

Ротштейн Ф. Фрунзе – дипломат // *Красная звезда*. 31.101926 [Rotshtein F. Frunze – diplomat // *Krasnaya zvezda*. 31.10.1926].

Рунов В. А. *Фрунзе. Тайны жизни и смерти*. М., 2011 [Runov V. A. *Frunze*. Tainy zhizni i smerti. Moscow, 2011].

Тихонов Ю. Н. Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. Новые архивные документы // *Восточный архив*. 2010. №2 (22). С. 50–62 [Tihonov Yu. N. Dzhemal'pasha v Afganistane i Sovetskoy Rossii v 1921–1922 gg. Novye arhivnye dokumenty // *Vostochnyi arhiv*. 2010. 2 (22). Pp. 50–62].

Фадеев А. А. Михаил Васильевич Фрунзе // *Октябрь*. 1938. №2 [Fadeev A. A. Mihail Vasil'evich Frunze // *Oktyabr'*. 1938. 2].

Фрунзе М. В. *Неизвестное и забытое. Публицистика, мемуары, документы, письма.* М., 1991 [Frunze M. V. *Neizvestnoe i zabytoe. Publitsistika, memuary, dokumenty, pis'ma.* Moscow, 1991].

Фрунзе М. В. Полководческая деятельность. М., 1950 [Frunze M. V. *Polkovodcheskaya deyatel'nost'.* Moscow, 1950].

Фрунзе М. В. По ту сторону Черного моря // *Коммунист.* 6 октября 1921. №223 [Frunze M. V. Po tu storonu Chernogo moray // *Kommunist.* 06.10.1921. 223].

Фрунзе М. В. *Собрание сочинений.* Т. 1. М.-Л., 1929 [Frunze M. V. *Sobranie sochineniy.* T. 1. Moscow, Leningrad, 1929].

Хейфец А. Н. Роль миссии М. В. Фрунзе в укреплении дружественных советско-турецких отношений // *Вопросы истории.* 1962. №5. С. 90–104 [Heifets A. N. Rol' missii M. V. Frunze v ukreplenii druzhestvennyh sovetsko-turetskih otnosheniy // *Voprosy istorii.* 1962. 5. Pp. 90–104].

Хейфец А. Н. *Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны.* М., 1964 [Heifets A. N. *Sovetskaya Rossiya i sopredel'nye strany Vostoka v gody grazhdanskoy voiny.* Moscow, 1964].

Шамсутдинов А. М. Украинско-турецкий договор 2 января 1922 г. // *Ученые записки Института востоковедения.* Вып. XVII. Ред. Б. Н. Заходер. М., 1959. С. 174–181 [Shamsutdinov A. M. Ukrainsko-turetskiy dogovor 2 yanvarya 1922 g. // *Uchyonye zapiski Instituta vostokovedeniya.* Vol. XVII. Red. B. N. Zahoder. Moscow, 1959. Pp. 174–181].

AslanY. *Mustafa Kemal – M. Frunze Görüşmeleri. Türk-Sovyet İlişkilerinde Zirve. Kaynak Yayınları.* İstanbul, 2002.

Барсегов Ю. Г. *Геноцид армян и ответственность мирового сообщества.* Т.2. Ч. 1. М., 2004 [Barsegov Yu. G. *Genotsid armyan i otvetstvennost' mirovogo soobschestva.* T. 2. P. 1. Moscow, 2004].

Архивные документы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159, Оп. 2, Д. 57.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5, Оп. 2, Д. 315.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 32392, Оп. 1, Д. 30.

Центральный архив ФСБ. Ф. 1, Оп. 6, Д. 447.

Центральный архив ФСБ. Ф. 1, Оп. 6, Д. 448.

Электронные ресурсы

Гасанлы Дж. Как Бейбуд Шахтахтинский и Энвер-паша спасли судьбу Московской конференции // *Regnum.* URL: https://regnum.ru/news/1451933.html (дата обращения 23.04.2018).

Гасанлы Дж. Подготовка к Московской конференции и Армянский вопрос в региональной политике // *Regnum.* URL: https://regnum.ru/news/polit/1448967.html (дата обращения 23.04.2018).

Ионеску Т. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/554/ИОНЕСКУ (дата обращения 22.04.2018).

Мельтюхов М. *Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940.* URL: https://profilib.net/chtenie/156851/m-meltyukhov-bessarabskiy-vopros-mezhdu-mirovymi-voynami-1917-1940-lib.php (дата обращения 22.04.2018).

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА И РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

З. В. Анайбан*

Статья посвящена изучению и характеристике современной социально-экономической ситуации в Республиках Тыва и Хакасия на основе исследования схожести и отличий основных социальных и экономических характеристик регионов. Работа основана на материалах официальной статистики и на собственных полевых материалах автора.

Ключевые слова: российские регионы, Тыва, Хакасия, экономика, социальное развитие.

CURRENT SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN THE TYVA REPUBLIC AND THE REPUBLIC OF KHAKASSIA: COMPARATIVE ASPECT

Zoya V. Anayban

This article seeks to study and characterize the current socio-economic situation in the Republics of Tyva and Khakassia based on a comparative analysis of major social and economic characteristics of these regions. The work is based on official statistics and on the author's own field materials.

Keywords: regions of Russia, Tyva, Khakassia, economics, social development.

Как известно, Тыва и Хакасия – исторически и географически тесно связанные между собой регионы. Их объединяет не только административная граница, но и высокая степень взаимопроникновения экономик, социальных и культурных процессов. Столица Хакасии город Абакан – основной транспортный шлюз Тывы, связывающий республику с Россией и с остальным миром. Две автомобильные магистрали, ближайшая к городу Кызылу – столице Республики Тыва – железнодорожная станция, международный аэропорт – эти объекты практически полностью обеспечивают потребности региона в перевозках. Титульные этносы Тывы и Хакасии – тывинцы и хакасы – объединены генетическими корнями, уходящими в этноязыковую тюркскую общность. Поэтому сравнение основных показателей развития этих регионов – совершенно обоснованная задача, позволяющая не просто оценить, кто впереди, а кто отстает: сопоставление объясняет причины и факторы, влияющие на динамику процессов в экономике и социальной сфере.

Работа в основном базируется на данных официальной статистики Росстата, Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва, а также на полевых материалах, собранных автором во время экспедиционных выездов. Однако в случае отсутствия более «свежих» данных наряду со статистическими материалами последних двух лет использовались материалы предыдущих лет.

Прежде всего обратимся к получившим в последнее время широкое распространение разного рода рейтингам. Не все эти исследования могут служить основанием для серьезных

* Зоя Васильевна АНАЙБАН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; anayban@mail.ru

Zoya V. ANAYBAN, DSc, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; anayban@mail.ru

выводов, но к их оценкам стоит присмотреться. Заслуживает внимания рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ, подготовленный агентством «РИА Рейтинг» в составе медиагруппы Международного информационного агентства «Россия сегодня». Построенный на совокупности ключевых показателей развития регионов, этот рейтинг позволяет увидеть актуальную социально-экономическую карту России, а его результаты дают комплексную сравнительную оценку позиций всех субъектов РФ и определяют динамику их развития. «РИА Рейтинг» – универсальное агентство, специализирующееся на оценке состояния компаний, регионов, банков, отраслей и кредитных рисков, использующее данные Росстата, Минздрава, Минфина, ЦБ РФ и другие открытые источники[1].

В начале 2018 г. агентство подготовило очередное, уже шестое исследование качества жизни в регионах. Результаты рейтинга, основанные на итогах 2017 г., отражают процессы стабилизации экономической ситуации, что нашло подтверждение в некотором улучшении соответствующих показателей (по сравнению с 2016 г. их рост заметно ускорился: 71 регион продемонстрировал позитивную динамику развития). Замыкающая рейтинг десятка регионов, в числе которых Республика Тыва, не претерпела особых изменений, хотя и несколько улучшила ситуацию. Однако и этого незначительного улучшения недостаточно для приближения к середине таблицы[2].

Хакасия расположилась в рейтинге на 51-м месте, и по сравнению с 2016 г. поднявшись на 7 позиций, причем подъем в 2016 г. по сравнению с предыдущим составил те же 7 строк – неплохая стабильность в современных условиях. В регионе снижается уровень безработицы, растут объемы банковских вкладов, сокращается доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, снижается смертность от внешних причин и младенческая смертность, повышается обеспеченность дошкольников местами в образовательных учреждениях, растет обеспеченность жильем, увеличивается доля прибыльных предприятий.

Тыва в этом рейтинге стоит на последнем, 85-м месте с суммой 13,96 балла, что в 3 раза меньше, чем у Хакасии (43,07 балла), и существенно отстает даже от занявшей 84-е место с 19,53 баллами Ингушетии. Отмечая положительные перемены последних лет, признаем, что приведенный рейтинг дает основания для тревоги, так как разрыв основных показателей качества жизни в Тыве и соседних регионов имеет устойчивый тренд к увеличению[3].

В декабре 2016 г. Центр информационных коммуникаций «Рейтинг» совместно с журналом «Отдых в России» провел второе исследование, посвященное потенциалу, популярности и туристической привлекательности регионов РФ среди отечественных и иностранных туристов. Опубликованное годом раньше первое исследование вызвало огромный интерес не только отраслевого сообщества, но и российских граждан, обсуждавших в социальных сетях место своего региона на туристической карте России. Власть имущие восприняли рейтинг как вызов системе ведомственных отчетов, но при этом серьезно отнеслись к его показателям. По данным исследования Хакасия оказалась на 70-м месте с суммой 35,6 балла (для сравнения: Москва, занявшая верхнюю строчку рейтинга, получила 80 баллов), а Тыва фактически замкнула таблицу на 82-м месте с показателем 19,1 балла. В этом списке на последнем, 85-м месте оказалась Чукотка с 15,1 балла[4]. Это весьма наглядное свидетельство неполной реализации культурно-исторического и географического потенциала регионов, просчетов в организации работы по развитию туризма, непривлекательности сервиса, недостаточной безопасности, доступности, престижности, заботы об экологии и др.

[1] Рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации по итогам 2016 г. // *РИА Рейтинг*. URL: http://riarating.ru/regions/20180214/630082372.html (дата обращения: 25.02. 2018).
[2] Рейтинг российских регионов по качеству жизни, 2017 г. // *РИА Рейтинг*. URL: http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html (дата обращения: 21.02. 2018).
[3] Рейтинг российских регионов по качеству жизни, 2017 г. // *РИА Рейтинг*. URL: http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html (дата обращения: 21.02. 2018).
[4] Российские регионы для туризма, 2016 г. // *Центр информационных коммуникаций «Рейтинг»*. URL: http://russia-rating.ru/info/10950.html (дата обращения: 11.07.2017).

Не принижая и не преувеличивая результаты вышеприведенных исследований, попробуем дать более общую картину социально-экономической ситуации в Тыве и Хакасии, используя данные официальной статистики. В приведенной ниже таблице 1 показана динамика изменения в 2005–2015 гг. валового регионального продукта (ВРП) в расчете на душу населения (рублей) в названных республиках. Как видим, за эти годы валовый региональный продукт на душу населения в Тыве вырос почти в 4 раза, в Хакасии – практически так же. За рассматриваемые десять лет Тыва хотя и не догнала соседей по этому ключевому показателю, но и не отставала от них по темпам роста, что, пожалуй, и следует выделить как весьма существенное обстоятельство. При этом ВРП на душу населения в этих двух республиках рос несколько быстрее, чем в среднем по Сибирскому федеральному округу. Но если в 2005 г. в Тыве ВРП на душу населения составлял 38,6% от среднего по Сибири, то в 2015 г. республика показала уровень 42,9%, заметно сократив отставание. По Хакасии аналогичные показатели составили соответственно 78,1% и 91,6%, вплотную приблизившись к среднему по округу уровню (*табл. 1*).

Табл. 1. Показатели ВРП в Тыве и Хакасии в разные годы (абс.)[5]

Регионы	*2005 г.*	*2010 г.*	*2011 г.*	*2012 г.*	*2013 г.*	*2014 г.*	*2015 г.*
Тыва	38429,7	99999,9	108178,0	120582,9	134193,8	146906,9	150258,3
Хакасия	77864,6	180352,1	212487,7	245293,7	269016,3	296058,1	320095,8
СФО	99628,4	214401,6	249420,1	269171,0	287026,9	317784,6	349512,9

Что касается доходов населения, то за этот период в обеих республиках не наблюдалось существенных изменений в их величине и объеме. Вместе с тем в 2005–2016 гг. в исследуемых регионах, как и в Сибирском федеральном округе в целом, из года в год отмечался их рост, пусть незначительный. Некоторое исключение составили 2014–2016 гг., когда реальные доходы жителей Тывы, Хакасии и всего СФО были заметно ниже, чем в предыдущие годы (*табл. 2*).

Табл. 2. Динамика реальных доходов населения Тывы и Хакасии (в % к предыдущему году)[6]

Регионы	*2005 г.*	*2010 г.*	*2011 г.*	*2012 г.*	*2013 г.*	*2014 г.*	*2015г.*	*2016г.*
Тыва	109,9	95,3	99,1	103,5	105,0	99,5	95,7	87,9
Хакасия	102,2	111,4	101,8	106,8	105,5	96,3	100,6	96,6
СФО	112,3	102,9	102,1	105,2	103,8	98,2	96,2	94,4

Привлекает внимание положение той части населения, у которой денежные доходы ниже прожиточного минимума (в процентах от общей численности населения) (*табл. 3*). Заметен существенный разрыв в показателях: в 2016 г. в Тыве за чертой прожиточного минимума жило более трети населения, а в Хакасии число таких жителей составило менее пятой части. Это весьма тревожный сигнал для руководства республики, поскольку в таких условиях ждать ослабления миграции населения за пределы региона и роста социальной удовлетворенности жителей не приходится.

Табл. 3. Данные о численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (в % от общей численности населения региона)[7]

Регионы	*2005 г.*	*2010 г.*	*2011 г.*	*2012 г.*	*2013 г.*	*2014 г.*	*2015 г.*	*2016 г.*
Тыва	44,4	29,6	30,6	27,9	33,4	34,7	38,3	42,1
Хакасия	26,9	18,4	18,6	16,3	16,6	17,5	17,7	17,6

Динамику и глубину изменений социально-экономических показателей в Тыве и Хакасии любопытно оценить по месту, занимаемому регионами в Российской Федерации по

[5] Таблица составлена по: [Регионы России, 2017, с. 539].
[6] Таблица составлена по: [Регионы России, 2017, с. 237].
[7] Таблица составлена по: [Регионы России, 2017, с. 281].

итогам доступных официальных данных 2016 г. (при подготовке информации были учтены показатели по 85 субъектам Российской Федерации).

Итак, посмотрим, как Тыва и Хакасия выглядят на общероссийском фоне. Объем основных фондов в экономике (по полной учетной стоимости, на конец 2016 г.) ставит Тыву на 85-е место, Хакасия удерживается на 71-й позиции [Регионы России, 2017, с. 32]. Понятно, что столь низкая позиция Тывы не дает весомых оснований для оптимизма в отношении экономического роста региона в ближайшие три-пять лет. Не случайно в начале 2017 г. правительство республики приняло решение о проведении гражданского форума «Тыва-2030 г.» с привлечением широкого круга общественности (депутатов, ученых, лидеров партий и организаций, предпринимателей и т. д.), где предстояло обсудить социальные проблемы, определить пути выхода Тывы из сложившейся ситуации.

В ходе подготовки форума, состоявшегося в июне 2017 г., было собрано почти две тысячи предложений. На площадках «Развитие гражданского общества и общественных инициатив», «Развитие человеческого капитала», «Экономика и предпринимательство», «Рациональное использование природных ресурсов» были затронуты актуальные вопросы развития Тывы. На итоговой встрече форума по результатам онлайн СМС-голосования был определен главный акцент – развитие человеческого капитала. Форум выполнил задачу по принципу «снизу вверх» и ожидается, что далее пойдет разработка отраслевых и муниципальных стратегий, большая часть которых на сегодняшний момент утверждена. Если раньше основополагающей была республиканская стратегия, то сейчас на общий вектор развития выходят с учетом перспектив отраслей и муниципалитетов. В связи с этой темой прозвучало интересное определение «спящие ресурсы». Оказалось, что в республике имеются запасы ценного сырья, еще не учтенные в государственном балансе, и находятся они по периметру проектируемых транспортных коридоров. От реализации таких проектов ожидают тройного эффекта: увеличение поступления налоговых отчислений в различные уровни бюджета в 1,3 раза; рост объема промышленного производства в 2,5 раза; увеличение уровня занятости населения в 1,2 раза. Еще одним «китом» стратегии должен стать туризм. Так, глава Тывы считает, что пора перестать относиться к нему как к второстепенному направлению. Продвигать туризм помогут новые технологии по проекту «Цифровая Тыва». Скорее всего, он будет полезен не только гостям Тывы, но и самим жителям. За последние пять лет туристический поток в Тыву увеличился на 25% и составил около 65 тыс. человек в год[8].

Инвестиции в основной капитал на душу населения оставили Тыву на 84-м месте по России, Хакасия оказалась на 62-м месте. Вместе с тем эти регионы обладают определенной привлекательностью для инвесторов, и вопрос в том, насколько эффективными для них окажутся вложения. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненные работы и услуги собственными силами по добыче полезных ископаемых позволили Тыве выйти на 41-е место в России, Хакасия расположилась на 32-м месте. В сфере обрабатывающих производств Тыва занимает предпоследнее 84-е место, Хакасия – 62-е. Эти две позиции весьма убедительно показывают нынешний сырьевой характер производства в республиках, когда экономически выгодные процессы глубокого передела происходят на других территориях. На местах же остаются относительно небольшие налоги и немалые проблемы с экологией. По производству и распределению электроэнергии, газа и воды у Тывы 80-я позиция, у Хакасии 35-я. Несколько ближе республики расположились по показателю произведенной продукции сельского хозяйства – Тыва на 77-м месте, Хакасия на 67-м [Регионы России, 2017, с. 32]. Сравнение здесь не в пользу Хакасии, поскольку климатические условия для агропромышленного производства у региона гораздо благоприятнее.

[8] Тыва-2030: вектор развития. 2017 // *Безформата.ru*. URL: http://kizil.bezformata.ru/listnews/tuva-2030-vektor-razvitiya/62488362/ (дата обращения: 01.04.2018).

Незначительная разница между регионами наблюдается и по вводу в действие общей площади жилых домов в расчете на 1000 человек (речь идет о новом жилищном строительстве, осуществленном организациями всех форм собственности, а также непосредственно самим населением). Здесь у Тывы 68-е место, у Хакасии – 64-е. За этими показателями кроются такие факторы, как уровень доходов населения, возможности региональных бюджетов, развитость и эффективность строительных предприятий, возможности коммунальной инфраструктуры.

Не секрет, что важное значение для любого региона имеет транспортная доступность. Удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автодорог общего пользования поместил Тыву на 83-ю позицию, Хакасия занимает 35-ю строку. Неутешительно для Тывы общероссийское сравнение по обороту розничной торговли на душу населения – 83-е, т. е. почти последнее место против 61-го у Хакасии. Безусловно, в этом отразились и денежные доходы населения, и общая транспортная доступность регионов. Наличие железной дороги и развитое авиасообщение в Хакасии делают Тыву неконкурентоспособной с ней по уровню цен на все группы товаров, предлагаемых населению. Эти же факторы влияют и на себестоимость товаров, производимых на месте, поскольку затраты на них заметно превышают аналогичные в соседнем регионе. В этих условиях производство той или иной местной продукции оказывается нерентабельным и невыгодным.

Интересные данные обнаружились по показателю числа персональных компьютеров на 100 работников: Тыва оказалась на 30–39-й позиции, что весьма неплохо, а Хакасия отступила на 22–29-ю позицию [Регионы России, 2017, с. 33]. Данное обстоятельство свидетельствует не столько об улучшении материального положения жителей, сколько об их возросших интересах, потребностях и запросах к тем или иным видам научно-технического прогресса. В первую очередь, это, безусловно, относится к молодежи и подросткам. Кроме того, здесь усматривается присущая тывинцам любознательность.

И, завершая сравнительный дискурс, приведем данные о поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ, рассчитанные на душу населения. Тыва расположилась на 82-м месте – в конце таблицы, а вот Хакасия - на 60-м [Регионы России, 2017, с. 32].

Чтобы убедиться, что, к примеру, 2017 г. – далеко не самый худший год с начала XXI в., посмотрим, как прожили его Тыва и Хакасия (данные приводятся в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году). Так, в 2017 г. индекс промышленного производства в Тыве достигал 108,4%, в Хакасии соответственно 100%. По продукции агропромышленного комплекса Тыва в 2017 г. показала некоторое понижение – 93,5%, а Хакасия небольшой рост – 102,4%. По сравнению с предыдущим годом в 2017 г. в Тыве несколько снизился показатель ввода общей площади жилых домов (93,5%), а в Хакасии он за это время наоборот заметно увеличился (120,9%). По тем же данным официальной статистики в обеих республиках несущественно сократился оборот розничной торговли: в Тыве – 99,5%, в Хакасии – 98,6%. Как в Тыве, так и в Хакасии немного возрос объем платных услуг населению: соответственно – 102,5% и 101,7%. В республиках фиксируется и весьма незначительный рост начисленной среднемесячной заработной платы на одного работника [Социально-экономическое положение Республики Тыва, 2018, с. 5; Социально-экономическое положение Республики Хакасия, 2018, с. 5].

Для сравнения приведем среднероссийские и среднесибирские показатели экономического развития. Как видно из таблицы 4, по ряду важнейших показателей в обеих республиках в 2015 г. не произошло ощутимых позитивных перемен. По результатам 2015 г. Тыва вошла в перечень десяти регионов, отличающихся наименьшим удельным весом по основным макроэкономическим показателям среди всех субъектов Российской Федерации [Социально-экономическое положение Республики Тыва, 2016, с. 70–71]. В то же время входящие в СФО Красноярский край, Томская и Кемеровская области занимают места в

верхней части таблицы. Кроме того, эти показатели среди сибирских регионов именно в Тыве на протяжении последних пятнадцати лет стабильно самые низкие. Подобный результат обусловлен низкими объемами промышленного производства и преобладанием в составе валового регионального продукта нерыночных услуг. Как справедливо отмечают местные экономисты, «в развитии республики существует целый ряд проблем и факторов, в том числе на рынке труда, сдерживающих повышение экономического потенциала региона…» [Балакина, Кылгыдай, 2015, с. 11].

Табл. 4. Данные об основных экономических показателях Тывы и Хакасии в 2015 г. (%)[9]

	РФ	*Сибирский федеральный округ (СФО)*	*Республика Тыва*		*Республика Хакасия*	
			показатель	*рейтинг по СФО*	*показатель*	*рейтинг по СФО*
Индекс промышленного производства	96,6	100,2	108,0	2	97,9	12
Индекс физического объема розничной торговли	90,6	88,4	100,0	2	98,0	3
Индекс физического объема платных услуг населению	97,9	96,5	100,1	5	97,0	8
Индекс потребительских цен, в % к декабрю 2014г.	112,9	111,6	111,4	5	110,3	1
Темпы ввода жилья	101,4	105,6	110,9	7	114,8	3
Индекс физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»	143,8	132,9	55,8	12	87,6	11
Индекс производства продукции сельского хозяйства	103,0	101,9	98,3	8	93,4	11
Уровень безработицы, в % от численности экономически активного населения	5,6	7,7	18,6	12	5,9	1

Между тем важно отметить, что создавшаяся в регионе социально-экономическая ситуация – следствие не только экономических реформ. Многие ее предпосылки были заложены в советский период. Так, при выработке основных путей экономического развития республики в должной мере не учитывался национальный фактор:

1. Исходя из того, что тывинцы – кочевой народ, и основным их занятием традиционно являлось животноводство, целесообразно было бы акцентировать внимание на развитии именно этой отрасли.

2. Что до промышленных производств, то они, в отличие от многих других российских автономий и областей, специализировались лишь на первичной переработке сырья, а с распадом СССР и потерей межрегиональных экономических связей их загруженность практически сошла на нет. В итоге к началу рыночных реформ Тыва по экономическим показателям оказалась в заметно худших условиях, чем ее ближайшие соседи: ей пришлось не просто догонять, но и наверстывать упущенное, во многих случаях создавая отрасли

[9] См.: [Социально-экономическое положение Республики Тыва, 2016, с. 70–71].

практически с нуля, поскольку 1990-е гг. были отмечены в Тыве сильнейшей деградацией и разрушением большого числа действующих предприятий. В числе вновь созданных следует назвать, прежде всего, горнорудную промышленность, промышленность строительных материалов, автотранспортную инфраструктуру, пищевую и легкую промышленности.

На фоне динамично растущих, в том числе непосредственно соседствующих с республикой регионов, обновление и совершенствование экономики и социальной сферы становятся для руководства Тывы историческим вызовом, на который им, как никогда ранее, важно найти достойный ответ.

Несколько слов о ближайшем к Тыве и Хакасии регионе – Красноярском крае. Известно, что Красноярский край – опорный регион страны, один из лидеров среди субъектов РФ по важнейшим макроэкономическим показателям – численности населения, валовому региональному продукту (ВРП), промышленному производству, объему строительных работ, инвестициям в основной капитал и их вкладу в общие показатели развития страны. Край входит в первую десятку регионов по объему валового регионального продукта. Среднедушевые показатели ВРП в Красноярском крае устойчиво превышают средние по российским регионам: в 2014 г. это превышение составило более 22%. Еще более выраженным (на 57,5%) является превосходство региона по душевому производству валового регионального продукта над субъектами Федерации, расположенными на территории Сибирского федерального округа. Половину ВРП обеспечивает промышленный комплекс края. Промышленное производство в крае устойчиво растет на протяжении 17-летнего периода, за исключением кризисных лет. За это время объем промышленного производства в сопоставимых ценах вырос в 2,7 раза, что превосходит рост показателя по России в целом (1,8 раза).

По уровню инвестиционной активности Красноярский край находится в числе регионов-лидеров. Объем инвестиций в основной капитал на территории края формирует четверть всех инвестиций Сибирского федерального округа. По величине среднедушевых доходов и средней заработной платы край – явный и устойчивый лидер среди других регионов Сибирского федерального округа (1 место). Тем не менее, социальные показатели края нельзя считать соответствующими уровню его экономического развития. Так, при стабильном превышении краевого ВРП на душу населения над средним уровнем российских регионов (в разные годы от 10 до 40%), среднедушевые доходы в крае уступают средним показателям по стране (на 10% в 2015 г.), регион по этому показателю занимает лишь 30 место среди субъектов федерации.

Очевидно, что при наличии в непосредственной близости столь мощного региона задачи экономического и социального развития Тывы и Хакасии уместно решать, выстраивая тесное сотрудничество с ним. Мы постараемся в дальнейших исследованиях показать нынешнюю ситуацию взаимовлияния на развитие этих регионов и складывающиеся в этом направлении перспективы[10].

Характеризуя сложившуюся социально-экономическую ситуацию в названных республиках, имеет смысл обратиться к мнению самих жителей, знающих положение дел в родном регионе не понаслышке. Итак, Владимир Б., житель Хакасии, горожанин, хакас, 64 года: «Я от рождения живу в Абакане. В разные годы занимал серьезные должности, сейчас не работаю, на пенсии. Хакасия последние лет десять-пятнадцать переживает не лучшие времена. Как мне кажется, у нынешнего руководства республики не все получается, как надо бы. Есть, конечно, внешние обстоятельства – то авария на Саяно-Шушенской ГЭС, то пожары, то еще что-нибудь. Из успешных дел я бы отметил транспортное сообщение, наш аэропорт прямо на глазах вырос и теперь чуть ли не каждые пять минут самолеты садятся и взлетают. Автомобильные трассы резко улучшились. Много сделано по благоустройству, особенно в Абакане, жилищное строительство очень развернулось. Я раньше работал в

[10] Проект развития Красноярского края до 2030 года. 2017 г. // *Красноярский край. Официальный портал.* URL: http://krskstate.ru/2030/plan/1_1 (дата обращения: 02.04.2018).

Госплане республики, поэтому вижу, что те проблемы, которые были в конце 1980-х годов, фактически до сих пор остаются актуальными. Наша главная беда – нет глубокой переработки сырья – алюминий, другие металлы, уголь. Поэтому республика много теряет в бюджетных доходах и не может сама зарабатывать. В сельском хозяйстве постоянные сбои. Вместе с тем, с кем я общаюсь, у них настроение чаще неплохое, все они при делах (подразумевается, что имеют работу, трудоустроены) и в целом довольны ситуацией».

А вот мнение еще одной респондентки из Хакасии, Полины К., жительницы села, русской, 46 лет: «Поселок, в котором я живу, находится недалеко от райцентра. Поселок наш держится на нескольких сельхозпредприятиях, лесозавод небольшой, дорожный участок. Живу здесь больше двадцати лет, переехала сюда после замужества. Муж местный, здесь еще его прародители жили. Мужа недавно избрали главой поселковой администрации, так что трое наших детей и все домашнее хозяйство на мне. На главу поселка в последнее время нагрузка увеличилась, добавили обязанностей, а финансы остались те же. Вот и приходится нашей администрации выкручиваться. Заботы круглый год – то посевная, потом заготовки на зиму, потом к зиме подготовка, потом распутица и так далее. Спроса с главы больше стало, за все приходится ответ держать. Может, это и хорошо, на деревне должен быть один хозяин. Жизнь вроде и не меняется с годами, цены вот часто становятся вообще непонятными. А так – как бы все как раньше. Пенсионеры в основном пенсию неплохую получают – по 10–15 тысяч, на месяц хватает, расходы-то у них небольшие. Молодежь в селе не задерживается, уже после девятого класса норовят в город уехать, так что деревня потихоньку стареет. В последнее время много говорят о безработице, но я считаю, что в принципе работу можно найти, если есть желание и хочешь работать».

Приведем суждения жителей Тывы о сложившейся ситуации в регионе в целом и непосредственно о жизни в частности. Итак, Орлан К., горожанин, тувинец, 52 года: «У меня складывается впечатление, что Тыва потихоньку поднимается. Не хочу говорить «с колен», для нас, тувинцев, это было бы обидно, на коленях мы никогда не стояли. Вижу, что появляются новые мощные предприятия, китайцы вот в Тыве развернулись, золота много добывается. У людей скота прибавилось, за Саяны почти все везут на продажу. В Кызыле улицы стали ремонтировать, набережную красивую сделали, парк обновили. Только вот я не понимаю, почему безработица не уменьшается, почему столько бродяг на улицах? Наверное, у нас с воспитанием какие-то проблемы, родители вовремя детей к работе не приучают».

Следующий «рассказ о жизни» сельской жительницы Тывы достаточно распространен среди местных жителей и во многом отражает «глас народа». Итак, Сайзанак Д., тывинка, индивидуальный предприниматель – чабан, 45 лет: «Наша стоянка далеко от Кызыла (столица Тывы), на машине надо почти день ехать до него. Хозяйство мне досталось от родителей, ведем его вдвоем с мужем. Держим барашков, коровы есть, лошади. За последние годы несколько раз получали дотацию от правительства. Жить легче стало, да. У нас шестеро детей, трое старших в Кызыле учатся, девочки в университете, а сын школу там нынче заканчивает. Самый младший с нами, еще двое учатся в школе-интернате в райцентре. В политике мы не участвуем, но голосуем всегда, к нам с урной приезжают из сумона. Глава района часто заезжает, спрашивает о жизни, помогает. Раз в год летом разные врачи на стоянку приезжают, смотрят, обследуют нас. Новости из Кызыла по радио узнаем, газеты стало дорого выписывать, а что в России делается, по телевизору видим. Нам интересно, что делается тывинским правительством, куда ведут республику, что нового появляется. Слышали, новый комбинат на Тодже с китайцами запустили, это вроде и хорошо, но за природу беспокоимся. Про железную дорогу что-то перестали говорить, не получается у них, думаем. Жаль, что из нашей республики много русских уехало, неправильно это, мы же Россия, все вместе должны жить. Если говорить о себе, то вроде все нормально, дети учатся, хозяйство потихоньку поднимаем».

Исходя из приведенных «историй жизни», можно констатировать, что, несмотря на все имеющиеся сложности и проблемы, жители исследуемых регионов все же настроены в

целом позитивно и даже с оптимизмом смотрят в будущее. Они не только отмечают, но и непосредственно ощущают на себе определенные положительные сдвиги («жить легче стало», «автомобильные трассы резко улучшились», «жилищное строительство очень развернулось»). В этих высказываниях просматривается также весьма лояльное, порою благодарное отношение к региональному руководству («за последние годы несколько раз получали дотацию от правительства», «глава района часто заезжает, спрашивает о жизни, помогает»). Важно сказать, что занятие фермерством в Тыве и по сей день сохраняет высокую привлекательность («хозяйство мне досталось от родителей… держим барашков, коровы есть, лошади», «у людей скота прибавилось»), хотя как в свое время замечали специалисты, «…когда коллективный сектор сельского хозяйства был разрушен, фермерский при незначительной и непоследовательной поддержке государства так и не стал ведущим сектором аграрной экономики России» [Калугина, 2010, с. 122]. Подтверждением тому исследования местных экономистов. Так, по данным опроса населения Тывы (2010 г.) хотели бы организовать крестьянское хозяйство более половины опрошенных (50,5%) [Балакина, Кылгыдай, 2015, с. 60]; но, как и прежде, наряду с высокими налогами многих отпугивают сложности с реализацией и сбытом произведенной продукции. Также показательно, что наши собеседники достаточно спокойно и толерантно относятся к приходу иностранных компаний на территорию Тывы («китайцы вот в Тыве развернулись», «новый комбинат на Тодже с китайцами запустили, это вроде и хорошо»).

В заключение отметим, что существенные различия в республиках наблюдаются, как и прежде, в структуре экономики: если Хакасия относится к промышленно развитым регионам РФ, то в Тыве основной отраслью остается сельское хозяйство. Несмотря на определенные сдвиги и успехи в отдельных аспектах экономики, на протяжении всего постсоветского периода республика не может выйти на устойчивую динамику развития. Причины мы видим в нерешенности узлового вопроса – транспортной доступности региона, в необходимости строительства железной дороги и обеспечения устойчивого авиационного сообщения. В противном случае этот российский регион так и останется на периферии не только в прямом, но и в переносном смысле. По сравнению с другими регионами в Тыве, несмотря на отмечаемую за последнее десятилетие тенденцию роста, вопрос по привлечению инвесторов решается достаточно сложно. Одна из причин тому – недостаточная инвестиционная привлекательность республики, обусловленная все теми же транспортными проблемами. Если же говорить о тех инвесторах, которые все-таки вошли в регион, то их в первую очередь привлекают сырьевые ресурсы (недра, лес), которые после добычи можно, не перерабатывая на месте, в первичном виде вывезти в другие территории или даже сопредельные страны.

Объемы поддержки из федерального центра не позволяют выйти на такие темпы развития, которые давали бы перспективу для выравнивания основных показателей экономики со средними по Сибирскому федеральному округу. Тыве еще предстоит затяжной поиск своего места, во-первых, в восстановлении былых объемов промышленного производства во всех отраслях хозяйствования, во-вторых, в оптимальном решении проблем их реализации и дальнейшего развития. Ждет своего решения такая системная проблема, как высокая стоимость кредитных ресурсов, их недоступность для многих хозяйствующих субъектов. Следует обратить внимание и на качество трудовых ресурсов, не позволяющее приходящим в республику компаниям в полном объеме замещать рабочие места за счет местных жителей, в первую очередь молодежи. Значительный ресурс кроется в расширении вовлеченности Тывы и Хакасии (Тывы в большей степени) в систему федерального государственного заказа. Возможно, этому способствовали бы даже некоторые административные меры. Для органов государственной власти и управления Тывы и Хакасии весьма важно неукоснительное соблюдение принципа единства российского экономического пространства, недопустимость любых ограничений на перемещение товаров и услуг, открытость рынка для всех участников вне зависимости от того, «местные» это или «варяги».

Сравнение рейтинговых позиций, занимаемых Республикой Тыва и Республикой Хакасия в РФ и в СФО, по основным социально-экономическим показателям с использованием различных источников, в том числе неофициальных, в целом объективно отражает динамику и качество развития этих территорий, давая наглядную картину «узких мест» и результатов работы органов государственной власти и местного самоуправления. Позитивное развитие социально-экономической ситуации исследуемых регионов и улучшение жизни его жителей напрямую зависит от эффективной и максимально результативной деятельности регионального руководства.

Литература / References

Балакина Г. Ф., Кылгыдай А. Ч. *Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Тыве.* Кызыл. 2015 [Balakina G. F., Kylgydai A. Ch. *'Etnoregionalnye modeli adaptatcii k rynku truda v Tuve.* Kyzyl, 2015].

Калугина З. И. Вектор посткризисного развития российской деревни // *Регион: экономика и социология.* 2010. №3. С. 115–135 [Kalugina Z. I. Vektor postkrizisnogo razvitia rossiiskoi derevni // *Region: ekonomika i sotsiologia.* 2010. №3. P. 115–135].

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Статистический сборник. М., 2017 [*Regiony Rossii. Sotsial'no-'ekonomicheskie pokazateli. 2017. Statisticheskyi sbornik.* Moscow, 2017].

Социально-экономическое положение Республики Тыва в 2015 году. Статистический сборник. Кызыл, 2016 [*Sotsialno-'ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Tuva v 2015 godu. Statisticheskyi sbornik.* Kyzyl, 2016].

Социально-экономическое положение Республики Тыва в 2017 году. Статистический сборник. Кызыл, 2018 [*Sotsialno-'ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Tuva v 2017 godu. Statisticheskyi sbornik.* Kyzyl, 2018].

Социально-экономическое положение Республики Хакасия в 2017 году. Статистический сборник. Абакан, 2018 [*Sotsial'no-'ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Khakasia v 2017 godu. Statisticheskyi sbornik.* Abakan, 2018].

Электронные ресурсы

Проект развития Красноярского края до 2030 года. 2017 г. // *Красноярский край. Официальный портал.* URL: http://krskstate.ru/2030/plan/1_1 (дата обращения: 02.04.2018).

Рейтинг российских регионов по качеству жизни, 2017 г. // *РИА Рейтинг.* URL: http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html (дата обращения: 21.02. 2018).

Рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации по итогам 2016 г. // *РИА Рейтинг.* URL: http://riarating.ru/regions/20180214/630082372.html (дата обращения: 25.02. 2018).

Российские регионы для туризма. 2016 г. // *Центр информационных коммуникаций «Рейтинг».* URL: http://russia-rating.ru/info/10950.html (дата обращения: 11.07.2017).

Тыва-2030: вектор развития. 2017 // *Безформата.ru.* URL: http://kizil.bezformata.ru/listnews/tuva-2030-vektor-razvitiya/62488362/ (дата обращения: 01.04.2018).

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПОРТРЕТНОЙ ЖИВОПИСИ ДЖУЗЕППЕ КАСТИЛЬОНЕ (ЛАН ШИНИНА) В СОЗДАНИИ СИНОЕВРОПЕЙСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ИСКУССТВЕ

Д. В. Дубровская*

В статье рассматриваются некоторые примеры портретного творчества итальянского художника Джузеппе Кастильоне при маньчжурском дворе в Пекине в свете выработки синтетического синоевропейского стиля китайского придворного искусства.

Ключевые слова: китайская живопись, барокко, миссия иезуитов в Китае, художники-иезуиты, Джузеппе Кастильоне, Лан Шинин, линейная перспектива, оксидентализм, Восток и Запад, светотень.

ON GIUSEPPE CASTIGLIONE'S (LANG SHINING'S) PORTRAITURE AS A CONTRIBUTION TO SINO-EUROPEAN STYLE IN CHINESE ART

Dinara V. Dubrovskaya

The article explores a few examples of Giuseppe Castiglione's portraiture at the Qing court in Peking in light of his contribution to synthetic Sino-European artistic court style of Chinese art.

Keywords: Chinese painting, Baroque, Jesuit Mission in China, Jesuit artists, Giuseppe Castiglione, Lang Shining, linear perspective, Occidentalism, East meets West, chiaroscuro.

Портретная живопись занимает одно из центральных мест в наследии итальянского художника XVIII в. Джузеппе Кастильоне (Лан Шинина; 1688–1766), включавшем широкий спектр работ от архитектурных проектов, батальных и охотничьих сцен, сцен ритуалов шелководства, парадного портрета и почти жанровых изображений императора в быту до изображений многочисленных животных (лошадей, птиц и собак), насекомых и цветов (в том числе для росписей фарфоровых изделий, вееров и коробок с шахматами). Лан Шинин и его труды оказали значительное влияние на придворную живопись и декоративно-прикладное искусство, поэтому не удивительно, что не только при жизни, но и в последующее время Кастильоне относили к наиболее интересным придворным художникам эпохи Цин (1644–1911), а император Цяньлун (ок. 1736–1795 г.) вслед за своим дедом и отцом-императорами доверял итальянскому иезуиту самые ответственные заказы, в частности, портреты самого богдыхана, его жен и любимых скакунов [Головачёв, 1998].

Маньчжурские императоры, при которых Кастильоне работал в Пекине, были своего рода первопроходцами в интересе к научным и художественным достижениям Запада. Первый из их – Канси (ок. 1661–1722 г.) – интересовался западной математикой, механикой и линейной перспективой, именно он и потребовал от придворных иезуитов доставить ко двору художника-перспективиста. Поэтому частным случаем адаптации европейских художественных методов к традиционной китайской живописи стала и выработанная итальянским художником техника *сяньфа* (線法 – «линейный [перспективный] метод»), выражавшаяся, помимо прочего, в попытке деликатного соединения европейских и китайских художественных принципов отображения пространства и в соединении европейской

* Динара Викторовна ДУБРОВСКАЯ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; distan@gmail.com
Dinara V. DUBROVSKAYA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; distan@gmail.com

техники письма масляными красками с традиционной китайской основой (рисовой бумагой) [Дубровская, 2018, с. 89–101]. Уже на седьмом году пребывания в Пекине (в 1722–1723 гг.) молодой итальянский барочный художник овладел китайской техникой работы тушью и водорастворимыми красками [Yang Boda, 1988, p. 44].

Однако именно в придворном портрете нововведения Кастильоне проявились наиболее ярко, совпав как с внутренними тенденциями развития китайской живописи, так и с пожеланиями маньчжурских заказчиков итальянского иезуита. Результаты оказались удачными: из-под китайской кисти-*маоби* Лан Шинина выходили не нелепые гибриды, а тонко смоделированные произведения – вполне традиционные по духу, разве что с несколько большей объемностью [1]. Благодаря этой тонкости и в то же время большей реалистичности, востребованной венценосными заказчиками, работы Лан Шинина – как самостоятельные, так и выполненные совместно с другими живописцами-иезуитами и китайскими придворными художниками, – настолько пришлись ко двору императора, а результаты прививки китаизированного европейского вкуса оказались столь стойкими, что некоторое западное влияние демонстрирует уже не только дальнейшая придворная живопись эпохи Цин сино-европейского стиля, но и другие виды искусства. Как это всегда бывало в Китае, мода на портреты в полуевропейских нарядах, в характерных позах и, главное, с большей степенью натуроподобия распространяется от верхов к низам, и уже к концу XVIII в. сами китайцы начинают производить в мастерских, называемых *майтайгуны* («покупной образ», «образ на продажу»), для экспорта на Запад портреты и жанровые сценки в китайско-европейском духе (правда, уже без изысканности, присущей Кастильоне) [Stuart, Rawski, 2001, p. 97].

Подобный результат вряд ли оказался бы возможен, если бы Кастильоне не предпринял сознательных усилий, чтобы попытаться понять не только китайскую художественную традицию, но и то, чего хотели от него высокопоставленные заказчики. Они же стремились представить свой живописный образ в двух аспектах: как символ универсального владетеля созданной ими обширной многонациональной империи с одной стороны (торжественный церемониальный или конный портрет) и как образ благородного мужа, образованного шэньши, с другой. Эти две основные личины дополнялись множеством портретов-«масок», более интересных с иконографической точки зрения, но, вероятно, менее ценных с точки зрения художественной, – например, когда речь шла о предназначенных для личного развлечения императора костюмированных портретах в виде европейского вельможи, даосского отшельника, персидского принца и т. д.

Баланс традиционного и инновационного должен был оказаться весьма устойчивым, чтобы вполне уже освоившие китайскую ученую традицию маньчжурские императоры не просто остались в достаточной мере китаизированными, но превратились в некую новую «надстроечную» сущность. Она-то и начала выводить собственные изображения из сферы закрытого ритуального использования в сферу политической манифестации, сближая функции маньчжурского императорского портрета с функциями портрета древнеримского императора. Оборотной стороной этого процесса, носившего характер политического заявления, была интимная, игровая сторона, проявившаяся в некотором количестве произведений императорских придворных мастерских, где европейский иллюзионизм и барочная выучка Кастильоне создавали весь спектр художественной продукции – от упомянутой росписи вееров и шахматных досок до архитектурного проекта.

Чем же встретила любознательного итальянского художника многотысячелетняя китайская традиция? Любому посетителю Бинмаюна – Музея Терракотовой гвардии императора Цинь Шихуана (259–210 гг. до н. э.) под Сианью известно: несмотря на однотипность тел солдат императорской гвардии, черты тысяч их лиц вполне

[1] Зачастую даже с эффектом *trompe l'oeil,* также прекрасно вписывавшимся в традиционные приемы работы с пространством, характерные, например, для китайских садов с их «лунными» проемами в стенах (такова картина «Мирное послание весны», о которой см. подробнее: [Дубровская, 2018, (в печати)]).

индивидуальны. Император-объединитель древнего Китая, покой захоронения которого охраняют терракотовые армии, неспроста велел после смерти окружить себя глиняными солдатами с лицами реальных гвардейцев – физиогномические свойства портрета, обладавшего магическими свойствами, были известны китайцам задолго до новой эры.

Учитывая сложность и глубокую разработанность живописной традиции Срединного государства, нет сомнения: помимо мужества и здорового авантюрного духа, потребовавшихся от молодого барочного мастера, чтобы отказаться от художественной карьеры в Европе и навсегда уехать в далекий Китай, ему потребовалось – в соответствии со знаменитой концепцией «культурной адаптации» («accomodativa») [Дубровская, 2000, с. 72–98], выработанной иезуитами, – освоить язык, иероглифику, традиции, конфуцианскую культуру и «менталитет» страны пребывания.

Как же Кастильоне удалось соединить Восток и Запад – ведь, по слову Киплинга, «не встретиться им никогда»? Рассмотрим движение этих векторов навстречу друг другу.

Вектор 1: Основные принципы портретирования в Китае: сходство на службе физиогномики

Уже в IV в. художник Гу Кайчжи (317–420) понял, что «самое трудное изображать людей» и «нельзя отрываться от действительности, когда творишь прекрасное»[2]. Одни из самых ранних работ по теории живописи были созданы в эпоху Шести династий (220–589 гг.): Се Хэ (ок. 500–535) в трактате «Критические заметки о древней живописи» описал критерии оценки искусства, вытекающие из «Книги Перемен» – «Ицзина»[3]. Главнейший принцип для него – «оживление посредством духовного резонанса»: художник должен вдохнуть в работу жизненную энергию *ци юнь*. Не менее важно и мастерство владения кистью: в Китае с его иероглифическим мышлением каллиграфия считалась более высоким искусством, чем живопись, и художник здесь в большей степени, чем в Европе, оценивался по мазку, хотя «удар», сделанный кистью, пропитанной тушью, нельзя сравнивать с мазком кистью, сделанным темперой или маслом.

В эпоху Сун (960–1276) каллиграф, художник и поэт Су Ши (1037–1101) утверждает, что портретист должен мастерски владеть физиогномикой. Лишь к XVIII – началу XIX в. возникает тенденция «трактовать изображение человека как равноправный с другими жанр» [Waley, 1923, p. 6], а XVIII в. оказывается периодом, когда китайское искусство испытывает влияние придворных художников, реформирующих портрет, и усиливается влияние нашего главного героя – Джузеппе Кастильоне.

Не слепое копирование природы важнее всего для китайских художников, а взаимопроникновение духа художника и модели: «Если картина как идея, как дух возникла в твоем сердце, подчинена глазу, овеществляется через руку, то твоя душа пронизала человека, с которого ты пишешь портрет, он как бы живет в тебе, ты подчинен методу, и каждый удар кисти дает сходство»[4]. Основой сходства служит для художника не умение передать объем путем долгого обучения рисованию античных бюстов, «огрубовок», черепов и т. д., а скорее вхождение в некий экзистенциальный транс через умение рассчитать «три остановки и пять частей человеческого лица» и прочие горы, облака, зори и пояса, на которые подразделяется человеческое лицо. Итальянский художник просто ввиду своей подготовки не мог соблюдать подобные подходы к работе, а маньчжурская придворная сцена и не требовала этого.

Ко времени прибытия в Пекин западных мастеров натуроподобие в китайской живописи было забыто, однако стремление к нему начало нарастать. Свидетельства этих тенденций мы находим в трактате художника второй половины XVIII в. Шэнь Цзечжоу «Заметки о портрете» [Шэнь Цзе-чжоу, 1963, с. 13]. Шэнь полагает главной трудностью портретирования передачу объема лица – соотношение впадин и выпуклостей [Шэнь Цзе-

[2] Цит. по: [Разумовский, 1971, с. 5].
[3] См., например: [Разумовский, 1971, с. 5, 69; Завадская, 1975; Кулер, 1997, с. 52–53].
[4] Цит. по: [Разумовский, 1971, с. 17–18].

чжоу, 1963, с. 22]. Что же до построения объема, то на помощь китайцам XVIII в. пришло мастерство «рыжеволосых дьяволов», в частности – Джузеппе Кастильоне.

Начало координат: чего хотел пекинский двор?

До XVII–XVIII вв. императорский портрет не служил инструментом прославления монарха и использовался лишь для церемоний и отправления культа предков. Кардинальные изменения произошли при трех великих правителях, которым служил Кастильоне: был радикально переосмыслен церемониал, связанный с поклонением императору, возникло и стремление моделировать портрет по образцу портретов европейских монархов, полученных двором от западных посольств. Из всех даров, преподнесенных императору Канси португальским посольством Мануэля де Салданьи (1667–1670 гг.), неизгладимое впечатление на него произвел один предмет – портрет короля Афонсу VI [Wills, 1984, p. 117; Fu Lo-Shu, 1954, p. 75–94]. Канси понравилось узнавать в изображении реального человека – отныне он и сам был реальным и узнаваемым, тогда как раньше изображенный на вертикальных свитках император представлял собой скорее сидящий на троне парадный костюм с вставленным в него лицом. Портреты были статичны, симметричны и стереотипны: они изображали нечто большее, чем человек, – олицетворение империи, обладателя Небесного мандата – *тяньмин.*

Илл. 1. Неизвестный придворный художник. Портрет императора Цзяцзина (1522–1566) в церемониальном костюме. XVI в. Вертикальный свиток. Шелк, тушь, водорастворимые краски. 209,7 x 153,2 см. Музей Гугун, Тайбэй

Илл. 2. Неизвестный придворный художник. Портрет императора Канси (1661–1722) в церемониальном костюме. XVIII в. Вертикальный свиток. Шелк, тушь, водорастворимые краски, золото. 274,7 x 125,6 см. Музей Гугун, Пекин

Маньчжуры взломали традицию на нескольких уровнях, разбив оковы официального портрета и умножив количество и репертуар собственных изображений, выставлявшихся отныне не только в закрытых святилищах, но и в местах, не связанных с культовыми отправлениями. Затем взор обратили к традициям времен Тан и Сун и, наконец, дозрели до нововведений в области композиции и трехмерности, позаимствованных на Западе. На первое место выступает сходство, но важна и характеристика изображаемого – в определенный момент и в уникальных обстоятельствах появляются картины *ханьчжуан синлэту* – изображения досуга человека, одетого в китайский костюм [Pirazzoli-t'Serstevens, 2005, p. 23].

Контекстуализация изображений позволяла заказчикам выступать в самых разных ролях. Так, появились портреты Канси среди книг, портрет принца Иньчжэня (будущего Юнчжэна) за чтением; в парике и одежде благородного европейца, портрет принца Хунли (будущего Цяньлуна) в виде даоса, портрет уже императора Цяньлуна в образе китайского коллекционера, бодхисатвы, на военном параде, въезжающего в охотничьи угодья или в кругу семьи [Hearn, 1990, p. 108].

Посмотрим, как происходил поворот к большей реалистичности, сравнив портрет императора династии Мин Цзяцзина (1522–1566) из музея Гугун в Тайбэе[5] и портрет Канси в церемониальном костюме из музея Гугун в Пекине[6] (*илл. 1–2*).

На минском портрете голова императора словно приставлена сверху к геометрической конструкции – костюму без ощущаемого внутри тела; лицо выписано почти без объема, как и сплющенные плашкообразные ушки; моделирование формы практически отсутствует; отсутствует и выражение на лице. На портрете Канси лицо показано иначе: оно изборождено морщинами, объем выполнен при помощи светотеневой моделировки, взгляд модели пронзителен, выражение лица немного разочарованное; под складками платья ощущается тело. Император и двор хотели телесности, и Кастильоне ее обеспечил.

Вектор 2: Европейский художник постигает Китай

Портреты императора Цяньлуна в еще большей степени демонстрируют исследование модели, лепку объема лица и тела и использование европейских перспективных построений. На свитке из пекинского Гугуна император изображен очень молодым, что дает основание датировать портрет годом его инаугурации (конец 1735 г.) или первыми годами правления, позволяя предположить авторство Кастильоне – первого придворного портретиста[7]. Цяньлун изображен на светло-желтом фоне в церемониальном костюме–*чаофу*, надевавшемся для аудиенций и принесения жертв в Храме предков. Платье украшено изображением большого дракона – символа императора, окруженного эмблемами космоса, и само по себе являет комплекс важнейших символов.

Можно сравнить образ императора на этом портрете с лицом Цяньлуна на инаугурационном свитке из Кливлендского музея изящных искусств[8] с показательным названием «Умозрительное представление доброго и мирного правления» (心写治平) (*илл. 3*). Датированный 25 сентября 1736 г. (25-й день рождения Цяньлуна) свиток прославляет начало царствования, поздравляя императора с обоими событиями. В развернутом положении свиток предполагает наличие рядом с императором ряда портретных полуфигур: императрицы (*илл. 4*) и одиннадцати других супруг императора. В нынешнем состоянии сохранности свиток был дополнен и, возможно, изменен: к каждому женскому портрету добавлена надпись, представляющая собой имя изображенной жены. Если основываться на этих подписях, последние восемь портретов молодых женщин представляют тех жен

---

[5] Опубликовано, например, в: [Gugong tuxiang xuancui, 1971].

[6] Портрет Канси в церемониальном наряде. Вертикальный свиток. Шелк, тушь и водорастворимые краски, 275 на 126 см. – Опубликовано, например, в: [Gugong bowuyuan, 1992, p. 15].

[7] Чжан Цюн также приписывает этот портрет Кастильоне. – См.: [Zhang Qiong, 2004, p. 65].

[8] Опубликован, например, в: [Chou Ju-hsi, Brown, 1985].

Цяньлуна, с которыми он сочетался браком уже во время правления, и, следовательно, они были дописаны позже, однако в китайской литературе существует предположение, что добавленные надписи и имена на свитке не всегда соответствуют портретированным женщинам[9]. По тонкости проработки лиц портреты Кастильоне на этом свитке хочется сравнить с графикой Франсуа Клуэ.

Формат горизонтального свитка предполагает, что он постепенно раскручивается на столе для любования по частям (или целиком) в зависимости от желания владельца (конечно, справа налево, поэтому император занимает крайнее правое положение). Заманчиво интерпретировать изображенные молодые лица как тех, кто имел честь разделять близость государя, но свиток все-таки не «семейный портрет в интерьере», о чем свидетельствуют официальные наряды моделей и строго фронтальный ракурс их изображения. Это, скорее, «портреты членов Политбюро». Возможно, свиток служил и для дополнительного утверждения того факта, что император владел женами из разных национальностей, – не только маньчжурками, но и китаянками, и монголками, – для подтверждения превосходства маньчжурского дома и трона над внешним миром (отсюда, собственно, и название). Атрибуция Кастильоне трех первых портретов не вызывает сомнений: именно об этой работе пишет Жан-Дени Аттире в письме 1743 г. [Attiret, 1979, p. 427]. Но дело не только в свидетельстве Аттире: моделирование лиц, трактовка материи и способ изображения складок, выписанных при помощи нюансировки оттенков цвета, придающих ткани объем, – визитная карточка Лан Шинина. Эти характеристики механически скопированы при изображении остальных жен, выполненных, вероятнее всего, китайскими учениками итальянского мастера.

Дж. Кастильоне. Умозрительное представление доброго и мирного правления (портреты императора Цяньлуна, императрицы и одиннадцати императорских супруг). 1736–1770-е гг.
Горизонтальный свиток. Шелк, тушь, водорастворимые краски. 53,8 x 1154,5 см
Фонд Джона Л. Северанса, Кливлендский художественный музей

Илл. 3. Деталь: Портрет Цяньлуна *Илл. 4.* Деталь: Портрет императрицы

Помимо художественной ценности, портреты Кастильоне представляют собой важный источник сведений о правящей фамилии, высокопоставленных придворных, национальностях империи и, наконец, о женщинах дворца (к сожалению, эта волнующая тема не поместится в рамки настоящей статьи). Отвечая потребностям последнего из трех «своих» императоров, Лан Шинин тщательно отображал черты лица портретируемых (с необходимой долей идеализации – задачи превратить придворный портрет в древнеримский портрет эпохи Флавиев не стояло), соблюдая правильные пропорциональные отношения и стремясь, с одной стороны, к относительно выпуклой лепке голов, а с другой – сохраняя

[9] См., например: [Ho Chuimei, 2004, pp. 66–73].

чисто китайский эффект стабильного фронтального источника света, создающего деликатные соотношения света и тени и подчеркивающего величественность модели.

«Охотничья экспедиция за оленями» (из музея Гугун) – наглядный пример подобного подхода (*илл. 5*). Этот горизонтальный свиток изображает охоту в местности Мулань, происшедшую в 1741 г. Охотничьи угодья в 450 км к северо-востоку от Пекина располагали густой растительностью и кишели представителями съедобной фауны, в особенности оленями. Ежегодно, когда в Пекине царила самая жестокая жара, император в сопровождении принцев, министров и представителей различных национальностей на месяц выезжал в Мулань на охоту. Перед ее началом участники процессии трубили в горны, имитируя звуки, издаваемые оленями, чтобы выманить их из леса. На картине изображен момент, когда охотничья экспедиция въезжает на выгон.

Илл. 5. Дж. Кастильоне, Тан Дай и др. Охотничья экспедиция за оленями. Горизонтальный свиток. 1741 г. Шелк, итальянская тушь, водорастворимые краски. 319 x 26,7 см. Музей Гугун, Пекин

Не будучи портретом в строгом смысле слова, свиток тем не менее содержит изображение тридцатилетнего Цяньлуна – это третий всадник от начала кавалькады, восседающий на белой лошади, с алым колчаном у седла. Императора сопровождает ряд сановников, например, Лайбао, возглавляющий процессию. Изображены и более молодые участники выезда – такие, как юный телохранитель Фухэн. Спустя тридцать три года после этой охоты, скорбя об умерших к тому времени Лайбао и Фухэне, Цяньлун сочинил стихотворение о том, как Кастильоне написал эту картину после первой охоты в Мулане.

Фигуры людей далеко не стаффажны и отвечают правилам западного портретного искусства – изображения всадников и лошадей выполнены с большим вниманием к деталям и весьма телесны. При этом контраст между светом и тенью осознанно сглажен, а пейзажный задник, изображающий горы и деревья, выполнен в соответствии с принципами традиционной китайской живописи. Движущаяся кавалькада, наводящая на мысли о «Процессии молодого короля» Беноццо Гоццоли из Капеллы волхвов в палаццо Медичи-Риккарди, написана с живостью, пропорциональные соотношения и сокращения всадников и элементов пейзажа соблюдены с достоверностью, благодаря чему композиция получает необходимую глубину.

Этот свиток – наглядный пример того, как Кастильоне работал бок о бок с китайскими придворными художниками. Подобное сотрудничество можно трактовать двояко – если Тан Цзяньцзюнь, сотрудник современной нам Китайской академии поэзии, каллиграфии и живописи говорит, что император Цяньлун, весьма ценивший западный стиль Кастильоне, настаивал, чтобы тот не отходил слишком далеко от китайской традиции, и поэтому требовал, чтобы итальянец работал совместно с художниками-китайцами[10]. Скорее всего, подобное сотрудничество было просто образцом обычной практики совместной работы мастеров над большими заказами. Возможны два сценария: либо художник Тан Дай, участвовавший в выполнении «Охоты на оленей», в данном случае был сотрудником мастерской Кастильоне (ведь именно итальянский живописец получил высокий сановный ранг за заслуги перед императором), либо никакой «мастерской» в европейском понимании этого слова у Кастильоне не существовало, и члены придворной академии просто вместе работали над императорскими заказами в соответствии с назначением и необходимостью. Так, в «Охоте» людей и лошадей писал Кастильоне, а горы и деревья пейзажного фона – Тан Дай.

Одно из интереснейших произведений Кастильоне, по важности сопоставимое с конным портретом Карла I Ван Дейка, – конный портрет императора Цяньлуна в церемониальном доспехе (*илл. 6*). Молодой правитель показан во всем блеске – величественным и бравым всадником. Картина не подписана, но особенности изображения лошади, мазок и стиль свидетельствуют об авторстве Кастильоне. Войска Цинской империи проводили учения под предводительством императора, – маньчжуры весьма гордились своими стрелковыми умениями. Для поддержания боевого духа и активной

Илл. 6. Дж. Кастильоне. Конный портрет императора Цяньлуна, инспектирующего войска, в церемониальном доспехе. Вертикальный свиток. После 1741 г. Шелк, тушь, водорастворимые краски. 392 х 232 см. Музей Гугун, Пекин

[10] См., напр.: Cheng Anqi. A Missionary Zeal for Art // *China Daily*. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/epaper/2011-08/31/content_13266750.htm (дата обращения: 14.04.2018).

военно-спортивной формы в 1739 г. 29-летний Цяньлун проводил торжественную инспекцию Восьмизнаменных войск империи в Наньюани – охотничьем угодье к югу от Пекина.

Несмотря на то что свиток выполнен в традиционной для Китая технике, посадка всадника, изображение лошади, такие элементы пейзажа, как кучевые облака и кудрявая растительность фона, трава и растения, выполненные при помощи светотеневой моделировки, выдают итальянскую школу автора, лишь горы вдали соответствуют традиции китайского пейзажного жанра.

Илл. 7. Жан-Дени Аттире (1702–1768). Портрет джунгарского хана Даваци (? –1759), проживавшего в Пекине и женатого на китайской принцессе. Ок. 1755 г. Бумага, масло. 71 x 55,5 см Этнологический музей, Берлин

Илл. 8. Дж. Кастильоне (?) Портрет Жун-фэй (?) в европейском доспехе. Бумага, масло. Музей Гугун, Тайбэй

Итак, мы видим, что Кастильоне с успехом приспосабливал свою европейскую технику к потребностям высочайшего заказчика, практически отказываясь от изображения тени людей и предметов и смягчая контрасты между светом и тенью, однако сохраняя при этом эффекты трехмерности и прямую перспективу. Так, парадный конный императорский портрет наглядно демонстрирует, что Джузеппе Кастильоне – Лан Шинин, в отличие от большинства коллег-современников (например, гипер-«европеистичного» Жана-Дени Аттире (*илл. 7*)) и последователей (см. «кастильонески» из собрания Музея искусства народов Востока в Москве), достиг предела в понимании китайской онтологии, принципов китайской живописи в целом и портрета в частности, но сделаться настоящим китайским художником он никак не мог, да этого от него и не требовалось.

В работе при пекинском дворе Джузеппе Кастильоне исполнял любые пожелания и заказы патронов – от архитектурных проектов до интимных женских портретов. Подобный художнический подвиг, предполагавший работу практически на износ, позволил итальянскому художнику достичь максимально возможного вхождения в художественную среду цинской столицы – как за счет сотрудничества (порой чисто физического – в рамках одной картины) с китайскими мастерами, так и через внимательное вникание в принципы китайской живописи, которую он «гибридизировал» с европейской ровно в той деликатной мере, которую хотел видеть заказчик-император. Этот «фьюжн», даже при изображении местных красавиц в неместных нарядах, всегда склонялся к преобладанию китайского, и самой «европейской» картиной, приписываемой Кастильоне, представляется как раз удивительный женский портрет императорской супруги Жун-фэй[11] (*илл. 8*) в европейском доспехе, где географическую почву, на которой выполнено это изображение, выдают только характерные скулы и разрез глаз модели. Можно с достаточной степенью уверенности сделать вывод, что произведения Джузеппе Кастильоне – Лан Шинина были одним из важнейших вкладов своего времени в культурный обмен между Востоком и Западом, а его портреты – настоящим лицом синоевропейского стиля цинского Китая XVIII в.

Литература / References

Головачёв В. Ц. Джузеппе Кастильоне (Лан Ши-нин) и его картина «Восемь благородных лошадей»: картина-автобиография придворного художника // *Общество и государство в Китае. XXVIII н. к.* М., 1998. С. 410–415 [Golovachyov V. Ts. Zhuzeppe Kastilione (Lan Shi-nin) i ego kartina “Vosem’ blagorodnyh loshadei”: kartina-avtobiografiya pridvornogo hudozhnika // *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae. XXVIII n. k.* Moscow, 1998].

Дубровская Д. В. Восприятие европейской линейной перспективы в Китае на примере живописи Джузеппе Кастильоне (Лан Шинина; 1688–1766 гг.) // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. №1. С. 89–101 [Dubrovskaya D. V. Vospriyatie evropeiskoi lineinoi perspektivy v Kitae na primere zhivopisi Zhuzeppe Kastilione (Lan Shinina; 1688-1766 gg.) // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2018. 1. Pp. 89–101].

Дубровская Д. В. Мирное послание императора Цяньлуна // *Эпиграфика Востока.* М., 2018 (в печати) [Dubrovskaya D. V. Mirnoye poslaniye imperatora Qianlong’a // *‘Epigrafika Vostoka.* Moscow, 2018 (in print)].

Дубровская Д. В. *Миссия иезуитов в Китае.* М., 2000 [Dubrovskaya D. V. *Missiya iezuitov v Kitae.* Moscow, 2000].

Завадская Е. В. *Эстетические проблемы живописи старого Китая.* М., 1975 [Zavadskaya E. V. *‘Esteticheskie problem zhivopisi starogo Kitaya.* Moscow, 1975].

Кулер Р. и Д. *Шедевры искусства Китая.* N-Y., 1997 [Kuler R. i D. *Shedevry iskusstva Kitaya.* New York, 1997].

Разумовский К. И. *Китайские трактаты о портрете.* Л., 1971 [Razumovsky K. I. *Kitaiskie traktaty o portrete.* Leningrad, 1971].

Сураева Н. Г. Образ Сян-фэй в истории и живописи Дж. Кастильоне // *Общество и государство в Китае.* Т. XLIII, ч. 1. М., 2013. С. 536–545 [Suraeva N. G. Obraz Syan-f’ei v istorii i zhivopisi Dzh. Kastilione // *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae.* Vol. XLIII, fasc. 1. Moscow, 2013. Pp. 536–545].

Шэнь Цзе-чжоу. [Пер. Е. В. Виноградова и Ду И-Син] Заметки о портрете. Китайский художник-портретист о тайне своего мастерства // *Народы Азии и Африки.* 1963. №4 [Shen’ Tsze-chzhou. [Per. E. V. Vinogradova i Du I-Sin] Zametki o portrete. Kitaiskiy hudozhnik-portretist o taine svoego masterstva // *Narody Azii I Afriki.* 1963. 4].

Attiret J-D. Lettre du 1er novembre 1743 // d’Assaut M., Vissière I. et J.-L. (eds.). *Lettres édifiantes et curieuses de Chine.* Paris, 1979. P. 413–429.

Chou Ju-hsi, Brown. *The Elegant Brush. Chinese Painting under the Qianlong Emperor (1735–1795).* Phoenix, 1985.

---

[11] Жун-фэй (容妃) – «супруга Жун», Сян-фэй (香妃) – «Благоуханная супруга», она же Ипархан (уйг.) Слово «фэй», однако, означает и «супруга», и «фрейлина», поэтому традиция переводить Жун-фэй как «наложница Жун», а Сян-фэй как «Благоуханная наложница», не вполне верна. О ней см., например: [Сураева. 2013, с. 536–545].

Fu Lo-Shu. The Two Portuguese Embassies to China during the K'ang-his Period // *T'oung Pao, Second Series*, Vol. 43, Livr. ½. Leiden, 1954. Pp. 75–94.
Gugong bowuyuan. *Qingdai gongting Huihua*. Beijing, 1992.
Gugong tuxiang xuancui. Taipei, 1971, No.44.
Hearn M. K. Qing Imperial Portraiture. Portraiture // *International Symposium on Art Historical Studies, Kyoto.* 1990. 6. Pp. 99–121.
Ho Chuimei. The Relations Between Qianlong and His Consorts: Stories of a Man with Forty Wives // *Orientations*. March, 2004. Pp. 66–73.
Pirazzoli-t'Serstevens M. Giuseppe Castiglione et le renouveau du portrait impérial au XVIIIe s. // *Arts asiatiques*, 2005. 60.1. Pp. 22–30.
Stuart J., S. Rawski E. S. *Worshipping the Ancestors*. Washington, 2001.
Waley A. *An Introduction into the Study of Chinese Painting.* London, 1923.
Wills Jr. J. E. *Embassies and Illusions. Dutch and Portuguese Envoys to K'ang-hsi (1666–1687).* Cambridge, 1984.
Yang Boda. Castiglione at the Qing Court – An Important Artistic Contribution // *Orientations*. 1988. Vol. 19. No.11. Pp. 44–52.
Zhang Qiong. Guanyu Qingdai di hou chaofu yu chaofuxiang de ji dian kanfa // *Gugong bowuyuanyuankan*. 2004. 3. Pp. 60–74.

Электронные ресурсы

Cheng Anqi. A Missionary Zeal for Art // *China Daily*. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/epaper/2011-08/31/content_13266750.htm (дата обращения: 14.04.2018).

«ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС».
ПРЕДЫСТОРИЯ И ВОЙНА 1877–1878 ГГ. КАК ЕГО ЗАВЕРШЕНИЕ

С. Ф. Орешкова*

В статье рассматриваются отношения России, Турции и европейских стран в контексте дипломатической практики и общественных настроений XIX в.

Ключевые слова: «Восточный вопрос», дипломатия, Россия, Турция, Османская империя, А. М. Горчаков, Крымская война.

"EASTERN QUESTION".
ITS HISTORY AND THE 1877–1878 WAR AS ITS RESOLUTION

Svetlana F. Oreshkova

The article explores political reality and international relations of Russia, Ottoman Turkey, and European countries as reflected in diplomatic practice and public opinion in 19th century.

Keywords: "Eastern Question", diplomacy, Russia, Turkey, Osman Empire, A. M. Gorchakov, Crimean War.

Термин «Восточный вопрос» широко используется в исторических исследованиях, но толкуется неоднозначно. Так называют зачастую отношения Европы с Византией, Османской империей, а то и Россией, т. е. им пользуются в чисто географическом смысле. Однако на заседаниях Священного союза он впервые прозвучал как официальное название проблемы, требующей коллективного общеевропейского решения. В международном дипломатическом контексте под «Восточным вопросом» стала пониматься необходимость совместными усилиями европейских стран добиться устранения османского владычества над христианскими народами Балканского полуострова. Это было развитием старой идеи католического мира об изгнании турок-мусульман из Европы и ранее проявлявшейся в организации антиосманских Крестовых походов и Священных лиг. В XIX в. это стремление приобрело более широкие масштабы и стало прикрывать собой многие иные цели политики ведущих европейских стран. Ретроспективно историки распространили термин на более ранний период. Термин условный, и потому при его употреблении в каждом конкретном случае требуется уточнение, что имеет в виду тот или иной автор. В статье рассматривается «Восточный вопрос» как проблема европейского единения в противостоянии Османской империи и выявляется значение вовлеченности России в это коллективное военно-дипломатическое действо.

Для России «Восточный вопрос» имел особую предысторию и включал в себя два аспекта, жизненно важных для судеб российской государственности и формирования российского самосознания.

Первый касался безопасности южных границ. Набеги крымских татар (а Крымское ханство было вассалом Османской империи) заставляли искать способы защиты от них, а земледельческое освоение Дикого поля (ничейной земли, в результате изменения климата

* Светлана Филипповна ОРЕШКОВА, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; sve-oreshkova@rambler.ru

Svetlana F. Oreshkova, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of the Oriental Studies RAS, Moscow; sve-oreshkova@rambler.ru

становившейся более пригодной для пахотного земледелия, чем для кочевого скотоводства[1]) требовало геополитического разграничения с простиравшейся южнее Османской империей.

Первоначально Российское государство попыталось защитить свои территории от агрессивно-грабительски настроенной кочевой вольницы Крыма так называемыми «засечными линиями». Белгородская черта [Загоровский, 1964], это грандиозное по тем временам инженерное сооружение, строительство которой было завершено к 1653 г., отгородила российские территории крепостями, а между ними валами с древесными завалами, от набегов татарской конницы. Строительством этого сооружения Россия сумела найти действенное средство обороны, расширила свои владения к югу почти на 100 км, но, в то же время, показала отсутствие в ближайшем будущем каких-либо дальнейших экспансионистских устремлений в этом направлении. Российские внешнеполитические интересы в XV – первой половине XVII вв. требовали внимания к западным и восточным границам. Югу же тогда нужна была лишь защита, чему и служили Белгородская черта и другие, менее крупные и ранее создававшиеся засечные линии [Александров, 1979; Багалей, 1856; Беляев, 1864; Яковлев, 1916][2].

Украинские события и вхождение украинских земель в состав Российского государства изменили ситуацию. Российские границы опять оказались открытыми для татарских набегов. Изюмская [Загоровский, 1980] и Украинская засечные линии, строительство которых началось после воссоединения Украины, в литературе оцениваются как некий анахронизм [Апанович, 1969, с. 157–168]. Однако они, бесспорно, свидетельствовали о том, что Россия все еще продолжала придерживаться оборонительной тактики и не видела тогда ни возможности, ни (главное!) необходимости в расширении своих территорий далее на юг.

Вступление гетмана П. Дорошенко с Правобережной Украиной в османское подданство (не крымское, что в казацкой среде бывало и раньше, а именно османское) привлекло внимание османских имперских властей к региону Восточной Европы как возможному, новому для Османской империи, направлению экспансионистской политики [Doroshenko, 1985; Санин, 1987]. Чигиринские походы (1677–1678 гг.) [Яфарова, 2017], также спровоцированные П. Дорошенко (его переходом теперь в российское подчинение), снова породили новые настроения в османских правящих кругах.

Османская империя в своих завоеваниях в Европе действовала в это время на пределе военно-стратегических возможностей. Подсчитано, что от местечка Давут-паша под Стамбулом, традиционного места сбора османских армейских сил при походах в Европу, войска двигались до тех районов Венгрии, где находились тогда границы османских владений, свыше 100 дней. Следовательно, ядро османской армии, кавалерийское ополчение, ежегодно заново мобилизуемое, могло достичь района предстоящих военных операций лишь к концу того периода, когда в тех природных условиях оно могло вести боевые действия [Coles, 1968]. Еще далее находились украинские земли (под Чигирин османская армия прибывала лишь к середине августа, а в середине сентября, боясь наступления зимних холодов, уже спешила покинуть украинские пределы). Эту ситуацию хорошо понял П. Б. Возницин, ездивший к султанскому двору в 1681 г. для подписания первого русско-османского мирного договора. Он писал: турки «…Чигирин взяли. … однако, его бросили и не держали, потому что им за отдаленностью держать было нельзя». И далее: «…они не так войной, как отдаленностью и всякою нуждой пропали и едва возвратились». Он предсказывал даже, что если бы после чигиринских событий о мире не удалось договориться, тогдашний великий визирь был бы свергнут со своего поста [Богословский, 1940, с. 750–751].

Мира тогда хотели обе стороны. России трудно далось это первое военное столкновение с османами, хотя она и показала противнику, что может в одиночку противостоять ему. Османы натолкнулись на неожиданное для себя (после легких недавних побед над Польшей [Abrachamowicz, 1983, p. 26] жесткое противостояние и явно

[1] См.: [Кульпин, 1995].

[2] См. также: [Воронежский край, 1976; Загоровский, 1991; Никитин, 1955].

разочаровались в своих украинских приобретениях. Украинские «руины», как характеризуют тогдашнее состояние этих земель историки [Костомаров, 1905], не годились для превращения их в тимарные владения османских воинов. Даже из благодатной, но разоренной предшествовавшими распрями Подолии, отвоеванной у Польши в 1672 г., где османы попытались внедрить свою тимарную систему, тимариоты на протяжении всего следующего десятилетия бежали, будучи не в состоянии получить предписанные им доходы [Kolodziejczyk, 1994], а ближайшие крепости, в том числе и Каменец Подольский, должны были получать материальное обеспечение из Молдавии. «Руину» надо было еще восстанавливать и обихаживать. Знаменательно, что османские власти передали оставшиеся в их власти украинские земли под управление не крымскому хану, ранее отвечавшему за северные границы империи, а своему другому вассалу – Молдавскому господарю [Османская империя, 2001, с. 24, 212.], чем явно выказывали надежду на возможность их возрождения в будущем.

По миру же 1681 г.[3] они, как и Россия, констатировали, что места между Бугом и Днепром должны оставаться «безлюдными и пустынными», где обе стороны брали на себя обязательство никаких поселений не заводить. Свои будущие вожделенные завоевания османы стали связывать не с Украиной, а с Центральной Европой, которая, как сказано в одном из османских источников, воспринималась ими как некий «гяурский рай» [Adrachamowicz, 1983]. Неудачный поход на Вену в 1683 г. нарушил эти планы. Империя на пятнадцать лет оказалась вовлеченной в войну со Священной лигой европейских государств. Возможностей для дальнейшего территориального расширения Османской империи больше не предвиделось.

По русско-турецкому миру 1681 г. впервые было зафиксировано наличие общей границы между Россией и османскими владениями. Далекая ранее Россия приблизилась, таким образом, к тому региону, где шла борьба европейских стран с османским нашествием. Потому-то, очевидно, при складывании Священной лиги 1684 г. ее главные участники – Австрия, Польша и Венеция, приглашали к участию в ней всех христианских правителей, но особенно (и это подчеркивалось) царей московских [Zinkeisen, 1856, p. 87]. Будучи наиболее заинтересованным в присоединении России к антиосманской коалиции, польский король Ян IV Собеский пошел на ряд уступок, главными из которых было признание Речью Посполитой Киева и Запорожья, находящимися «во владении и державе» Российской, что было зафиксировано в русско-польском «Вечном мире» 1686 г. [ПСЗ, т. 2. с. 774; Греков, 1987, с. 27–43]. В уплату за это признание Россия обязывалась разорвать мир с Османской империей и присоединиться к Священной лиге. В рамках военных действий Лиги русскими войсками были предприняты так называемые Крымские походы В. В. Голицына, а позднее и Азовские походы Петра I. Приходится констатировать, что с этого времени не было ни одной войны России и Османской империи и ни одного договора между этими странами, которые бы были исключительно двусторонними. Европейская дипломатия в той или иной степени выступала в них явным или тайным побудителем, провокатором, а бывало и неким умиротворителем. Фактически именно с 1686 г. для России начинается «Восточный вопрос», предусматривающий коллективное решение всех проблем, связанных с присутствием Османской империи в Восточной Европе.

Возможен ли был иной подход к проблеме? Да, его в свое время предлагал А. Д. Ордин-Нащекин, руководитель российской внешней политики в период правления царя Алексея Михайловича. При заключении мира с Османской империей в 1681 г., уже будучи в отставке, Ордин-Нащекин писал молодому царю Федору Алексеевичу: «ныне по турской склонности к миру» надлежит «с султаном турским искать крепкого мира», но при этом «королевства Польского от совету общего не отлагать» [Копреева, 1965; Копреева, 1961, с. 191–220]. В это время, следовательно, в русских правящих кругах была надежда на возможность общего мирного трехстороннего (польско-османо-российского) размежевания

[3] См.: [ПСЗ, 1830, № 864].

интересов в восточно-европейском регионе. Трехстороннее решение было необходимо уже и потому что, по мнению Ордин-Нащекина, именно польские интриги привели к русско-османской конфронтации. Непосредственных же претензий друг к другу у этих государств тогда не существовало. Проблема, однако, как мы знаем, решилась иначе. Россия стала на сторону антиосмански настроенных европейцев и фактически отдала решение судьбы своих южных границ под контроль европейского сообщества.

Второй аспект «Восточного вопроса» касался судьбы православных народов Османской империи. Россия не могла быть к ней равнодушной. Уже с XV в. в Москву приезжало много священнослужителей, купцов, деятелей культуры и других посетителей и беженцев из балканских стран, которые взывали о помощи, сообщали о бедах своих народов, тяготах жизни под исламским гнетом. Все это откладывалось в российском самосознании, формировало убеждение в особой миссии России, призванной сплотить воедино славянские и православные народы и избавить их от чужеземного владычества. На этих настроениях успешно играла и европейская дипломатия, выводя на первый план чувства, а не трезвый политический расчет, государственную выгоду и реальные возможности российского государства. Видя перед собой многовековую панораму развития русско-турецких отношений, следует подчеркнуть, однако, что российское государство было довольно осторожно в своей южной политике и проявлений рискованной увлеченности наблюдается не так уж много.

Посмотрим на время Петра I. После взятия Азова царь был увлечен строительством флота, теплым морем, перспективой сделать страну морской державой. Он выступил главным инициатором продолжения войны с Османской империей. Партнеры по Священной Лиге, уставшие от 15-летней войны, его не поддержали. Тогда Петр перенес свое внимание на север, уловив благоприятную возможность для России получить выход к морю на Балтике. Объявление Османской империей войны России в 1710 г. было для Петра досадным эпизодом, отвлекавшим от главной цели его политики – утверждения на Балтийском побережье. Отнесшись к этой войне легкомысленно, Петр потерпел поражение. Позор Прутского мира не заставил его, однако, перенести свое внимание на юг. Более того, даже после победоносного окончания Северной войны черноморско-османское направление не привлекло его внимания. Он переключился на ирано-закавказский регион, подписав с османами Вечный мир (1720 г.) [ПСЗ, Т. VI, №5671] и специальным договором (1724 г.) [ПСЗ, Т. VII, №1724] разграничив османо-российские интересы в Закавказье.

К антиосманской борьбе вернулся лишь канцлер Остерман при Анне Иоанновне, объявив ликвидацию последствий Прутского поражения главной целью российской политики. Остерман считал себя последователем Петра и его политики (эта точка зрения господствует и в исторической литературе). Однако этот вестфалец, «усыновивший себя России» (так писал о нем С. М. Соловьев), при всей его искренней преданности российским интересам, продолжал мыслить по-европейски. России нужна была безопасность южных границ и неплохо было бы возвратить отторгнутый по Прутскому миру Азов, но ввергать еще не оправившуюся от реформенных потрясений страну в тяжелейшую войну, продолжать ее четыре года (хотя уже после первых же военных столкновений турецкая сторона готова была уступить Азов), заключать союз с Австрией, главной поборницей идеи изгнания турок из Европы – все это было отнюдь не в духе петровских представлений о целях российской политики и уж тем более российских национальных интересов. Петр в последние годы своего правления пытался сохранить добрые отношения и с Австрией, и с Францией, т. е. придерживался некой надблоковой позиции, что было возможно для новой усилившейся при нем России. Остерман же, мысля по-европейски, исходил из представлений о том, что Россия как европейская держава должна быть активной участницей европейской политики. «Восточный вопрос», т. е. участие в антитурецких коалициях, давал такую возможность. Тогдашняя неготовность России к радикальной постановке этого вопроса учтена не была. Мы

можем лишь констатировать, что с этого времени Россия прочно связала себя с европейским видением проблемы и тем ограничила собственные возможности[4].

На первый взгляд, последнему утверждению противоречат события екатерининского времени. Но обратим внимание на следующие сопутствующие им факты. Обе русско-турецкие войны времен Екатерины II были начаты турецкой стороной. Османское правительство вступилось за опекаемую им на протяжении всего XVIII в. (с французской подачи) Польшу [Uzunçarşılı,1956, т. IV, с. 2], т. е. и здесь мы видим происки европейской дипломатии, правда, другой коалиционной приверженности.

Заключение Россией выгодных для нее договоров и жизненно важные территориальные приобретения стали возможными в момент, когда европейские страны были отвлечены своими внутренними проблемами, и «Восточный вопрос» временно отошел для них на задний план.

Умозрительные, не имевшие тогда какой-либо реальной почвы для своего осуществления проекты екатерининского правительства в отношении будущего региона – а именно: о создании по периметру османских границ национальных государств и, главное, восстановление Греческого государства со столицей в Царьграде и российским принцем во главе (единственная реальность этого проекта – имя Константин, данное Екатериной второму внуку), вызвали такие протесты, что отзвуки их звучат до сих пор как доказательство особо агрессивных намерений России в отношении Османской империи. Мы не отрицаем наличия у Екатерины имперских мечтаний. Она не единственная правящая особа, высказывавшаяся о своих завоевательных аппетитах, да и вообще с проектами насильственных преобразований в европейских владениях Османской империи выступали тогда многие иностранные государственные деятели в разных странах. России же даже заикнуться на эту тему не было дозволено. «Греческий проект» муссируется до сих пор в осуждающем Россию ракурсе. Удивительно, что особенно это свойственно отечественной историографии. При этом почему-то забывается известное письмо В. И. Жуковского – воспитателя внуков Екатерины, великому князю Константину, говорящее об опасности для России распространения ее границ в сторону Стамбула (далее мы его процитируем).

Понимая европейские настроения и общее нежелание допустить Россию в этот регион, екатерининское правительство даже после блистательных военных побед действовало очень осторожно. Известно, что Государственный совет не стремился первоначально присоединять Крым к своим территориям, считая, что крымские татары не нужны стране ни как воины, ни как налогоплательщики. На протяжении десяти лет Крым считался независимым. Не вина России, что это ханство оказалось не готовым к самостоятельному государственному существованию. Оно продолжало стремиться восстановить свои связи с Османской империей и, как говорится в одном из турецких источников того времени, выступало «против позора независимости». Интересы государственной безопасности и внутрикрымские события заставили российские власти пойти на включение Крыма в состав своего государства, что, как известно, породило еще одну войну с турками (1787–1791 гг.) [Орешкова, 2008, с. 121–127].

Кючук-Кайнарджийский (1774 г.) [ПСЗ, т. Х1Х, №14164] и Ясский трактаты (1791 г.) [ПСЗ, т. 23, №17008], подведшие итоги русско-турецких войн екатерининского времени, привели Россию к реализации тех ее юго-западных имперских амбиций, которые были оправданы геополитическими потребностями ее существования как великой державы. В. П. Кочубей, близкий соратник Александра I в первые годы его царствования, констатировал в 1802 г.: больше «Россия не имеет нужды в расширении». Проблема южных границ решена. Для России теперь «нет соседей покойнее турок», а потому сохранение их государства должно «впредь быть коренным правилом нашей политики»[5].

[4] Подробнее см.: [Орешкова, 2015, с. 89, 98–100 и др.].
[5] Цит. по: [Соловьев, 1995, с. 633–634].

Жизнь, однако, опять привела к иному развитию событий. России пришлось воевать с османами в 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. Обе войны не были порождены какими-то внутренними российскими потребностями. Провокатором выступала европейская дипломатия, разыгрывая балканскую карту, к которой Россия не могла быть равнодушной. Не случайно, начиная войну 1828 г., Николай I заявлял: «Я докажу Европе, что не мечтаю ни о каких завоеваниях, будучи доволен своим положением как оно есть» [Соловьев, 1995, с. 665]. А позднее еще сильнее. Отзывая Дибича от Стамбула и заключая Адрианопольский мир, он писал: «Наша умеренность зажмет рты всем нашим клеветникам, а нас самих мирит с нашей совестью» [Соловьев, 1995, с. 665]. Тогда Николай чувствовал, следовательно, что «Восточный вопрос» воспринимается в Европе не только как внутриосманская проблема, но и как антироссийская, призванная сдержать якобы имевшееся у России стремление к расширению своих владений в этом направлении. Позднее, однако, он отошел от этих разумных позиций и, веря в идею европейской солидарности, рассчитывая на европейскую благодарность за русскую помощь в подавлении революционного движения, рискнул выступить инициатором раздела наследства «больного человека Европы». Хорошо известно, что это в конце концов привело к трагичной для России и самого царя Крымской войне. Европейская солидарность в ней обратилась против России. Николай же, лелея европейское единство, отступил от той осторожности, которая ранее была свойственна российской политике [Виноградов, 1998, с. 87–98].

В связи с этим вспомним еще одно высказывание времен начала царствования Александра I, т. е. того времени, когда вырабатывалась пост-екатерининская политика в отношении Османской империи. Один из тогдашних руководителей внешней политики России А. Ю. Чарторыйский подчеркивал, что «внутри самой себя предстоит России совершить громадные завоевания, установить порядок, бережливость и справедливость во всех концах обширной империи, содействуя процветанию земледелия, торговли и промышленности. …Россия достаточно велика и могущественна пространством, населением и положением, она безопасна со всех сторон…». Далее этот автор сам комментирует выше изложенное утверждение: «оно содержит много справедливого и целесообразного, но представляет ту невыгоду, что страна, которая слишком придерживается ея буквы, обращается в ничтожество и рискует стать игрушкой более предприимчивых и деятельных правителей своего времени»[6].

Мы снова видим, как умный и желающий добра стране, которой служит, иностранный консультант, исходя из своих польских представлений, не может стать на российскую позицию. Великой России не грозила опасность превратиться в «ничтожество», ей не стоило отвлекаться на европейские посулы и угрозы, а следовало идти своим путем. Прекрасным примером в этом может служить политика А. М. Горчакова, в труднейший для страны момент провозгласившего «Россия сосредоточивается»[7] (или как перевел эту французскую фразу – «elle se recueille» – С. Д. Сказкин – «она собирается с силами» [Сказкин, 1973, с. 412]), т. е. отходит на время от европейских дел и занимается своими проблемами.

В отчете царю в 1867 г.[8] канцлер, среди прочего, очень четко сформулировал суть «Восточного вопроса», его значение для России, российские возможности и те опасности, которые угрожают стране в процессе его разрешения. Горчаков понимал, что Россия не может относиться к Востоку лишь «с точки зрения чистой политики». «Родовые и религиозные симпатии» роднят ее с христианским Востоком», выступая неким «моральным мотивом», который нельзя не учитывать. Видел он также, что постоянные, но разрозненные выступления подвластных султану христиан приводили лишь к «кровопролитию и

---

[6] Цит. по: [Татищев, 1890, с. 299–300].

[7] Циркуляр А. М. Горчакова российским дипломатическим представителям за границей 21 августа / 2 сентября 1856 г. См. Приложение в: [Лопатников, 2015, с. 357].

[8] Записка А. М. Горчакова о внешней политике России с 1856 по 1867 гг. от 23 декабря 1867 / 2 января 1868 г. См. Приложение в: [Лопатников, 2015, с. 365–378].

усугублению их положения». Им, по его мнению, не хватало «единства и политической зрелости». К тому же нарастало возбуждающее «подстрекательство» от европейской дипломатии и от «провокаторов всеобщей революции». Понимая, что лишь Россия «могла послужить связующим звеном между этими столь разными народами» и что «естественный ход вещей» (или, скажем иначе, логика истории) ведет к освобождению христианских народов, он призывал к сдержанности, подчеркивая, что «если уж необходимо будет решать вопрос силой, следует лучше подготовиться к этому и с их и с нашей стороны, вместо того, чтобы понапрасну тратить силы необдуманными попытками». России же, «чтобы исполнить свою миссию …потребуется собрать все силы».

Объясняя действие своего правительства, Горчаков напоминал царю, что в течение 11 лет (документ относится к 1867 г.), отойдя от активной внешней политики, Россия смогла заняться внутренней работой, и «наипервейший долг России есть завершение внутренних преобразований». Ее политический вес в международных делах будет зависеть «исключительно от положения внутри страны». Поэтому по отношению к балканским народам «нам придется… воздержаться от слишком явных действий, с тем, чтобы не создавать впечатления о наличии у России амбиций, что неминуемо привело бы к проявлению враждебности со стороны Европы». Христиан Османской империи следует предупредить, что пока «они должны рассчитывать лишь на себя самих». И еще о них же: «Мы не имеем право сдерживать порыв христианских народов», хотя понимаем, что «эти народы, столь разобщенные и так много претерпевшие за свою историю, не… достаточно зрелы ни для того, чтобы завоевать независимость, ни для того, чтобы сохранить ее своими силами». Можно, конечно, помогать им материально, вооружением и т. п., но «рано или поздно христиане спросят у нас отчет за напрасно пролитую кровь». Исходя из вышеизложенного, была выбрана единственно возможная «линия поведения – оставить свободу действия христианам Востока на их собственный страх и риск, уведомив их при этом, что им не следует надеяться на какую-то непосредственную материальную помощь нашей страны». Им самим надлежит оценить свои силы и выбрать время «действовать или отсрочить до того момента, когда и мы и они будем готовы воспользоваться благоприятными обстоятельствами».

Подводя итог одиннадцати годам описанной политики, Горчаков отмечает, что за это время симпатии и доверие к нам наших единоверцев даже усилились. В отношении же положения России в мире мудрый канцлер пишет, что 20 лет «бездействия и застоя» в ее внешнеполитической деятельности «ничто для жизни такого народа», «перед которым открыто будущее» и «силы которого лишь крепнут». (Любопытно сравнить это утверждение с цитированным ранее предупреждением Чарторыйского).

И, наконец, главный вывод документа. «Обратив взор в будущее, нам следует предвидеть, что христианский Восток… не избегнет столь мощного на сегодняшний день влияния капитала и материального прогресса Запада». «…чтобы Россия имела в этих краях достойное ее влияние, необходимо подкрепить моральные узы военными, финансовыми, промышленными и торговыми отношениями, которые неразрывно связали бы судьбы России и этих стран воедино». «…Россия сможет занять такое положение, лишь развив свои внутренние силы, которые на сегодняшний день есть единственный реальный источник политического могущества государств».

Вышеизложенная позиция канцлера способствовала тому, что российская дипломатия всячески стремилась оттянуть явно назревавшую войну за Балканы, отвергая «возникавшие по временам соблазны», и хорошо понимая, что силы российского государства лишь крепнут, но «одна политическая ошибка может отбросить его на полвека назад».

Война 1877 г. оказалась неизбежной из-за той ситуации, которая сложилась в славянских районах Османской империи. Понимая ее необходимость, А. М. Горчаков предупреждал, что она может быть успешной «только при двух обстоятельствах, а именно, если война не будет продолжительной, и если военный поход будет умеренным, без перехода

за Балканы»[9]. Эти условия соблюдены не были. По численности вооруженных сил, вовлеченных в военные действия, ожесточенности и кровопролитию, этот военный конфликт оказался одним из крупнейших в истории XIX в. [Золотарев 1978; Золотарев, Козлов, 1989, с. 80]. Военный министр Д. М. Милютин в дневниковой записи так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «ни одна из пяти держав не намерена браться за оружие: многие из них только того и ждут, чтобы Россия одна втянулась в неблагодарную борьбу с полуварварским государством», а «в случае успеха ей не дадут воспользоваться плодами» [Милютин, 1947–1951, с. 130]. Так и получилось. После перехода русских через Балканский хребет, английский флот несколько раз входил в Мраморное море, угрожая подходившей к Стамбулу русской армии.

Будучи в эйфории от военных успехов, Н. П. Игнатьев подписал Сан-Стефанский мир [Игнатьев, 1916], перекроивший карту Балканского полуострова так, как он считал должно было быть выгодно России. Европейское сообщество, как известно, не приняло этой договоренности. Был собран международный Берлинский конгресс, последнее детище общеевропейской «восточной» солидарности, и в жизнь был претворен иной, Берлинский, договор [Сборник договоров России… 1952, с. 159–175, 294–209].

Вокруг этих документов в российском обществе шла очень ожесточенная дискуссия, и до сих пор в исторической литературе бытуют разные оценки, как правило, сожалеющие о Сан-Стефанском мире. Вышедшее в 2005 г. замечательное исследование В. Н. Виноградова «Балканская эпопея князя А. М. Горчакова» разрешает многие спорные вопросы и предлагает свое видение исторических событий. Прежде всего, это касается Сан-Стефанского договора, который принято восхвалять как победу России, отобранную у нее европейским сообществом. Виноградов показывает, что договор был составлен при плохом знании карты этнического расселения местных народов. В состав планируемой великой Болгарии были включены народы, относившиеся к Болгарскому экзархату, но этнически далеко не единые. Греки, сербы, румыны, албанцы оказывались обиженными. Поэтому «Сан-Стефанский договор никак нельзя считать удачным примером сглаживания противоречий» между балканскими народами. «Если бы (большое «бы») договор был реализован, то вероятнее всего превратился в мину замедленного действия, подведенную под стабильность в регионе [Виноградов, 2005, с. 270–271][10]. Он не преждевременен, «не опережал свое время, как писала Н. С. Киняпина, а вообще «не имел шансов на претворение в жизнь не только ввиду противодействия держав, но и из-за отвержения его большинством балканских стран». Он был «иллюзией», которой страстно увлеклось тогда российское общество. Встреченный им как неоправданная уступка и чуть ли не предательство, Берлинский договор стоял на более реальной почве, хотя, зная дальнейший ход истории этого региона, мы видим, что и он также не сумел найти для него приемлемые этнические границы, что сказывается до настоящего времени.

В. А. Лопатников, автор еще одного фундаментального исследования, пишет: «Трагедия была в том, что эта война вообще состоялась» [Лопатников, 2015, с. 321]. Виноградов возражает ему: Это была «великая война», «судьбоносный рубеж в летописи Балкан, веха в жизни России, Турции и Европы в целом. Умалять ее значение, а тем более вычеркивать ее из истории, нет смысла, соглашаться с мнением В. А. Лопатникова невозможно»[11]. Несмотря на столь решительное возражение, представляется, что эти два исследователя во многом единомышленники. По-разному поставлена лишь заключительная точка в оценках. И это естественно, так как они смотрят на события с разных сторон и в чем-то дополняют друг друга. Очевидно, не следовало бы так резко выдвигать на первый план свой аспект исследования. Они оба уместны, имеют право на существование и в широком историческом плане не противоречат друг другу.

---

[9] Цит. по: [Сказкин, 1973, с. 419].

[10] Критикуемое Виноградовым мнение Н. С. Киняпиной см.: [Киняпина, 1974, с. 189].

[11] Критика Лопатникова Виноградовым: [Виноградов, 2005, с. 272.].

Для России война действительно была и несвоевременной и очень тяжелой. Один из ее участников восклицал: «из-за чего же пролито столько дорогой русской крови, зачем же тратили столько денег и на долгое время подорвали благосостояние России» [Анучин, 1912, с. 54]. Конечно, хотелось более значительных результатов, особенно исходя из того славянофильского угара, который владел русским обществом в предвоенный период. Еще одно свидетельство очевидца: «…объявлена война Турции. Давно уж все были возбуждены против турок, мучивших балканских христиан, газеты были полны известий о турецких зверствах. …Надо было видеть всеобщую радость: знакомые и незнакомые поздравляли на улицах друг друга с объявлением войны. …Воинственная горячка охватила всех, все хотели быть причастными к делу. Кто хлопотал поступить в действующую армию, кто в «Красный крест», кто жертвовал, кто пил за успех русского оружия» [Воейков, 1916, с. 97]. В этой ситуации берлинские уступки, конечно, воспринимались как некое несправедливое унижение, а то и «предательство», на которое после трудной, но победоносной войны вынуждено было пойти российское внешнеполитическое ведомство. В осуждении берлинских уступок совпадали взгляды славянофилов [Аксаков, 1886, с. 307] и завоевательные амбиции наиболее империалистически настроенной части правящей верхушки. Вторые, правда, опомнились раньше, понимая тогдашнюю неспособность страны отстаивать свои претензии в войне «против половины Европы» [Милютин, 1949, с. 35]. Славянофильские же восхваления российских достижений в балканском вопросе и сожаления об упущенной победе звучат до сих пор. Виноградов показал призрачность и невыгодность для России и для балканских стран сан-стефанских запросов. Умеренность и уступчивость А. М. Горчакова были не только реалистичнее, но и полезнее России. Конечно, в Берлине российская дипломатия получила урок унижения. Европа в полной мере дала почувствовать России свое неуважения и нежелание позволить ей как-либо укрепить свои позиции в этом регионе. Недаром и Горчаков и Александр II считали конгресс самым «черным днем» [12] своей политической деятельности.

История, однако, все расставляет по местам. Именно благодаря берлинскому унижению Россия, наконец, осознала, что «Восточному вопросу», который, как она воспринимала, должен был совместными общеевропейскими усилиями решить проблему Османской империи и освобождения балканских христиан от исламского владычества, пришел конец. Цели держав разошлись. России надо было самостоятельно определяться в отношении к балканской проблеме и Османской империи.

Прежде всего, следовало отказаться от каких либо империалистических поползновений в этом направлении. Именно об этом предупреждал некогда своих воспитанников В. А. Жуковский. В письме [13] великому князю Константину, посетившему Стамбул, восхищавшемуся его красотами и вспоминавшему о походах киевских князей на Царьград, он писал: «Византия …роковой город, избави Бог нас от превращения Русского царства в империю Византийскую …В Царьграде, который по своему чудесному положению между двух знаменитых морей, по всем окружающим его очарованиям природы, искусств и воспоминаниям историческим… имеет полное право быть столицей великой империи, православные русские цари исчезли бы для России за стенами султанского сераля. …не брать и никому не давать Константинополя, этого для нас довольно. …лучше тех границ, которые теперь имеет Россия, и выдумать невозможно. …все завоевания для россиян уже вполне завершены. …ей не нужно внешнего ослепительного (Византийского) великолепия, ей нужно внутреннее …строго постоянное национальное развитие».

Сходные взгляды после Берлинского конгресса высказывал и Б. Н. Чичерин. Это был известный земский деятель того времени, профессор Московского университета, в прошлом имевший опыт придворного служения, будучи воспитателем наследника престола Николая,

[12] А. М. Горчаков и его рассказы о прошлом. См.: [Лопатников, 2015, с. 352].
[13] Публикацию документа см.: [Русский архив, 1867, с. 1411–1413].

рано ушедшего из жизни[14]. В период описываемых событий Чичерин не был вхож в правящую элиту и свой трактат о тогдашней внешней политике страны, выводы которого не совпадали ни с официальной точкой зрения, ни с царившими в обществе оценками, он распространял нелегально, однако, как установил С. Л. Чернов [Чернов, 1997, с. 12][15], литографические экземпляры этого документа сохранились в личных фондах многих представителей интеллигенции и высшего общества того времени. Точка зрения Чичерина, следовательно, была широко известна. Более того, экземпляр трактата имелся и в распоряжении царской семьи, на котором сохранились одобрительные пометки Александра II [Сказкин, 1973, с. 416]. Возможно, именно они оказались теми аргументами, которые, как и горчаковская выучка, заставили царское правительство на последующие десятилетия Х1Х в. отказаться от европейской активности и заняться внутренними делами. Известно, что по личной просьбе тогдашнего наследника престола Александра, К. П. Победоносцев, противник Чичерина, считавший его точку зрения неприемлемой для русского человека, вынужден был передать ему этот трактат. И знаменательно, что Александр III, в молодости один из самых активных сторонников войны 1877 г., в период своего правления оказался тем царем, который не вел ни одной войны [Чернов, 1997, с. 16–17]. Сам Чичерин в своих «Воспоминаниях» писал, что его трактат, хотя и был написан несколько ранее, но оказался ответом на знаменитую статью И. С. Аксакова [Чичерин, 2010, с. 212], со славянофильской точки зрения громившей позицию российской дипломатии на Берлинском конгрессе [Аксаков, 1886, с. 297–308][16].

Считая Сан-Стефанский договор «филантропической фантазией», Чичерин подчеркивал, что, к счастью для России и вопреки мнению русского общества, «толковавшего на все лады, что победителям позорно отдавать себя на суд Европы», русское правительство не поддалось этой агитации. «Государственные люди, заключившие Берлинский трактат, несомненно потеряли в России популярность, но они имеют право на благодарность русского народа». Суть же проблемы, по Чичерину, состоит в том, что «ни один здравомыслящий русский не думает о завоевании Турции и о присоединении к себе Константинополя. Такое расширение было бы не усилением, а ослаблением России. Центр тяжести переместился бы с севера на юг, в нерусские земли, через это владычество народность потеряла бы свою особенность и неизбежно получила бы второстепенное место. Россия …безмерно расширив свои пределы, пала бы от внутреннего расслабления. Если Россия должна остаться Россией, она не может сойти со своего места и встать у Средиземного моря». Точка зрения, как мы видим, очень близка той, что высказывал В. А. Жуковский. Свое видение было у Чичерина и по поводу балканских проблем. Он предвидит, что возникнут «бесчисленные затруднения от незрелых и сталкивавшихся друг с другом стремлений освобожденных народов», к чему присоединится «соперничество европейских держав, желающих каждая свою долю влияния». «…начнутся конфликты, которые затронут не только Балканы, но и Великие страны Европы». Это уже совсем иной «Восточный вопрос», в котором России следовало бы занять позицию «спокойного выжидания».

В «Воспоминаниях», где автор поместил текст выше цитируемого трактата (правда, с отдельными стилистическими расхождениями), он расширил его некоторыми добавлениями, исходя из знания того, что произошло позже. Он писал: 1878 г. открыл для балканских народов «новое поприще для внутреннего развития» и они должны пройти этот путь самостоятельно, «должны стоять на собственных ногах. ...Россия может подать им руку помощи, но никак не брать» все их дела освобождения на свои плечи». Ей же самой лицемерно говорить «об историческом призвании России освободить братские народы,

[14] О нем см.: [Зорькин, 1995; Верещагин, 1995, с. 1089].

[15] Архивные материалы о Чичерине см.: [Отдел рукописей Государственной библиотеки Российской Федерации. Ф. 334. Картон XX. Ед. хр. 9].

[16] Знаменитая речь Аксакова с осуждением Берлинского мира.

когда перед нами политика России в Польше». «Нельзя идти на освобождение одних братьев, держа в цепях других». В отношении же тогдашних отношений России с Болгарией он констатировал: «вместо бережного отношения к освобожденной нами народности, мы наложили на нее медвежью лапу, стали требовать от нее той же безусловной покорности, к какой мы привыкли у себя дома», что и оттолкнуло эту страну от сотрудничества с Россией[17].

Все, как мы видим, продолжало упираться во внутренние проблемы России, ее экономическое развитие, правовое совершенствование, умение строить внутри страны отношения гражданского общества. Лишь успехи в этой сфере способствовали бы росту внешнеполитического авторитета страны и позволили ей самостоятельно (без Европы) достойно выстроить свои отношения с освобожденными ее усилиями странами. Внутреннего осознания проблемы и исторического времени (до начала Первой мировой войны) для претворения в жизнь этой задачи стране явно не хватило.

«Здоровый милитаризм» (выражение В. П. Рябушинского[18]) кадетов и тогдашнего царского окружения привел, как мы знаем, к лелеемой всей Европой мировой войне, приведшей к гибели и Российскую и Османскую империи.

Литература / References

Аксаков И. С. *Полное собрание сочинений*. Т. I. М., 1886 [Aksakov I. S. *Polnoe sobranie sochineniy*. Vol. I. Moscow, 1886].

Александров В. А. Организация обороны южных границ русского государства во второй половине XVI–XVII вв. // *Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв.* М., 1979 [Alexandrov V. A. Organizatsiya oborony yuzhnyh granits russkogo gosudarstva vo vtoroi polovine XVI–XVII vv. // *Rossiya, Pol'sha i Prichernomorie v XV–XVIII vv.* Moscow, 1979].

Анучин Д. Г. Берлинский конгресс 1878 // *Русская старина*. 1912, январь [Anuchin D. G. Berlinskiy congress 1878 // *Russkaya starina*. 1912, January].

Апанович О. М. *Збройни сили України першей половини XVIII ст.* Київ, 1969 [Apanovich O. M. Zbroiny syly Ukrainy pershei poloviny XVIII st. Kiev, 1969].

Багалей Д. И. *Материалы по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства*. Харьков, 1856 [Bagalei D. I. *Materialy po istorii kolonizatsii I byta stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva*. Har'kov, 1856].

Беляев Г. Ф. *О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине московского государства до царя Алексея Михайловича*. М., 1846 [Belyaev G. F. *O storozhevoi, stanichnoi I polevoi sluzhbe na pol'skoi Ukraine moskovskogo gosudarstva do tsarya Alekseya Mihailovicha*. Moscow, 1846].

Богословский М. М. *Петр I. Материалы для биографии*. Т. 1. М.–Л., 1940 [Bogoslovsky M. M. *Pyotr I. Materialy dlya biografii*. Vol. 1. Moscow–Leningrad, 1940].

Великая Россия. М., 1911 [*Velikaya Rossiya*. Moscow, 1911].

Верещагин А. Н. Борис Чичерин – русский политолог // *Вестник российской Академии наук*. 1995. 65, №12 [Vereschagin A. N. Boris Chicherin – Russkiy politolog // *Vestnik rossiyskoy Akademii nauk*. 1995. 65, No.12].

Виноградов В. Н. *Балканская эпопея князя А. М. Горчакова*. М., 2005 [Vinogradov V. N. *Balkanskaya 'epopeya knyazya A. M. Gorchakova*. Moscow, 2005].

Виноградов В. Н. О личной ответственности императора Николая в развязывании Крымской войны // *Балканские исследования*. Вып. 15. *Россия и славяне: политика и дипломатия*. М., 1998, с. 87–98 [Vinogradov V. N. O lichnoi otvetstvennosti imperatora Nikolaya v razvyazyvanii Krymskoi voiny // *Balkanskie issledovaniya*. Vol. 15. *Rossiya i slavyane: politika i diplomatiya*. Moscow, 1998. Pp. 87–98].

Воейков В. В. *От Дуная до Царьграда. Записки участника*. М., 1916 [Voeikov V. V. *Ot Dunaya do Tsar'grada. Zapiski uchastnika*. M., 1916].

[17] Записка Чичерина напечатана в нескольких вариантах с небольшими стилистическими расхождениями. Здесь она цитируется по варианту: [Сказкин, с. 416–419]. В другом варианте употреблено более сильное выражение: «Россия перестала бы быть Россией». См.: [Чичерин, 1934, с. 81–84]. Дополненный автором текст см.: [Чичерин, 2010, с. 253–259].

[18] См.: [Великая Россия, 1911, с. 3].

Воронежский край с древнейших времен до конца XVII в. Документы и материалы по истории края. Воронеж, 1976 [*Voronezhskiy krai s drevneishih vremyon do kontsa XVII. Dokumenta i materialy po istorii kraya.* Voronezh, 1976].

Греков И. Б. Московско-польский договор 1686 г. о Союзе и Вечном мире // *Советское славяноведение.* 1987. №5. С. 27–43 [Grekov I. B. Moskovsko-pol'skiy dogovor 1686 g. o Soyuze i Vechnom mire // *Sovetskoe clavyanovedenie.* 1987. 5. Pp. 27–43].

Загоровский В. П. *Белгородская черта.* Воронеж, 1964 [Zagorovsky V. P. *Belgorodskaya cherta.* Voronezh, 1964].

Загоровский В. П. *Изюмская черта.* Воронеж, 1980 [Zagorovsky V. P. *Izyumskaya cherta.* Voronezh, 1980].

Загоровский В. П. *История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в.* Воронеж, 1991 [Zagorovsky V. P. *Istoriya vhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozemiya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI v.* Voronezh, 1991].

Золотарев В. А. *Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в отечественной историографии.* М., 1978 [Zolotaryov V. A. *Russko-turetskaya voina 1877-1878 gg. v otechestvennoi istoriografii.* Moscow, 1978].

Золотарев В. А., Козлов И. А. *Русский военный флот на Черном море и восточном Средиземноморье.* М. 1989 [Zolotaryov V. A., Kozlov I. A. *Russkiy flot na Chernom more i vostochnom Sredizemnomorie.* Moscow, 1989].

Зорькин В. Д. *Чичерин.* М., 1984 [Zor'kin V. D. *Chicherin.* Moscow, 1984].

Игнатьев Н. Н. *Сан-Стефано.* Пг., 1916 [Ignatiev N. N. *San-Stefano.* Petrograd, 1916].

Киняпина Н. С. *Внешняя политика России во второй половине XIX в.* М., 1974 [Kipyanina T. N. *Vneshnyaya politika vo vtoroi polovine XIX v.* Moscow, 1974].

Копреева Т. Н. «Ведомости желательным людям» (Из автобиографических материалов А. Л. Ордин-Нащекина) // *Археографический ежегодник за 1964 г.* М., 1965 [Kopreva T. N. "Vedomosti zhelatel'nym lyudyam" (Iz avtobiograficheskih materialov A. L. Ordin-Naschekina) // *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1965 g.* Moscow, 1965].

Копреева Т. Н. Неизвестные записки А. Л. Ордин-Нащекина о русско-польских отношениях второй половины XVII в. // *Проблемы источниковедения.* Вып. IX. М., 1961. С. 191–220 [Kopreva T. N. Neizvestnye zapiski A. L. Ordin-Naschekina o russko-pol'skih otnosheniyah vtoroi poloviny XVII v. // *Problemy istochnikovedeniya.* Vol. IX. Moscow, 1961. Pp. 191–220].

Костомаров Н. И. *Исторические монографии и исследования.* Кн. 6, т. 15. *Руина.* СПб., 1905 [Kostomarov N. I. *Istoricheskie monografii i issledovaniya.* Book 6, vol. 15. *Ruina.* Saint Petersburg, 1905].

Кульпин Э. С. *Пути России.* Кн. 1. *Генезис кризисов природы и общества в России.* М., 1995. [Kul'pin 'E. S. *Puti Rossii.* Book 1. *Genezis krizisov prirody I obschestva v Rossii.* Moscow, 1995].

Лопатников В. А. *Горчаков. Время и служение.* Издание 4-ое. М., 2015 [Lopatnikov V. A. *Gorchakov. Vremya i sluzhenie.* Izdanie 4-oe. Moscow, 2015].

Милютин Д. А. *Дневник в 4-х томах.* Т. 2. М., 1949 [Milyutin D. A. *Dnevnik v 4-h tomah.* T. 2. Moscow, 1949].

Никитин А. В. Оборонительные сооружения засечной черты XVI–XVII вв. // *Материалы и исследования по археологии Москвы.* Т. 1. М., 1955 [Nikitin A. V. Oboronitel'nye sooruzheniya zasechnoi cherty XVI–XVII vv. // *Materialy i issledovaniya po archeologii Moskvy.* Vol. I. Moscow, 1955].

Орешкова С. Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // *Вопросы истории.* 2008. №7. С. 121–127 [Oreshkova S. F. Krymskoe hanstvo v 70-e gody XVIII v. // *Voprosy istorii.* 2008. 7. Pp. 121–127].

Орешкова С. Ф. *Немировский конгресс. От двусторонних османо-российских отношений к Восточному вопросу.* М., 2015 [Oreshkova S. F. *Nemirovskiy congress. Ot dvustoronnih osmano-rossiyskih otnosheniy k Vostochnomu voprosu.* Moscow, 2015].

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001 [*Osmanskaya imperiya I strany Tsentral'noi, Vostochnoi I Yugo-Vostochnoi Evropy v XVII v.* Part 2. Moscow, 2001].

Отдел рукописей Государственной библиотеки Российской Федерации. Ф. 334. Картон XX. Ед. хр. 9 [*Otdel rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki Rossiyskoi Federatsii.* Fond 334. Karton XX. Ed. Hr. 9].

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830. 1. Т. 2. №864 [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoi imperii* (PSZ). Saint Petersburg, 1830. 1. Vol. 2. No.864].

Русский архив. Издание Чертковской библиотеки. М., 1867 [*Russkiy arhiv. Izdanie Chertkovskoi biblioteki.* Moscow, 1867].

Санин Г. А. *Отношения России с Украиной и Крымским ханством в середине XVII века.* М., 1987 [Sanin G. A. *Otnosheniya Rossii s Ukrainoy i Krymskim hanstvom v seredine XVII vevka.* Moscow, 1987].

Сборник договоров России с другими государствами. 1857–1917. М., 1952 [*Sbornik dogovorov Rossii s grugimi gosudarstvami. 1857–1917.* Moscow, 1952].

Сказкин С. Д. *Избранные труды по истории.* М., 1973 [Skazkin S. D. *Izbrannye trudy po istorii.* Moscow, 1973].

Соловьев С. М. *Сочинения.* Кн. XVI. М., 1995 [Soloviyov S. M. *Sochineniya.* Book XVI. Moscow, 1995].

Татищев С. С. *Из прошлого российской дипломатии. Исторические исследования и политические статьи.* СПб., 1890 [Tatischev S. S. *Iz proshlogo rossiyskoi diplomatii. Istoricheskie issledovaniya i politicheskie stat'i.* Sant Petersburg, 1890].

Чернов С. Л. Берлинский мир перед русским общественным мнением. (Об одной историографической ошибке) // *Вестник Московского университета.* Серия 8. *История.* 1997. №1 [Chernov S. L. Berlinskiy mir pered russkim obschestvennym mneniem. (Ob odnoi istoriograficheskoi oshibke) // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 8. *Istoriya.* 1997. 1].

Чичерин Б. Н. *Воспоминания.* Т. 4. *Земская и московская дума.* Б.м., 1934 [Chicherin B. N. *Vospominaniya.* Vol. 4. *Zemskaya i moscovskaya duma.* B.m., 1934].

Чичерин Б. Н. *Воспоминания.* Т. I. М., 2010 [Chicherin B. N. *Vospominaniya.* Vol. I. Moscow, 2010].

Яковлев А. *Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк по истории окраины Московского государства.* М., 1916 [Yakovlev A. *Zasechnaya cherta Moskovskogo gosudarstva v XVII veke. Ocherk po istorii Moskovskogo gosudarstva.* Moscow, 1916].

Яфарова М. Р. *Русско-османское противостояние в 1677–1678 гг.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Истфак МГУ. М., 2017 [Yafarova M. R. *Russko-osmanskoe protivostoyanie v 1677–1678 gg.* Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskih nauk. Istfak MGU. Moscow, 2017].

Abrachamowicz Z. Tlo polityczne i economiczne wyprawy wiedenskiej Kara Mustafy // *Kwartalnik Historyczny.* 1983. 3.

Coles P. *The Ottoman Impact in Europe.* London, 1968.

Dorosenko D. *Hetman Petr Dorosenko.* New-York, 1985.

Kolodziejczyk D. *Podole pod panjwaniem tureckim. Eyalet Kamieniecki. 1672–1699.* Warszawa, 1994.

Uzunçarşılı İ. H. *Osmanlı tarihi.* T. IV. Ankara, 1956.

Zinkeisen W. *Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa.* T. 5. Gotha, 1856.

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ПРОНИКНОВЕНИЯ БУДДИЗМА В ЯПОНИЮ

Е. С. Лепехова*

Статья посвящена определению точной даты появления буддизма в Японии – проблеме, с которой постоянно сталкиваются исследователи раннего японского буддизма. В исследованиях чаще всего приводятся две версии. Первая основывается на летописи «Нихон сёки» («Анналы Японии») и относит первые сведения о буддизме к 552 г. н. э. Вторая, представленная в храмовой хронике *энги* «Гангодзи гаран энги нараби нируки сидзайтё» («Записи об основании монастыря Гангодзи и сокровищах, ему принадлежащих») и в «Дзёгу Сётоку хоотэй сэцу» («Повествование об императоре Закона Сётоку из верхнего дворца) указывает на 538 г. Автор поддерживает мнения современных японских ученых, подвергающих сомнению подлинность этих двух дат.

Ключевые слова: буддизм, Япония, «Нихон сёки» («Анналы Японии»), «Гангодзи гаран энги нараби нируки сидзайтё» («Записи об основании монастыря Гангодзи и сокровищах, ему принадлежащих»), «Дзёгу Сётоку хоотэй сэцу» («Повествование об императоре Закона Сётоку из верхнего дворца»).

ON THE PROBLEM OF DATING THE INTRODUCTION OF BUDDHISM IN JAPAN

Elena S. Lepekhova

The article focuses on the problem of establishing the exact date for Buddhism's transmission to Japan, which modern scholars often face. Two versions typically prevail. The first is based on the *Nihon Shōki* chronicle *(The Annals of Japan)* and dates the introduction of Buddhism to 552 CE. The second one, represented mainly in the temple chronicle "*engi" Gangoji Garan engi narabi niruki shizaichō* (Records of the foundation of Gangoji monastery and its treasures) and *Jōgu Shōtoku hōo tei setsu* (The story of Shotoku, the Emperor of Law from the Upper Palace), points to 538 CE. The present study argues that recently, Japanese scholars have come to doubt the veracity of both these dates.

Keywords: Buddhism, Japan, Nihon Shōki ("The Annals of Japan"), Gangoji Garan engi narabi niruki shizaichō ("Records of the foundation of Gangoji monastery and it's treasures" 元興寺伽藍縁起并流記資財帳), Jōgu Shōtoku hōo tei setsu ("The story of Shotoku, the Emperor of Law from the Upper Palace" 上宮聖徳法王帝説).

Существует несколько версий относительно времени проникновения буддизма в Японию, достоверность которых до сих пор вызывает дискуссии среди исследователей. Первая из них, называемая *кодэн*, представлена в XIX свитке исторической хроники «Нихон сёки» (日本書紀). В записи от 552 г. н. э. говорится, что на 13-й год правления императора Киммэя (欽明; 509–571 гг. н. э.) из корейского царства Пэкче прибыло посольство, присланное правителем Сонмёном (聖明). Основными дарами, посланными императору, были статуя Будды Шакьямуни из золота и меди, несколько стягов[1], зонтов [2] и несколько свитков сутр. В послании, отправленном корейским ваном,

* Елена Сергеевна ЛЕПЕХОВА, доктор философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; lenalepekhova@yandex.ru

Elena S. LEPEKHOVA, DSc (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lenalepekhova@yandex.ru

[1] Имеются в виду стяги, которые вывешивались на крышах буддийских храмов и внутри них в качестве символа мудрости и добродетели будд и бодхисаттв. Считалось, что их изготовление помогает избежать страданий, а прикосновение к ним делает человека безгрешным.

[2] Имеются в виду шелковые зонты с длинной ручкой, использовавшиеся в различных дворцовых церемониях.

прославлялось распространение учения Будды. «Среди всех законов этот Закон – самый превосходный. Его трудно понять, в него трудно войти. Даже Чжоу-гун[3] и Кун-цзы[4] не смогли познать его. Этот Закон – без меры и предела; с его помощью достигают счастливого воздаяния и высшей мудрости. Представь себе человека, обладающего всеми богатствами, которых он желает; что бы он ни замыслил – все происходит согласно его желаниям. То же и с сокровищем чудесного Закона. То, о чем молишься и чего желаешь, достигается как-то задумано и исполняется без изъятия. От далекой Индии и до трех стран Кореи[5] нет никого, кто не принял бы Учения и не последовал ему, кто не почитал бы его и не преклонялся перед ним. Поэтому я, ван Пэкче Мён, почтительно посылаю своего подданного Ноиса Чхикё для того, чтобы он передал государю [это Учение] для распространения его в Его стране. Так будут исполнены слова Будды о том, что его Закон распространится на восток»[6] [Нихон сёки, Т. II, 1997, с. 316].

Вторая версия представлена в храмовой хронике «Гангодзи гаран энги нараби нируки сидзайтё» (元興寺伽藍縁起并流記資財帳, «Записи об основании монастыря Гангодзи и сокровищах, ему принадлежащих»), составление которой до недавнего времени было принято относить ко второй половине VIII в., и в «Дзёгу Сётоку хоотэй сэцу» (上宮聖徳法王帝説, «Повествование об императоре Закона Сётоку из верхнего дворца») указывается более ранний срок, 7-й год правления императора Киммэя, или 538 г. н. э. Здесь дается иной вариант, в котором фигурирует супруга императора – государыня Суйко (推古; 554–628 гг.), и говорится, что император по совету министра Сога-но Инамэ (蘇我 稲目) приказал поместить статую Будды во дворец Суйко [Ōyama, 2003, p. 94].

В отношении императора к буддизму и «Нихон сёки», и «Гангодзи энги…» сходятся в том, что, несмотря на радость от полученных даров, он сам не стал инициатором распространения буддизма в Японии. При этом Киммэй не противился желанию Сога-но Инамэ поклоняться Будде частным образом и позволил ему поместить в свой дом присланную ему статую Будды. С другой стороны, во время гонения на буддистов, инициаторами которых были министры Мононобэ-но Окоси (物部尾輿) и Накатоми-но Камако (中臣鎌子), император выступил как поддерживающий их сторонник. Как следствие, из-за неопределенного отношения Киммэя к буддизму, официальными его покровителями в источниках часто выступают или министры Сога-но Инамэ и его сын Сога-но Умако, или императрица Суйко.

При последующем императоре Бидацу (敏達; 572–585 гг.) также фиксируются сообщения о проникновении буддизма в Японию. Так, в 577 г. правитель Пэкче преподнес ему и принцу Оповакэ буддийские книги, а кроме того, прислал учителя *винаи* – учителя медитации, монахиню, чтеца мантр, мастера по изготовлению статуй и строителя буддийских храмов, – всего шесть человек. Их поселили в храме принца крови Оповакэ в Нанива. При этом сам император не проявлял особого интереса к буддизму, а скорее являлся последователем конфуцианства [Нихон сёки, 1973, с. 110–111].

Через семь лет, в 584 г. из Пэкче вновь прибыло посольство, о котором в «Нихон сёки» говорится, что его представители привезли две статуи Будды, в том числе и статую Будды Мироку [Нихон сёки, 1973, с. 77]. Министр Сога-но Умако, сын Сога-но Инамэ, так же, как и его отец в свое время, попросил отдать их ему. Его стараниями был построен храм для

[3] Чжоу-гун – искусный политик и мудрец, сын первого правителя китайской династии Чжоу – Вэнь-вана (XII в. до н. э.)

[4] Кун-цзы – Конфуций.

[5] Когурё, Пэкче и Сила.

[6] Имеются в виду слова Будды, приводимые «Великой сутрой о праджня-парамите» о том, что его Учение через 500 лет распространится на востоке и на севере.

статуи Мироку и образована первая сангха, состоявшая из буддийских монахинь, которые проводили буддийские богослужения в упомянутом храме[7].

Современные исследователи до сих пор расходятся во мнениях, какую из этих дат следует считать более достоверной. В связи с этим следует рассмотреть последние исследования японского ученого Ёсида Кадзухико. Он утверждает, что знаменитое послание Сонмёна было в действительности составлено буддийским монахом Додзи (道慈; ?–744 гг.) приблизительно в 720 г., в период составления «Нихон сёки», и во многом перефразирует фразы из буддийских сутр, в частности, из «Сутры Золотого Света» (яп. «Конкомё сайсёо кё»; 金光明最勝王経) [Ōyama, 2003, p. 273–314]. О Додзи известно, что он принадлежал к буддийской школе Санрон, обучался в Китае 20 лет, откуда привез «Сутру Золотого Света» в переводе И Цзина[8]. Известно также, что он входил в число составителей летописи «Нихон сёки», что подтверждает правомерность этой гипотезы. Ёсида считает, что 552 г. был выбран Додзи, поскольку в буддийской традиции он знаменовал наступление так называемого периода «конца Закона» [Ōyama, 2003, p. 278].

Согласно буддийским представлениям, после паринирваны Будды Шакьямуни, его учение продлится три века, делящихся на пять периодов по пятьсот лет. Первые два периода называются веком истинного Закона и длятся первое тысячелетие. Третий и четвертый периоды – это время изучения буддийских сутр и возведения храмов и пагод, век «следования Закону» и век «подобия Закона». Последний пятый период считается временем «конца Закона». Поскольку «уход» Будды Шакьямуни из мира «саха» относился к 949 или 950 г. до н. э.[9], то, согласно этой периодизации, период «конца Закона» наступал в 551 г. н. э. Таким образом, датировка 552 г. в «Нихон сёки» приобретала символическое значение, поскольку после упадка буддизма в Индии и гонений на буддизм в Китае в царствах Северная Вэй и Северная Чжоу в V–VI вв. «передача» буддийской Дхармы из Кореи в Китай имело значение дальнейшего распространения и сохранения буддизма в век упадка.

Некоторые отечественные исследователи, например, А. Н. Игнатович, также считают эту дату недостоверной. В своем исследовании «Буддизм в Японии. Очерк ранней истории» Игнатович отмечал, что большинство специалистов по японскому буддизму отдают предпочтение 538 г., т. е. дате, указанной в «Гангодзи энги» и «Дзёгу Сётоку хоо тайсэцу» [Игнатович, 1987, с. 69]. Как указано далее: «Доказательство приоритета 538 г. основывается на сопоставлении данных из «Нихонги» и корейских источников. По сообщению «Пэкче понги», Киммэй стал императором не в 539 г., как утверждается в «Нихонги», а на восемь лет ранее, и сейчас дата восшествия на престол Киммэя у историков сомнений не вызывает. Следовательно, год «цутиноэ-ума» – «старшего брата земли и лошади» – и одновременно 7-й год правления Киммэя (на чем упорно настаивают многие источники, говоря о дате прибытия посольства) приходится на 538 г. Таким образом, этот год можно считать наиболее вероятной датой официального представления буддизма императорскому двору» [Игнатович, 1987, с. 69]. При этом сам автор отмечает ниже, что «основные посылки (сам факт посольства и даты из корейских источников) отнюдь нельзя считать абсолютно достоверными». Фактически он соглашается с Ж. Камстра, который назвал вопрос о датах «практически неразрешимым» [Игнатович, 1987, с. 69].

---

[7] Это сообщение несколько противоречит предыдущему отрывку, где говорится о буддийских монахах из Пэкче, поселенных в храме принца Оповакэ. Возможно, его целью являлось подчеркнуть особые заслуги рода Сога в распространении буддизма в Японии.

[8] И Цзин (635–713) – крупнейший деятель китайского буддизма танского периода

[9] «Традиция относить уход Будды к X в. до н. э. появилась в Китае в результате споров между буддистами и даосами о приоритете их учений. В VI в. н. э. буддийский монах Тань Уцуй, опираясь на несохранившиеся источники – “Другие записи «Истории Чжоу»” (кит. “Чжоушу ицзи”), “Внутренние записи о начале Закона в Хань” (кит. “Хань фабэнь нэйчжуань”), – высчитал, что пребывание Будды Шакьямуни в мире “саха” приходится на 1029–950 гг. до н. э. Тань Уцуй привязал время жизни Шакьямуни и распространение буддизма в Китае к периоду династии Чжоу (1122–249 гг. до н.э.), после чего эта дата получила широкое распространение на Дальнем Востоке» [Игнатович, 1987, с. 265].

Что касается Ёсида Кадзухико, то он полагает, что принятие 538 г. в качестве основной даты появления буддизма в Японии также является спорным моментом, на том основании, что источники, сообщающие об этой дате («Гангодзи энги» и «Дзёгу Сётоку хоо тайсэцу»), по его мнению, нельзя назвать исторически достоверными. В качестве доказательств он приводит следующие аргументы.

Во-первых, уже ранние исследователи «Гангодзи энги» – Хирако Такурэй и Кита Садакити – обратили внимание на несоответствие структуры текста и его официальной датировки [Yoshida, 2015, p. 91]. Сам текст хроник был обнаружен в 1902 г. в архивах храма Дайгодзи искусствоведом Хирако Такурэем среди других хроник *энги* в восемнадцати томах. По своему содержанию «Гангодзи энги» делятся на четыре части:

1. Буппон дэнрайки (仏本伝来記);
2. Гангодзи гаран энги нараби нируки сидзайтё (元興寺伽藍縁起并流記資財帳);
3. Бо коки (某古記);
4. Дзисюн сиканмон (慈俊私勘文) [Yoshida, 2015, p. 91].

Внимание Хирако и других исследователей привлекла вторая часть, в которой подробно рассказывается о появлении и распространении буддизма в Японии, первых японских буддийских монахинях, гонениях на буддизм со стороны его противников, победе сторонников буддизма и сооружении двух храмов: Тоюрадэра (豊浦寺) и Гангодзи (元興寺), и записи о пожертвовании этим храмам земель и денежных содержаний [Yoshida, 2015, p. 92]. Составление самого текста датируется 11-м днем 2-го месяца 19-го года Тэнпё (747 г.). Однако на основании анализа содержания и формы текста Кита Садакити предположил, что в действительности тот был составлен гораздо позднее, в конце периода Хэйан, приблизительно в конце XI – начале XII вв. Другой исследователь, Фукуяма Тосио также считает этот текст компиляцией, правда, конца периода Нара [Yoshida, 2015, p. 92].

Во-вторых, расхождения в датировке в самом тексте. В начале текста говорится, что «Гангодзи энги» были составлены принцем Умаядотоётомимi-но мико (Сётоку-тайси) на сотом году правления государыни Тоёмикэгасикия–химэ (Суйко), т.е. в 613 г. Однако в конце текста указывается другая дата, уже упомянутая выше – 11-й день 2-го месяца 19-го года Тэнпё (747 г.). Уже это несоответствие дат составления текста дает основание сомневаться в его исторической правдоподобности. Как считает Ёсида, приписывание составления текста принцу Сётоку могло быть добавлено позднее, когда был сформирован посмертный культ принца [Yoshida, 2015, p. 93].

В-третьих, несоответствие событий, упоминаемых в «Гангодзи энги», аналогичным фактам, упоминаемым в других исторических хрониках. Например, в тексте постоянно говорится о Суйко, как о правящей императрице, хотя согласно другим данным (прежде всего, «Нихон сёки»), она родилась только в 554 г., и, соответственно, никак не могла быть активным участником событий 538 г. Далее, в тексте *энги* Суйко именуется как «Сакураитоюра-но мия титэнка» («Государыня, управляющая Поднебесной из дворцов Сакураи и Тоюра»). Однако, как указывает Ёсида, ни в одном из других источников такое наименование не встречается. По-видимому, этот титул для Суйко был изобретен составителями хроник, чтобы показать связь межу храмами Сакураи, Тоюра и Мукухара [Yoshida, 2015, p. 95].

В-четвертых, в названии самих вышеперечисленных храмов и связях между ними также прослеживаются несоответствия между текстом *энги* и историческими хрониками. Так, про храм в Мукухара в «Нихон сёки» говорится, что раньше это был дворец, принадлежащий клану Сога, который затем был перестроен ими в буддийский храм. В «Гангодзи энги» утверждается, что дворец в Мукухара являлся собственностью императрицы Суйко, что, по мнению Ёсида, трудно принять в качестве исторического факта [Yoshida, 2015, p. 93] Также противоречит историческим фактам попытка составителей текста приписать Суйко основание храма Гангодзи наряду с храмами в Тоюра и Сакураи, поскольку общеизвестно, что храм Гангодзи (Асукадэра) был основан кланом Сога. К тому же, другое название храма Гангодзи – Кэнцудзи (建通寺), упоминаемое в тексте *энги*, не встречается в исторических

источниках периода Нара и начала Хэйан. Впервые оно появляется только в тексте «Сити дайдзи дзюнрэй сики», датируемом XII в. [Yoshida, 2015, p. 94]. Так что упоминание этого названия храма в тексте «Гангодзи энги» может служить косвенным свидетельством того, что сам текст был составлен гораздо позднее указанной в нем даты.

Исследователь Фукуяма Тосио при изучении текста *энги* также обратил внимание на то, что в самом повествовании гораздо больше внимания уделяется не собственно храму Гангодзи, а женскому монастырю Тоюрадэра (или Кэнкодзи) [Fukuyama, 1968, p. 74–76]. Так, ближе к концу текста подробно говорится о том, как императрица Суйко приказала перестроить свой собственный дворец Тоюра в женский монастырь и даровала ему угодья, поля, пруды, крестьянские дворы и рабов. На этом основании Фукуяма предположил, что изначально текст составлялся в качестве *энги* для Тоюрадэра и затем был переписан как хроники храма Гангодзи [Fukuyama, 1968, p. 74–76]. Хотя в «Гангодзи энги» утверждается, что Тоюра изначально принадлежал Суйко, по мнению Фукуяма храм скорее всего мог быть основан Сога-но Эмиси во времена правления императора Дзёмэй. По мнению Ёсида, эта версия правдоподобна, поскольку объясняет дальнейшие события в истории Тоюрадэра и отчасти может объяснить историю создания текста «Гангодзи энги». В «Нихон сандай дзитцуроку» в записи от девятого месяца года Ганґё (882 г.) говорится о тяжбе между Гисаем, настоятелем храма Кэнкодзи (*бэтто;* 別当) и Сога-но Кимура по поводу управления землями храма. Следует отметить, что к тому времени Кэнкодзи пришел в упадок и перешел под юрисдикцию храма Гангодзи, представителем которого был Гисай. Этот факт отражал общую тенденцию IX в., когда крупные буддийские храмы поглощали более мелкие, превращая их в свои «дочерние храмы» (*бэцуин;* 別院) или «отделения» (*мацудзи;* 末寺), что постепенно привело к возникновению системы «основных и отдельных храмов» (*хонмацу тайсэй;* 本末体制). Род Сога, к которому принадлежал Сога-но Кимура (также известный как Исикава-но Кимура), к концу IX в. утратил свое прежнее влияние и был переведен в разряд средней и мелкой аристократии. Очевидно, Сога-но Кимура пытался вернуть себе некоторые земельные владения, принадлежавшие ранее его роду, и на этом основании затеял тяжбу с храмом Кэнкодзи [Yoshida, 2015, p. 98–100]. В качестве доказательства он предъявил документы на основе храмовых хроник (*хон энги;* 本縁記), в которых утверждалось, что храм Тоюра был основан его предком Сога-но Эмиси. В свою очередь, Гисай представил два правительственных указа, в одном из которых, от тринадцатого дня девятого месяца четвертого года Ниндзю (854 г.), указывалось, что храм Кэнкодзи был основан императрицей Суйко и в качестве доказательства прилагались ранние хроники храма Тоюра [Yoshida, 2015, p. 100]. Ёсида предполагает, что, возможно, «Гангодзи гаран энги» были составлены в этот период на основе хроник храма Кэнкодзи. Как документы, призванные показать зависимость Кэнкодзи от Гангодзи и подтвердить позицию Гисая, они показывали, прежде всего, ведущую роль Суйко в распространении буддизма в Японии и основании буддийских храмов. Поэтому та часть *энги*, где говорится об обетах Суйко и ее пожертвованиях храму могла быть добавлена специально, чтобы гарантировать статус храма Гангодзи и защиту его прав [Yoshida, 2015, p. 101–104] Поэтому все вышеперечисленное дает основания сомневаться в правдоподобности «Гангодзи энги» в качестве источника по истории распространения буддизма в Японии.

Другой источник, упоминающий 538 г. в качестве даты появления буддизма в Японии – «Дзёгу Сётоку хоо тайсэцу» – также, по мнению японских исследователей, сомнителен в плане древности. Как установили исследователи Иэнага Сабуро и Цукисима Хироси, этот текст состоит из пяти отдельных частей. Упоминание о 538 г. содержится в четвертой части, составленной, как полагают Иэнага, Цукисима и Ояма Сэйити, в начале IX в. и потому являющейся относительно древним источником [Ōyama, 2003, p. 147–163].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Во-первых, официальная версия *кодэн* о передаче буддизма в Японию через посольство из Пэкче в 552 г. не подтверждается, поскольку различными исследователями было доказано, что данное сообщение, по всей

вероятности, было составлено позднее на основе различных буддийских текстов монахом Додзи, одним из составителей «Нихон сёки».

Во-вторых, другой источник, «Гангодзи гаран энги», на который ссылаются сторонники более ранней версии о 538 г., не может считаться исторически достоверным, поскольку в нем искажены исторические факты, а события, о которых он повествует, не находят подтверждения в других источниках [10]. Сама дата его составления (747 г.) представляется сомнительной, поскольку противоречит другой дате, указанной в тексте (613 г.).

Здесь можно увидеть, что хронологические противоречия, в которых уже давно пытаются разобраться японские, западные и отечественные исследователи, до сих пор продолжают оставаться почти неразрешимыми. На основании имеющихся данных нельзя считать полностью достоверными ни сообщения о 552 г., ни о 538 г. На основании других данных, упоминаемых в «Нихон сёки», можно предположить, что буддизм появился в Японии в середине VI в. и стал распространяться в среде китайских и корейских мигрантов с материка, которым покровительствовал аристократический род Сога. Так, в «Нихон сёки» говорится о том, что в 555 и 556 гг. Сога-но Инамэ руководил расселением корейских иммигрантов из Когурё и Пэкче в провинциях Ямато и Бидзэн [Нихон сёки, 1973, с. 61]. В отличие от других аристократических родов, Сога, причислявшиеся к разряду *кобэцу,* не могли похвастаться своим древним происхождением от исконных японских богов и поэтому стояли несколько ниже в социальном отношении. По этой причине Сога прилагали все усилия, дабы упрочить свое влияние при дворе. С помощью системы браков, положивших начало институту регентства *сэккан*, они породнились с императорской семьей, однако представители этого клана понимали, что полная реализация их амбиций невозможна при сложившейся системе правления родовой аристократии. Они стремились установить систему государственного правления, сходную с принятой на материке, в Китае и Корее, систему, способную превратить Ямато из варварской страны в государство.

Литература / References

Гангодзи гаран энги нараби-ни руки сидзайтё («Записи об основании храма Гангодзи и сокровищах, ему принадлежащих»). Пер. А. Н. Мещерякова // Григорьева Т. П. (ред.) *Буддизм в Японии.* М., 1993 [*Gangoji garan engi narabi-ni ruki* shizaichō (“Zapisi ob osnovanii hrama Gangodzi i sokrovischah, emu prinadlezhaschih”). Per. A. N. Mescheryakova // Grigoryeva T. P. (red.). *Buddizm v Yaponii.* Moscow, 1993].

Игнатович А. Н. *Буддизм в Японии. Очерк ранней истории.* М., 1987 [Ignatovich A. N. *Buddism v Yaponii. Ocherk rannei istorii.* Moscow, 1987].

Нихон сёки. Анналы Японии. Пер. и комм. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. Т. II, СПб., 1997 [Nihon shōki. Annaly Yaponii. Per. & comm. L. M. Ermakovoi & A. N. Mescheryakova. T. II. Saint Petersburg, 1997].

Fukuyama T. 福山敏男. *Nihon kenchikushi kenkyū* 日本建築史研究. Tokyo, 1968.

Nihon shoki 日本書紀 *(“Annals of Japan”)* // Kuroita Katsumi (ed.) 黒板勝美*, Kokushi taikei* 国史大系 *(Studies on national history).* Tokyo, 1973.

Ōyama S. 大山誠. *Shōtoku Taishi no shinjitsu* 聖徳太子の真実. Tokyo, 2003.

Yoshida K. The Credibility of the Gangoji engi // *Japanese Journal of Religious Studies.* 2015. 42/1. Pp. 89–107.

[10] Некоторые исследователи, например, А. Н. Мещеряков, относят «Гангодзи гаран энги» к историческим источникам, признавая, что изложенные в ней события несколько отличаются от «Нихон сёки». См.: [Гангодзи, 1993, с. 415].

О НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ТАНГКА ДЗАНАБАЗАРА (1635–1723)

С.-Х. Д. Сыртыпова*

В статье представлены ранее неизвестные живописные свитки (тиб.: *thang ka*) великого буддийского художника Гомбодоржийн Дзанабазара, первого религиозного правителя Монголии Ундур-Гэгэна Джебзундамба-хутухты (1635–1723). Тангка обнаружены в частных собраниях страны. Атрибуция основана на сравнительном анализе живописных и скульптурных образов из первого списка произведений Дзанабазара.

Ключевые слова: Дзанабазар, буддийская живопись, стилистические особенности монгольского изобразительного искусства.

ON THE UNPUBLISHED *THANGKA* BY ZANABAZAR (1635–1723)

Surun-Handa D. Syrtypova

The article contains previously unknown picturesque scrolls (Tib.: *thang ka*) by the great Buddhist artist Gombodorjiin Zanabazar, the first religious ruler of Mongolia, Öndör-Gegen Jebzundamba-khutukhta (1635–1723). These *thangkas* were found in private collections in Mongolia. Attribution was based on a comparative analysis of pictorial and sculptural images from the first listing of works by Zanabazar.

Keywords: Zanabazar, Buddhist painting, stylistic features of Mongolian fine art.

«…величайшее очарование и жизнь, какие только может иметь картина,
это передача Движения, которое художники называют духом картины»
Микеланджело (1475–1564)

Считается, что живописных работ Дзанабазара в настоящее время нет: либо он не писал, либо картины не сохранились. Такое мнение создалось ввиду того, что два-три полотна[1] из Музея изобразительных искусств им. Дзанабазара в городе Улан-Баторе (монг.: ЗДУМ[2]), традиционно приписывающиеся великому мастеру, не выдерживают конкуренции с его скульптурными работами и не оправдывают наших высоких ожиданий. О том, что у Дзанабазара «живопись уступала литью и рельефу», высказывался Н. Цултэм, первый монгольский исследователь буддийского изобразительного искусства Монголии. Он полагал, что в жизнеописаниях художника ничего не говорится о его живописной деятельности [Цултэм, 1982, с. 4]. Однако намтары (тиб.: *rnam thar*), жизнеописания Ундур-Гэгэна свидетельствуют, что, наряду со скульптурами, художник много работал над живописными свитками. Например, в монгольском намтаре Ундур-Гэгэна [3] говорится, что в 1698 г. он изготовил много буддийских образов, скульптурных и живописных (монг.: *juraγ, körüg*, тиб.: *thang kha*), для своих учителей Далай-ламы Пятого (1617–1682) и Панчен-ламы Четвертого (1570–1662). Говорится также, что в год черной свиньи (1683 г.) Ундур-Гэгэн подарил большую тангка для монастыря Жачун. «История Эрдэни-дзу» свидетельствует, что Дзанабазар выполнил для императора Канси (монг.: *enke amuγulang-tu*,

*Сурун-Ханда Дашинимаевна СЫРТЫПОВА, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; syrtyp@mail.ru

Surun-Handa D. SYRTYPOVA, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; syrtyp@mail.ru

[1] Речь идет о неоднократно опубликованных портретах Дзанабазара и матери художника Ханджамц [Цултэм, 1982, илл. 94–95; Цултэм, 1986, илл. 111–112].

[2] ЗДУМ – от монг.: Занабазарын нэрэмжит дүрслэх урлагийн музей.

[3] Öndör gegen-ű rnamtar oruśiba – рукопись 43 на сброшюрованных листах рисовой бумаги, размер 12 х 18 см, XIX в., частная коллекция, город Улан-Батор, илл. 28–29.

1654–1721) живописные работы: «Жамбал заржуд» – тантра Манджушри, Тонвадондон и три золотые скульптуры и передал эти образа через послов. В том же 1683 г. Дзанабазар создал знаменитую скульптуру Будды Ваджрадары.

По авторитетному мнению Н. Цултэма, расцвет монгольской буддийской живописи относят к концу XVIII в., когда «живопись догнала уровень монгольской классической скульптуры и художественного литья»[4]. Действительно, изобразительность у кочевников всегда подчинялась практическим целям, поэтому изображения, декоративность и утилитарность объектов в кочевническом искусстве неотделимы. Художник в кочевом обществе, прежде всего, ремесленник – кузнец, ювелир, литейщик, плотник, портной, вышивальщик, ковродел, гончар, строитель и т. д. Развитие живописи как разновидности художественного творчества связано с созданием культовых образов, массовый спрос на которые возникает в связи с глубокой адаптацией буддизма. Правящая монгольская элита официально приобщилась к буддизму в период расширения монгольской империи в XIII в., и новейшие находки артефактов этого периода подтверждают свидетельства тибетских авторов. В постимперский период у монголов, все более увязавших в междоусобных братоубийственных битвах, энергия художественного отражения теряет нарративность и уходит в орнаментику, где язык изобразительности трансформируется в символику ритмичного узора благопожеланий – день сменяется ночью, но за ночью обязательно приходит рассвет. В то же время, как сообщают тибетские авторы, искусство металлического литья у монголов уже в средние века отмечалось собственным стилем, отличным от тибетского, непало-индийского и китайского. Падма Карпо (pad ma dkar po; 1527–1592)[5] и Жигмэд Лингпа ('jig med gling pa; 1729–1798)[6] говорят о существовании монгольского стиля (тиб.: *hor li ma*) со времен Годан-хана и шести поколений после него ['jig med gling pa; padma kar po; Dagyab 1977; Schroeder 2001]. Наибольший вклад в дело распространения буддизма в тот период внесли внуки Чингисхана, Годан (1206–1251) и Хубилай (1215–1294). Годан-хан, сын Угэдэя (1186–1241) был инициатором сближения с тибетским буддийским духовенством и в 1247 г. пригласил Сакья-пандиту Гунга Жалцана (тиб.: sa kya pandita 'kun dga' rgyal mtshan; 1182–1251) для проповеди буддизма монголам. Таким образом, в середине XIII в. изобразительное искусство монголов, в частности, пластическое, уже обрело буддийские черты.

---

[4] Вероятно, причина такого мнения кроется в плохой исследованности вопроса. Племена и народы военно-демократического союза, образовавшего монгольскую империю, входили в состав более древних государств, которые существовали на территории Монголии. Ближайшие по времени предшественники – Уйгурский каганат (VIII–IX вв.) и государство киданей Да Ляо (X–XI вв.) имели богатые художественные традиции, которые не могли пропасть бесследно, так как сохранялось кочевое производство. В период правления монголов и ближайшее последующее время (XIII–XV вв.) под влияние кочевников попали обширные территории Евразии. Своеобразие персидской, среднеазиатской миниатюры, китайской свитковой живописи данного периода связано с тем, что изобразительные традиции этих великих древних культур получили новый импульс для развития, впитав в себя элементы кочевнической эстетики.

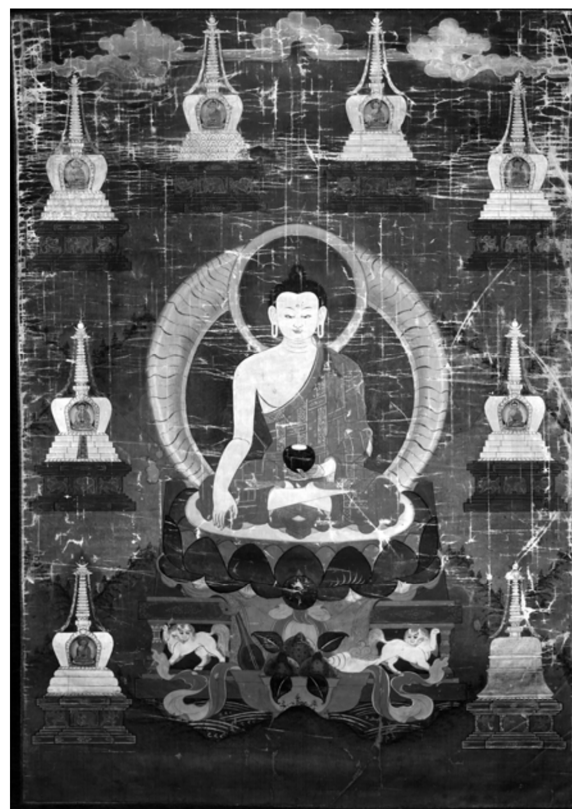
[5] Падма Карпо (kun mkhyen pad ma dkar po; 1527–1592) – известный тибетский ученый, глава линии Другпа Кагью. При жизни был известен как величайший из великих лам, был учителем многих лам. Автор 24 томов по философии, логике, литературе, истории и астрологии, а также по теории истории изобразительного искусства «Украшение уст ораторов, говорящих о свойствах литьевой скульптуры» (тиб.: li ma brtag pa'i rab byed smra 'dod pa'i kha rgyan by padma dkar po). Первая часть текста посвящена разбору материалов, используемых для создания скульптур в Индии, Тибете, Монголии и Китае. Вторая часть посвящена классификации стилей. Текст изучен и представлен Эрберто Ло Буе [Erberto Lo Bue, 1997].

[6] Жигмед Лингпа ('jig med gling pa; 1729–1798) проанализировал мнения разных авторов о буддийской скульптуре и написал «Метод классификации образóв буддийских божеств, [избранных] из моря шедевров» (тиб.: gtam tshogs theg pa'i rgya mtsho las sku gsung thugs rten rnams kyi sku rgyu ngos 'dzin bya tshul gsal bar bshad pa'i tshul). В Европе сочинение известно благодаря тибето-германскому ученому, исследователю буддийского искусства Лодэн Шераб Дагьяб Ринпоче [Dagyab, 1977, с. 52–57].

Илл. 1. Панчаракша – Пять богинь хранительниц. Тангка, шелк, минеральные пигменты. XVII в., Монголия, частная коллекция

Илл. 2. Манджушри. Тангка, холст, минеральные пигменты. XVII в., Монголия, частная коллекция

Илл. 3. Авалокитешвара традиции бхигшуни Лакшми. Тангка, шелк, минеральные пигменты. XVII в., Монголия, частная коллекция



Илл. 4. Восемь великих ступ. Тангка, холст, минеральные пигменты. XVII в., Монголия, частная коллекция

В последние десятилетия с демократическими переменами в Монголии вскрылось много предметов и тем, доселе скрытых от праздного внимания. В результате стали публично выставляться замечательные антикварные предметы частных владельцев, появилась возможность заполнения информационных лакун в истории искусства Монголии. Например, в собрании известного коллекционера А. Алтангэрэла есть редчайшие образцы свитковой живописи XVII–XVIII вв., которые соотносимы с творчеством Дзанабазара. Во всяком случае, нет сомнений, что живописные образа были выполнены человеком глубокой монгольской буддийской культуры. Танка Панчаракши (*илл. 1*), Манджушри (*илл. 2*), Авалокитешвары (*илл. 3*), Восьми великих ступ (*илл. 4*) и др. по своей композиции, манере исполнения, цветовой гамме, образной системе, технике исполнения соответствуют историческому времени и культовым условиям Монголии этого периода.

Произведения обладают признаками, позволяющими говорить о единстве художественного почерка. Эти признаки имеют много общего с принципами, которым подчинены скульптурные работы Дзанабазара: прежде всего, строгое соблюдение иконографических канонов и прекрасное знание письменных источников, тантрических текстов, садхан божеств. Пропорции живописных божеств соответствуют классической системе десяти и девяти мер (санскр.: *dasātala, navatāla*), используемой для изображения божеств высших рангов буддийского пантеона. Обращает на себя внимание богатство использованных материалов, например, высококачественная позолота. Несколько тангка выполнены на шелке, требующем специальной технологии.

В прорисовке деталей наблюдается исключительная чистота линий, округлость форм, закрытый характер линий, использование только традиционных монгольских паттернов. В то же время мы видим оригинальные, смелые цветовые и композиционные решения, оформление полотна, которые ранее не встречались в буддийской танка. Например, обычно в культовой живописи избегают использования черного цвета, но на тангка Манджушри (*илл. 2*) верхняя часть полотна окрашена черным, и божество мудрости рассекает мрак неведения синим мечом знаний так, как это прописано в садхане Манджушри с золотым телом. Мастер использует кругообразную композицию, близкую сердцу степняка-кочевника, вместо квадратной или прямоугольной, принятой в непало-тибетской традиции. Тангка «Восемь великих ступ» и танка «Восемь будд медицины» также имеют кругообразную композицию. Очень по-монгольски выглядит совмещение «Пяти подношений для пяти чувств» (санскр.: pañcakāmaguṇa) – зрение, обоняние, осязание, слух и вкус в одной чаше. Ранее они изображались по отдельности, Дзанабазар стал «складывать» пять предметов (зеркало, раковину с благовониями, шелковый шарф, музыкальный инструмент *вина* и плоды *билву*) в одну чашу (старомонг.: ayaγ-a). Монгольская чаша *аяг* – неизменная спутница кочевника, изображается в оранжевом, желтом цвете, иногда может быть синей или красной. Пять подношений в чаше изображаются крупно, ярко, на первом плане перед главным божеством, в нижней части тангка. Выдающийся масштаб и цвет используются, чтобы подчеркнуть важность ритуальных подношений; они как бы выступают в пространство зрителя и становятся своеобразным мостиком для приближения верующего к изображенному божеству. Это нововведение было подхвачено другими монгольскими художниками и активно используется в буддийских изображениях до сих пор.

На всех рассматриваемых тангка виден единый облик лотосового трона в проекции, с очень четкими контурами и с лепестками-сердечками, хорошо передана округлость цветка (*табл. I*).

Еще одна черта, соотносящая данные живописные полотна со скульптурными работами Дзанабазара, – стремление вырваться из плена плоскостного изображения. Мастер добивается иллюзии выпуклой рельефности разными средствами, прежде всего – игрой контрастов, богатой, высококачественной позолотой, разной степенью нажима на кисть, крупным планом главных предметов и т. д. В живописи названных работ использованы те же изобразительные принципы, на которых построены скульптуры Дзанабазара. Мы видим тот

же национальный монгольский характер в ликах, конституции божеств и декоре образов – округлость и мягкость очертаний, замкнутость линий. Такие же удивительно чистые, светлые лики с плавными чертами, дающими ощущение идеально гладкой кожи, такие же маленькие, мягкие, словно детские кисти рук и маленькие ступни (*табл. II*).

Табл. I. Лотосовые троны божеств Дзанабазара. Фрагменты разных тангка. Монголия, XVII в.

1. Лотосовый трон Будды на тангка Восемь великих ступ	*2.* Лотосовый трон Бел Лхамо на тангка Кришна ямари мандала	*3.* Лотосовый трон Вайшраваны на тангка Восемь божеств богатства
4. Лотосовый трон Дзанбазара на тангка Белый Махакала. XVII в., Монголия	*5.* Лотосовый трон Бхайшаджья гуру на тангка Восемь будд медицины	*6.* Лотосовый трон Курукуллы на тангка-аппликации Богиня Курукулла

Табл. II. Лики живописных божеств Дзанабазара. Фрагменты разных тангка XVII – начало XVIII в., Монголия

1. Лик Будды в киоте ступы. Фрагмент тангка Ступа победителя	*2.* Лик Будды в киоте ступы. Фрагмент тангка Ступа победителя	*3.* Лик Будды Вайрочаны. Фрагмент тангка Ступа победителя	*4.* Лик Будды. Фрагмент тангка Будда и ученики
5. Лик Манджушри. Фрагмент тангка Манджушри	*6.* Лик богини Панчаракши. Фрагмент тангка Панчаракша	*7.* Лик Будды Шакьямуни в центре. Фрагмент тангка Восемь великих ступ	*8.* Лик Бел Лхамо. Фрагмент тангка Кришна Ямари мандала

Те же троны божеств, с роскошными витыми спинками, тот же орнамент, состоящий из простых спиралевидных завитков *эрхий*, знакомых из искусства ранних кочевников Центральной Азии, те же предпочтения выразительной лаконичности и гладкости предметов, создающие элегантную простоту.

Реализм изображения – один из главных принципов Дзанабазара. Пейзажные зарисовки на тангка реалистичны и правдоподобны, словно срисованы с натуры Хангайских гор, родины Дзанабазара. Реалистичны все персонажи Дзанабазара, глаза божеств открыты, взгляд направлен вперед под углом 45 градусов, но они, несомненно, обозревают все окружающее пространство. Будды и бодхисатвы выглядят живыми и осязаемыми, несмотря на отрешенность ликов, они контактируют со зрителем. Даже многорукие гневные тантрические божества выглядят реалистично, не оставляя никакого сомнения в их живом присутствии здесь и сейчас.

Облик Дзанабазара известен по многочисленным скульптурным портретам, в том числе по монументальному автопортрету в золоченой бронзе из Музея-дворца Богдо-хана в Монголии. Как большинство художников, он писал автопортреты, но обычно по просьбам верующих. На многих тангка, посвященных божествам, он изображен как звено в линии преемственности в верхних частях икон, но встречается его портрет и в нижней части тангка. Все эти изображения имеют узнаваемые индивидуальные черты, например, характерный овал лица, высокий, круглый лоб, на изображениях молодых лет есть ямочки на щеках, на более поздних – глубокие залысины на голове (*табл. III*).

Табл. III. Автопортреты Дзанабазара. Фрагменты разных тангка. XVII в., Монголия

1. Юный Богдо-гэгэн Первый. Фрагмент тангка. Холст. 1650 г.

2. Фрагмент тангка. Шелк. Белый Махакала

3. Фрагмент тангка Будда и Восемь будд медицины. Холст

4. Фрагмент тангка Хаягрива. Холст

Необычайно важной находкой является живописный автопортрет юного Дзанабазара (публикуется впервые; *илл. 5*). Наиболее вероятно, что тангка была написана около 1650 г., когда Дзанабазар получил первые посвящения от тибетских учителей. Божества, уже принятые в его духовную практику, изображены по четырем углам полотна – Будда медицины, Авалокитешвара, Белая и Зеленая Тары. Главный идам – Ваджрадара – изображен над головой, и сам держит атрибуты Ваджрадары. Отсутствие у главного персонажа нимба и ореола, скрытые ноги и трон без лотоса, а также очень юный облик героя указывают на время создания портрета. Судя по некоторой шероховатости рисунка, это, вероятно, был один из первых живописных опытов художника. Наличие обильной, тщательно зашлифованной позолоты, портретное сходство с обликом Дзанабазара, элементы декора трона, невероятное эмоциональное воздействие, характерные для работ мастера, говорят в пользу его авторства. С одной стороны, мы видим строгое следование канону, с другой – свободное общение с персонажами и предметами, изображаемыми художником. Эти признаки говорят о наличии индивидуального стиля, автором которого был человек незаурядный, смелый, свободный

духом, искренний и веселый по характеру, прекрасно образованный в философии, литературе и культуре буддизма, обладавший к тому же хорошими материальными возможностями.

Илл. 5. Автопортрет Дзанбазара. Тангка, холст, минеральные пигменты. XVII в., Монголия, частная коллекция

При сравнении названных выше живописных работ с уже известными творениями Дзанабазара обнаруживаются основные особенности художественного стиля мастера. Элегантная простота и реалистичность – вот девиз, которому следует Дзанабазар отныне и во всех своих дальнейших работах. Очевидно, что творчество Ундур-гэгэна стало важнейшим этапом в развитии изобразительного искусства Монголии. Этот небывалый взлет буддийского искусства вызревал более четырех столетий в безмолвных недрах ежедневных раздумий и будничных забот со времен, когда правящая элита чингизидов впервые приняла буддийское вероисповедание. Некоторые буддийские образа Монголии сохраняют следы культовых традиций тибетской школы сакья, такие как Ваджрапани, Махакала Панджаранатха, Панчаракша и другие. Начиная от Тогон-Тэмур-хана (кит. Шунь-ди), последнего монгольского императора Китая, правящий Пекин с его ранними минскими императорами поддерживал традицию кармапа. Но преобладает в Монголии, конечно же, традиция гелугпа, преемниками который были главные духовные учителя Дзанабазара – Панчен-лама IV (1570–1662) и Далай-лама V (1617–1682).

Дзанабазар стал выразителем новых идеалов Монголии нового времени. Если в эпоху Юань XIII–XIV вв. преобладала эстетика средневекового воина и охотника, и она выражалась в пропорции восьми и даже шести мер (санскр.: *aṣṭatāla, śāstāla*), т. е. фигуре коренастого, воинственного божества, то с конца XVII в. – начала XVIII в. главными становятся утонченные образа Татхагата Будд Пяти родов, Дхъяни-будды во главе с Ваджрадарой с пропорциями в десять мер (санскр.: *daśatāla*) и богини-бодхисаттвы с пропорциями в девять мер (санскр.: *navatāla*). Очевидно, к концу XVII в. запросы монголов уже не удовлетворяются образами хранителей учения, начинают культивироваться будды, являющиеся истоками всего пантеона божеств, это будды чистой абстракции и идеальных понятий, основанных на философии пустотности (санскр.: *śūnyatā*). Несмотря на кажущуюся сложность и элитарность философского учения буддизма, оно оказалось необычайно близко по духу мироощущениям кочевников, живущих в неразрывной связи с природой, постоянно наблюдающих хрупкость жизни живого существа, бренность и одновременную вечность бытия.

В то же время, как видно из деталей, часто бывающих красноречивее целого, монгольские образы Дзанабазара сохраняют представления о духе и силе воина, переданные через детали божественного облачения, утонченные жесты (санскр.: *mudra*), защитные украшения и внутреннюю экспрессию поз. Но это уже дух благородного Воина Просветления, который борется не с внешним врагом, а внутренним – собственным гневом, страстью и неведением.

Сила эмоционального воздействия творений Дзанабазара заключена в искусной передаче движения, в золотой спирали древнейшего знака *эрхий*[7]. Как формула роста и движения в природе воплотилась в живописи великого монгольского мыслителя и художника, показано на примере тангка «Восемь великих ступ» (*илл. 4*). Этому опыту мы подвергли представленные здесь работы, и все они отвечают пропорциям золотого сечения. В живописных работах Дзанбазара звучит та же симфония о красоте Природы и Человека, что заключена в его скульптурных шедеврах, симфония под названием «Человек – потенциальный будда».

Литература / References

Бира Ш. Зая бандит. Лувсанпринлэйн бичсэн Өндөр гэгээний намтрын тухай // *Монголын түүх, соёл, түүх бичлэгийн судалгаа*. Улаанбаатар, 2001. С. 101–116 [Bira Sh. Zaya bandit. Luvsanprinlaiin bichsen Öndör gegenii namtryn tuhai // *Mongolyn tuuh, soiol, tuuh bichlegiin sudalga*. Ulaanbaatar, 2001. Pp. 101–116].

Богд Живзундамбын гар бичмэл намтар [Bogd Jinjundambyn gar bichmel namtar] // *Life and works of Jibcundampa I*. Reproduced by Lokesh Chandra. New Delhi, 1982. Vol. 294. 59/527–528.

Горелик М. В. Монгольский костюм и оружие XIII – XIV веков: традиции имперской культуры. Золотоордынское наследие // *Материалы межд. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)»*. Вып. 1. Казань, 2009 [Gorelik M. V. Mongol'skiy kostium i oruzhiye v XIII–XIV vekov: traditsii imperskoi kultury. Zolotoordynskoie nasledie // *Materialy mezhd. nauch. konf. "Politicheskaya i sotsialno-'ekonomicheskaya istoriya Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.)"*. Vyp. 1. Kazan, 2009].

Сыртыпова С.-Х. Буддын шашны дурслэх урлагийн хөгжилд Өндөр гэгээн Занабазарын оруулсан хувь нэмэр // Өндөр гэгээн Занабазар. Амьдрал, өв. Улаанбаатар, 2015. Хх. 311–330 [Syrtypova S.-Kh. Buddyn shashny dursl'ekh urlagiin khugjild Öndör Gegen Zanabazariin oruulsan khuvi nemer // Öndör Gegen Zanabazar. Amidral, өv. Ulaanbaatar. Khkh. 311–330.

Цултэм Н. *Выдающийся скульптор Г. Дзанабадзар*. Улаанбаатар, 1982 [Tsultem N. *Vydayuschiisya skul'ptor G. Dzanabadzar*. Ulaanbaatar, 1982].

Цултэм Н. *Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века*. М., 1982 [Tsultem N. *Iskusstvo Mongolii s drevneyshih vremen do nachala XX veka*. Moscow, 1982].

Цултэм Н. *Скульптура Монголии*. Улаанбаатар, 1989 [Tsultem N. *Skulptura Mongolii*. Ulaanbaatar, 1989].

Эрдэнэ-зуу ба Өндөр гэгэний намтар орошивой. Улаанбаатар, 2010 [*Erdene-zuu ba Öndör Gegenii namtar oroshivoi*. Ulaanbaatar, 2010].

Dagyab Loden Sh. *Tibetan Religious Art*. Wiesbaden, 1977.

Erberto Lo Bue. Sculptural styles according to Pema Karpo // *Tibetan Art*. 1997. Pp. 242–253, 302–303.

Padma kar po. *li ma brtag pa'i rab byed smra 'dod pa'i kha rgyan. khams sprul don brgyud nyi ma* // Kamtrul Donrgyud Nyima (ed.) *Texts on the Design and Creation of Buddhist Icons (Paintings, Statues, Stupas and Medales)*. Palampur, 1970.

Pañca rakṣā. *A Mongolian Translation from 1345*. Intr. by S. Monhsaihan // *Treasures of Mongolian Culture and Tibeto-Mongolian Buddhism*. Vol. 3. Budapest, 2005.

Sa skya'i btsun po blo bzang 'phrin las kyi zab ba dang rga che ba'i dam ba'i chos kyi thob yig gsal ba'i me long. Be jin par. Po ti: Ka, Kha, Ga, Nga.

Schroeder U. von. *Buddhist Sculpture in Tibet*. Vol. 2. *Tibet & China*. Hong Kong, 2001.

Syrtypova S.-Kh. The Buddhist Fine Art of Yuan Dynasty: impacts of nomadic culture // *Buddhist and silk road studies in the age og globalization. The materials of Buddhist forum in Chongsheng monastery*. Dali, Yunnan, China, September 2017. Pp. 434–461.

Zaya-pandita – blo bzang bstan pa'i rgyal mtshan dpal bzang po'i khrungs rabs bco lnga'i rnam thar // sa skya'i btsun po blo bzang 'phrin las kyi za bdang rgya che ba'i chos kyi gsan yig gsal pa'i me long // po ti NGA, Beijin bar, f. 75a-r.

[7] *Эрхий* (от монг. большой палец руки) – простейший элемент монгольского орнамента. Архетип встречается в древнейших образцах изобразительности Монголии (петроглифах, тамгах, оленных камнях, декоративных элементах эпохи хунну и т. п.). Подробный разбор дан в предыдущих публикациях автора статьи [Сыртыпова, 2015, с. 311–330; Syrtypova, 2017, p. 434–461].

О РЕОРГАНИЗАЦИИ ДЖИХАДИСТСКИХ ГРУППИРОВОК В САХЕЛЕ

С. Э. Бабкин*

Статья посвящена анализу распространения влияния ваххабитских и салафитских группировок на границе северной и центральной Африки. Рассматриваются условия, которые способствовали разрушению государственности Мали и укоренению несвойственных автохтонным племенам религиозно-фундаменталистских принципов организации общества. Автор – специалист в области межплеменных и религиозных процессов на севере Африки, в течение продолжительного времени проводил полевые исследования в районах Сахеля.

Ключевые слова: Мали, Африка, Сахель, терроризм, ислам, ваххабизм, салафизм.

GENESIS AND REORGANIZATION OF JIHADIST GROUPS IN SAHEL

Sergei 'E. Babkin

The article considers the spread of radical Islamism in the North of Mali and all Sahel region. It shows how weak statehood of African countries facilitated the rooting of Islamist cells, as jihadist factions joined together to fight French expeditionary forces and to establish an Islamic Caliphate in Sahel. The author is an expert in tribal and religious processes in North Africa and a long-time field researcher in Sahel.

Keywords: Mali, Africa, Sahel, terrorism, Islam, Wahhabism, Salafism.

Двумя терактами, совершенными 2 марта 2018 г. в столице Буркина-Фасо Уагадугу, о своем существовании громко напомнила джихадистская группировка «Группа поддержки ислама и мусульман» (ГПИМ). В тот день был нанесен третий удар по объектам в Уагадугу за немногим более двух лет. Главное его отличие от предыдущих – если в январе 2016 г. и августе 2017 г. целями террористов были кафе, ресторан и отель на центральной улице буркинийской столицы, то 2 марта атаке подверглись две ключевых цели – посольство Франции и генштаб вооруженных сил Буркина-Фасо. Оба объекта находятся на расстоянии менее двух километров от центра города. Ответственность за эти показательные нападения взяла на себя ГПИМ.

Вспомним, что происходило за последние пять с небольшим лет в Мали в частности и в зоне Сахеля в целом. Это представляется важным, поскольку безопасность в зоне Сахеля неразрывно связана с тем, что происходит в Ливии[1].

В начале 2012 г. на фоне «арабской весны», событий в Ливии и восстания туарегов на севере Мали группа проамерикански настроенных малийских военных совершила переворот и свергла президента Амаду Тумани Туре. Последний – выпускник Рязанского училища ВДВ по классам спецназа, генерал по воинскому званию – пользовался определенным влиянием среди части малийских военных, и в результате его смещения внутри и без того не очень могучей армии произошел раскол. Этим воспользовались сначала туареги, а затем три джихадистских группировки, к тому времени уже давно обосновавшиеся в регионе Сахеля: рожденная первоначально в Алжире «Аль-Каида в странах (исламского) Магриба» (АКМ), отпочковавшееся от нее «Движение за единство и джихад в Западной Африке» (ДЕДЗА) и «Ансар ад-дин», состоящая главным образом из туарегов-исламистов.

* Сергей Эдуардович БАБКИН, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; sbab@mail.ru

Sergey 'E. BABKIN, DSc (Politology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; sbab@mail.ru

[1] Об этих проблемах см., например: [Наумкин, 2015].

В марте-апреле 2012 г. они быстро установили контроль над значительной частью Северного Мали: поскольку вооруженные формирования туарегов уже проделали за них практически всю работу, вытеснив отсюда малийских военных, джихадистам оставалось только принять у туарегов эстафету, что они и сделали достаточно быстро. Так радикальные исламисты стали полными хозяевами огромных территорий, примыкающих к Мавритании, Алжиру и Чаду и сопоставимых по площади с Францией и Бельгией вместе взятыми.

11 июля 2012 г. формирования ДЕДЗА установили контроль над населенным пунктом Ансонго близ города Гао – последним бастионом повстанцев-туарегов из Национального движения освобождения Азавада (НДОА), восстание которых в начале года привело сначала к провозглашению независимости Азавада, а затем – к тому, что о государственности Мали в целом стало сложно говорить. С того дня джихадистская «тройка» стала единственной реальной властью на севере страны.

Сразу же стало ясно, что захватившим север Мали исламистским группировкам не была нужна независимость Азавада, за которую боролись туареги. Они преследовали значительно большую цель – насадить законы шариата на всей территории страны, в то время как реальных сил, которые могли бы противостоять этому, тогда не было ни в Мали, ни в регионе Западной Африки. Переходное правительство Мали, сменившее в Бамако путчистов (свергших 22 марта режим президента Туре), оказалось неспособным хоть как-то противостоять угрозе с севера.

Как писал французский специалист по странам Сахеля Пьер Буали, «сейчас в этом регионе исламисты имеют сильные позиции, потому что у них много денег, они контролируют все стратегически важные места, и они хорошо вооружены благодаря поступившему из Ливии оружию». К тому же 27 мая 2012 г. боевики АКМ обнаружили в Гао огромный подземный арсенал национальной армии Мали. Как сообщил в этой связи неназванный военный одной из стран региона, «сейчас одна только АКМ вооружена лучше, чем армии Мали и Буркина-Фасо вместе взятые»[2].

По оценкам западных экспертов, в боевых формированиях исламистской «тройки» в Северном Мали могло насчитываться до пяти тысяч мобильных хорошо вооруженных боевиков, что делало чрезвычайно сложной задачу их военного подавления. В целом вся действовавшая на севере Мали исламистская «тройка» самым тесным образом координировала действия, что неизбежно создавало трудности для любого иностранного военного вмешательства. Вне зависимости от того, формирования какой группировки контролировали тот или иной город, верховодила всем в регионе АКМ. Именно ее ставленники занимались тыловым обеспечением боевых отрядов, военной подготовкой новобранцев, их идеологической обработкой, ведением разведки. Полученные за счет выкупов за освобождение западных заложников средства позволяли исламистам вербовать сотни, если не тысячи новых бойцов. Джихадисты не испытывали недостатка в современных вооружениях, хлынувших в регион после падения режима Каддафи. Все это делало окопавшихся на севере Мали исламистов опасной силой, сравнимой по мощи с армиями стран Сахеля (исключая Национальную народную армию Алжира).

Городок Гао на севере Мали превратился в главную базу АКМ. Хотя Томбукту формально находился под контролем «Ансар ад-дин», там безраздельно правил еще один полевой командир АКМ, скрывавшийся под боевым псевдонимом Абу Зейд. В третьем городе региона – Кидале – всеми делами вершил основатель и главарь «Ансар ад-дин», туарег по происхождению Айяд аг Гали. И джихадисты не собирались останавливаться: как заявил 9 августа представитель «Ансар ад-дин» Сенда ульд Бумама, его организация рассчитывала завоевать южную часть Мали не силой, а убеждением. Он же впервые объявил о намерениях туарегов-исламистов распространить свое влияние и на соседние страны, упомянув об «искусственных границах» между ними. Уже 1 сентября 2012 г. боевики ДЕДЗА захватили

[2] См. Куделев В. В. *Ситуация в Мали: август 2012 г.* 16.09.2012. URL: http://www.iimes.ru/?p=15569 (дата обращения 03.05.2018).

стратегически важный город Дуенца, находящийся на границе территорий, контролировавшихся исламистами и центральным правительством, в 145 км к северо-востоку от города Мопти. При этом они без боя разоружили местную милицию.

Несмотря на эти успехи, по данным малийских источников, две из трех исламистских организаций, захвативших север Мали (а именно «Ансар ад-дин» и ДЕДЗА), похоже, понимали, что не смогут заменить государство, и были не против переговоров. Но и уходить они не собирались, а чем дольше исламисты правили бы бал на севере Мали, тем сложнее было бы выдворить их оттуда, и тем больше была бы угроза безопасности соседних стран. Поэтому внешняя военная операция на севере Мали представлялась неминуемой, хотя официальный Бамако не хотел этого.

20 октября 2012 г. новый главарь АКМ в регионе Сахеля и Сахары алжирец Яхья Абу эль-Хаммам в интервью одному из информационных агентств Мавритании заявил, что любая международная военная операция на севере Мали автоматически повлечет за собой уничтожение заложников, удерживавшихся исламистами (по состоянию на 20 октября АКМ удерживала в заложниках 9 европейцев, в том числе 6 французов). А. эль-Хаммам рассказал и о различиях между тремя исламистскими организациями, удерживавшими север Мали. По его словам, если «Ансар ад-Дин» ограничивала свою активность территорией Азавада (север Мали), то АКМ вела «международный джихад». Что касалось ДЕДЗА, формально вышедшего из АКМ, то, согласно А. эль-Хаммаму, «мы взаимодействуем с ним и находимся в постоянном контакте»[3].

3 ноября 2012 г. алжирская газета «Аль-Ватан» со ссылкой на «уполномоченный высокопоставленный источник» сообщила, что группировка «Ансар ад-Дин» якобы была готова дистанцироваться от АКМ. Согласно этому источнику, всегда поддерживавший связи с Алжиром лидер группировки Айяд аг Гали (одно время он был даже консулом Алжира в Джидде) «готов выступить с декларацией, в которой он официально дистанцируется от АКМ и примет «демократические правила игры»[4].

4 ноября «Аль-Ватан», имеющая репутацию близкой к алжирским военным, сообщила со ссылкой на «источник, близкий к досье», о начале переговоров в Алжире. По данным источника, целью Алжира являлось «вовлечение туарегов в политическую игру с одновременной изоляцией и ослаблением террористов перед военной операцией против них»[5]. Официальные же алжирские власти ничего не сообщали о переговорах с делегацией «Ансар ад-Дин», боевики которой по жестокости ничем не отличались от бойцов двух других исламистских группировок, а ее руководителя Айяда аг Гали никто как будто не торопился ни уничтожать, ни даже арестовывать. Хотя этот 60-летний человек мог бы рассказать многое: он прошел чрезвычайно продолжительный и извилистый путь до того, как стал главарем «Ансар ад-Дин» – от службы в «Исламском легионе» ливийской армии до агента алжирской разведки – и неоднократно выступал посредником, через которого осуществлялись операции по освобождению западных заложников. Однако несмотря на то, что его имя значится в черном списке разыскиваемых террористов, составленном американским Госдепом, его время от времени замечают рядом с женой в городке Тинзаватен на юге Алжира в его собственном доме. Считается, что остальное время «Лев пустыни» проводит между регионом Адрар в Мали и югом Ливии.

6 ноября 2012 г. из Алжира пришел еще один сигнал. Как заявил представитель МИД АНДР Амао Белани, военную операцию на севере Мали необходимо было проводить «исключительно против террористов из АКМ и наркоторговцев из ДЕДЗА, которые

---

[3] Куделев В. В. *Ситуация в Мали: октябрь 2012 г.* 28.11.2012. URL: http://www.iimes.ru/?p=16180 (дата обращения 03.05.2018).

[4] *El-Watan.* Alger, 03.11.2012. URL: http://www.elwatan.com/archives/edition.php?ed=2012-11-03 (дата обращения 03.05.2018).

[5] *El-Watan.* Alger, 04.11.2012. URL: http://www.elwatan.com/archives/edition.php?ed=2012-11-04 (дата обращения 03.05.2018).

представляют реальную опасность, причем предварительно их надо изолировать и ослабить»[6].

Тем временем ДЕДЗА превращалось из «темной лошадки» в активную военную силу. Считалось, что организация появилась 10 декабря 2011 г., официально отделившись от АКМ. Первые же сведения о ней появились уже в конце октября 2011 г., когда ее боевики похитили на западе Алжира троих европейцев, работавших на гуманитарные организации. Основателем ДЕДЗА считался мавританец Хамада ульд Мохаммед Хейру (боевой псевдоним – Абу Гум-Гум). Изначально костяк формирований ДЕДЗА составляли малийские и мавританские арабы. Затем оно начало вербовать бойцов в других странах региона, а также среди негроидных малийцев. По состоянию на начало ноября 2012 г., штаб-квартира движения находилась в городе Гао на севере Мали. Ряд экспертов из стран Сахеля полагал, что ДЕДЗА – наименее идеологизированное из трех исламистских организаций, захвативших север Мали, и рассматривал движение как преступное сообщество, живущее за счет контрабанды оружия и наркотиков.

В декабре 2012 г. в попытках содействовать разрешению кризиса вокруг Мали международные посредники безуспешно пытались объединить необъединяемое – посадить за стол переговоров представителей Бамако с одной стороны и туарегов из светского НДОА и туарегов-исламистов из группировки «Ансар ад-Дин» с другой. Целью этих усилий было вовлечение «Ансар ад-Дин» в политический диалог, с тем чтобы расколоть захватившую север Мали исламистскую «тройку».

3 декабря 2012 г. на исламистских сайтах появилось видеообращение главаря АКМ Абдельмалека Друкделя (боевой псевдоним – Абу Мусаб Абдель Вадуд), в котором он призвал руководителей африканских стран не следовать «политике Франции, ведущей к войне». «Олланду (президенту Франции. – *С. Б.*) и некоторым африканским руководителям: если вы хотите мира и безопасности – мы только за. Если вы хотите войны, Сахара станет большим кладбищем для ваших солдат. Удар будет нанесен и по вашим интересам», – предупредил он. В видеообращении, озаглавленном «Вторжение в Мали – война Франции» главарь АКМ обвинил Францию в стремлении любой ценой расколоть Мали с тем, чтобы использовать природные богатства этой страны. По его оценке, предстоящая война «привлечет к нам еще больше симпатии и сделает нас еще более решительными в стремлении наносить удары по вашим интересам, которые очень многочисленны в Сахеле и которые мы до сих пор не атаковали»[7].

В начале декабря 2012 г. вновь напомнил о себе бывший видный полевой командир АКМ алжирец Мохтар Бельмохтар. Объявивший в октябре 2012 г. о выходе из АКМ, этот боевик воспользовался эфиром частной мавританской радиостанции “Sahara Medias FM” с тем, чтобы объявить о формировании своего нового вооруженного формирования «Подписавшиеся кровью». Одновременно он призвал мавританцев вступать в ряды его бандформирования для ведения джихада как в Мавритании, так и за ее пределами. До того времени формирование АКМ во главе с Бельмохтаром контролировало город Гао на севере Мали. Именно формирование «Подписавшиеся кровью» совершило громкое нападение в январе 2013 г. на алжирское газовое месторождение в Ин Аменасе. В свое время М. Бельмохтар построил на севере Мали солидные личные связи, взяв в жены нескольких девушек из разных племен проживающих там туарегов.

По имеющимся данным, до 1991 г. Бельмохтар воевал в Афганистане. В 1994 г. в разгар внутриалжирского противостояния он примкнул к Вооруженной исламской группе (ВИГ). Перейдя затем в Салафистскую группу проповеди и джихада (СГПД – предшественница АКМ), он первым со своим отрядом «освоил» северные районы Мали.

---

[6] *El-Watan.* Alger, 16.11.2012. URL: http://www.elwatan.com/archives/edition.php?ed=2012-11-16 (дата обращения 03.05.2018).

[7] Куделев В. В. *Ситуация в Мали: декабрь 2012 г.* 19.01.2013. URL: http://www.iimes.ru/?p=16565 (дата обращения 03.05.2018).

20 декабря 2012 г. СБ ООН единогласно поддержал резолюцию № 2085, разрешившую проведение международной военной операции на севере Мали «первоначально продолжительностью в один год». Он предложил также переходным малийским властям включиться в «действенные» переговоры с действующими на севере Мали группировками, которые отмежуются от «террористических организаций». Первоначально предполагалось, что сначала будет восстановлена боеспособность малийской армии и подготовлен африканский контингент. Как отметил 23 декабря министр обороны Франции Жан-Ив Ле Дриан, операция могла начаться в первой половине 2013 г. Однако наступление исламистских группировок на юг Мали в начале января 2013 г. перечеркнуло эти планы и вынудило Францию вмешаться в события.

10 января 2013 г. до 1200 боевиков-исламистов захватили населенный пункт Кона в центральной части страны, начав таким образом наступление в направлении на юг с очевидной целью поставить под свой контроль всю территорию Мали до ввода в эту страну африканского контингента. Захвату Коны предшествовали несколько дней боев; в них стороны понесли неизбежные потери, о которых они предпочли умолчать. Единственное признание малийских военных гласило: «Стороны несут потери».

Действия исламистов фактически сорвали планы международного сообщества, согласно которым до операции на севере Мали надо было восстановить и подготовить малийскую армию, развернуть в стране африканский контингент.

Поняв неизбежность военного поражения, временный президент Мали Дионкунда Траоре обратился к Франции за военной помощью. Она была оказана немедленно. Уже 10 января из городка Севаре, что в 70 км к югу от Коны, поступила информация о приземлении там военно-транспортных самолетов, доставивших на самый большой аэродром региона Мопти оружие и «иностранных» солдат. Так началась операция «Серваль» французской армии. В самом Севаре к тому времени находился полевой штаб того, что осталось после неудачной военной кампании начала 2012 г. от малийской армии. Тогда же Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС) дало «зеленый свет» на развертывание Международных сил по поддержке Мали (Misma).

Действиям французской авиации способствовало то, что Алжир полностью и очень быстро открыл для нее свое воздушное пространство. Это означало кардинальное изменение позиции государства, до этого выступавшего за переговорный процесс урегулирования: разрешение на пролет французских самолетов было расценено политологами как «форма непрямого участия» в операции. Свое воздушное пространство для французских самолетов открыло также Марокко.

На земле французы, начиная с 15 января, быстро решили большинство проблем, заняв основные города Северного Мали. К исходу 30 января 2013 г. Томбукту и Гао были освобождены, французы контролировали аэродром города Кидаль. В этих условиях Париж немедленно потребовал от Бамако начать переговоры с представителями населения региона, включая «нетеррористические вооруженные группы, признающие территориальную целостность Мали».

Угроза военного поражения исламистов привела к расколу в рядах «Ансар ад-Дин», из которого выделилось Исламское движение Азавада (ИДА). Последнее сразу же заявило о своем стремлении двигаться к «мирному решению» проблем региона.

По состоянию на 31 января 2013 г. север Мали превратился во второй Афганистан. Хотя основные города региона в той или иной мере контролировались силами французов, малийцев и африканского контингента, боеспособность исламистских формирований подорвана не была. А растянутость коммуникаций противостоявших им сил давала им прекрасную возможность для активных партизанских действий. Все это заставляло предположить, что военная кампания в Мали будет достаточно продолжительной.

21 марта 2013 г. США включили в список террористических организаций группировку «Ансар ад-Дин», констатировав тем самым ее роль в событиях в Мали. Ответ от

«Ансар ад-Дин» последовал 26 марта. В коммюнике организации утверждалось, что она продолжит борьбу против французских и африканских военных. В нем же говорилось о том, что «вымышленные потери в наших рядах, которыми манипулирует Франция, полностью лживы, и что эти данные предназначены лишь для поднятия духа их войск»[8].

7 мая 2013 г. один из главарей АКМ Абу Обейд Юсеф аль-Аннаби (боевой псевдоним, косвенно указывающий, что его владелец – алжирец по национальности, выходец из района города Аннаба) через интернет призвал сторонников джихада атаковать французские интересы «везде, где возможно». В этом видеопослании, записанном еще 25 апреля, аль-Аннаби был представлен как глава Совета полевых командиров АКМ. Название этой структуры прозвучало впервые: ранее чаще всего речь шла о Маджлис аш-Шура (Консультативном совете) этой организации.

В сентябре 2013 г. стало известно, что руководство АКМ назначило новых полевых командиров двух формирований группировки, действовавших на севере Мали. 27 сентября частное мавританское информационное агентство ANI сообщило, что АКМ назначила преемника на должность главаря фаланги «Тарик» этой организации (ранее им был убитый в Мали в ходе французской операции «Серваль» алжирец Абдельхамид Абу Зейд). Новым руководителем формирования стал также алжирец по национальности Саид Абу Мугхатиль (боевой псевдоним). Другое формирование АКМ – «Аль-Фуркан» – возглавил мавританец Абдеррахман (боевой псевдоним – Талха). Он сменил на этом «посту» Мохамеда Ламина ульд эль-Хасана (боевой псевдоним – Абдалла аль-Хингити), также убитого в Мали. АКМ сообщила о гибели двух упомянутых полевых командиров в июне 2013 г.[9]

23 января 2014 г. министр обороны Франции Жан-Ив Ле Дриан объявил о проведении предыдущей ночью французскими военными двух антитеррористических операций на севере Мали в районах Томбукту и Адрар. Целями французских военных были боевики ДЕДЗА, АКМ, а также формирований «Подписавшихся кровью». По данным французов, эти формирования «пытаются перегруппироваться, в том числе с использованием военной техники и оружия, полученных из Ливии»[10].

Это был первый сигнал о готовившейся реорганизации в рядах джихадистских группировок. Изменения производились и по другую сторону «линии фронта».

13 июля 2014 г., накануне африканского турне президента Франции Франсуа Олланда, Париж объявил о прекращении операции «Серваль» и ее трансформации в более широкомасштабную по территории операцию по борьбе с терроризмом в Сахеле. Объявлялось, что в операции «Бархан» примут участие 3 тысячи французских военных. На этот момент в операции «Серваль» на севере Мали принимали участие 1,7 тысяч французских военных.

Новый французский контингент имел в своем составе четыре базы: тактическая группа для действий в пустыне разместилась в городе Гао на севере Мали, другая тактическая группа с авиационной компонентой – в Нджамене (Чад), группа сил специальных операций – в Уагадугу (Буркина-Фасо), разведывательная группа – в Ниамее (Нигер). Временные операционные базы были развернуты в Мадаме (север Нигера), Тессалите (север Мали), Файя-Ларго (север Чада). На них находились подразделения численностью до 50 человек, готовые в случае необходимости обеспечить развертывание главных сил.

7 ноября 2014 г. командующий операцией «Бархан» генерал Жан-Пьер Палассе заявил, что целью Франции и пяти стран зоны Сахеля (Нигер, Чад, Мали, Буркина-Фасо, Мавритания) является нарушение путей поставок оружия из Ливии группам джихадистов, действующим в регионе. По его оценке, этим группам удается использовать границы стран

---

[8] Куделев В. В. *Ситуация в Мали: март 2013 г.* 16.04.2013. URL: http://www.iimes.ru/?p=17260 (дата обращения 03.05.2018).

[9] *ANI.* Nouakchott, 27.09.2013 URL: https://www.aninews.in (дата обращения 03.05.2018).

[10] Куделев В. В. *Ситуация в Мали: январь 2014 г.* 17.02.2014. URL: http://www.iimes.ru/?p=20018 (дата обращения 03.05.2018).

региона с тем, чтобы уходить от преследования национальных армий. Задача джихадистов облегчалась тем, что в регионе есть несколько точек, где смыкаются три границы – Алжир-Мали-Нигер, Алжир-Ливия-Нигер, Чад-Ливия-Нигер. Одной из целей операции было лишить джихадистов этой возможности на огромном пространстве в 5 млн. кв. км, что в 9 раз превышает площадь Франции[11].

Известно, что после того, как в 2014 г. к группировке «Подписавшиеся кровью» примкнул ряд боевиков ДЕДЗА, она взяла себе название «Аль-Мурабитун». Изначально именно она выступала за создание самой широкой коалиции джихадистских группировок на пространстве Сахеля. (Забегая вперед, констатируем, что эта идея была реализована в лице ГПИМ.)

Примерно с февраля 2015 г. джихадисты начали осваивать центральную и южную части Мали, причем в этом процессе участвовала не только традиционная джихадистская «тройка», но и только что появившиеся группировки.

14 мая 2015 г. частное мавританское информационное агентство «Аль-Ахбар» сообщило, что группировка «Аль-Мурабитун», которой изначально руководил алжирец М. Бельмохтар, присягнула на верность «Исламскому государству» (ИГ, запрещено в РФ). Соответствующее аудиообращение озвучил представитель группировки Аднан Абу Валид Сахрауи. Ранее он неоднократно выходил «на связь» от имени «Аль-Мурабитун» и ДЕДЗА, сообщая о различных акциях джихадистов. «Аль-Ахбар» утверждало, что именно Сахрауи с того времени возглавлял «Аль-Мурабитун»[12], и ничего не сообщало о судьбе М. Бельмохтара. Вообще СМИ ранее уже несколько раз хоронили этого видного полевого командира, подтвердившего в апреле 2014 г. свою верность «Аль-Каиде» (запрещена в РФ) и ее главарю Айману аз-Завахири.

Однако уже день спустя также «Аль-Ахбар» распространило заявление «самого» М. Бельмохтара, в котором тот опроверг информацию о том, что «Аль-Мурабитун» присоединилась к ИГ. Согласно коммюнике за его подписью, предыдущее заявление «не отражало мнение Шуры (Консультативного совета) “Аль-Мурабитун”» и, следовательно, не меняло обязательств организации, «которая остается верной А. аз-Завахири». «Аль-Ахбар» идентифицировало это заявление как подлинное.

М. Бельмохтар пообещал прояснить ситуацию в руководстве организации, где, судя по всему, произошел раскол. Это подтвердилось уже в ноябре 2016 г., когда ИГ через свою пропагандистскую структуру «Амак» распространило запись присяги на верность ИГ со стороны Аднана Абу Валида Сахрауи, с группой сторонников покинувшего «Аль-Мурабитун» в мае 2015 г.

С июля 2015 г. в центральной части Мали все чаще стала заявлять о себе группировка «Фронт освобождения Масины» (ФОМ) во главе с радикальным проповедником Амаду Куфа. (Масина – регион, относящийся к центральной части Мали.) А. Куфа – выходец из деревни Куфа в регионе Мопти в центральной части Мали. Относится к народности *пель*, на языке которой читает свои проповеди. Первичную идеологическую подготовку получил в составе группы «Даава ва Таблиг», по линии этой же группы совершил несколько поездок в Пакистан и Мавританию. Считается, что контакты с главарем группировки «Ансар ад-Дин» он установил в период, когда эта группировка вместе с другими джихадистскими организациями контролировала северные районы Мали. В июле 2015 г. записал аудиообращение к своим последователям, в котором объявил войну Франции. При этом врагами ислама он называл не французов в частности, а «белых» вообще. Большую часть боевиков этой группы составляют выходцы из народности *пель*, а датой «рождения» ее считается январь 2015 г. По данным правозащитной организации “Human Rights Watch”, боевиков ФОМ отличает особая жестокость по отношению к малийским солдатам.

---

[11] *AFP*. Paris, 07.11.2014. URL: https://www.afp.com/en (дата обращения 03.05.2018).

[12] *Al-Akhbar*. Nouakchott, 14.05.2015. https://al-akhbar.com/Community/228057/كما-في-صيف-201 (дата обращения 03.05.2018).

В Мали, таким образом, уже давно появились доморощенные джихадисты, и их появление во многом оказалось связано с деятельностью коранических школ, большинство из которых контролируется пакистанскими проповедниками из организации «Даваа ва Таблиг».

4 декабря 2015 г. главарь группировки АКМ А. Друкдель объявил о вхождении в ее состав формирования «Аль-Мурабитун», а также о том, что операция по захвату отеля "Radisson" в Бамако двумя неделями ранее была проведена совместно этими двумя группировками.

Соответствующее аудиозаявление Друкделя было распространено на исламистских сайтах. Этим заявлением он объявлял «мусульманской нации о присоединении львов организации «Аль-Мурабитун» к АКМ, с тем чтобы вместе бороться против крестоносной Франции». По его словам, этот «альянс джихадистов двух групп конкретизировался, когда двое смертников подписали кровью это объединение, атаковав отель "Radisson" в самом сердце столицы врагов – Бамако». Речь шла об атаке 20 ноября, в ходе которой погибли по меньшей мере 27 человек[13].

И вновь – о ГПИМ. 2 марта 2017 г. три джихадистских группировки, действующие в зоне Сахеля, объявили об объединении. О существовании соответствующего видео с заявлением трех главарей сообщило частное мавританское информационное агентство ANI. Новая группа получила название ГПИМ. По первой версии, в нее вошли «Ансар ад-Дин» во главе с малийским туарегом Айядом аг Гали, «Аль-Мурабитун» во главе с алжирцем М. Бельмохтаром и «Катиба (фаланга) Масины» во главе с малийцем (пель) Амаду Куфа. ГПИМ возглавил А. аг Гали. Изначально заявлено, что она подчиняется руководству «Аль-Каиды».

Затем появилась версия, что в ГПИМ третьей вошла группа «Эмират Сахары» – одно из подразделений АКМ. Возможно, эта версия справедлива, поскольку группа А. Куфы всегда считалась частью «Ансар ад-Дин». ANI продемонстрировало фотографию, сделанную, как утверждало агентство, с видеозаписи. На ней – пять сидящих человек, в центре группы – А. аг Гали. Среди четырех других были идентифицированы А. Куфа и три полевых командира группировки «Аль-Мурабитун» – Эльхасен аль-Ансари, Яхья Абу эль-Хаммам и Абу Абдеррахман Ассанхадж. Объявление о слиянии трех групп и приверженности новой организации «Аль-Каиде» делал А. аг Гали. Нет никакой информации о дате, когда эта видеозапись была сделана.

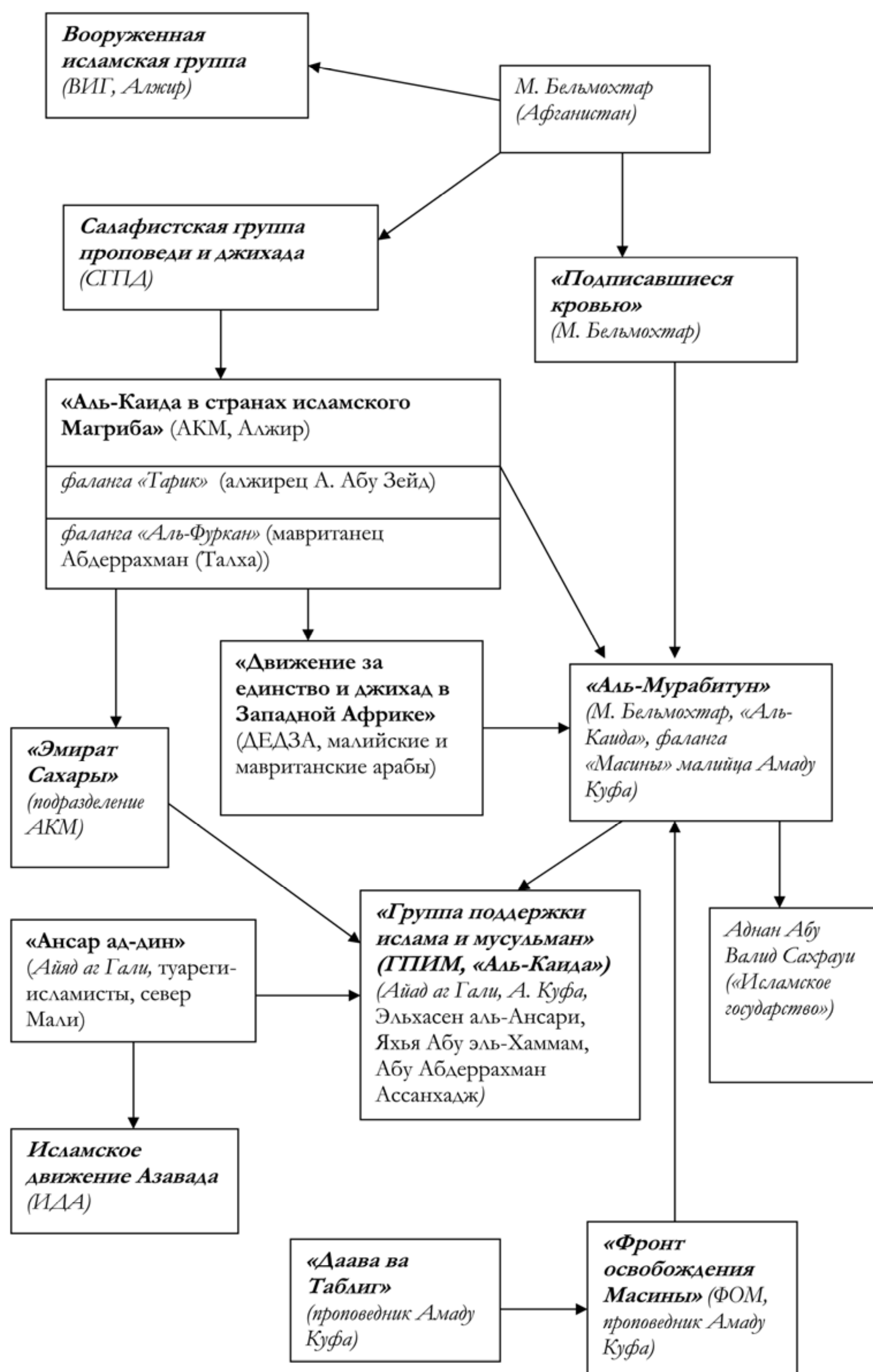
Первым же следствием объединения стала активизация атак джихадистов и увеличение их размаха, причем как в Мали, так и в соседних странах. Считается, что численность формирований ГПИМ – до одной тысячи боевиков, и ее ряды быстро растут[14]. Главарь группы сумел сделать то, что до него никому не удавалось – объединить в одной группировке малийские народности пель, сонгаи и бамбара. Объединительной тенденции способствовало также исчезновение М. Бельмохтара.

В любом случае, распространение операционной зоны джихадистов на центральную и южную части Мали параллельно с их реорганизацией означает только одно – страна и регион в целом скатываются к новому витку вооруженного противостояния с радикалами, причем там, где никто этого не ожидал. Этому новому витку никак не помешало иностранное военное вмешательство в 2013 г., продолжающееся сейчас в виде операции «Бархан» и миротворческой операции "MINUSMA".

---

[13] Куделев В. В. *О ситуации в зоне Сахеля: декабрь 2015г.* 19.01.2016. URL: http://www.iimes.ru/?p=27197 (дата обращения 03.05.2018).

[14] L'Afrique du Sud veut retirer son statut de résident à l'un des frères... // *Jeune Afrique*. Paris, 11.03.2018. http://www.jeuneafrique.com/541208/politique/lafrique-du-sud-veut-retirer-son-statut-de-resident-a-lun-des-freres-gupta/ (дата обращения 03.05.2018).



Илл 1. Генезис развития джихадистских группировок на территории Сахеля (2012–2018 гг.) и образования самой крупной из них – «Группы поддержки ислама и мусульман» (ГПИМ), «Аль-Каида»

Очевидна интенсификация нападений джихадистов в ряде стран Сахеля. Как представляется, главная причина этого связана с растущим потоком оружия из Ливии, а также ростом влияния ИГ в регионе. Перед лицом последнего группировки, остающиеся верными «Аль-Каиде», изо всех сил стремятся продемонстрировать свою дееспособность с тем, чтобы не потерять влияние и потенциальных боевиков.

Приходится констатировать, что операция «Бархан» может затянуться, и вообще имеет сомнительные шансы на конечный успех без решения по меньшей мере трех ключевых проблем – приобщения к ней в том или ином виде Алжира, распространения зоны проведения операции на Южную Ливию и координации мирового сообщества в борьбе с наркотрафиком, с которым так или иначе связаны все действующие в регионе вооруженные группировки, и не только исламистские.

В зоне Сахеля налицо быстрое расширение территории, на которой действуют джихадистские формирования, происходящее главным образом за счет привлечения в ряды джихадистов местных сторонников. Противостоять этому с учетом сложнейшей социально-экономической ситуации в рассматриваемых странах вряд ли представляется возможным. А значит, в ближайшей перспективе можно ожидать образования нового джихадистского фронта, на сей раз – непосредственно в Сахеле.

Литература / References

Наумкин В. В. Исламский радикализм и внешнее вмешательство в глубоко разделенных обществах Ближнего Востока // Наумкин В. В. (ред.). *Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка.* М., 2015. С. 25–52 [Naumkin V. V. islamskiy radicalism I vneshnee vmeshatel'stvo v gluboko razdelyonnyh obschestvah Blizhnego Vostoka // Naumkin V. V. (red.). *Konflikty i voiny XXI veka: Blizhniy Vostok I Severnaya Afrika*. Moscow, 2015. Pp. 25–52].

Электронные ресурсы

Куделев В. В. *О ситуации на севере Мали: июль 2012 г.* 26.08.2012. URL: http://www.iimes.ru/?p=15601 (дата обращения 03.05.2018).

Куделев В. В. *Ситуация в Мали: август 2012 г.* 16.09.2012. URL: http://www.iimes.ru/?p=15569 (дата обращения 03.05.2018).

Куделев В. В. *Ситуация в Мали: октябрь 2012 г.* 28.11.2012. URL: http://www.iimes.ru/?p=16180 (дата обращения 03.05.2018).

Куделев В. В. *О ситуации в зоне Сахеля: декабрь 2015 г.* 19.01.2016. URL: http://www.iimes.ru/?p=27197 (дата обращения 03.05.2018).

Куделев В. В. *Ситуация в Мали: декабрь 2012 г.* 19.01.2013. URL: http://www.iimes.ru/?p=16565 (дата обращения 03.05.2018).

Куделев В. В. *Ситуация в Мали: март 2013 г.* 16.04.2013. URL: http://www.iimes.ru/?p=17260 (дата обращения 03.05.2018).

Куделев В. В. *Ситуация в Мали: январь 2014 г.* 17.02.2014. URL: http://www.iimes.ru/?p=20018 (дата обращения 03.05.2018).

Al-Akhbar. Nouakchott, 14.05.2015. URL: https://al-akhbar.com/Community/228057/امك-يف-فيص-201 (дата обращения 03.05.2018).

AFP. Paris, 07.11.2014. URL: https://www.afp.com/en (дата обращения 03.05.2018).

ANI. Nouakchott, 27.09.2013. URL: https://www.aninews.in (дата обращения 03.05.2018).

El-Watan. Alger, 03.11.2012. http://www.elwatan.com/archives/edition.php?ed=2012-11-03 (дата обращения 03.05.2018).

El-Watan. Alger, 16.11.2012. URL: http://www.elwatan.com/archives/edition.php?ed=2012-11-16 (дата обращения 03.05.2018).

L'Afrique du Sud veut retirer son statut de résident à l'un des frères... // *Jeune Afrique*. Paris, 11.03.2018. URL: http://www.jeuneafrique.com/541208/politique/lafrique-du-sud-veut-retirer-son-statut-de-resident-a-lun-des-freres-gupta/ (дата обращения 03.05.2018).

Le délit de presse en Algérie // *El-Watan*. 04.11.2012. URL: http://www.elwatan.com/archives/edition.php?ed=2012-11-04 (дата обращения 03.05.2018).

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ КОМПАНИЙ КИТАЯ В РОССИИ

В. Г. Кандалинцев*

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) китайских компаний в регионах России довольно диверсифицированы, но особый интерес представляют инновационные проекты как двигатели будущего экономического роста. В статье анализируются факторы интенсификации инновационно-инвестиционного сотрудничества России и Китая, к которым относятся механизмы финансовой поддержки, объединение инновационных потенциалов партнеров, улучшение условий сотрудничества.

Ключевые слова: ПИИ, инновации, кластеры, инвестиционный бизнес-климат.

INNOVATIVE PROJECTS OF CHINESE COMPANIES IN RUSSIA

Vitaly G. Kandalintsev

Foreign Direct Investments (FDIs) of Chinese companies in Russia are quite diversified, but innovative projects may drive the economic growth in the future. The article analyzes the factors of intensification of innovation and investment cooperation between Russia and China, including mechanisms of financial support, pooling of innovative potentials of partners, improving cooperation conditions.

Keywords: FDI, innovations, clusters, investment business climate.

По данным Центробанка России, накопленные китайские прямые инвестиции в нашу страну по состоянию на 1 октября 2017 г. составили 3,7 млрд. долл.[1] Характеризуя объем накопленных в РФ прямых инвестиций из Поднебесной, китайские источники называют кратно большие цифры. Так, китайские должностные лица озвучивали цифры от 10 млрд. долл. (китайский посол в России Ли Хуэй в конце 2016 г.) до 42 млрд. долл. (министр коммерции КНР Гао Хучэн в феврале 2017 г.)[2]. Такой большой разброс в оценках связан с различиями в методологии подсчета накопленных ПИИ: тут и вопрос Гонконга и офшоров, и то, как учитываются взносы в акционерный капитал и долговые инструменты в составе ПИИ, и т. д.

Не менее значим качественный аспект инвестиционной деятельности китайских компаний. Некоторые проекты (прежде всего, инновационные и высокотехнологические) напрямую связаны со стратегическими интересами развития России и Китая.

И это лежит в русле оценки, которую дал член Академии наук КНР Сюй Гуаньхуа. Он отметил, что сотрудничество между Китаем и Россией в сфере инноваций – это долгосрочный план развития, которому следует уделять большое внимание. По его словам, нужно создать новый долгосрочный механизм сотрудничества в сфере инновационных инвестиций и содействовать интегрированному, стандартизированному и взаимовыгодному развитию[3].

* Виталий Геннадьевич КАНДАЛИНЦЕВ, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; blisvet2011@yandex.ru

Vitaly G. KANDALINTSEV, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; blisvet2011@yandex.ru

[1] Статистика ПИИ в России // *Центральный Банк Российской Федерации.* URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=itm_36555#CheckedItem (дата обращения: 22.03.2018).

[2] Много ли Китай инвестирует в Россию? // *Международный дискуссионный клуб Валдай.* URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu/ (дата обращения: 22.03.2018).

[3] 2-й Китайско-российский форум «Инвестиции в инновации» // *Министерство коммерции КНР.* URL: http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201706/20170602595175.shtml (дата обращения: 22.03.2018).

Как показывает практика российско-китайских инвестиционных соглашений последнего времени, несколько направлений заслуживают внимательного изучения. К ним относятся:

1. Создание совместных организационно-финансовых механизмов (платформ), направленных на стимулирование инновационно-технологического развития;
2. Высокотехнологичное машиностроение;
3. Инновационное сотрудничество лидеров рынка;
4. Параметры успешного инновационного развития;
5. Инвестиции в кластеры;
6. Инвестиционный бизнес-климат;
7. Анализ российско-китайских инвестиционных интересов.

Платформы и инновационно-технологическое развитие

Проекты ПИИ в сфере инноваций и высоких технологий наиболее значимы в плане ускорения экономического роста. Но для их осуществления важны организационно-финансовые механизмы, или платформы, призванные стимулировать инновационное развитие. Позитивным примером в этом отношении является недавняя инициатива Внешэкономбанка (ВЭБ) и китайской Shenzhen Capital Group (SCGC). Стороны подписали меморандум о взаимопонимании с целью поддержки и продвижения успешных совместных китайских и российских проектов в сфере инноваций и высоких технологий, в том числе путем создания венчурных фондов и фондов прямых инвестиций.

Подобные инновационные компании в России есть, и они также стремятся к сотрудничеству с аналогичными компаниями из КНР. Примером подобного альянса можно считать генеральное соглашение о стратегическом сотрудничестве, заключенном НЛМК-Инжиниринг (генеральный проектировщик группы НЛМК) и государственной китайской инжиниринговой компанией *Wisdri Engineering & Research Incorporation*.

Соглашение заключено на три года и предусматривает совместную работу на инвестиционных проектах как группы НЛМК, так и других металлургических компаний. Партнеры планируют совместно разрабатывать базисный инжиниринг, проектную и рабочую документацию для проектов реконструкции и развития металлургических производств на территории России[4].

Сотрудничество российских и китайских компаний на российском рынке сначала в рамках определенной группы компаний, к которой принадлежит и российский партнер, а затем экспансия на другие, в том числе зарубежные, рынки – данная стратегия может считаться одной из основных в российско-китайских проектах. Поэтапность позволяет концентрироваться на текущих задачах и возможностях, которые становятся площадкой для выхода на следующие этапы.

Высокотехнологичное машиностроение

ПИИ важны в тех отраслях, где имеется определенное отставание российских производителей, например, в станкостроении. В Ленинском районе Московской области состоялась церемония открытия российско-китайского предприятия АО «ДМТГ РУС». Профиль предприятия – производство современных металлообрабатывающих станков и металлообрабатывающих центров с ЧПУ. Объем первоначальных инвестиций в предприятие – 1,2 млрд. рублей. Количество создаваемых рабочих мест – 300[5]. Раньше подобные станки импортировались из Китая, в том числе и для нужд оборонной

---

[4] Пресс-релиз // *Группа «Новолипецкий металлургический комбинат»*. URL: https://nlmk.com/ru/media-center/news-groups/nlmk-engineering-and-chinese-wisdri-sign-cooperation-agreement/ (дата обращения: 09.04.2018).

[5] Новости // *НПК «Интеграл»*. URL: http://integral-russia.ru/2018/01/11/16108/ (дата обращения: 09.04.2018).

промышленности. Теперь появляется возможность быстрее и с меньшими затратами производить их в России.

Для инновационного типа экономического роста характерны быстрые структурные изменения в выпуске продукции, «внезапные» периоды бурного роста отдельных сегментов и потребность в гибком высокопроизводительном оборудовании. Высокотехнологичное машиностроение снимает у потребителей его продукции некоторые критические ограничения по мощности и качеству.

Но самым перспективным, пожалуй, является сотрудничество тех российских и китайских компаний, которые являются отраслевыми лидерами и соединяют в рамках совместных проектов свои инновационные и технологические достижения. В результате объединения высокоэффективных активов резко повышается ценность предложения клиентам и улучшаются перспективы совместной экспансии компаний на рынке. 4 декабря 2017 г. в рамках выставки «ФармМедПром-2017» состоялась церемония подписания меморандума о сотрудничестве между "Triton Electronic Systems, Ltd" (ООО фирма «Тритон-ЭлектроникС») и "Shenzhen Mindray Bio-Medical Electronics Co., Ltd." Стороны договорились о начале локализованного производства оборудования для анестезиологии и реанимации на базе «Тритон-ЭлектроникС» (Екатеринбург).

Новое оборудование объединяет передовые разработки китайской и российской стороны. В российскую модификацию наркозно-дыхательных аппаратов WATO RUS и мониторов пациента Beneview RUS будут включены измерительные функциональные модули, разработанные компанией «Тритон-ЭлектроникС».

Дополнительные возможности для разработки и запуска производства этих измерительных модулей российская компания получила при софинансировании Министерством промышленности и торговли РФ в рамках программы «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности РФ на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу». Новая модификация оборудования под маркой "Triton/Mindray" существенно снизит стоимость владения медицинской техникой для конечного потребителя. Соответственно, возросшая доступность продукции расширит объемы продаж и прибыльность производителей с одной стороны, а с другой – ускорит перевод пациентов на более качественное обслуживание[6].

Приведенная выше информация по российско-китайским проектам позволяет назвать некоторые важные параметры успешного инновационного развития, реализуемого в ходе международного инвестиционного сотрудничества.

Это, во-первых, наличие частных и государственных финансирующих структур, ориентированных на поддержку инновационных компаний.

Во-вторых, наличие партнеров – инновационных лидеров, способных эффективно объединять свои конкурентные преимущества с целью создания товаров и услуг, дающих потребительский и экономических эффект.

В-третьих, совместное наращивание компетенций партнеров с целью укрепления позиций на рынках их стран и последующего выхода на рынки третьих стран.

Эффект от соединения инновационных активов лидеров рынка резко сокращает время выхода на новый уровень производства товаров и услуг. Тем самым расширяются возможности выхода на рынки третьих стран.

Инвестиции в кластеры

ПИИ в кластеры, т. е. целые группы взаимосвязанных предприятий на определенной территории, ценны тем, что обычно характеризуются крупным объемом инвестиций, значительным эффектом в плане создания рабочих мест и прироста налоговых поступлений.

[6] Пресс-релиз // *Портал «Медицина и здоровье»*. URL: http://medici.ru/text/101617.html (дата обращения: 09.04.2018).

19 декабря 2017 г. Министерство РФ по развитию Дальнего Востока объявило о планах создания кластера по глубокой переработке стали в Приморье. Основной инвестор проекта – «Дэбан Гуандун» – гонконгская компания, созданная в 2004 г. государственной «Хэбэй Луаньхэ групп». Проект будет реализован в три этапа и предполагает строительство 10 млн. т сталелитейных мощностей. Общие инвестиции в создание кластера председатель совета директоров компании «Дэбан Гуандун» Яо Сяодун оценил в 5 млрд. долл., а количество новых рабочих мест в размере 50 000 – 80 000.

Для реализации данного проекта с китайской стороны был сформирован консорциум инвесторов. Ключевым проектом кластера станет металлургический комбинат. На предприятии будут установлены электросталеплавильные печи, что обеспечит экологичность производства. На втором этапе (через пять лет после первого) планируется обеспечить работу производственно-сбытовой цепочки, включающей добычу сырья, непрерывное плавильное производство, производство конечной продукции из стали и ее сбыт за рубеж, на третьем возможна локализация производства сталелитейной продукции, которая может быть востребована на региональном рынке: автозапчасти, компоненты для тяжелой техники, комплектующие для судостроительного комплекса.

Данный пример во многом объясняет, как может выглядеть одна из эффективных бизнес-моделей массированных ПИИ Китая в Россию. Для этого, во-первых, должна быть сильная заинтересованность Китая в развертывании мощностей. По экологическим причинам, ряд металлургических предприятий Китая закрывается, и им нужна срочная замена на территории ближайших соседей. Приморский край оптимален с точки зрения расстояния до Китая и длины логистических цепочек. Во-вторых, должен быть весомый выигрыш в конкурентоспособности от переноса мощностей. В России дешевая электроэнергия и рабочая сила, а это ключевые условия ценовой конкурентоспособности в металлургии. В-третьих, речь должна идти не о переносе устаревших мощностей, а о создании кластера на новой технологической основе, обеспечивающей приемлемые в долгосрочной перспективе параметры экологической нагрузки и эффективности производственного процесса в целом. Соблюдение этих условий позволяет создать достаточную заинтересованность не только Китая, но и нашей страны. Именно такой подход и был продемонстрирован в ходе разработки проекта[7].

Инвестиционный бизнес-климат

Опубликованные известной консалтинговой компанией КПМГ в сентябре 2017 г. результаты анализа показывают, что инвесторов в регионе привлекают в основном два фактора: возможность получения прибыли от реализации рыночного потенциала в сочетании с должной поддержкой со стороны властей, которая помогает им успешно вести бизнес, что подчеркивает в высшей степени важную роль государства в обеспечении благоприятного инвестиционного бизнес-климата и условий работы.

В исследовании сообщается, что Дальневосточный федеральный округ является регионом, где приняты меры государственной поддержки инвесторов, разработанные для развития приоритетных отраслей региона, а именно:

- в 2014 г. ФЗ №473 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»;
- в 2015 г. ФЗ №219 «О свободном порте Владивосток», статус порто-франко которого в 2016 г. был распространен еще на четыре ключевые гавани, расположенные в Хабаровском и Камчатском краях, Сахалинской области и Чукотском автономном округе;
- в 2016 г. заработали ранее созданные специальные механизмы для промышленных предприятий, основной целью которых является импортозамещение промышленной

[7] Китайская металлургия переедет в Приморский край. // *Ведомости.* URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/12/21/746039-kitaiskaya-metallurgiya (дата обращения: 09.04.2018).

продукции – специальный инвестиционный контракт, и для предприятий, создающих объекты транспортной, инженерной и энергетической инфраструктуры – региональный инвестиционный проект[8].

Данные меры, несомненно, способствуют привлечению ПИИ в регион. Но для интенсификации стратегически важного инновационного и кластерного сегмента проектов ПИИ, вероятно, потребуется дальнейшее развитие концепции инвестиционного бизнес-климата и мер по его улучшению.

Совпадают ли интересы?

Несмотря на наличие весьма позитивных примеров сотрудничества, переоценивать заинтересованность компаний Китая в проектах ПИИ в России не стоит. Доля российских проектов в глобальных накопленных исходящих ПИИ Китая варьируется, в зависимости от метода подсчета, всего лишь от 0,8% до 3,3%. Инвестиционная активность российских компаний в Китае на порядок ниже даже этого скромного уровня. По данным Национального бюро статистики Китая, в 2016 г. на Россию приходилось всего 0,06% притока ПИИ в Поднебесную[9].

Профессор университета Цзинань (Гуанчжоу) г-н У Фэй полагает, что для увеличения активности в России китайским инвесторам нужно больше доверия, гарантий защиты инвестиций и открытости российских компаний. Он говорит, что на практике случаются ситуации крупных убытков китайских инвесторов. Как, например, с компанией «Уралкалий», когда “China Investment Corporation” потеряла сотни миллионов долларов. После этого, как говорят в китайском инвестиционном сообществе, Китай сильно охладел к новым сделкам в России. Как сказал генеральный секретарь китайской Ассоциации по развитию предприятий за рубежом г-н Хэ Чжэньвэй, один провальный проект получает в Китае широкую огласку и создает у людей впечатление, что все инвестиции в Россию – провальные[10].

Эта критика справедлива, но она не исчерпывает всех сложностей наращивания китайских ПИИ в России. Стратегические интересы Поднебесной в экспорте капитала, как следует из известного исследования компании Эрнст энд Янг, заключаются в быстром развитии на следующих направлениях:

1. Сброс избыточных мощностей за рубеж с последующей реструктуризацией и оптимизацией распределения ресурсов в национальной экономике;
2. Закрепление роста собственного бизнеса за счет международной экспансии;
3. Фокусирование на экспансии как в развивающиеся страны, которым нуждаются в развитии инфраструктуры и доступе к капиталу и технологиям, так в развитые страны, которым необходимы китайские ПИИ в периоды восстановления[11].

Россия может эпизодически вписываться в данные направления, о чем свидетельствуют вышеприведенные примеры. Однако в других случаях интересы двух стран могут не совпадать. Например, для Китая в большинстве случаев привлекательнее проекты не в России, а в развивающихся странах (где остра конкуренция за ПИИ, и инвестор может получить более выгодные условия) и развитых государствах (где лучше бизнес-климат, обилие новых технологий и компетенций, и значительный платежеспособный спрос).

Резюмируя, можно сказать: для поворота на Восток нужно не только, чтобы Россия повернулась на Восток, но чтобы и Восток повернулся к России. Политически

---

8 Дальний Восток: механизмы поддержки инвесторов. // *КПМГ*. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/10/ru-ru-far-east-support-mechanisms-for-investors.pdf (дата обращения: 09.04.2018).

9 Статистика ПИИ в КНР. // *Национальное бюро статистики Китая*. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm (дата обращения: 09.04.2018).

10 Взгляд с той стороны: как России привлечь китайские инвестиции? // *Forbes*. URL: http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/348085-vzglyad-s-toy-storony-kak-rossii-privlech-kitayskie-investicii (дата обращения: 09.04.2018).

11 Шелковый путь XXI века // *Эрнст энд Янг*. URL: http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-china-outbound-investment-report-rus/$FILE/EY-china-outbound-investment-report-rus.pdf (дата обращения: 09.04.2018).

благоприятные предпосылки, такие как стратегия «Один пояс, один путь», сами по себе не создают водопада ПИИ. Нужно, чтобы российские потенциальные проекты не эпизодически, а массово вписывались в стратегические направления китайского бизнеса и форматы его ведения. Для этого необходимо развить нематериальные активы (человеческий, информационный и организационный капитал) российских компаний до уровня, обеспечивающего ожидания китайских инвесторов в плане перспективности, прозрачности и надежности бизнеса. Это – задача бизнеса. А задача власти, как представляется, заключается в четком понимании того, какие проекты способны органично соединить ключевые российские и китайские интересы развития и выстраивании всемерной поддержки таким проектам на всех властных уровнях.

Литература / References

Электронные ресурсы

Статистика ПИИ в России // *Центральный Банк Российской Федерации*. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=itm_36555#CheckedItem (дата обращения: 22.03.2018).

Много ли Китай инвестирует в Россию? // *Международный дискуссионный клуб Валдай*. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu/ (дата обращения: 22.03.2018).

2-й Китайско-российский форум «Инвестиции в инновации» // *Министерство коммерции КНР*. URL: http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201706/20170602595175.shtml (дата обращения: 22.03.2018).

Пресс-релиз // *Группа «Новолипецкий металлургический комбинат»*. URL: https://nlmk.com/ru/media-center/news-groups/nlmk-engineering-and-chinese-wisdri-sign-cooperation-agreement/ (дата обращения: 09.04.2018).

Новости // *НПК «Интеграл»*. URL: http://integral-russia.ru/2018/01/11/16108/ (дата обращения: 09.04.2018).

Пресс-релиз // *Портал «Медицина и здоровье»*. URL: http://medici.ru/text/101617.html (дата обращения: 09.04.2018).

Китайская металлургия переедет в Приморский край. // *Ведомости*. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/12/21/746039-kitaiskaya-metallurgiya (дата обращения: 09.04.2018).

Дальний Восток: механизмы поддержки инвесторов. // *КПМГ*. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/10/ru-ru-far-east-support-mechanisms-for-investors.pdf (дата обращения: 09.04.2018).

Статистика ПИИ в КНР. // *Национальное бюро статистики Китая*. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm (дата обращения: 09.04.2018).

Взгляд с той стороны: как России привлечь китайские инвестиции? // *Forbes*. URL: http://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/348085-vzglyad-s-toy-storony-kak-rossii-privlech-kitayskie-investicii (дата обращения: 09.04.2018).

Шелковый путь XXI века // *Эрнст энд Янг*. URL: http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-china-outbound-investment-report-rus/$FILE/EY-china-outbound-investment-report-rus.pdf (дата обращения: 09.04.2018).

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СВЕТЕ ОФИЦИАЛЬНОГО ВИЗИТА ПРЕЗИДЕНТА РФ В. В. ПУТИНА В ЯПОНИЮ В ДЕКАБРЕ 2016 ГОДА: ДВА ГОДА СПУСТЯ

М. И. Крупянко, Л. Г. Арешидзе*

Статья посвящена анализу официального визита президента РФ В. В. Путина в Японию в декабре 2016 г. и практической реализации его итогов. Визит продемонстрировал наличие у сторон различных подходов к обеспечению региональной безопасности. Москва и Токио сохраняют недоверие друг к другу, и принятие позиции другой стороны по спорным территориальным вопросам невозможно. При этом лидеры обеих стран в подтвердили, что отсутствие мирного договора на протяжении более 70 лет после окончания Второй мировой войны – явление ненормальное и потребуются немалые усилия с обеих сторон для того, чтобы изменить ситуацию.
Ключевые слова: Япония, Россия, Северные территории, В. В. Путин, территориальные споры, спорные территории, российско-японские отношения.

TERRITORIAL QUESTION IN RUSSIA–JAPAN RELATIONS IN LIGHT OF THE OFFICIAL VISIT OF RUSSIAN PRESIDENT V. V. PUTIN TO JAPAN IN DECEMBER 2016: TWO YEARS LATER

Mikhail I. Krupyanko, Liana G. Areshidze

The article analyzes President V. Putin's official visit to Japan in December 2016, and examines its practical results. The visit demonstrated the decision of both parties to remain independent in their politics toward each other, and highlighted the difference in approach to the problems of national security. Distrust and lack of confidence in each other persist, as well as grave difficulties in decision-making concerning the Kuril Islands territorial dispute. Meanwhile both leaders confirmed that failing to negotiate a peace treaty between Japan and Russia more than 70 years after the end of World War II was an abnormality, and required action.
Keywords: Japan, Russia, Northern Territories, V. Putin, territorial dispute, territorial question, Russia-Japanese relations.

Принимая у себя в декабре 2016 г. премьер-министра Японии Синдзо Абэ по случаю 75-й годовщины нападения японской императорской армии на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе, тогдашний президент США Барак Обама обратил внимание на то, что в мировой истории найдется немного случаев, когда два злейших противника по мировой войне после жестокого взаимного противостояния и истребления тысяч своих соотечественников, после атомной бомбардировки одной стороной городов другого государства – чтобы такие две страны сразу

* Михаил Иванович КРУПЯНКО, доктор политологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; info@japanesefirst.ru

Mikhail I. KRUPYANKO, DSc (Political science), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; info@japanesefirst.ru

Лиана Георгиевна АРЕШИДЗЕ, доктор исторических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки при МГУ, Москва, Москва; info@japanesefirst.ru

Liana G. ARESHIDZE, DSc (History), Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow; info@japanesefirst.ru

после окончания войны стали бы вдруг верными стратегическими союзниками[1]. Иными словами, американский президент дал недвусмысленно понять, что «войны заканчиваются, а бывшие заклятые враги могут при определенных исторических обстоятельствах становится надежными друзьями». Именно так произошло с США и Японией, лидеры которых после войны, подписав в 1951 г. японо-американский договор о гарантиях безопасности, на протяжении последующих 70-ти лет последовательно работали на укрепление союзнических отношений в самых различных областях, начиная от экономики и военной сферы и кончая политическими и гуманитарными связями.

К сожалению, отношения нашей страны с Японией на протяжении всей второй половины XX в. и первых десятилетий XXI в. развивались по прямо противоположному сценарию. Они были наполнены недоверием партнеров друг к другу, и это несмотря на то, что Советский Союз не сбрасывал на японцев атомной бомбы и не приносил народу этой страны столь опустошительных разрушений, как это делали американцы. После войны по вполне понятным причинам нам так и не удалось заключить с Японией союзнический договор, хотя бы отдаленно напоминавший японо-американский Договор безопасности. Мы не подписали с Японией даже мирного договора, который удовлетворял обе стороны и урегулировал бы оставшиеся после войны нерешенные проблемы в двусторонних отношениях. Выступая на пресс-конференции по итогам саммита АТЭС в Лиме 21 ноября 2016 г., президент РФ В. Путин заявил, что Россия готова обсуждать с Японией различные варианты решения проблемы спорных островов, так как отсутствие мирного договора между государствами является «анахронизмом прошлого», и что, вообще, необходимо прекратить «исторический пинг-понг» по данному вопросу и понять, что нужно окончательно урегулировать его, соблюдая интересы обеих сторон[2].

Очередной попыткой исправить такую «историческую ненормальность», стал официальный визит президента РФ В. Путина в Японию 15–16 декабря 2016 г., на который японская сторона возлагала большие надежды. Однако и на этот раз, несмотря на немалые усилия лидеров обеих стран, сторонам так и не удалось существенно продвинуться вперед в этом вопросе и выйти на подписание мирного договора, урегулировав двухсторонние отношения. И вновь, как это не раз бывало в прошлом в отношениях двух стран, камнем преткновения явилась невозможность найти взаимопонимание и консенсус по пограничному спору о принадлежности четырех островов Южно-Курильской гряды.

Территориальный спор между двумя странами в этом вопросе сводится к настойчивым попыткам нескольких поколений японских политиков вернуть российские Южные Курилы (по-японски –北方領土; *хоппо рёдо* – северные территории, включенные в состав СССР по итогам Второй мировой войны) под юрисдикцию Японии, т. е., фактически, отторгнуть эти территории от РФ. В одностороннем порядке Токио и сегодня настойчиво продолжает оспаривать у России право на острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группу островов Хабомаи. Территориальная проблема в отношениях Японии с Россией сводится к непризнанию японской стороной сложившихся после войны межгосударственных границ в районе Курильских островов и к выдвижению требований к Москве по их пересмотру в свою пользу.

Южные Курилы были заняты советскими войсками в августе-сентябре 1945 г. в ходе Курильской десантной операции. 14 августа 1945 г. Япония приняла условия о безоговорочной капитуляции. После подписания Акта о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. на острова Малой Курильской гряды (остров Шикотан был занят 1 сентября

[1] См. Премьер Японии Абэ прибыл с визитом на Гавайи // *BBC – Русская служба.* 27.12.2016. URL: http://www.bbc.com/russian/news-38440599 (дата обращения: 30.03.2018).

[2] См.: Путин заявил, что Россия и Япония ищут пути для заключения мирного договора // *РИА-Новости.* 21.11.2016. URL: https://ria.ru/world/20161121/1481757975.html (дата обращения: 30.03.2018); Абэ назвал работу России и Японии на Курилах шагом к мирному соглашению // *РБК.* 08.01.2017. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5871c7549a794737bd2e3618?from=newsfeed (дата обращения: 30.03.2018).

1945 г.) был высажен советский военный десант. Последняя высадка десанта была проведена 4 сентября 1945 г. на Лисьи острова. Военная операция советских войск на Южных Курилах проводилась в полном соответствии с условиями капитуляции Японии во Второй мировой войне.

После капитуляции Япония была оккупирована союзными войсками. 29 января 1946 г. был опубликован Меморандум №677 Главнокомандующего Союзных Держав генерала Дугласа Макартура, который гласил, что из состава территории Японии исключаются Курильские острова (японское название 千島列島; «Тисима рэтто»), группа островов Хабомаи (Хабомадзё) и остров Шикотан.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 г. на территории Южного Сахалина и Курильских островов была образована Южно-Сахалинская область в составе Хабаровского края. В Указе отмечалось, что с 20 сентября 1945 г. вся земля с ее недрами, лесами и водами на территории Южного Сахалина и Курильских островов являются государственной собственностью СССР. Административным центром Южно-Сахалинской области, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, стал город Тоёхара, переименованный в Южно-Сахалинск 4 июня 1946 г. Однако на основании другого Указа Президиума ВС СССР от 2 января 1947 г. Южно-Сахалинская область была ликвидирована, и ее территория была включена в состав Сахалинской области, выделенной в самостоятельную область РСФСР. Административным центром области стал Александровск-Сахалинский.

8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско был заключен мирный договор между Японией и странами-союзниками по антигитлеровской коалиции, согласно которому Япония, помимо других территориальных уступок, должна была отказаться от всех прав на Курильские острова и Южный Сахалин. Правда, согласно нынешней официальной позиции японских властей, острова Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи в состав Курильских островов (тех самых островов Тисима рэтто) «никогда не входили», а раз так, то Япония от них и не могла отказываться. Представители СССР на Сан-Францисской мирной конференции предложили внести в текст мирного договора уточнение о признании суверенитета СССР над Южным Сахалином и Курильскими островами, однако эти предложения советской делегации учтены не были, и поэтому СССР, Польша и Чехословакия договор не подписали. Договор не был также подписан представленными на конференции Бирмой, ДРВ, Индией, КНДР, КНР и МНР.

При этом в 1951 г. МИД Японии официально заявил, что под географическим понятием «Курильские острова» следует понимать острова Большой Курильской гряды (северная группа – острова Атласова, Шумшу, Парамушир, Анциферова, Маканруши, Онэкотан, Харимкотан, Чиринкотан, Экарма и Шианкотан, средняя группа островов – острова Райкокэ, Матуа, Расшуа, Ушишир, Кэтой, Симушир, Броутона, Черных Братьев, и южная группа – острова Уруп, Итуруп, Кунашир) и Малой Курильской гряды (острова Шикотан, Полонского, острова Осколки, Зеленый, Танфильева, Юрий, острова Дёмина и Анучина, объединенные общим названием Хабомаи). Дословно в Главе 11 Сан-Францисского мирного договора, где речь шла о территориях, было сказано следующее: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.»

Таким образом, согласно Сан-Францисскому мирному договору, с одной стороны, Япония отказывалась от прав на Курильские острова, а с другой, – США преднамеренно сохранили неопределенность в вопросе о принадлежности этих островов СССР после отказа от них Японии. При подготовке проекта договора США исходили из того, что если СССР согласится на подписание американского варианта и будет государством – участником Сан-Францисского мирного договора, то в этом случае Западу можно будет закрепить факт принадлежности Курильских островов за СССР и, таким образом, Ялтинские соглашения

были бы выполнены, и за СССР были бы признаны суверенные права на Курильские острова. Однако СССР отказался подписать Сан-Францисский мирный договор в американской редакции и тем самым стал аутсайдером в этой игре. Тем самым с помощью столь хитроумного американского проекта проблема принадлежности четырех Курильских островов юридически оказалась подвешенной и стала причиной раздора между Японией и Россией на многие десятилетия после окончания Второй мировой войны. Как продолжает утверждать японское руководство в наши дни, Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи в состав Курильских островов «никогда не входил, а стало быть, Япония от них и не отказывалась».

19 октября 1956 г. СССР и Япония подписали в Москве Советско-японскую Совместную декларацию, которая прекращала состояние войны между двумя странами и восстанавливала дипломатические отношения, а также фиксировала принципиальное согласие СССР на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан, при условии, что это может произойти только после заключения мирного советско-японского договора. Статья 9-я Совместной декларации гласила: «Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении Мирного Договора».

«При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, согласился на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией». «Острова Хабомаи» – это объединяющее японское название группы островов Хабомаи. Термин является производным от довоенного административно-территориального деления Японии, согласно которому до 1 апреля 1959 г. в Японии формально существовал уезд Хабомаи. В последние годы в российском обществе идет дискуссия о допустимости использования названия «Хабомаи» на русском языке. Так, в постановлении Сахалинской областной думы от 18 февраля 1999 г. отмечалось, что название Хабомаи было использовано в ряде российско-японских соглашений 1998 г., что привело к широкому использованию этого названия в российских средствах массовой информации. В постановлении Сахалинской думы было обращено внимание на письмо Межведомственной комиссии по географическим названиям РФ (МВК №2257 от 1 октября 1997 г.), а также на требования ст. 8, 11 Федерального закона «О наименованиях географических объектов» №152-ФЗ от 18 декабря 1997 г. Основываясь на этих документах, Сахалинская областная Дума потребовала считать недопустимым использование такого рода японских географических названий в российских официальных документах и средствах массовой информации.

Однако комментируя такого рода критику, министр иностранных дел России Игорь Иванов объяснял, что название «Хабомаи» было использовано «…в Совместной Декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 года, которая была ратифицирована Верховным Советом СССР и является действующим международным договором. Поскольку международные договоры имеют приоритет перед внутренним законодательством, название „Хабомаи“ в последующем неоднократно использовалось в официальных российско-японских документах»[3]. Летом 2006 г. Информационное Агентство «Sakh.com» в своих публикациях информировало о ситуации, когда использование название «Хабомаи» на веб-сайте было

[3] См. об этом: Пономарев С. А. Советско-японская Декларация 1956 года и проблемы национальной безопасности Российской Федерации // *Губернские ведомости. Южно-Сахалинск.* 19.09.2001. URL: http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/06/b21c4bf5becf45b38e48e28c2d44b8aeb3566f40.pdf (дата обращения: 30.03.2018).

признано административным правонарушением, за которое с руководителя сайта был взыскан штраф в размере 30 МРОТ (равный тогда 3 тыс. рублей)[4].

После подписания Совместной советско-японской декларации японские власти под давлением США отказались от подписания мирного договора с Советским Союзом. Вашингтон пригрозил тогда Японии, что в случае заключения мирного договора и отказа от претензий к СССР на острова Кунашир и Итуруп, американцы не вернут Японии архипелаг Рюкю с островом Окинава, который на основании Статьи 3 Сан-Францисского мирного договора находился тогда под управлением США. 19 января 1960 г. Япония подписала с США «Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности», продлив, тем самым, «Пакт безопасности», подписанный 8 сентября 1951 г., который являлся юридической основой для пребывания американских войск на японской территории. 27 января 1960 г. советское правительство заявило, что поскольку данное соглашение направлено против СССР и КНР, Москва отказывается рассматривать вопрос о добровольной передаче Японии обозначенных в Совместной декларации 1956 г. островов, поскольку это может привести к расширению территории, используемой американскими войсками.

С тех пор и вплоть до наступления «эры Горбачева» в середине 1980-х гг. Советский Союз в территориальном споре с Японией придерживался позиции, которая сводилась к тому, что «территориального вопроса в отношениях двух стран не существует». При этом, с тех пор и до настоящего времени вопрос о принадлежности Южной группы Курильских островов в составе Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи (в японской интерпретации – вопрос о «северных территориях» – хоппо рёдо) остается основным камнем преткновения в японо-российских отношениях.

С началом политики «перестройки» прежняя принципиальная позиция МИД СССР в этом вопросе стала меняться, не отличаясь последовательностью и принципиальностью. Уже в 1989–1991 гг. новое советское руководство уже не настаивало на прежних принципах в отношении территориального спора с Японией, и в результате, по сути, вообще признало наличие территориальных претензий со стороны последней в отношении СССР, что позволяет японской стороне постоянно расшатывать российскую позицию.

Вот в таких непростых политических условиях двусторонних отношений состоялся официальный визит президента В. Путина в Японию в декабре 2016 г. Изначально он анонсировался как исторический, который, наконец, приведет к подписанию столь долгожданного (на протяжении более 60 лет с момента подписания в 1956 г. Совместной Советско-японской декларации 1956 г. о прекращении состояния войны между двумя странами) мирного договора и решит все спорные вопросы в двусторонних отношениях, оставшиеся в наследство от прошлого.

Однако этого не произошло, несмотря на все видимые старания сторон «отчитаться» перед общественностью своих стран и перед мировой общественностью о состоявшемся «полезном, конструктивном и многообещающем диалоге лидеров Японии и России». В переговорах акцент был смещен в сторону совместного экономического освоения спорных территорий. Накануне саммита Москва и Токио утверждали, что «совместная хозяйственная деятельность» на Курилах позволит «приблизить подписание мирного договора», хотя такая постановка вопроса всегда выглядит сомнительной. Зато в ходе встречи лидеры обеих стран решали свои тактические задачи.

Накануне саммита в Японии, где Путин в качестве президента не был 11 лет и куда премьер Синдзо Абэ приглашал его с 2013 г., обе стороны старались хотя бы немного понизить уровень ожиданий от встречи. Перед саммитом премьер Абэ говорил журналистам, что решить застарелый территориальный вопрос, которому уже больше 70 лет, за «один присест» не удастся. То же самое говорил и помощник президента РФ Юрий Ушаков, да и

[4] См.: Крапивина Н. Стереть Хабомаи-2 // *Sakhalin.info. ИА Sakh.com.* 07.06.2006. URL: https://sakhalin.info/weekly/list36/36764/page2 (дата обращения: 30.03.2018).

сам В. Путин в интервью японским СМИ настолько подробно рассказал[5] о трудностях с заключением мирного договора, что стало понятно: никакого прорыва в ходе саммита по этому вопросу ждать не приходится, даже если российский лидер основательно «размокнет» в японских горячих источниках в Нагато.

Дипломатические жесты Абэ в сторону Путина стали неотъемлемой частью более широкой японской стратегии, конечной целью которой было вбить клин в отношения Москвы и Пекина, продемонстрировать российскому руководству готовность Японии выступить экономическим донором России в противовес Пекина, и хотя бы отчасти сбалансировать китайское влияние на Москву. Синдзо Абэ уже выстроил доверительные отношения с Индией как ядерной державой, способной надежно сдерживать Китай на Западе. И поэтому улучшение отношений с Россией, по его мнению, могло бы послужить недостающим компонентом нового формирующегося регионального баланса сил, в котором Китай не играл бы роль региональной сверхдержавы.

Разумеется, попытки Токио выстроить доверительные отношения с Москвой были направлены не только на сдерживание Китая. Приглашая Путина в Японию, Абэ, естественно, намеревался также подписать мирный договор и добиться от России возвращения четырех островов Южно-Курильской гряды. В обмен за острова Абэ был готов пообещать России экономическую помощь, инвестиции в развитие российского Дальнего Востока и крупные энергетические сделки.

Однако на пути у японского премьера в вопросах расширения экономических связей с Москвой стояли сложные преграды, преодолеть которые непросто. Во-первых, это касается участия Японии в возглавляемом США режиме санкций, введенных странами Запада против России после т. н. «аннексии» Крыма.

Во-вторых, президент Путин официально называл участие Японии в антироссийских санкциях серьезной преградой на пути к заключению мирного договора, преодолеть которую для последней означало бы серьезно осложнить союзнические отношения с США. В ответ на «жесты доброй воли» с противоположным знаком со стороны Абэ президент Путин пытался обеспечить «успех» на японском направлении бескомпромиссной дипломатией и отдал распоряжение усилить национальную оборону на четырех спорных островах, заявив при этом японским СМИ, что «у России нет территориальных проблем с Японией». В ноябре 2016 г. Россия разместила на Курильских островах Итуруп и Кунашир береговые ракетные комплексы «Бастион» и «Бал», о чем сообщила газета Краснознаменного Тихоокеанского флота России «Боевая вахта»[6].

Как и следовало ожидать, власти Японии резко выступили против столь недружественного шага российского руководства. Однако Москва продолжила игнорировать протесты японской стороны. Никакой информации о территориальной проблеме не последовало после встречи секретарей Советов безопасности России и Японии Николая Патрушева и Сётаро Яти 9 ноября 2016 г., 5 сентября и 13 декабря 2017 г.

14 декабря 2016 г. японская газета «Асахи симбун» подтвердила информацию о том, что вопрос о судьбе южных Курил обсуждался на ноябрьских переговорах Яти и Патрушева в Москве, при этом Яти не исключил возможность появления там американских баз. Отвечая на вопрос российской стороны о вероятности размещения американских военных баз на Курильских островах, в случае их передачи Японии, японский чиновник ответил: «Да, такая возможность существует»[7]. Слова Яти выглядели вполне реальными, поскольку при

[5] Интервью В. Путина телекомпании «Ниппон» и газете «Иомиури» // *Отдел редакции официального сайта Президента России*. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53455 (дата обращения: 30.03.2018).

[6] Гольц А. Россия разместила на Курилах новейшие береговые ракетные комплексы «Бал» и «Бастион» // *Боевая вахта*. 18.11.2016. URL: http://www.ng.ru/news/563113.html (дата обращения: 30.03.2018).

[7] Токио допускает появление на южных Курилах военной базы США в случае передачи их Японии // *Asahi Shimbun: В островной полемике с Японией Путин делает упор на Крым*. URL: https://russian.rt.com/inotv/2016-12-14/Asahi-Shimbun-V-ostrovnoj-polemike (дата обращения: 30.03.2018).

установлении японского суверенитета над островами они автоматически подпадали под договор о гарантиях безопасности между США и Японией.

Таким образом, Москва и Токио, посылая друг другу «дружеские» сигналы, каждая со своей стороны давали понять, что никто не испытывает большой заинтересованности и желания подписывать мирный договор. При этом каждый из партнеров решал свои задачи и, по сути, прилагал усилия для того, чтобы мирный договор не был подписан. Токио был заинтересован продемонстрировать упрямство Москвы и ее «недоговороспособность», а Москва, в свою очередь, хотела показать мировой общественности, что мирный договор и все разговоры о возврате островов нужны японцам только для того, чтобы «запустить» туда американцев и ослабить безопасность России.

В то же время нельзя не видеть, что так называемая «совместная экономическая деятельность» на спорных Курильских островах, о которой так много говорили на саммите лидеры обеих стран, является не столь однозначно выгодной для российской стороны. Дело в том, что истинной целью Токио в экономическом сотрудничестве с Россией неизменно остается добиться сначала удовлетворения своих территориальных претензий к России. Москва уже однажды допустила ошибку, которая, как говорят французы, была больше, чем преступление, подписав 15 сентября 2010 г. Договор с Норвегией о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане[8].

Несмотря на протесты ученых и экспертов, Госдума РФ с помощью парламентского большинства «Единой России» ратифицировала тогда договор о передаче Норвегии сектора Баренцева моря с богатейшими биоресурсами и полезными ископаемыми[9]. Тогда в результате столь «щедрого подарка» к Норвегии отошли территории, в недрах которых залегали месторождения углеводородов объемом в 565 млн. кубометров, что в нефтяном эквиваленте равнозначно почти 1,9 млрд баррелей, из которых на долю нефти приходилось не менее 15 процентов.

В случае же с совместным экономическим освоением Курил речь может идти о запуске процесса ползучей сдачи всех южных островов Курильской гряды. Экономически более активная и финансово богатая Япония легко за несколько лет приберет к рукам всю экономику островов, заселит их колонистами и даже при сохранении на первых порах формального суверенитета России превратит их в свои земли. Сценарии такого развития событий в новом миропорядке, этой «ползучей аннексии» уже хорошо были отработаны на примере «отделения Косово» из состава Югославии. При этом задача гуманитарной интервенции – выдавить или растворить гражданское население путем уничтожения повседневного уклада, культурных и материальных ценностей, стерилизовать идентичность, бытовой код. В Японии, хотя и были внешне недовольны результатами визита В. Путина, ибо так и не произошло долгожданного официального «возвращения» островов под японскую юрисдикцию, последствия «совместного экономического освоения» территорий хорошо понимают, принимают и могут согласиться на растянутое по времени превращение южных Курил в японские владения.

В том, что развитие событий пойдет именно в этом направлении, японцев усиленно убеждает их премьер-министр Синдзо Абэ. В отличие от помощника президента Ю. Ушакова, делающего акцент на том, что совместная деятельность будет вестись строго по российским законам, Абэ утверждает, что по личной договоренности с Путиным речь пойдет о совместной экономической деятельности на южных Курилах в рамках какой-то новой «особой системы». По сообщениям из Токио, в телевизионном интервью сразу после

---

[8] Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (Мурманск, 15 сентября 2010 г.) опубликован в Собрании законодательства РФ от 11.07.2011. №28, ст. 3997.

[9] Гудев П. Договор об уступках // *Однако*. URL: http://www.odnako.org/magazine/material/dogovor-ob-ustupkah/ (дата обращения: 30.03.2018); Договор между РФ и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане // *Президент России*. 15.09.2010. URL: http://kremlin.ru/supplement/707 (дата обращения: 30.03.2018).

завершения визита глава японского правительства объявил, что речь идет о чем-то «беспрецедентном». По его словам, «совместная экономическая деятельность на островах будет вестись вне рамок японского или российского законодательства, чтобы не ставить под сомнение позиции двух стран»[10].

В связи с этим напомним скрытую от общественности «беспрецедентную» сделку российских и японских дипломатов в 1985 г. по поводу разрешения японским рыбакам вести лов даже не в 200-мильной экономической зоне России, а в ее территориальных водах. Об этой нарушавшей российское законодательство сделке рассказывал один из ее инициаторов, в прошлом посол РФ в Японии А. Панов. Он заявил: «Японцы прямо не признают суверенитет России над Курилами и поэтому могут потребовать особых экономических зон со своими правилами. Это вполне возможно. Не теряя своего лица, обе стороны могут согласиться на такое экономическое сотрудничество… Примерно так же мы сделали, когда договорились о так называемом промысле японцев возле этих островов. Тогда Россия фактически пошла на изменение своего законодательства, хотя это не афишировалось официально, о том, что японские рыбаки могут осуществлять рыболовство в территориальных водах этих островов. Ни одно государство фактически не разрешает осуществлять рыболовство в своих территориальных водах»[11].

В итоге саммита, как и следовало ожидать, существенных сдвигов в территориальном споре не произошло, а в своих публичных комментариях и В. Путин, и С. Абэ старались обходить эту тему как можно аккуратнее. Зато стороны постарались показать, что отсутствие прорывов по территориальному вопросу с лихвой компенсировано «рывком» в экономическом сотрудничестве. В ходе декабрьского 2016 г. визита В. Путина в Японию было подписано целых 68 документов, из которых 56, правда, пришлось на договоренности между компаниями и организациями. Большая часть этих документов – меморандумы о намерении и взаимопонимании, что, впрочем, не должно удивлять. Японский премьер Абэ предложил программу экономического сотрудничества по восьми направлениям еще на майской 2016 г. встрече в Сочи. План предусматривал помощь России в развитии инновационных сфер. В частности, он предусматривал строительство заводов по переработке сжиженного газа, портов, аэропортов, больниц и других объектов инфраструктуры, и, в первую очередь – на Дальнем Востоке. План был официально обнародован заранее с тем, чтобы к декабрьскому 2016 г. визиту В. Путина в Японию у бизнесменов и чиновников было около полугода, в течение которых, если бы у них была бы заинтересованность, они могли бы продвинуться вперед.

Путин ничем тогда не рисковал: он сохранил суверенитет на Курилы за Россией, он договорился с японскими инвесторами о создании дополнительных рабочих мест на островах, даже если они и не принесут новые налоги, да и китайские предприниматели «взбодрятся», увидев, что их позиции, как главного партнера России на Дальнем Востоке, постепенно уходят к японцам.

Власти Японии по итогам декабрьских 2016 г. переговоров с президентом Путиным ставили своим дипломатам в вину, что японская делегация так и не сумела выйти на заключение мирного договора с Россией. Не удивительно, что сразу после завершения переговоров японские СМИ оперативно опубликовали данные социологического опроса. Согласно опросам общественного мнения, проведенным японским агентством *Kyodo*, большинство японцев (54,3%) негативно оценивали итоги переговоров премьер-министра страны Синдзо Абэ с президентом России Владимиром Путиным. Положительную оценку

[10] См. об этом: Владимир Путин и Синдзо Абэ договорились о совместной хозяйственной деятельности России и Японии на Курилах. // *Первый канал.* 16.12.2016. URL: http://www.1tv.ru/news/2016/12/16/316224-vladimir_putin_i_sindzo_abe_dogovorilis_o_sovmestnoy_hozyaystvennoy_deyatelnosti_rossii_i_yaponii_na_kurilah (дата обращения: 30.03.2018).

[11] Кошкин А. Троянский конь на Курилах. «Бойтесь данайцев, дары приносящих» // *Regnum.* 17.12.2016. URL: https://regnum.ru/news/polit/2218837.html (дата обращения: 30.03.2018).

итогам переговоров дали тогда 38,7% респондентов. Во время подготовки визита ожидалось, что Путин и Абэ примут важные решения по заключению мирного договора между странами, а также четко обозначат пути разрешения проблемы Курильских островов, территориальную принадлежность которых оспаривает Япония. Однако ничего этого не произошло.

А произошло то, что российские власти стали быстрыми темпами наращивать военный потенциал сдерживания на территории Южно-Курильских островов. Уже 22 февраля 2017 г., т. е. спустя всего два месяца после окончания визита Путина в Японию, выступая на Парламентском часе в Госдуме, российский министр обороны Сергей Шойгу заявил, что в 2017 г. Россия разместит на Курильских островах одну дивизию. Он также напомнил, что Министерство обороны в 2018 г. также планирует укрепить Чукотское направление и расквартирует там новую дивизию. Министр отметил, что еще в июле 2015 г. Минобороны РФ приняло решение создать единую систему береговой обороны от Приморья до Арктики «для обеспечения контроля проливных зон Курильских островов и Берингова пролива», а также для «повышения боевой устойчивости морских стратегических ядерных сил при выполнении поставленных задач»[12].

7 февраля 2018 г. в «день северных территорий» были проведены военные учения РФ по отражению высадки на острова условного противника. В учениях приняли участие более 2 тыс. военнослужащих, а также 500 единиц техники. Заголовок одной из российских газет гласил: «Российский спецназ ответил на претензии японцев относительно Курил». В российских СМИ сообщалось, что «в ответ на японский митинг, участники которого заявили о принадлежности южных Курил Японии, российские военные подняли над Кунаширом российский флаг». Причем информационное издание «Русская весна» уточняло, что «большой флаг» был водружен на юге острова Кунашир. Заметим, что южная оконечность Кунашира в ясную погоду хорошо просматривается с японского острова Хоккайдо. Понимая подоплеку учений, МИД Японии словами своего министра заявил российскому правительству протест.

В чем состоит итог полутора лет после декабрьских 2016 г. двусторонних переговоров на высшем уровне?

Японская сторона, кажется, сделала для себя вывод, что с русскими все же можно «договориться», немного надавив, немного пообещав инвестиции, а в итоге – разрешить проблему заключения мирного договора «компромиссной основе». Однако следует отметить, что реальность наших отношений такова, что ее никакими хитроумными шагами, вроде «совместного хозяйствования на островах», организации безвизового обмена и другими приемами в обозримом будущем изменить не получится.

Российская сторона, сделав предложения и не получив ясных сигналов об изменении позиции Токио, ускоренными темпами стала наращивать силовой потенциал на Южно-Курильских островах, не обращая внимания на протесты. Так, в феврале 2018 г. стало известно, что премьер-министр РФ Д. Медведев подписал распоряжение об использовании гражданского аэродрома на Итурупе для военных нужд[13]. Однако в Токио отметили, что размещение российской военной авиации на оспариваемом Японией острове Итуруп может привести к укреплению военного потенциала России на спорных территориях Курил. Японское посольство в Москве обратило внимание Кремля на то, что решение российского правительства разместить части ВВС Минобороны на оспариваемом Токио острове Итуруп «противоречит позиции Японии в отношении сугубо мирного использования данного

[12] См. об этом: В Москве состоялось заседание Коллегии Министерства обороны России // *Министерство обороны РФ*. 23.08.2016. URL: https://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=12093516@egNews (дата обращения: 30.03.2018).

[13] Правительство разрешило Минобороны использовать аэропорт на острове Итуруп // *ТАСС*. 02.02.2018. URL: http://tass.ru/armiya-i-opk/4921652 (дата обращения: 30.03.2018).

острова»[14]. «Мы считаем, что данное событие может привести к укреплению военной силы России на четырех островах, и это противоречит позиции Японии об этих островах», – говорится в сообщении. Для «фундаментального урегулирования подобных проблем» необходимо «решение самой территориальной проблемы», заявили в посольстве. Япония и впредь намерена вести переговоры с Россией, «чтобы заключить мирный договор путем решения вопроса принадлежности этих островов», уверяет японское дипломатическое учреждение.

Распоряжение премьер-министра Дмитрия Медведева, которое разрешало использовать гражданский аэропорт на острове Итуруп на Курилах самолетам Минобороны, было опубликовано 2 февраля 2018 г. В документе говорится, что гражданский объект станет аэродромом «совместного базирования» с Минобороны России. Аэропорт «Ясный» на острове Итуруп был открыт в 2014 г. Имущественным комплексом аэропорта с марта 2017 г. распоряжается правительство Сахалинской области. В 2017 г. также стало известно, что Россия разместила на Курилах дивизию и строит на острове Матуа новую военную базу.

Японские власти не раз выражали протест против усиления военного присутствия России на островах Курильской гряды, однако Кремль игнорировал эти протесты, заявляя в свою очередь, что это делается в целях обороны. Вместе с тем, как заявил в марте 2018 г. глава МИД РФ С. Лавров в интервью вьетнамским и японским СМИ, «власти США стремятся последовательно обесценить ядерный потенциал России». «Глобальная система противоракетной обороны создается не для парирования угроз, исходящих от Ирана и Северной Кореи, а для того, чтобы окружить Российскую Федерацию по всему периметру», – уточнил министр. И Япония оказывает Америке в этом вопросе неоценимую услугу, предоставляя свою территорию для размещения современных ПРО. Как стало известно, в середине декабря 2017 г. власти Японии подтвердили установку в стране двух комплексов американской противоракетной обороны Aegis Ashore. Стоимость комплексов, которые Токио закупил в США, составляет около 1,8 млрд. долларов.[15]

Таким образом, после исторической встречи премьер-министра Синдзо Абэ и президента В. Путина в декабре 2016 г. каждая из сторон реализует свой план: Япония старается заинтересовать Москву очередными торгово-экономическими предложениями, создавая при этом дополнительную конкуренцию Китаю на российском рынке, а Москва быстро развертывает на дальневосточных границах с Японией современный ракетный потенциал, чтобы помешать американцам полностью «обесценить ядерный потенциал РФ». Нельзя исключать, что уступки по Курилам Москва уже пообещала Токио, японская сторона ждала только итогов выборов 2018 г., когда легитимность власти Путина будет в очередной раз подтверждена. Но после закрытия избирательных участков 18 марта, ни в Москве, ни в Токио не наблюдается никакого потепления в отношениях.

Никакого курса у Японии на выстраивание отношений с Россией нет, не было и не будет. Все, что Токио «необходимо» от России, – выбить сделку по Курилам. Ради этого возможно лишь ограниченное сотрудничество. У Японии есть экономические интересы в регионе, и свои интересы она пытается продавать, как можно дороже. Россия же дает понять, что сделка может быть реализована, если Япония будет эффективно вкладываться в российскую экономику. Позиция Москвы заключается в следующем – давайте инвестируйте, а потом посмотрим на перспективы нашего сотрудничества. Публично официальный Токио в обмен на территориальные уступки готов обещать российскому руководству «вечный мир и вечную дружбу» вкупе с широким экономическим сотрудничеством. Однако, Токио всегда

[14] Цугумаса Утихата. Путин 4.0. РФ и КНР расшатывают миропорядок // *Санкэй симбун*. 03.02.2018. URL: https://inosmi.ru/politic/20180405/241902871.html (дата обращения: 30.03.2018).

[15] Лавров заявил о стремлении США обесценить ядерный потенциал России // *РБК*. 17.03.2018. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aac82459a794743ced3f64f?from=newsfeed (дата обращения: 30.03.2018); http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3126672 (дата обращения: 30.03.2018).

будет оглядываться на Вашингтон. Поздравляя Путина в победой на выборах 19 марта 2018 г., премьер-министр Абэ не удержался и поддержал раскручиваемый Западом скандал с отравлением в Британии, призвав установить конкретные факты по делу об отравлении бывшего российского разведчика Скрипаля в Лондоне[16]. При этом Япония не поддержала предложение России о совместном расследовании «дела Скрипаля» на заседании ОЗХО в ООН 4 апреля 2018 г.

Поведение японских властей на российском направлении сегодня вполне укладывается в закономерности нового мирового порядка, который не отличается ни справедливостью, ни устойчивостью. Несправедливость мироустройства выражается в том, что монопольное право на истину присвоено группой государств во главе с США и их стратегическими союзниками, включая и Японию. Это ставит все другие суверенные государства перед выбором – либо присоединиться к ним, либо оставаться в оппозиции. Неустойчивость нового миропорядка обусловлена тем, что вторую по могуществу ядерную державу, Россию, исключили из числа держав, имеющих равный голос в международных делах, как одну из стран-победительниц во Второй мировой войне. Следствием этого стало то, что деятельность одних международных институтов (ООН, ОБСЭ и даже ОЗХО) оказалась парализована, тогда как другие (Международный валютный фонд, Мировой банк, ВТО) превратились в инструменты внешней политики США и их союзников. Деградация нового миропорядка перешла в неконтролируемую фазу, особенно после марта 2014 г., когда Россия вернула Крым под свою юрисдикцию, разрушив тем самым монополию Запада в решении международных вопросов.

В новом миропорядке применяемость всех прежних «теорий стабильности» оказалась существенно ограниченной, в силу того что после разрушения биполярного мира обнаружился качественный и количественный рост новых факторов, влияющих на безопасность государства в системе международных отношений (использование кибероружия, международный терроризм), а с другой стороны, исчезли четкие критерии, разграничивающие применение во внешней политике государства инструментов «мягкой» или «жесткой силы». Неоклассические попытки наложить методы изучения внешней политики государства по Кеннету Уольцу на современные теории безопасности не позволяют выявить устойчивые закономерности. На передний план выходят концепции, делающие упор на фактор непредсказуемых случайностей, как важнейшего драйвера международной политики. Именно они и будут определять российско-японский территориальный спор в среднесрочной перспективе, пока не начнется новая разрядка, или карты не будут «сданы по новой» после нового большого перелома в структуре международных отношений, какие случались в 1918–1939 и 1945–1991 гг.

Литература /References

Электронные ресурсы

Абэ назвал работу России и Японии на Курилах шагом к мирному соглашению // *РБК*. 08.01.2017. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5871c7549a794737bd2e3618?from=newsfeed (дата обращения: 30.03.2018).

В Москве состоялось заседание Коллегии Министерства обороны России // *Министерство обороны РФ*. 23.08.2016. URL: https://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=12093516@egNews (дата обращения: 30.03.2018).

Владимир Путин и Синдзо Абэ договорились о совместной хозяйственной деятельности России и Японии на Курилах // *Первый канал*. 16.12.2016. URL: http://www.1tv.ru/news/2016/12/16/316224-vladimir_putin_i_sindzo_abe_dogovorilis_o_

[16] См.: Премьер-министр Японии поздравил Путина с победой на выборах // *Мир-24*. 19.03.2018. URL: https://mir24.tv/news/16296679/premer-ministr-yaponii-pozdravil-putina-s-pobedoi-na-vyborah (дата обращения: 30.03.2018).

sovmestnoy_hozyaystvennoy_deyatelnosti_rossii_i_yaponii_na_kurilah (дата обращения: 30.03.2018).

Гольц А. Россия разместила на Курилах новейшие береговые ракетные комплексы «Бал» и «Бастион» // *Боевая вахта*. 18.11.2016. http://www.ng.ru/news/563113.html (дата обращения: 30.03.2018).

Гудев П. Договор об уступках // *Однако*. URL: http://www.odnako.org/magazine/material/dogovor-ob-ustupkah/_(дата обращения: 30.03.2018).

Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане // *Президент России*. 15.09.2010. URL: http://kremlin.ru/supplement/707 (дата обращения: 30.03.2018).

Интервью В. Путина телекомпании «Ниппон» и газете «Иомиури» // *Отдел редакции официального сайта Президента России*. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53455 (дата обращения: 30.03.2018).

Кошкин А. Троянский конь на Курилах. «Бойтесь данайцев, дары приносящих» // Regnum. 17.12.2016. URL: https://regnum.ru/news/polit/2218837.html (дата обращения: 30.03.2018).

Крапивина Н. Стереть Хабомаи-2 // *Sakhalin.info. ИА Sakh.com*. 7 июня 2006. URL: https://sakhalin.info/weekly/list36/36764/page2 (дата обращения: 30.03.2018).

Лавров заявил о стремлении США обесценить ядерный потенциал России // *РБК*. 17.03.2018. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aac82459a794743ced3f64f?from=newsfeed (дата обращения: 30.03.2018).

Пономарев С. А. Советско-японская Декларация 1956 года и проблемы национальной безопасности Российской Федерации // *Губернские ведомости. Южно-Сахалинск*. 19.09.2001. URL: http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/06/b21c4bf5becf45b38e48e28c2d44b8aeb3566f40.pdf (дата обращения: 30.03.2018).

Правительство разрешило Минобороны использовать аэропорт на острове Итуруп // *ТАСС*. 02.02.2018. URL: http://tass.ru/armiya-i-opk/4921652 (дата обращения: 30.03.2018).

Премьер Японии Абэ прибыл с визитом на Гавайи // *BBC – Русская служба*. 27.12.2016. URL: http://www.bbc.com/russian/news-38440599 (дата обращения: 30.03.2018).

Премьер-министр Японии поздравил Путина с победой на выборах // *Мир-24*. 19.03.2018. URL: https://mir24.tv/news/16296679/premer-ministr-yaponii-pozdravil-putina-s-pobedoi-na-vyborah (дата обращения: 30.03.2018).

Путин заявил, что Россия и Япония ищут пути для заключения мирного договора // *РИА-Новости*. 21.11.2016. URL: https://ria.ru/world/20161121/1481757975.html (дата обращения: 30.03.2018)

Россия разместит военную авиацию на острове Итуруп. Права на него заявляет Япония // *Медуза*. 1.02.2018. URL: https://meduza.io/news/2018/02/01/rossiya-razmestit-voennuyu-aviatsiyu-na-ostrove-iturup-prava-na-nego-zayavlyaet-yaponiya_(дата обращения: 30.03.2018).

Россия устанавливает ракеты вблизи Японии // *Mandiner*. URL: http://mandiner.hu/cikk/20161123_oroszorszag_raketakat_telepit_japan_kozeleben, 23.11.2016 (дата обращения: 30.03.2018).

СМИ узнали о сближении военного самолета НАТО с российским лайнером // *РБК*. 05.01.2017. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/01/2017/586dfd1e9a79471023eb6e63 (дата обращения: 30.03.2018).

Токио допускает появление на южных Курилах военной базы США в случае передачи их Японии // *Асахи симбун,* 14.12.2016. URL: https://www.asahi.com/ (дата обращения: 30.03.2018).

Цугумаса Утихата. Путин 4.0. РФ и КНР расшатывают миропорядок // *Санкэй симбун*. 03.02.2018. URL: https://inosmi.ru/politic/20180405/241902871.html (дата обращения: 30.03.2018).

Шойгу заявил о размещении дивизии на Курилах в 2017 году // *РБК*. 22.02.2017. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58ad85619a7947637b87ae4e (дата обращения: 30.03.2018).

ЯПОНИЯ И РОССИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О. А. Ледовская, Т. Н. Устинова*

В статье рассматриваются перспективы и тенденции российско-японского экономического и культурного сотрудничества в 2016–2018 гг. Внимание уделяется особенностям развития двусторонних российско-японских отношений в эпоху антироссийских санкций. Авторы также рассматривают сотрудничество отдельных японских компаний непосредственно с компаниями и предприятиями российского Дальнего Востока как значимый фактор экономических отношений России и Японии, и пытаются определить, что тормозит их быстрое развитие. В качестве примера рассматривается строительство комбината по производству сжиженного газа на полуострове Ямал российской компанией «Новатэк» при сотрудничестве с японскими компаниями "JGC" и "Chiyoda".

Ключевые слова: российско-японские отношения, санкции, экономическое сотрудничество, культурное сотрудничество.

CURRENT PERSPECTIVES FOR ECONOMIC AND CULTURAL COOPERATION BETWEEN JAPAN AND RUSSIA

Olga A. Ledovskaya, Taisiya N. Ustinova

The article considers trends and prospects of economic and cultural relations between Russia and Japan in 2016–2018. Authors pay special attention to the development of Russian-Japanese relationships at the stage of sanctions against Russia. The article focuses on the direct cooperation between Japanese banks and companies and Russian industrial enterprises and companies in the Far Eastern region of Russia and emphasizes the main reasons that hinder stable and efficient development of bilateral economic projects. The construction by the Russian company *Novatek* and Japanese companies *JGC* and *Chiyoda* of large gas liquefaction complex in Yamal can be mentioned as an example of such cooperation.

Keywords: Russian-Japanese relations, sanctions, economic cooperation, cultural cooperation.

Несмотря на отсутствие официального мирного договора и решения по так называемым территориальным проблемам, в период с 2010 по 2013 гг. российско-японские отношения развивались довольно успешно. Однако в 2014 г. Япония под влиянием США присоединилась к антироссийским санкциям, в результате чего напряженность между нею и Россией возросла.

В результате введения санкций было объявлено о замораживании средств на новые проекты в России в соответствии с политикой Европейского банка реконструкции и развития, сотрудничество в области освоении космоса и соглашение о предотвращении так называемой опасной военной деятельности. Тогда же были приостановлены российско-японские консультации по облегчению визового режима, а также отложены переговоры по ряду совместных проектов. В частности, на неопределенный срок был отложен проект создания «Дальневосточного СПГ» – завода по сжижению газа на ресурсной базе проекта

* Ольга Андреевна ЛЕДОВСКАЯ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; oaled@yandex.ru

Olga A. LEDOVSKAYA, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; oaled@yandex.ru

Таисия Николаевна УСТИНОВА, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; info@vostokoved.ru

Taisiya N. USTINOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; info@vostokoved.ru

«Сахалин-1»[1]. 29 апреля 2014 г. МИД Японии опубликовал на своем сайте заявление о поддержке санкций и обнародовал свои действия: «Япония приостанавливает выдачу виз 23 российским гражданам, причастным к нарушению суверенитета и территориальной целостности Украины»[2]. В августе 2014 г. список граждан был расширен до 40, а также под санкции попали две крымские компании: «Черноморнефтегаз» и «Феодосия».

Что касается замораживания японских инвестиций – то это не оказало существенного влияния на российскую экономику, поскольку суммы этих инвестиций не были значительными и до санкций. В то же время надо отметить, что с 2016 г. наблюдается рост инвестиций из Японии в российскую промышленность. В частности, Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и японский JBIC создают совместный инвестфонд с общим объемом 1 млрд. долл. Об этом сообщил глава РФПИ К. Дмитриев. Он подчеркнул, что фонд будет играть ключевую роль в финансировании совместных российско-японских инвестиционных проектов[3]. 16 декабря 2016 г. в Токио состоялось подписание пакета документов об инвестициях РФПИ и JBIC, на подписании присутствовал Президент России В. В. Путин. Совместный вклад в Фонд составит до 500 млн. долл. с каждой стороны.[4]

Характерно, что после введения санкций против России в 2014 г. в энергетическом и финансовых секторах, введен запрет на поставку современного оборудования в таких отраслях, как разведка и добыча глубоководной и сланцевой нефти, ограничен доступ к мировым рынкам капитала и иностранным инвестициям, и адресные санкции против конкретных российских нефте- и газодобывающих предприятий – экономические отношения между Токио и Москвой не претерпели существенных изменений, поскольку добываемые в дальневосточном регионе России энергоресурсы составляют существенную часть импортируемого Японией стратегического сырья.

Необходимо отметить, что в Японии не скрывают, что санкции против России принимались под давлением США. Об этом заявил губернатор Токио Ё. Масудзоэ во время визита в Томск. Губернатор подчеркнул: «Япония в области обеспечения безопасности зависит от США в отношении Китая и Северной Кореи. У нас проблемы вокруг нашей страны, что обусловливает необходимость опираться на военные возможности Соединенных Штатов Америки. Нам очень хотелось бы, чтобы российский народ узнал ситуацию, о том, что подталкивает Японию».[5]

Японии – энергозависимому государству, имеющему в приоритете собственные национальные и геостратегические интересы, выгодно сотрудничество с Россией. С одной стороны, это экономическая выгода, которая заключается, в частности, в том, что транспортировка нефти с Сахалинского шельфа происходит значительно быстрее, чем ее доставка с Ближнего Востока, которая к тому же проходит через небезопасный Малаккский пролив[6]. С другой стороны, что для Японии, возможно, даже более важно, – это геополитическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и ее собственная роль как одного из ключевых игроков в АТР. В частности, Японию беспокоят активно развивающиеся отношения России и Китая. Это во многом обосновано ее геополитическим положением и историей японо-китайских отношений в XX в. Лидеры Японии и Китая С. Абэ и Си Цзиньпин демонстрируют прохладные отношения между ними. Япония всерьез

[1] Какие проекты сорвались из-за антироссийских санкций // *CFO Russia*. URL: https://www.cfo-russia.ru/issledovaniya/index.php?article=17789 (дата обращения 13.04.2018).

[2] Statement by the Minister for Foreign Affairs of Japan on the Sanctions against Russia over the situation in Ukraine // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: http://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_000281.html (дата обращения 18.03.2018).

[3] *Эксперт Online*. 14.04.2018. URL http://expert.ru/2016/12/16/investitsii/ (дата обращения 14.04.2018).

[4] *Российский фонд прямых инвестиций*. 16.12.2016. URL https://rdif.ru/fullNews/1981/ (дата обращения 15.04.2018).

[5] *Информационное агентство Регнум*. 4 сентября 2014 г. URL https://regnum.ru/news/1844077.html (дата обращения 10.04.2018).

[6] Япония отказывается от ближневосточной нефти в пользу России. Из-за пиратов // *НСН*. 26.01.2016. URL: http://nsn.fm/economy/yaponiya-otkazyvaetsya-ot-blizhnevostochnoy-nefti-v-polzu-rossii-iz-za-piratov.php (дата обращения 16.03.2018).

опасается заключения между Россией и Китаем полноценного военного союза, который, безусловно, рассматривается японской стороной как угроза собственной безопасности. Тот факт, что Китай активно пытается привлечь Россию на свою сторону в давнем двустороннем территориальном споре об островах Сэнкаку, также является для Японии раздражающим фактором.

То же самое можно сказать и об отношении Японии к развитию сотрудничества России с Южной и Северной Кореей на фоне того, что двусторонние отношения Японии с обоими государствами являются непростыми. Озабоченность у Японии вызвало сделанное в январе 2017 г. заявление руководителя КНДР Ким Чен Ына о продолжении наращивания военной мощи КНДР и провозглашение им статуса Северной Кореи как военной державы, обладающей ядерным оружием [7]. Особую тревогу вызывают слова руководства КНДР о необходимости испытания межконтинентальной баллистической ракеты, после чего в феврале и марте 2017 г. последовали запуски этих ракет, одна из которых упала в опасной близости от территории Японии. После появления информации о возможной встрече Дональда Трампа и Ким Чен Ына весной 2018 г., Япония проявляет осторожный оптимизм, по-прежнему рассчитывая в основном на военно-политический союз с Соединенными Штатами[8]. Также Япония понимает уровень влияния России на КНДР, что в этой связи также является значимым фактом в процессе двустороннего японо-российского сотрудничества.

В этих условиях Японии приходится, с одной стороны, лавировать между необходимостью поддержки санкций против России для подтверждения единой позиции с Соединенными Штатами и странами ЕС, и стремлением развивать экономическое и культурное сотрудничество с Россией – с другой.

С середины 2015 г. в отношениях двух стран наметился прогресс, а в конце февраля 2016 г. состоялся визит в Японию министра промышленности и торговли РФ Д. Мантурова. Программа рабочей поездки главы Минпромторга включала посещение высокотехнологичных предприятий, встречи с руководителями крупнейших японских компаний и банков, переговоры с членами кабинета министров страны и ведущими политиками. «Мы готовы помогать в реализации проектов японского бизнеса в нашей стране. Япония является серьезным и проверенным временем партнером, с которым нас связывают торговые, производственные, технологические, инвестиционные отношения. Деловые круги наших стран должны продолжить успешное сотрудничество», – пояснил руководитель Минпромторга[9]. После этого визита произошло заметное оживление российско-японских отношений.

15–16 декабря 2016 г., несмотря на серьезное противодействие со стороны США, состоялся официальный визит Президента России В. В. Путина в Японию. Переговоры с премьер-министром С. Абэ начались в городе Нагато префектуры Ямагути и были продолжены на следующий день в Токио. Лидеры двух стран обсуждали проблемы российско-японских отношений, включая перспективу заключения мирного договора и связанный с ней территориальный спор вокруг четырех южных островов Курильской гряды. Результатом стало подписание 68 соглашений о сотрудничестве в разных сферах, включая совместный инвестиционный фонд с объемом инвестиций до 1 млрд. долл., и ряд других, среди которых особенно важными представляются следующие:

– «Роснефть» с “Marubeni Corporation” и “Mitsubishi Heavy Industries” договорились о совместной разработке технико-экономического обоснования проекта газохимического

[7] Japan’s Foreign Policy that Takes a Panoramic Perspective of the World Map // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter2/c020101.html (дата обращения 22.03.2018).

[8] Trump to meet Kim Jong Un by May for 1st U.S.-N. Korea summit // *Kyodo News*. URL: https://english.kyodonews.net/news/2018/03/e56917792e67-update1-s-korea-to-make-major-announcement-on-n-korea-trump.html (дата обращения 12.03.2018).

[9] Денис Мантуров прибыл с рабочим визитом в Японию // *Сайт Минпромторга России*. 26.02.2016. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis_manturov_pribyl_s_rabochim_vizitom_v_yaponiyu (дата обращения 14.03.2018).

комплекса мирового класса с использованием передовых японских технологий (локализация строительства будет определена по итогам совместного исследования);
– «Русагро» и “Mitsui & Co” намерены вместе развивать бизнес на Дальнем Востоке с использованием японских технологий для экспорта продукции «Русагро» в Азию[10];
– «РусГидро» подписал ряд документов с японскими компаниями, включающих локализацию производства ветровых энергоустановок в РФ, сотрудничество в области развития возобновляемых источников энергии и использование оборудования для проектов на Дальнем Востоке. Одним из значимых проектов – реализация демонстрационного проекта по строительству парка ветровых электрогенерирующих установок совместно с Японской организацией по развитию новых энергетических и промышленных технологий (NEDO) в поселке Тикси[11].

2017 г. ознаменовался новым этапом развития двусторонних отношений. 6–7 сентября 2017 г. во Владивостоке прошел III Восточный экономический форум, посвященный развитию Дальнего Востока. Гостями на мероприятии стали лидеры Японии, Южной Кореи и Монголии. Выступая на пленарном заседании ВЭФ, премьер-министр Японии С. Абэ подтвердил курс на претворение в жизнь восьми направлений сотрудничества, предложенных им в мае 2016 г. во время встречи с президентом Путиным. С. Абэ выразил надежду на то, что Япония и Россия будут укреплять отношения и в экономике, и в сфере безопасности не только двух стран, но и всех государств Северо-Восточной Азии.

Ранее, 20 марта 2017 г., в Токио состоялась встреча, на которой министр иностранных дел С. В. Лавров и министр обороны С. К. Шойгу обсудили с японскими коллегами министром иностранных дел Ф. Кисидой и министром обороны Т. Инадой_вопросы безопасности в АТР и меры по укреплению доверия между странами. Это означало возобновление традиционных переговоров в формате «два плюс два», практиковавшиеся ранее, но позже отмененных из-за режима санкций. Стороны также обсудили конкретные шаги по ведению совместной хозяйственной деятельности на Курильских островах и договорились о проработке этого вопроса на высшем уровне.

В ноябре 2017 г. состоялось 13-е заседание Российско-Японской Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам, на котором председательствовали первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации И. Шувалов и министр иностранных дел Японии Т. Коно. Обсуждались вопросы российско-японского сотрудничества в сфере транспорта, энергетики и высоких технологий. Были затронуты такие темы, как участие Японии в разработке арктических газовых месторождений и в развитии российского Дальнего Востока, совместные инвестиционные проекты. После завершения заседания Т. Коно заявил, что российско-японские отношения имеют огромный потенциал, и что необходимо сделать все для его реализации[12].

В начале декабря 2017 г. в Москве руководитель «Газпрома» А. Миллер встретился с председателем совета директоров “Mizuho Bank” Нобухидэ Хаяши. “Mizuho Bank” является одной из крупнейших финансовых организаций Японии, с которой «Газпром» успешно сотрудничает с 1999 г. Темой переговоров стали возможности участия капитала “Mizuho Bank” в стратегических проектах «Газпрома», работать над которыми российская корпорация собирается в 2018 г.

---

[10] Денис Мантуров прибыл с рабочим визитом в Японию // *Сайт Минпромторга России*. 26.02.2016. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis_manturov_pribyl_s_rabochim_vizitom_v_yaponiyu (дата обращения 14.03.2018).

[11] *Нефтегаз.ру*. 06.09.2017. URL https://neftegaz.ru/news/view/164626-RusGidro-i-yaponskaya-NEDO-prodolzhayut-gotovitsya-k-realizatsii-demonstratsionnogo-proekta-po-stroitelstvu-vetroparka-moschnostyu-do-1-MVt-v-pos-Tiksi (дата обращения 08.04.2018).

[12] См.: Бокарев Д. Россия и Япония наращивают экономическое сотрудничество // *NEO*. 16.01.2018. URL: https://ru.journal-neo.org/2018/01/16/russian-and-japan-are-building-up-the-economic-co-operation/ (дата обращения 21.03.2018).

В декабре 2017 г. во Владивостоке состоялся «День японского инвестора». Это пример реализации программы из 8 пунктов, представленной премьер-министром Японии С. Абэ после встречи с Президентом России. Министр экономики Японии Х. Сэко отметил, что Япония намерена и дальше оказывать поддержку японским инвестициям в Россию, развивать с Россией долгосрочные партнерские отношения. Однако, по словам министра экономики Японии, со стороны России существуют тормозящие факторы. Это нестабильность правовой системы и сложные процедуры инвестирования[13]. Япония обещает инвестировать также в «Транснефть». Причем в этот проект будут вложены и средства из Китая. Японские инвестиции составят порядка 150 млн. долл.[14]

Наиболее масштабным российско-японским проектом является завод СПГ (сжиженный природный газ) в поселке Сабетта (Ямал). С российской стороны проектом занимается компания «Новатэк», общая сумма вложенных иностранных инвестиций – 27 млрд. долл. Комплекс строится при участии российских и зарубежных компаний на базе Южно-Тамбейского газового месторождения в Ямало-Ненецком автономном округе РФ[15]. Основными акционерами проекта стали компании «Новатэк» (50,1%), “Total” (20%), “CNPC” (20%) и «Фонд Шелкового пути» (9,9%)[16]. Инвесторами со стороны Японии выступили “JBIC” (“Japan Bank for International Cooperation”) (сумма вложений 200 млрд. евро)[17], компании “Hitachi” и “Chiyoda”. В декабре 2017 г. завод приступил к производству сжиженного газа.

В «Голубой книге» внешней политики и дипломатии Японии 2015 г., в разделе, посвященном экономическим отношениям с Россией, говорится: «Продолжается сотрудничество Японии и России, в частности, Япония участвует в проекте развития нефте- и газодобывающих комплексов на Сахалине, а также ряд японских компаний принимает участие в строительстве завода СПГ на Ямале».[18] То же самое официально повторяется в 2016 г. «В энергетическом плане японские компании сотрудничают с Россией в плане развития нефте-газодобывающих комплексов на Сахалине, продолжается участие японских компаний в строительстве завода СПГ на Ямале, а в Камчатском крае и республике Саха проводятся эксперименты по реализации демонстрационного проекта строительства системы ветряной электрогенерации»[19].

Большой интерес в Японии вызывают и другие проекты. Японская компания “Mitsui & Co LTD” выразила заинтересованность в проекте «Балтийский СПГ» как в очень перспективном. Завод по сжижению природного газа планируется построить в порту Усть Луга (Ленинградская обл.). В конце ноября 2017 г. между российской газовой компанией «Новатэк» и крупнейшими торгово-промышленными корпорациями “Marubeni Corporation” и “Mitsui O.S.K. Lines, Ltd” было подписано соглашение. Три компании намерены создать на территории Камчатского края РФ комплекс по перевалке СПГ. По плану, СПГ, привезенный танкерами ледокольного типа по Северному морскому пути, будет там перегружаться на обычные танкеры для снижения стоимости перевозки. Из этой точки СПГ будет поставляться всем заинтересованным странам Азиатско-Тихоокеанского региона, и, в первую очередь, Японии.

---

[13] Японские инвестиции в Россию трудно назвать достаточными // *Коммерсант.* 18.12.2017. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3500982 (дата обращения 14.04.2018).

[14] *Интерфакс.* URL https://www.kommersant.ru/doc/3500982 (дата обращения 06.04.2018).

[15] См.: Промышленность // *Нефтегазовый комплекс Сахалинской области.* 10.02.2016. URL: http://www.admsakhalin.ru/?id=168 (дата обращения 13.03.2018).

[16] *ИНОСМИ. Россия сегодня.* 15.12.2017. URL https://inosmi.ru/politic/20171215/241014566.html (дата обращения 09.04.2018).

[17] *ИНОСМИ. Россия сегодня.* 15.12.2017. URL https://inosmi.ru/politic/20171215/241014566.html (дата обращения 09.04.2018).

[18] *Голубая книга Внешней политики Японии. 2015 г.* URL http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2015/html/chapter2/c020501.html (дата обращения 9.04.2018).

[19] *Голубая книга Внешней политики Японии 2016 г.* URL: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2016/html/chapter2/c020501.html (дата обращения 10.04.2018).

В середине декабря 2017 г. стало известно, что крупные японские финансово-торговые компании “SBI Holdings” и “Hokkaido Corporation” решили объединить усилия, чтобы оказывать помощь небольшим японским компаниям, желающим вести бизнес в России. Фирмам, желающим открывать свои объекты и вести бизнес на территории РФ, будет предоставлена финансовая и информационная поддержка[20].

На стратегическое сотрудничество в сфере энергетики указал посол России в Японии М. Галузин. «Это, по сути, стратегическое сотрудничество в области обеспечения энергетической безопасности в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Японии в частности. Создание крупнейшего в Азии комбината по сжижению природного газа на Сахалине покрывает около 8% потребностей Японии в данном виде энергоносителей, а сейчас, как вы знаете, сжиженный природный газ потребляется в Японии все шире и шире», – сказал посол[21].

М. Галузин подчеркнул, что в энергетике есть другие потенциальные совместные проекты, такие как «Ямал СПГ», «Арктик СПГ», строительство комбината СПГ «Дальний Восток». «Кроме того, мы можем сотрудничать в строительстве энергомоста Сахалин – Хоккайдо. С этим связано и транспортное сотрудничество. Это может быть не только энергомост, но и железнодорожный переход Сахалин – Хоккайдо, строительство которого значительно расширило бы возможности наших стран в торговле за счет создания транспортного коридора по скоростной «бесшовной» доставке товаров между Японией, Средней Азией, Россией и Европой. Это удешевило бы транспортные расходы, повысило привлекательность и многовариантность туристических маршрутов и, в конечном счете, конкурентоспособность соответствующих секторов наших экономик[22]. По мнению посла, существует целый ряд перспективных направлений в научно-технологическом секторе, в здравоохранении, медицине, промышленности. Речь идет, например, о создании российско-японских клиник в Москве и Хабаровске. «У нас очень хорошие возможности, важно их эффективно задействовать к взаимной выгоде и в интересах обеих сторон», – подчеркнул он[23].

Примером такого сотрудничества может служить одна из последних инициатив российской стороны: 24 марта 2018 г. зампред правительства РФ Ольга Голодец предложила организовать «зеленый коридор» для японских компаний, занимающихся медицинским оборудованием и фармацевтикой. Сделано это для облегчения доступа японских фармацевтических компаний на Российский рынок[24]. Конкретные шаги для реализации этого решения будут, вероятно, обсуждаться в рабочем порядке. Речь идет, скорее всего, о снижении таможенных пошлин.

По последним данным в 2017 г. Японию посетило рекордное количество российских туристов. С января по ноябрь туристический поток вырос на 41,8% – до 71,5 тысяч человек. Это самый большой показатель за всю историю статистики[25]. 2018 г. стал годом России в Японии и годом Японии в России. Также в мае ожидается очередной визит в Москву на встречу с Президентом России премьер-министра Японии С. Абэ.

---

[20] *Голубая книга Внешней политики Японии 2016 г.* URL: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2016/html/chapter2/c020501.html (дата обращения 10.04.2018).

[21] Посол рассказал об экономическом сотрудничестве России и Японии // *РИА Новости*. 16.03.2018. URL: https://ria.ru/economy/20180316/1516502059.html (дата обращения 10.04.2018).

[22] См.: Васильева Е. Мнение: идет углубление сотрудничества России и Японии на Дальнем Востоке // *Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока*. 16.03.2018. URL: https://minvr.ru/press-center/news/14045/ (дата обращения 23.03.2018).

[23] Васильева Е. Мнение: идет углубление сотрудничества России и Японии на Дальнем Востоке // *Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока*. 16.03.2018. URL: https://minvr.ru/press-center/news/14045/ (дата обращения 23.03.2018).

[24] См.: Плясункова Е. Россия предложила создать «зеленый коридор» для поставок лекарств из Японии // *РИА Новости*. 24.03.2018. URL: https://ria.ru/economy/20180324/1517176537.html (дата обращения 25.03.2018).

[25] См. Рекордное число российских туристов посетило Японию в 2017 году // *НТВ*. 25.12.2017. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1964585/ (дата обращения 18.03.2018).

Очевидно, что, несмотря на режим антироссийских санкций, Япония планирует и далее развивать отношения с Россией. Это связано с геополитическим положением Японии и ее сырьевой зависимостью от других стран. Возможность получения энергетического сырья из России ценна для Японии как с точки зрения логистики, так и по соображениям безопасности. Не случайно особой поддержкой со стороны Японии пользуются проекты по сжижению природного газа и разработка нефтяных и газовых месторождений на Сахалине и Ямале. В интересах Японии идти навстречу предложениям России, т. к. любой конфронтационный сценарий не приведет к решению территориальной проблемы и заключению Мирного договора. Программа С. Абэ из 8 ключевых пунктов направлена на достижение этой цели.

Однако, пока Япония не может отказаться от следования санкционной политики в отношении России вслед за США. Токио остается связан послевоенной архитектурой международных отношений, в первую очередь вытекающих из его поражения во Второй мировой войне. Япония, не являясь в полном смысле самостоятельным актором, вынуждена полагаться на внешнее балансирование сил (external balancing) между различными центрами силы, т. к. ситуация в регионе остается многополярной (Китай, США, Россия). Однако возможен сценарий, при котором с усилением ядерного потенциала КНДР, с ростом напряженности между КНР и США, надежность американского зонтика для Японии будет снижаться. Тогда у Токио будет выбор: либо сближаться с Москвой, либо восстанавливать баланс геополитических сил за счет собственного потенциала (internal balancing) и становиться самостоятельной военной силой в проведении внешней политики. За последние несколько лет Токио уже продвинулся в этом направлении, но приоритетным на ближайшие десятилетия остается военно-политический союз с Соединенными Штатами. И его судьбу, как и отношения с Россией, может решить развитие внутриполитической ситуации в Японии.

Литература/ References

Бунин В. Н. *Японо-американский союз безопасности: история и современность (к 50-летию со дня основания).* М., 2000 [Bunin V. N. *Yapono-americanskiy soyuz bezopasnosti: istoriya I sovremennost' (k 50-letiyu so dnya osnovaniya).* Moscow, 2000].

World Energy Statistics 2015. Paris, 2015.

Электронные ресурсы

Бокарев Д. Россия и Япония наращивают экономическое сотрудничество // *NEO*. 16.01.2018. URL: https://ru.journal-neo.org/2018/01/16/russian-and-japan-are-building-up-the-economic-co-operation/ (дата обращения 21.03.2018).

Посол рассказал об экономическом сотрудничестве России и Японии // *РИА Новости*. 16.03.2018. URL: https://ria.ru/economy/20180316/1516502059.html (дата обращения 10.04.2018).

Васильева Е. Мнение: идет углубление сотрудничества России и Японии на Дальнем Востоке // *Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока*. 16.03.2018. URL: https://minvr.ru/press-center/news/14045/ (дата обращения 23.03.2018).

Денис Мантуров прибыл с рабочим визитом в Японию // *Минпромторг России*. 26.02.2016. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!denis_manturov_pribyl_s_rabochim_vizitom_v_yaponiyu (дата обращения 14.03.2018).

Плясункова Е. Россия предложила создать «зеленый коридор» для поставок лекарств из Японии // *РИА Новости*. 24.03.2018. URL: https://ria.ru/economy/20180324/1517176537.html (дата обращения 29.03.2018).

Промышленность // *Нефтегазовый комплекс Сахалинской области*. 10.02.2016. URL: http://www.admsakhalin.ru/?id=168 (дата обращения 29.03.2018).

Рекордное число российских туристов посетило Японию в 2017 году // *НТВ*. 25.12.2017. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1964585/ (дата обращения 29.03.2018).

Хронология введения санкций против российских граждан и компаний // *РИА Новости*. 16.02.2015. URL: http://ria.ru/spravka/20150216/1046144422.html (дата обращения 20.03.2018).

Япония отказывается от ближневосточной нефти в пользу России. Из-за пиратов // *НСН*. 26.01.2016. URL: http://nsn.fm/economy/yaponiya-otkazyvaetsya-ot-blizhnevostochnoy-nefti-v-polzu-rossii-iz-za-piratov.php (дата обращения 16.03.2018).

Japan's Foreign Policy that Takes a Panoramic Perspective of the World Map // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter2/c020101.html (дата обращения 22.03.2018).

Trump to meet Kim Jong Un by May for 1st U.S.-N. Korea summit // *Kyodo News*. URL: https://english.kyodonews.net/news/2018/03/e56917792e67-update1-s-korea-to-make-major-announcement-on-n-korea-trump.html (дата обращения 12.03.2018).

Statement by the Minister for Foreign Affairs of Japan on the Sanctions against Russia over the situation in Ukraine // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: http://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_000281.html (дата обращения 18.03.2018).

ТРАДИЦИИ ЯПОНСКОЙ ЧАЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А. В. Гусева*

Вопросы соотношения себя с традицией в искусстве занимают важное место в дискуссии о национальной и культурной идентичности художника. Однако произведение искусства, созданное в диалоге с традицией, ставит и перед зрителем непростые вопросы о том, как следует прочитывать и оценивать такое произведение. В данной статье, на примере чайного павильона, спроектированного в 2014 г. японским художником Х. Сугимото, представлена попытка разобраться, в какой степени знание традиции помогает или затрудняет интерпретацию и понимание целей и замысла художника.

Ключевые слова: современное искусство, традиция, Хироси Сугимото, японская чайная церемония.

TRADITIONS OF JAPANESE TEA CEREMONY IN CONTEMPORARY ART: ON THE PROBLEM OF INTERPRETATION

Anna V. Guseva

The aspect of self-correlation with Tradition in art plays an important part while discussing national and cultural identity. However, a piece of art, created in a dialogue with tradition, raises challenging questions to the viewer about the means of interpretation and evaluation of such art-work. Taking as an example the tea pavilion designed by Japanese artist H. Sugimoto, the author muses on the ways and extent of tradition's impact on proper perception of the artist's concepts.

Keywords: contemporary art, tradition, Hiroshi Sugimoto, Japanese tea ceremony.

Интерес к проблеме интерпретации традиции в современном искусстве и архитектуре поднимается регулярно на протяжении уже более века, начиная с дискуссий участников движения «Искусства и ремесла» в XIX в. до постмодернистов в XX в. Вопросы соотношения современного и традиционного еще более актуальны для художников стран Азии, которые, начиная примерно с рубежа XIX–XX вв., должны соотносить себя, по сути, с двумя историческими традициями – локальной и западноевропейской. Многовековые традиции живописного, скульптурного или архитектурного языка, разработанные внутри индийской, китайской, корейской или японской культуры, не ограничиваются лишь формами «народного» или «религиозного искусства». Более того, соотношение себя с ремесленной, живописной или архитектурной традицией занимает важное место в дискуссиях о национальной и культурной идентичности и репрезентации художника и искусства в обществе[1]. Со второй половины XX в. понятие «традиции» и «школы» часто уже выходит за рамки набора формальных признаков и скорее

* Анна Валентиновна ГУСЕВА, PhD, доцент Школы исторических наук НИУ ВШЭ, Москва; aguseva@hse.ru
Anna V. GUSEVA, PhD, Associate Professor, School of History, National Research University Higher School of Economics, Moscow; aguseva@hse.ru

[1] В силу исторических причин «традиционные искусства» Востока часто получают дополнительные и не всегда положительные ассоциации, например, с «колониализмом» или «национализмом». В частности, в случае с Японией «экзотическое» восприятие традиционных искусств было усилено экспозициями национальных павильонов на Интернациональных выставках, которые выстраивались, скорее исходя из вкусов западной публики того времени, нежели японской. Вопросы самоидентификации и поиска своего стиля ярко проявились и в архитектуре первой половины XX в., однако наиболее наглядные примеры попыток включить элементы национальной архитектуры в новый типологический контекст ассоциируются, как правило, со стилем «императорской короны» и милитаристической политикой Японии 1930–1940-х гг.

трактуется как определенный взгляд и особенности восприятия и работы с пространством, материалом, цветом и формой. Подобный переход от буквального «цитирования» традиционных форм к переосмыслению традиции дал импульс к формированию в 1960-е гг. новых национальных школ, и, прежде всего в архитектуре[2].

Работа внутри сложившегося художественного канона или традиции ставит перед художником непростую задачу определения своей позиции по отношению к этой традиции – буквально следовать уже заданным правилам или, наоборот, рассматривать возможности эксперимента. Между тем современные произведения, сознательно апеллирующие к традиции, ставят сложные вопросы и перед зрителем – в первую очередь о том, как воспринимать и оценивать такое произведение.

В данной статье, которая ни в коей мере не претендует на однозначный ответ, хотелось бы на примере чайного павильона, спроектированного в 2014 г. японским художником Хироси Сугимото, протестировать релевантность применения «взгляда из прошлого» к современному произведению, чтобы разобраться, в какой степени знание традиции зрителем помогает или, возможно, затрудняет интерпретацию и понимание целей и замысла художника.

Выбор объекта для этого небольшого эксперимента был обусловлен в первую очередь темой проекта – японской чайной церемонией (*тя-но-ю*). Особенностью *тя-но-ю* является не только отточенное до мельчайших деталей художественное оформление пространства чайной церемонии и всех задействованных элементов, включая участников, но и проработанная эстетико-философская концепция восприятия и реакции зрителя на задействованные художественные триггеры[3].

6 июня 2014 г. в рамках торжественного открытия XIV архитектурной биеннале была проведена японская чайная церемония. Церемония прошла в чайном павильоне «Мондриан»[4] в выставочном пространстве "Le Stanze del Vetro" на острове Сан Джорджо Маджоре в Венеции[5] (*илл. 1*). Интересно, что для создания чайного павильона пригласили не архитектора, а фотографа Хироси Сугимото (р. 1948).

Приглашение фотографа вместо архитектора стало нетривиальным решением, однако его ни в коем случае нельзя назвать случайным. Известность Хироси Сугимото принесли как раз фотографии архитектурных объектов и японских садов, в которых соединяются поэтичность образа и точность передачи характерных особенностей формы или пространства. Одним из самых значимых и интимных соприкосновений с японской традицией в его карьере, безусловно, стала съемка в 1995 г. средневековой скульптуры XII–XIII вв. в храме Сандзюсангэн-до в Киото. В процессе съемки (разрешения на которую он ждал семь лет) из храма были убраны все позднейшие наслоения и искусственный свет, чтобы вернуть пространство храма к первоначальному состоянию, каким его могли видеть придворные эпохи Хэйан [Sugimoto, 1995].

Вторым важным и уже действительно архитектурным объектом в работе Сугимото стала реконструкция синтоистского святилища на острове Наосима (2002 г.). В этом проекте Сугимото не выходит за рамки традиционных форм синтоиского святилища, восходящим к архетипам III–IV вв н. э., однако значительно усиливает драматургию пространства, что выдает современный подход. Благодаря наличию надземной и подземной части в этом прибрежном святилище Сугимото получил возможность работать не только с пропорциями, но и со светом, что несомненно привлекло его как фотографа. Надземная и подземная части

[2] В Индии одним из первых начал развивать это направление Балакришна Доши, удостоенный в 2017 г. Притцкеровской архитектурной премии; в Японии одним из первых стал Кэндзо Тангэ, чьи проекты для мемориального комплекса в Хиросиме принесли ему вначале национальную, а потом и международную известность.

[3] См. об этом, например: [Скворцова, 2018].

[4] Павильон просуществовал с 6 июня до 30 ноября 2014 г. [Le Stanze del Vetre, 2014].

[5] "Le Stanze del Vetro" – это проект и выставочное пространство, созданные итальянским Фондом Чини и швейцарской организацией "Pentagram Stiftung" для изучения и популяризации истории стекла в XX и XXI вв.

соединены современным и совершенно нетипичным для синтоистской архитектуры элементом в виде стеклянной лестницы. Ступени лестницы, напоминающие куски подтаявшего льда, с одной стороны контрастируют своей гладкостью с шероховатостью камня, но в то же время смотрятся таким же природным элементом, как и все другие традиционные материалы – дерево или галька.

Илл. 1. Х. Сугимото. Чайный павильон «Мондриан», 2014. Венеция (*фото автора*)

Более того, в 2009 г. Сугимото основал «Фонд искусств Одавара» (“Odawara Art Foundation”), работа которого направлена на привлечение молодого поколения к переосмыслению традиций японского театра, танца и музыки. В 2017 г. фонд получил стационарную площадку в прибрежном городе Одавара в часе езды от Токио, построенную по проекту Сугимото [6]. Комплекс “Enoura Observatory”, объединивший галерею, выставочные пространства, театральную сцену, чайный павильон и японский сад, стал самым масштабным проектом художника. Таким образом, приглашение фотографа в качестве архитектора было не таким уж неожиданным, т. к. Сугимото не только последовательно обращается к японской традиции через темы и сюжеты, но и целенаправленно переосмысляет ее с позиции современного художника и зрителя.

Но что можно отнести к характерным особенностям художественной традиции японской чайной церемонии, каким эстетическим языком она оперирует? Для того чтобы понять, как говорит современный художник на языке этой традиции, нам как зрителям также необходимо освоить хотя бы основные правила грамматики этого языка.

Японская чайная церемония *тя-но-ю* (букв. «*чайная горячая вода*»), ставшая для многих символом японской культуры, развивалась внутри буддийской монастырской традиции, отталкивающейся от китайских и континентальных образцов. В то же время она была тесно связана как с придворной синтоистской культурой, в которой заимствованные тенденции

[6]Подробнее см. информацию на сайте фонда. – URL: http://www.odawara-af.com/en/enoura/ (дата обращения: 16.04.2018).

соединялись с локальными, так и с национальной. «Японский стиль» *ва-фу*, сознательно противопоставлявшийся экспортному «китайскому стилю» *кара-фу*, начиная примерно с IX–X вв. ассоциируется, например, с изображением локальных пейзажей и сюжетов в живописи или с предпочтением японской азбуки китайским иероглифам в каллиграфии. В архитектуре наиболее ярким примером проявления этого «стиля» считаются постройки синтоистских святилищ (таких, как Исэ или Идзумо-тайся) и крестьянских домов (*минка).*

Для стиля *ва-фу* в архитектуре характерно использование неокрашенных материалов (дерева, соломы, дранки), которые видоизменяются с течением времени под влиянием времени и погоды. Для деревенских построек типично использование неровных стволов деревьев в качестве столбов и балок, крытые соломой крыши, наличие очага внутри дома, из-за которого балки крыши покрываются копотью. В отличие от «китайского стиля», для которого свойственна торжественность и красочность – балки и столбы покрываются лаком, украшаются резьбой и росписью, а металлические декоративные элементы золотятся – «японский стиль» можно охарактеризовать как безыскусный и простой. Именно эти качества стали культивироваться мастерами чайной церемонии при строительстве павильонов и при подборе утвари [7]. Принципы построения павильона для чайной церемонии – как формальные, так и эстетические – были сформулированы буддийским монахом и мастером чайной церемонии Сэн-но Рикю в XVI в. Его последователи, хотя и разделились на несколько формальных школ, сохраняют эти принципы фактически неизменными и сегодня.

Та форма чайного павильона, которая сегодня считается классической, восходит к середине XVI в. Эксперименты с формой и размерами чайного павильона велись и ранее, но именно Сэн-но Рикю (1522–1591) считается мастером, который привел поиски к единому знаменателю и сформулировал философию и основные эстетические принципы *тя-но-ю*. Сэн-но Рикю, во-первых, предложил убрать из чайной церемонии разнообразие вкусов самого чая, оставив только один – зеленый чай, перетертый в пыль (чай типа *ма-тя*). Во-вторых, он предложил трактовать церемонию скорее как медитацию, а не состязание в умении различать сорта чая или роскоши утвари, во что превращались многие чайные церемонии, опирающиеся на китайский прототип и проводимые при дворе сёгуна. Вместо веселой пирушки, иногда дополняемой и рисовым вином, Сэн-но Рикю предложил тишину и созерцание в уединенной келье с избранными друзьями и с минимумом предметов. И сад, и постройка, и чайная комната, и используемые предметы должны соответствовать духу *ваби-саби* («ваби» – букв. «воздержанность», «саби» – букв. «ржавчина»), то есть отличаться простой, безыскусностью, некоторой потертостью и шероховатостью как физически, так и образно.

Вместо дорогой и лакированной посуды Сэн-но Рикю начал использовать грубые глиняные чашки деревенских мастеров, а вместо изящного павильона появилась невзрачная на вид постройка по образцу рыбацкой хижины, построенная из дерева, бамбука и соломы. Простая штукатурка в отделке заменила лак и позолоту, которые были характерны для буддийской архитектуры, ориентирующейся на китайские прототипы. Таким образом, для колорита чайной комнаты типа *соан* (букв. «хижина из травы») в стиле Сэн-но Рикю характерны сдержанные, неяркие, даже темные оттенки материалов, использованных при строительстве «хижины» – дерева, камня, бамбука и тростника, и матовые поверхности стен, бумаги и дерева. В то же время деревянные столбы несущего каркаса, как правило, контрастно выделяющиеся на более светлом фоне покрытых фактурной штукатуркой стен, задают четкие вертикали и ритмическое членение пространства. Смягчает эту строгость мягкий золотистый цвет татами и приглушенный свет, поступающий через небольшие затененные выступающим свесом крыши окна (в прохладное время года часто закрытые еще и рамами с матовой бумагой). Другими формальными признаками классического чайного павильона типа *соан* помимо размера являются пониженный вход «*нидзири-гути*» (высотой 65–70 см, шириной 60 см), очаг внутри комнаты, ниша-*токонома*, в которую ставится соответствующая теме и сезону икебана или вешается свиток с живописью или каллиграфией, задающие

[7] Подробнее об истории, философии и эстетике японской чайной церемонии см.: [Игнатович, 1989].

«тему» на время чайной церемонии.

Можно сказать, что *тя-но-ю* – это не столько кратковременное наслаждение вкусом чая, сколько довольно длительная медитация-беседа на предложенную мастером тему. Глубина считывания смыслов зависит как от тонкости восприятия, так и от общей эрудиции гостя. Благодаря тому, что классические чайные павильоны, как правило, располагаются внутри небольшого сада, тема чайной церемонии, заданная мастером, должна выстраиваться с учетом сезонных изменений в природе (цветения определенных растений), погодных условий и даже времени суток проведения встречи, включая во взаимодействие не только внутреннюю часть павильона, но и все его окружение.

В чайном саду, получившем название *родзи* (букв. «земля росы»), чайный павильон располагается в глубине сада. Как правило, живая изгородь и деревья сада скрывают чайный павильон, не позволяя гостям увидеть его при первых шагах от входа [8]. Направление движения гостя определяются как всей композицией сада, так и его отдельными элементами: расположение и форма камней дорожки исподволь задают ритм и скорость прохода гостя; пониженные ворота меняют точку зрения; скамьи и источники воды определяют паузы в движении.

Сад чайного павильона, играя роль пространственного буфера между миром церемонии и окружающим пространством, в то же время выступает и как еще один – природный – элемент чайного действа. Поэтому, рассматривая архитектуру чайного павильона, сложно говорить об отдельной постройке, не принимая во внимание весь ансамбль, организацию и композиционное соотношение всех элементов этого обрамления – изгородей, камней, навесов, природной зелени, воды и павильона.

Следует также иметь в виду, что традиционный сад *родзи* обычно разделяется на две части: «внешнюю часть сада», в которой гости собираются, и внутреннюю, отделенную специально пониженными воротами, которая выступает в роли гостиной перед чайным павильоном (здесь может быть скамья для отдыха, источник воды) и откуда, как правило, уже просматривается сам павильон.

В современной архитектуре чайных павильонов можно выделить:

1. экспериментальную линию, в которой архитекторы отходят от привычных материалов и композиционных решений (например, «Парящий чайный павильон “Фуан”», 2007, архитектор К. Кума);
2. традиционную линию (чайная комната, выполненная по проекту мастера чайной керамики Раку Кандзаэмона в музее Искусств Сагава);
3. экспериментально-традиционное направление, которое можно увидеть, например, в чайных павильонах архитектора Ф. Тэрунобу, соединяющего необычную форму, например, дома на дереве или на крыше, с традиционными материалами и техниками их обработки.

Как же работает с традицией Хироси Сугимото? Насколько буквально он следует принятым правилам организации формы и пространства чайного комплекса? Сам Сугимото неоднократно подчеркивал в интервью, сопровождавших открытие, что рассматривал поставленную задачу как художник, то есть не заботился о функциональной составляющей, стремясь выразить именно квинтэссенцию духа чайной церемонии [Kietzmann, 2014]. Описывая свой проект, Сугимото отмечает то огромное влияние, которое на него оказал Сэн-но Рикю, «который так же, как и Мондриан, шел к абстракции, но на триста лет раньше» [Sugimoto, 2014].

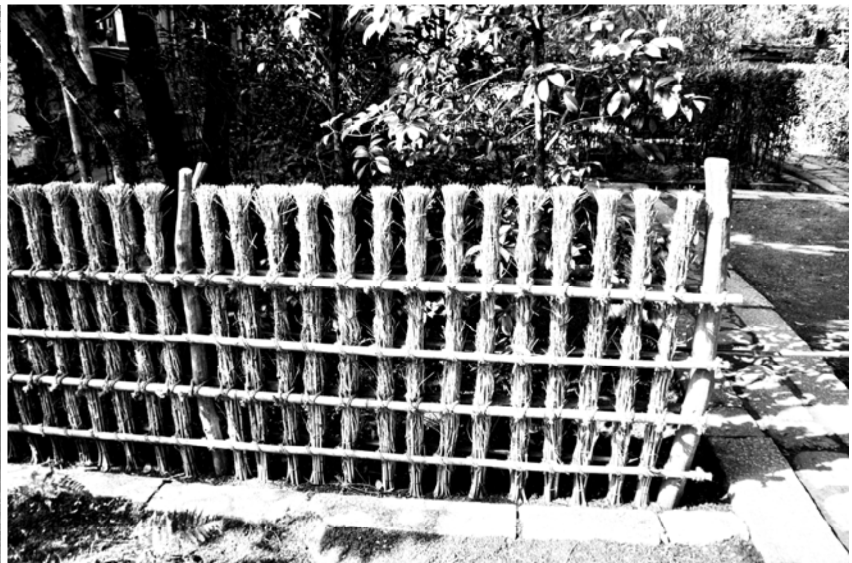
Попробуем проанализировать стеклянный чайный павильон и его окружение, исходя из классических критериев, применяемых к чайным павильонам. Насколько они окажутся действенными в раскрытии замысла художника или, наоборот, отвлекут?

[8] Если чайная комната устраивается внутри дома, то она также располагается немного в стороне от основного объема, поскольку чайная церемония выделяется и отделяется от повседневности физически и метафизически.

Итак, пространство, в котором представлен павильон, занимает площадку общей площадью 40 x 21,5 м на острове Сан-Джорджо Маджоре, располагающуюся с другой стороны от собора Палладио (*илл. 2*).

Илл. 2. Вид на экспозиционное пространство с колокольни собора Сан-Джорджо Маджоре, 2014 (*фото автора*)

Илл. 3. «Внешний сад» представляет собой проход, отгороженный зеленой изгородью и забором из кедра, 2014 (*фото автора*)



Илл. 4. Традиционная изгородь типа *такэхогаки* в чайном саду при храме Кото-ин, монастырский комплекс Дайтокудзи, Киото, 2012 (*фото автора*)

Подход к павильону напоминает длинный коридор, огороженный с одной стороны забором, выполненным из некрашеного кедра, привезенного из региона Тохоку (района, в наибольшей степени пострадавшего от цунами 2011 г.), а с другой стороны живой изгородью (*илл. 3*). При движении по этому коридору взгляд упирается в еще один традиционный для эстетики чайного сада элемент – бамбуковую изгородь типа *такэхогаки (илл. 4*). Этот коридор, скрывая от нас павильон, дает время настроиться на «чайный лад» и в данном случае выполняет ту же роль, что и внешняя часть чайного сада типа *родзи*.

Илл. 5. Вид на «внутренний сад» и скамью для гостей от проема в изгороди, 2014 (*фото автора*)

Илл. 6. Вид на павильон и водный бассейн от скамьи для гостей, 2014 (*фото автора*)

Илл. 7. Пониженный вход типа *нидзиригути* для гостей и отдельный вход для мастера с тыльной стороны павильона, 2014 (*фото автора*)

В отличие от классических садов, Сугимото отказался от дополнительных ворот – проем открыт. Направо – традиционная скамья под навесом, на которой гости как бы берут паузу и настраиваются уже на заданную тему, т. к. оттуда впервые открывается вид на павильон (*илл. 5–6*). В отличие от традиционного японского сада, где павильон отделяется от гостей зеленым экраном из деревьев, кустарников и мха, в венецианском саде Сугимото павильон отделен от нас зеркальной гладью воды, которая становится центральным элементом композиции внутреннего сада. Вместо зеленых красок Сугимото наполняет пространство чайного сада прозрачной синевой воды, тем самым выстраивая перекличку с Венецией. Однако и в культуре Японии вода занимает чрезвычайно важное место, являясь наряду с солью одной из субстанций, очищающих от нечистоты – физической и метафизической. Поэтому традиционное омовение рук и рта перед чайной церемонией – это не столько акт подержания чистоты физической, сколько духовной, так как в точности повторяет очищающую церемонию, совершаемую посетителями синтоистских храмов[9]. И хотя геометрически правильные прямоугольные очертания водного бассейна задают однозначный вектор движения по направлению к павильону, единственная точка, откуда открывается вид прямо на павильон, – это издали от скамьи под навесом (*илл. 6*).

Кроме того, вода у Сугимото, как ей и положено в Венеции, заменяет землю. Камни, традиционно используемые как базы под столбами в японской архитектуре, здесь превращаются в «пилоны-острова», на которых установлены столбы. Два больших массивных камня прямоугольных очертаний, ведущие к павильону, относятся к классическим элементам японского водного сада, где они как раз используются вместо мостков на мелководье, о чем говорит и их название.

Сам павильон представляет собой стеклянный куб со стороной 2,5 м, внутри которого уложены два татами. Сугимото выбрал наиболее миниатюрный вариант чайной комнаты, разработанный как раз Сэн-но Рикю около 1582 г. для первого чайного павильона «Тай-ан» в храме Мёки-ан в префектуре Киото. «Я хотел создать очень интимный чайный павильон: рассчитанный на мастера и одного гостя», – объяснял Сугимото в интервью «Нью-Йорк Таймс», опубликованном на следующий день после открытия биеннале [Lasky, 2014]. Классический для павильона типа *соан* пониженный вход-лаз – *нидзиригути* ведет в павильон, а в отделке, если не считать стекла, использованы только натуральные материалы – солома и дерево.

Из традиционных для японской (уже не только чайной) архитектуры деталей необходимо отметить приподнятость пола над уровнем земли: тонкие стальные стойки почти невидимы, и кажется, будто павильон буквально парит над водой, а тяжелые камни скорее служат якорями, удерживающими его от полета.

Классическим можно назвать подход художника к названию павильона. Так же, как и классический чайный павильон, в названии которого часто имеется иероглиф «*ан*» – уединенная хижина, в названии павильона Сугимото также спрятана игра слов, которую художник заложил, передав звучание имени «Мондриан» иероглифами «слушать» (*мон*), «птица» (*тори*) и хижина (*ан*) (聞鳥庵). Таким образом, название павильона можно понять и как фамилию, и как «хижина, где можно услышать пение птиц», объяснял художник свой замысел. «Я представлял себе, что этот павильон создан Мондрианом, после того как он услышал Сэн-но Рикю через пение птиц» [Sugimoto, 2014].

Но, конечно, самым необычным в проекте павильона стало использование прозрачного стекла, которое как бы выворачивает интимность и закрытость чайной комнаты наружу, превращая приватное пространство в выставочную витрину. И об этом ни в коем случае не следует забывать, оценивая этот объект. Сугимото экспериментирует с классическим пространством чайного сада и павильона, перед ним стояла не архитектурная

[9] Понятие «чистоты» входит в четыре основных принципа, которые регулируют классическое чайное действо: гармония (*ва*), почитание (*кэй*), покой (*дзяку*) и чистота (*сэй*) [Игнатович, 1989, с. 131–136]. О понятии «чистота» и омовении рук см.: [Игнатович, 1989, с. 133–134].

задача создать самодостаточный чайный павильон, а задача создать выставочный объект на тему стекла. И с этим Сугимото справился самым изящным образом. Этот выбор позволил художнику, с одной стороны, продемонстрировать и раскрыть японский подход/традицию к пространственным решениями и чувствовать себя свободно в родной стихии, а с другой – избежать культурного шока, т. к. чайная церемония вполне вошла в общемировой культурный словарь.

Именно поэтому пространство «сада» при большом наличии традиционных элементов и пространственных решений все-таки является выставочным пространством, в котором зритель двигается по заданной траектории от начала экспозиции к выходу. В отличие от классического сада типа *родзи*, где главная цель пути – само чайное действо, в экспозиции это действо заменяет сквозное движение к павильону, его осмотр и выход из «зала». Надо заметить, что выход во многом уподобляется входу – такой же длинный проход, в котором в качестве новых элементов встречаются античные архитектурные детали, как бы постепенно возвращая зрителя к европейской реальности.

Итак, целью этого небольшого эксперимента было изучить, насколько критерии «традиционности» помогают или затрудняют интерпретацию замысла художника. Во-первых, можно сразу сказать, что знание эстетических и художественных принципов, лежащих в основе выбранной художником традиции, помогают глубже понять этот замысел. Знакомство с принципами организации чайного сада позволяет понять, что Сугимото уподобляет выбранное пространство саду *родзи* и организует его структуру, опираясь на классические принципы и элементы такового, подчеркивая это расположением, формой и материалом (проход, ворота, изгородь, скамейка под навесом, камни); дает возможность оценить тонкость и сложность работы художника с классикой, в котором он то следует образцам (размеры павильона, вход), то трансформирует их, связывая с окружающим ландшафтом (вода вместо зелени сада). Стекло, которое воспринимается как наиболее экспериментальный элемент, в то же время в самом буквальном смысле материализует один из основополагающих принципов классической японской архитектуры – прозрачность границ между внутренним и окружающим пространством, которую современный японский архитектор Кэнго Кума считает наиболее важной характеристикой японского подхода в архитектуре[10].

В то же время нельзя не принимать во внимание современный язык репрезентации и особенности функционирования проекта (в данном случае – выставочный объект в рамках международной архитектурной биеннале). Соединение двух подходов – знания принципов, лежащих в основе традиции, и понимания современных задач, поставленных перед художником, в наилучшей степени позволяет оценить как новизну замысла, так и проникновенность диалога с традицией.

Литература /References

Игнатович А. Н. *Чайное действо*. М., 1989 [Ignatovich A. N. *Chaynoye deystvo*. Moscow, 1989].

Скворцова Е. Л. О проблеме синестезии в японской культуре // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. №1. С. 110–121 [Skvortsova E. L. O probleme sinestezii v yaponskoi kul'ture // *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2018. 1. Pp. 110–120].

Kengo K. (ed.), Takai K. (photographer) *Kyokai: A Japanese Tradition for Articulating space*. Tokyo, 2010.

Электронные ресурсы

Glass Tea House Mondrian by Hiroshi Sugimoto. URL: http://lestanzedelvetro.org/en/exhibitions/glass-tea-house-mondrian-by-hiroshi-sugimoto/ (дата обращения: 14.04.2018).

Kietzmann N. Zen in Glass: Hiroshi Sugimoto's tea house // *Uncube Magazine*. 24 June 2014. URL: http://www.uncubemagazine.com/blog/13503319 (дата обращения: 16.04.2018).

---

[10] Подробнее о понятии границы см.: [Kengo, 2010].

Lasky J. Tea for Two and visible for All // *New York Times*. June 5, 2014. P. D2. (Online edition; June 4, 2014). URL: https://www.nytimes.com/2014/06/05/garden/tea-for-two-and-visible-to-all.html (дата обращения: 15.05.2018).

Le stanze del Vetre. Glass Tea House Mondrian by Hiroshi Sugimoto. 2014. URL: https://www.designboom.com/architecture/glass-tea-house-mondrian-pavilion-hiroshi-sugimoto-venice-architecture-biennale-06-04-2014/ (дата обращения: 15.05.2018).

Sugimoto H. *Glass Tea House Mondrian, 2014*. URL: https://www.sugimotohiroshi.com/the-glass-tea-house-mondrian/ (дата обращения: 16.04.2018).

Sugimoto H. *Sea of Buddha, 1995*. URL: https://www.sugimotohiroshi.com/new-page-49 (дата обращения: 14.04.2018).

КЕРАМИКА ГИЗЫ КАК ИНДИКАТОР ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ МНОГОСЛОЙНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ЕГИПТА

С. Е. Малых*

Массовый керамический материал, обнаруженный Российской археологической экспедицией ИВ РАН за 22 года исследований восточной части древнеегипетского некрополя Гиза, относится к значительному хронологическому интервалу от времени правления IV династии (XXVI–XXV вв. до н. э.) и до XIX в. н. э. Он является показателем многослойности памятника и позволяет поэтапно восстановить картину существования этого археологического объекта, особенности функционирования древнего кладбища, периоды ограблений и устройства вторичных захоронений, а затем и использования его гробниц в качестве жилищ христианским и мусульманским населением Египта. Таким образом, история формирования и существования восточного некрополя Гизы насчитывает около 4,5 тыс. лет.

Ключевые слова: Древний Египет, Гиза, Древнее царство, Саисский период, Птолемеевский период, Средневековый Египет, древнеегипетский погребальный обряд.

GIZA POTTERY AS AN INDICATOR OF THE CHRONOLOGICAL MULTILAYEREDNESS OF THE EGYPTIAN ARCHAEOLOGICAL SITE

Svetlana E. Malykh

The mass ceramic material discovered by the Russian Archaeological Mission of the IOS RAS during 22 years of research in the eastern part of the ancient Egyptian Giza Necropolis belongs to a significant chronological interval from the reign of the Dynasty IV (26th–25th centuries B.C.) till the 19th century A.D. It is an indicator of the chronological multilayeredness of Giza, allowing to recreate a phased picture of the life of this archaeological site – from specific functional features of the ancient cemetery through periods of robberies and creation of secondary burials to the use of tombs as dwellings by Christian and Islamic population of Egypt. The full history of the formation and existence of the eastern part of Giza Necropolis is thus about 4.5 thousand years.

Keywords: Ancient Egypt, Giza, Old Kingdom, Saitic Period, Ptolemaic Period, Medieval Egypt, ancient Egyptian burial rites.

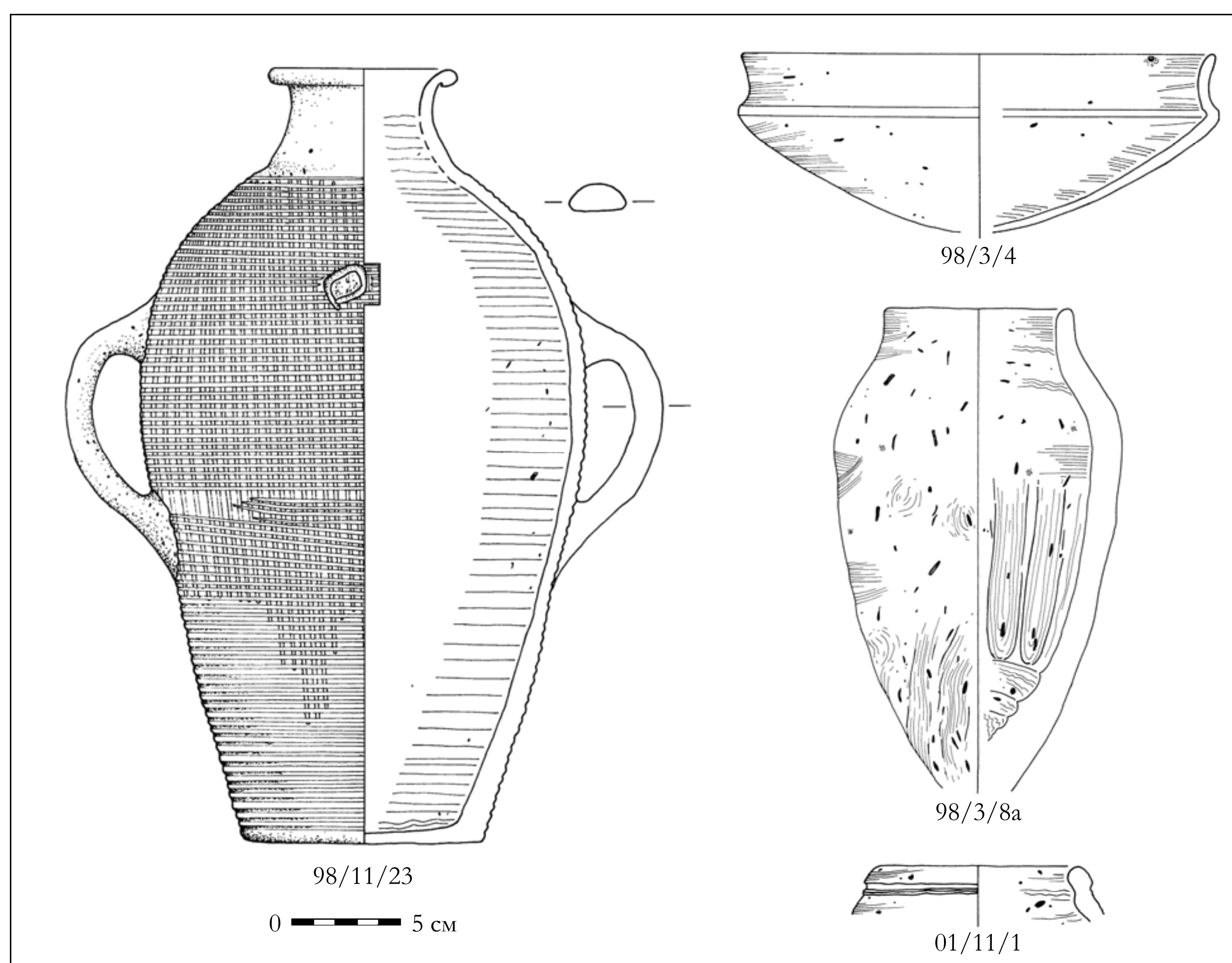
В процессе исследования скальных гробниц и шахтных погребений на восточной оконечности Восточного некрополя Гизы (вблизи древней столицы – города Мемфиса) Российская археологическая экспедиция Института востоковедения РАН ежегодно обнаруживает от двух до четырех тысяч керамических единиц – как целых сосудов, так и их фрагментов. Этот материал различен по датировке: некрополь Гизы был широко известен с древних времен прежде всего как место захоронения царей, представителей знати и среднего класса египетского общества середины – второй половины III тыс. до н. э. Но и после падения Древнего царства он продолжал функционировать: человеческая активность здесь выражалась как в устройстве новых погребений, преимущественно в Саисское и Птолемеевское время (I тыс. до н. э.), так и в неоднократных ограблениях захоронений, имевших место начиная с момента похорон – т. е. с III тыс. до н. э. и практически до наших дней. В результате происходило исчезновение или частичное уничтожение погребального инвентаря, смещение его со своих мест, добавление более

* Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

позднего материала. Как итог, в настоящее время на участке российской концессии в Гизе мы имеем огромный пласт керамического материала, относящегося к временному отрезку в четыре с половиной тысячи лет – т. е. со времени расцвета Древнего царства (XXVI–XXII вв. до н. э.) и вплоть до XIX в., когда в Гизу пришли европейские исследователи.

Керамика эпохи Древнего царства происходит из заполнения гробничных часовен, шахт и погребальных камер; чаще всего керамические сосуды были разбиты грабителями и смещены с первоначальных мест. Однако даже в этих случаях по особенностям обнаружения предметов мы иногда имеем возможность установить, что изначально они находились рядом с телом покойного – т. е. являлись погребальным инвентарем. Так, в ходе раскопок погребальной камеры Хафраанха в его скальной гробнице G 7948 удалось выяснить, что в погребение царского *семера* (друга) и инспектора жрецов-*уабов* середины V династии (ок. XXIV в. до н. э.) были помещены привезенная из Палестины амфора с вином, несколько грубых кувшинов для пива, а также краснолощеная мейдумская чаша (*илл. 1*) [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010, p. 198–199].



Илл. 1. Керамические сосуды, сопровождавшие погребение Хафраанха в его скальной гробнице G 7948 в Гизе (*рис. автора*)

В процессе исследования Малого некрополя перед гробницей Хафраанха в шахте 38, выделяющейся среди остальных глубиной (8,67 м), были обнаружены разбитые сосуды – пивной кувшин и форма для выпечки конического хлеба [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 213–214, fig. 104]. Причем здесь мы увидели четкое свидетельство того, что в ряде случаев ограбление захоронения происходило вскоре после похорон – в данном случае при VI династии (ок. XXIII в. до н. э.). В ходе расчистки нижних слоев шахты и входа в погребальную камеру было установлено, что стена из сырцового кирпича, блокирующая вход

в погребальную камеру, цела, следовательно, должно быть нетронутым и само погребение. Однако в дальнейшем оказалось, что оно разрушено: кости скелета лежат не в анатомическом порядке, а керамические сосуды, входившие в состав погребального инвентаря, разбиты. Более того, черепки одних и тех же сосудов оказались по обе стороны стены – как в погребальной камере, так и на дне шахты. Объяснить это можно только тем, что погребение было вскрыто грабителями вскоре после похорон, а жреческие службы некрополя, следившие здесь за порядком в эпоху Древнего царства, обнаружив это, восстановили блокирующую стену и засыпали шахту.

В ходе археологического изучения заполнения шахты 5 и ее погребальной камеры в скальной гробнице Ченти II (LG 77), начальника мастеров некрополя эпохи поздней V династии, также удалось обнаружить группу керамики, идентифицируемую как погребальный инвентарь, вероятно, сопутствовавший захоронению самого Ченти. Среди сопроводительного инвентаря были пивные кувшины, форма для выпечки конического хлеба, краснолощеная чаша для ритуальных водных возлияний, круглая жаровня и миниатюрные модели сосудов [Kormysheva et al., 2015, p. 24, fig. 28–29].

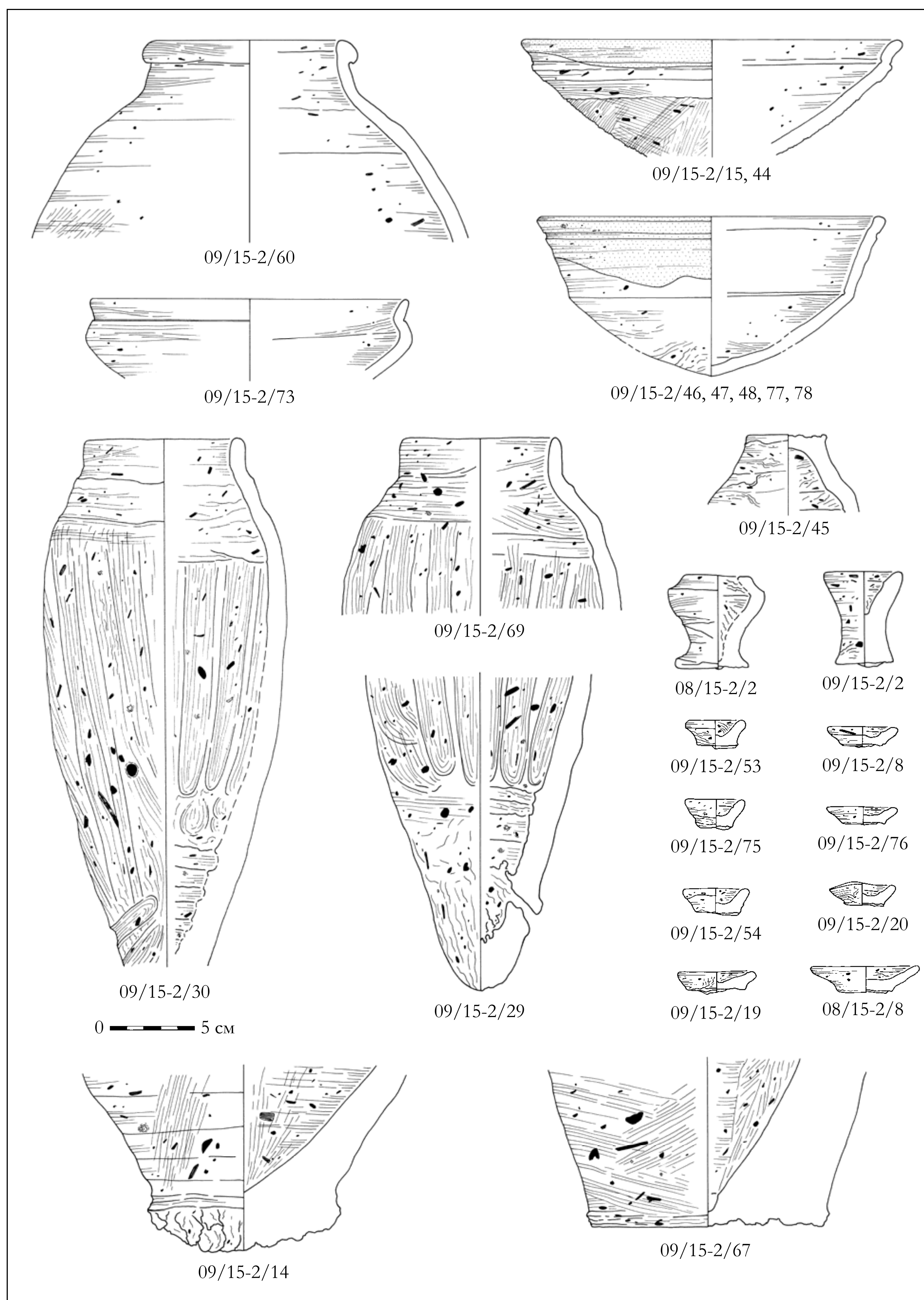
В схожем контексте найдены остатки погребального инвентаря в шахте 2 и ее погребальной камере соседней скальной гробницы LG 76, принадлежавшей Хуфухотепу – начальнику жрецов-*уабов* и руководителю всех царских работ, жившему в конце V – начале VI династии. Помимо пивного кувшина, хлебопечной формы и миниатюрных моделей сосудов здесь присутствуют также несколько чаш [Kormysheva et al., 2015, p. 97–98, fig. 44–46] (*илл. 2*). Последние весьма показательны качеством своего изготовления: такие керамические типы известны как в Гизе, так и в соседних царских некрополях – в Саккаре и Абусире, но обычно по всей поверхности они покрыты красным ангобом, нередко лощеным [Reisner, Smith, 1955, p. 80, fig. 107 (14-2-107); Weeks, 1994, p. 97, fig. 133; Rzeuska, 2006, p. 274, pl. 116; Verner, Bárta, Benesovska, 2006, p. 292, pl. XXI (ABb-s)]. В нашем случае неровный и тонкий слой красного ангоба покрывает внутреннее пространство чаш и лишь частично наружное, оставляя часть поверхности пористой, что показывает, что такие изделия вряд ли использовались в быту; скорее они были специально сделаны для погребальных нужд.

Кроме таких частично ангобированных чаш, нефункциональными были и миниатюрные модели сосудов, символизировавшие подношение полноразмерных сосудов с содержимым – главным образом с пивом и хлебом как основными жертвенными подношениями владельцу гробницы [1]. Также к категории символического погребального инвентаря можно отнести полноразмерные пивные кувшины с нильским илом внутри, найденные в этом же комплексе [Kormysheva et al. 2015, p. 98, fig. 44].

По раскопкам зарубежных коллег мы знаем, что запечатанные кусками необожженной глины пивные кувшины сопутствовали погребению [Reisner, Smith, 1955, p. 70] и должны были содержать жидкость – согласно древнеегипетским изображениям и подписям к ним – пиво [2]. Поэтому обнаружение ила внутри таких сосудов прежде расценивалось либо как вторичное использование кувшинов для переноски строительных материалов, либо как свидетельство высоких разливов Нила, затоплявших гробницы [Junker 1950, S. 16; Reisner, Smith 1955, p. 70.]. Но когда в начале 2000-х гг. в Саккаре – еще одном столичном некрополе Мемфиса, расположенном южнее Гизы, – польские археологи обнаружили несколько непотревоженных погребений, а в них запечатанные пивные кувшины с илом внутри, стало понятно, что ни вторичным использованием, ни половодьем это объяснять нельзя. Учитывая археологический контекст, польский керамист Т. И. Ржевска логично предположила, что это кувшины с т. н. «ложным содержимым» – т. е. имитация сосудов, наполненных пивом [Rzeuska, 2006, p. 440–442].

[1] Подробнее о древнеегипетских вотивных моделях и их назначении см.: [Малых, 2010].

[2] Подробнее см.: [Малых, 2011, с. 164–166; 2012, с. 127].



Илл. 2. Керамика из погребения Хуфухотепа в его скальной гробнице LG 76 в Гизе (*рис. автора*)

Необходимо отметить, что предположение об использовании в качестве погребального инвентаря имитаций реальных предметов также работает применительно к другим артефактам: например, несколько раз египетские, немецкие и американские археологи в Гизе обнаружили на скелетах якобы золотые диадемы, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся позолоченными медными обручами с деревянными декорированными накладными деталями – т. е., фактически, имитацией [Ярмолович, 2016, с. 63–73]. Обломки похожей медной диадемы со следами позолоты, гипсовой штукатурки и вклеенными в нее мелкими фаянсовыми бусинами были найдены в 2016 г. российской экспедицией в гробнице Несемнау (северо-восточная часть Гизы, LG 64, погребальная камера 3А). Также в камерах находят миниатюрные модели орудий труда и сосудов из меди и камня, каменные имитации подношений пищи[3].

Морфологически в керамическим материале Древнего царства из Гизы доминируют уже названные пивные кувшины, за ними хлебопечные конические формы, миниатюрные вотивные модели сосудов, различные чаши, жаровни, подставки для круглодонных сосудов. При этом доли лепной и круговой керамики примерно равны – пивные кувшины лепные, хотя их венчики, особенно при V и VI династиях, нередко могли подправляться на медленном ручном гончарном круге. Чаши в основном круговые, хотя есть формы, для которых использовался комбинированный способ – например, у т. н. Мейдумских чаш дно и тулово формовалось на болванке, венчик доделывался на гончарном круге. Целиком на болванке-конусе изготавливались формы для выпечки хлеба [Arnold, Bourriau, 1993, p. 21–24]. Полностью круговыми были кувшины с носиком (для ритуальных водных возлияний), вотивные модели и подставки – они формовались на медленном ручном гончарном круге.

В редких случаях нам удается выделить отдельные сосуды, изначально принадлежавшие одной гончарной партии, т. е. сделанные в одной гончарной мастерской в одно время из глины одного замеса, в основном у вотивных моделей, однако они ограничиваются двумя или тремя предметами, и лишь один раз – четырьмя предметами [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 30, 124; Kormysheva et al. 2015, p. 97, 243].

Найденная Российской археологической экспедицией ИВ РАН в восточной части Гизы керамика хронологически делится на две основных группы: керамика Древнего царства (т. е. III тыс. до н. э.) – основного времени функционирования этого столичного некрополя; и поздняя керамика – преимущественно I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Однако у нас есть единичные случаи обнаружения фрагментов бытовых сосудов первой половины II тыс. до н. э. [4], маркирующие присутствие людей на этой территории. Эти редкие и крайне фрагментарные находки черепков керамики со следами копоти, принадлежавших кухонной утвари, пока являются единственными свидетельствами спорадической человеческой активности на всей территории Гизы в эпоху Среднего царства и II Переходного периода, хотя в реальности она вряд ли была ограничена лишь восточной частью некрополя. Проблема скорее в сборе и публикации материала, т. к. работы американских, немецких и египетских коллег учитывают главным образом керамику оригинальную – Древнего царства, и лишь в редких случаях можно найти информацию о более поздних предметах, но даже в этих случаях это материал I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.[5]

Аналогичная ситуация имеет место и с редкостью керамики эпохи Нового царства (1550–1069 гг. до н. э.) на большей части территории некрополя Гиза, однако на участке

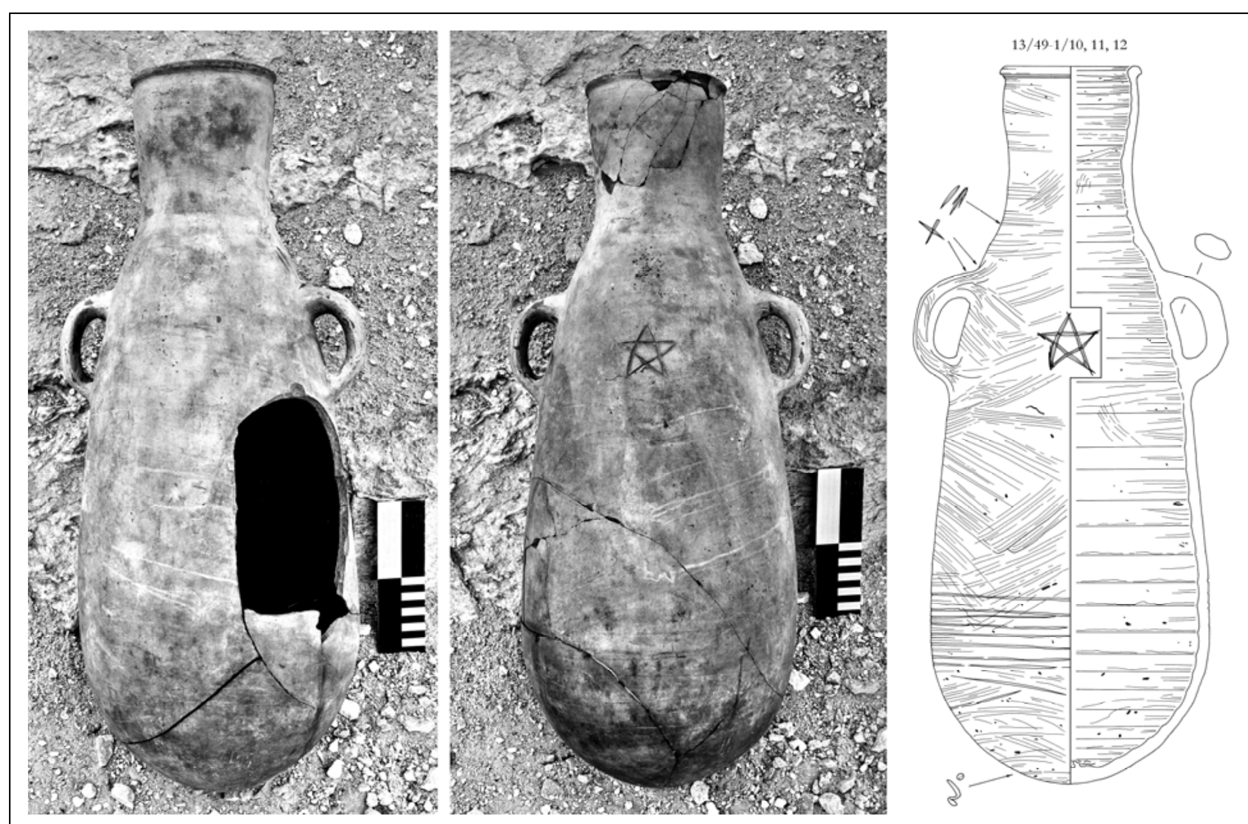
[3] См., например: [Firth, Gunn, 1926, p. 33, fig. 35; Hassan, 1936, p. 3 (шахта S 306), 141–150 (шахта S 294); Junker, 1944, S. 33 (S 408); 1951, Taf. XXId-e; Roth, 1995, p. 94, fig. 58 (G 2089A); Brovarski, 2000. p. 81–83, pl. 57]. Вместе с диадемой в погребальной камере 3А гробницы Несемнау находился комплект медных моделей орудий.

[4] Подробнее см.: [Малых, 2015, с. 143–152].

[5] См., например, отрывочные сведения в публикациях работ на Центральном и Восточном плато Гизы: [Hassan, 1932, pl. LXXX.A; 1936, p. 93, 108, 177, pl. XXVIII.2; XXXV.1–2, LXIII.2; 1941, p. 174, 223, pl. LIII, LXIII; 1943, p. 17, pl. VII; 1944, p. 313–318, pl. LXVII, LXIX.B, LXXI.A, LXXVI–LXXVIII; 1950, p. 242–245, pl. CIII–CXV; 1953, p. 18, 105–119, pl. XVII.B, XLV.D–XLVIII.A, L; 1953, p. 6, 21, 39–40, 52–55; 1960, p. 91, pl. L.A; Fakhry, 1935, p. 8, 18, 30].

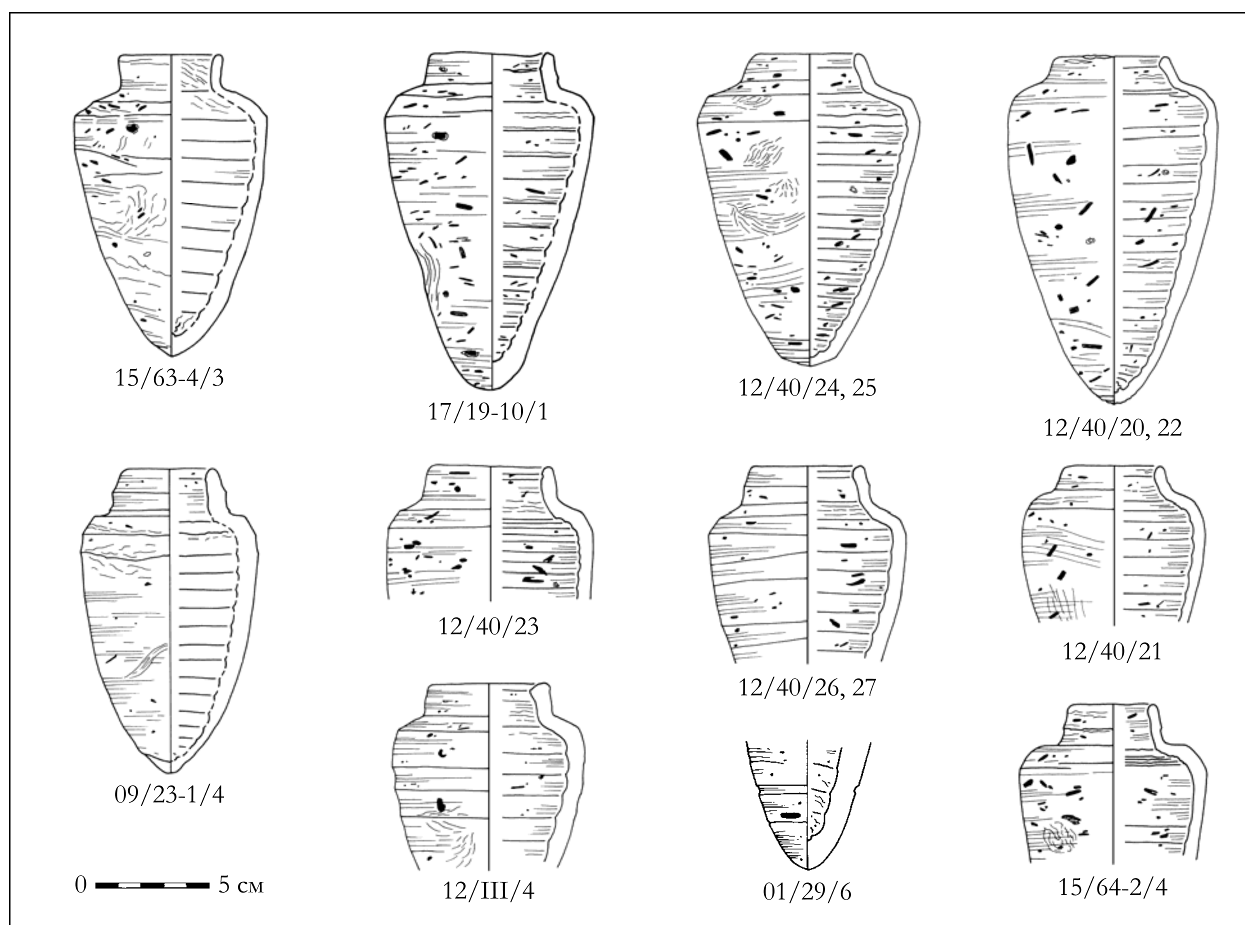
Российской концессии в восточной части кладбища она достаточно неплохо представлена: это египетские амфоры, сосуды с голубой росписью, пивные кувшины, подставки, т. н. «flower pots» – грубые кувшины наподобие пивных, но с проделанным до обжига отверстием в донце. Назначение последних, несмотря на их внешнее сходство с цветочными горшками, до сих пор не определено [Aston, Aston, Ryan, 2000, p. 18, fig. 27; Bourriau et al., 2005, p. 22 (no.40); Jacquet-Gordon, 2012, p. 133–135, fig. 59].

К началу III Переходного периода (время правления XXI династии, 1069–945 гг. до н. э.) относится египетская амфора (*илл. 3*), найденная в сезоне 2013 г. при раскопках шахты 1 скальной гробницы GE 49. В быту такие амфоры использовались для хранения зерна или вина [Aston, 1996, p. 64], однако в нашем случае назначение сосуда было иным: он содержал двойное детское погребение – вероятно, близнецов, умерших в возрасте от полугода до года [Kormysheva et al. 2015, p. 241–242, 281]. Несмотря на то, что погребение было частично разрушено грабителями, на руке одного из детей сохранился браслет из зеленовато-голубого фаянсового бисера. В верхней части тулова амфоры был процарапан знак в форме пентаграммы[6], призванный, по всей видимости, защитить умерших детей от воздействия злых сил в загробном мире. Характерно, что амфора-гроб располагалась в верхней части шахты, а ниже – в погребальной камере – было найдено захоронение пожилого мужчины эпохи VI династии (ок. XXIII – начало XXII вв. до н. э.), избежавшее грабительского проникновения [Kormysheva et al. 2015, p. 242].



Илл. 3. Амфора времени правления XXI династии из восточной Гизы, содержавшая детское захоронение (*фото и рис. автора*)

[6] Знаки в форме пентаграммы использовались в Египте еще с додинастического времени как для орнаментации керамики, так и для ее маркировки [Petrie, 1901, pl. XV.24, XXXVII.11–12, XLVIII.297; 1921, pl. XXXII (24B)].

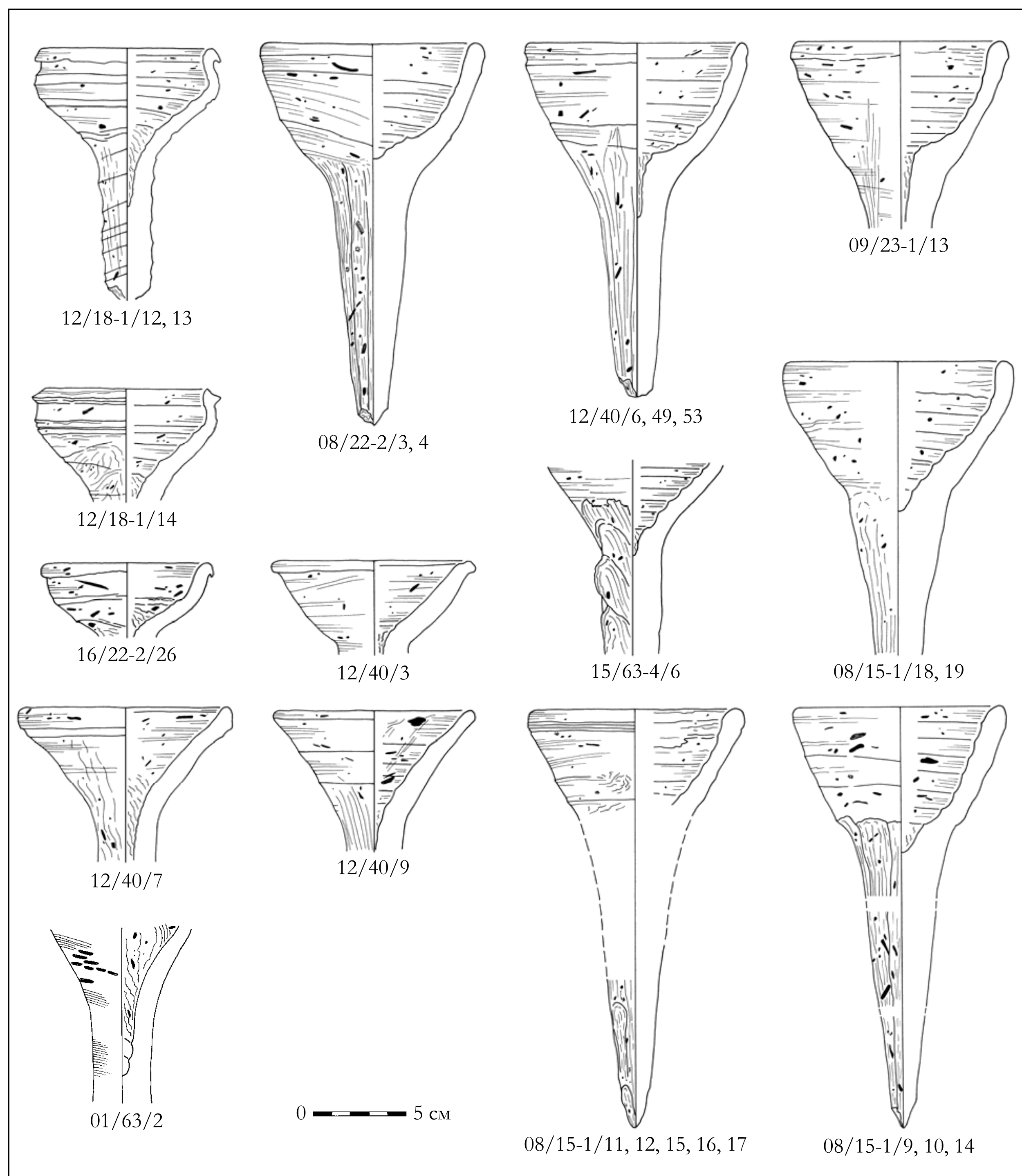


Илл. 4. Небольшие конические сосуды Позднего периода из восточной Гизы (*рис. автора*)

Итак, поздняя керамика составляет 40% от всего керамического материала, найденного на участке Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе. Этот материал обширен, но, в основном, происходит из переотложенных слоев: у нас есть несколько открытых керамических комплексов, датировка которых основывается не на археологическом контексте, а на аналогах в специальной литературе. Внутри этих комплексов встречаются типы, уникальные для Египта в целом и характерные лишь для Мемфисской области, например, небольшие конические сосуды (*илл. 4*) и светильники на острой ножке (*илл. 5*), датирующиеся Поздним периодом (664–332 гг. до н.э.) [Malykh, 2015, p. 115, fig. 7–8]. Копоть на внутренней стороне последних свидетельствует об их назначении, однако они также могли использоваться и для сжигания ароматических веществ (т. е. как курильницы): крупинки смолистой субстанции коричневого цвета были обнаружены в сосуде 12/40/3, при поджигании они издавали запах канифоли, содержащейся в смоле хвойных деревьев [Malykh, 2015, p. 115]. В целом подобные керамические комплексы Позднего периода (преимущественно финальной его части), обнаруженные в погребальных камерах гробниц Персенеба (LG 78 / GE 20–22, погребальная камера 2А), Перинеджу (GE 19, ниша 10), в безымянной гробнице GE 23 (погребальная камера 1А), видимо, следует рассматривать в качестве т. н. «тайников бальзамировщиков» – т. е. как места складирования остатков от мумификации тел умерших, обычно устроенные по соседству с погребениями [7] . Действительно, многие сосуды из таких комплексов имеют следы темной смолистой субстанции внутри (вероятно, от смол, использовавшихся при бальзамировании тела),

[7] Подробнее о т. н. “embalmers’ cache”, “embalming complex” и “embalming vessels” см.: [Aston, 2011, p. 45–79; Ikram, López-Grande, 2011, p. 205–228; Smoláriková, 2016, p. 545–555].

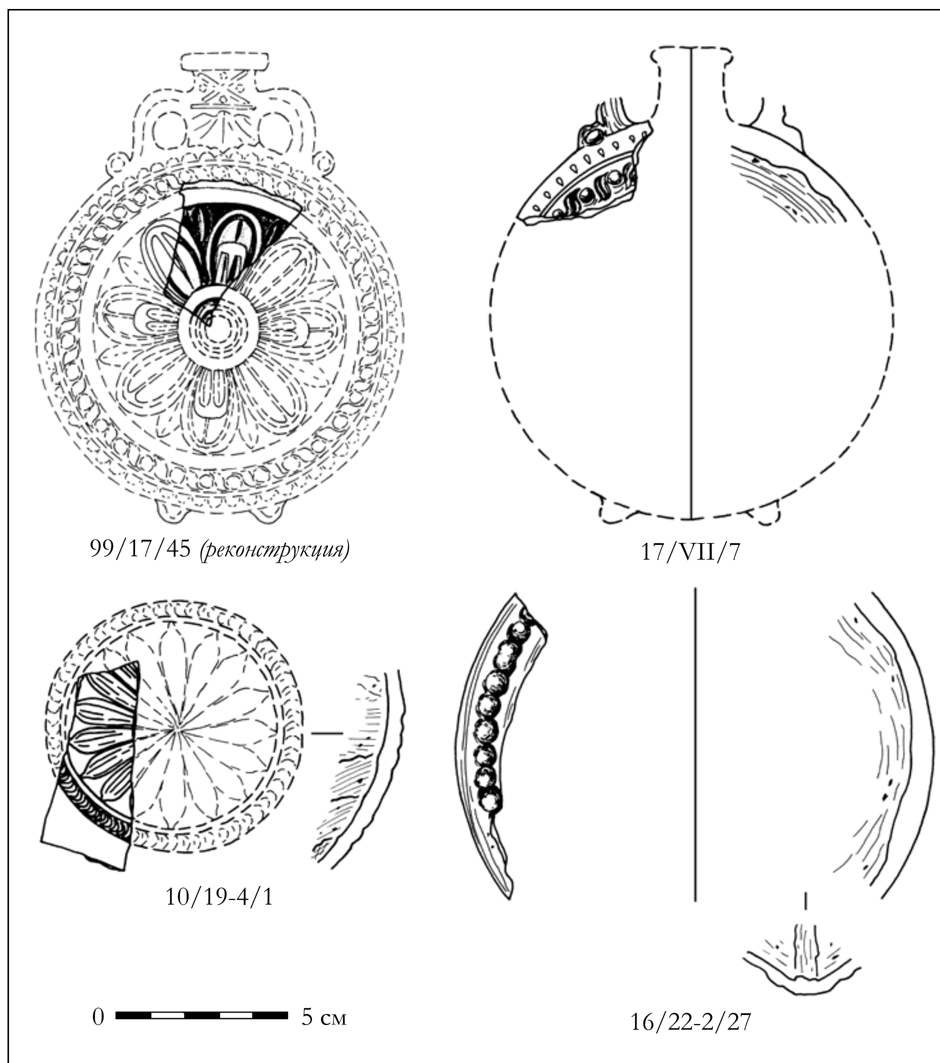
некоторые содержали натрон[8] (например, запечатанный тканевой пробкой кувшин 16/19-10/1 из ниши 10 гробницы Перинеджу), а рядом были найдены обрывки бинтов и льняные мешочки с натроном. Собственно остатки вторичных погребений, устроенных в более древних гробницах, также обнаружены здесь и относятся к интервалу от Позднего периода до Птолемеевского времени.



Илл. 5. Светильники/курильницы на ножке Позднего периода из восточной Гизы (*рис. автора*)

[8] Натрон – природная сода. Египетская сода содержит в качестве естественных примесей хлористый натрий (NaCl) и сернокислый натрий Na_2SO_4 [Лукас, 1958, с. 409]. В Египте использовался для мумификации для дегидратации тел умерших [Лукас, 1958, с. 431–433].

Этому материалу синхронна и импортная керамика, обнаруженная в заполнении гробниц, и, по-видимому, сопровождавшая покойных. Лидируют здесь эгейские, малоазийские и финикийские амфоры VI в. до н. э. [Малых, 2010, с. 141–150; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010, p. 190], что может объясняться как активностью торговых связей между средиземноморскими регионами в указанный период, так и тем, что в Нижнем Египте были основаны и процветали колонии иноземцев, располагавшиеся в Дафнах, Навкратисе, Мемфисе и других местах [9]. Многие находки греческих и финикийских амфор и аттической столовой посуды происходят из прилегающих к поселениям кладбищ, как это видно на примере Мемфисского региона и его некрополей – Саккары, Абусира, Гизы, которые и в I тыс. до н. э. оставались главным местом захоронения населения Мемфиса и его округи [10]. Помимо погребений египтян, здесь располагались и небольшие кладбища греков и арамеев [Smoláriková, 2000, p. 67–72; 2002, p. 71–74; Sabbahy, 2014, p. 57–69].



Илл. 6. Фрагменты рельефных фляг I в. до н. э. – середины I в. н. э. из восточной Гизы (*рис. автора*)

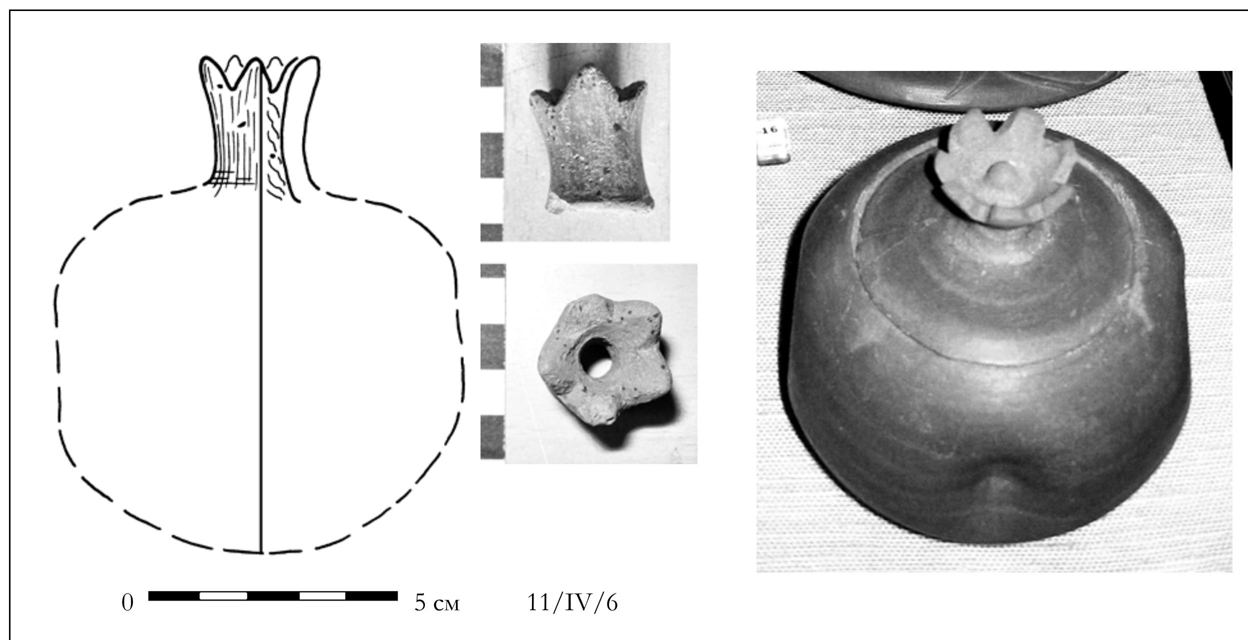
В большом количестве в исследуемых российской экспедицией скальных гробницах Древнего царства присутствует бытовая египетская керамика Птолемеевского, Римского, Византийского и Арабского времени (вплоть до XVIII–XIX вв.), которую нельзя связать с погребальным контекстом. Здесь обнаружены замечательные изделия гончарен Мемфиса ("Memphis Black Ware", I в. до н. э. – середина I в. н. э.), отличающиеся черным цветом внешней поверхности и сколом серого цвета, что обусловлено особой технологией обжига в восстановительной атмосфере печи[11]. В восточной Гизе они представлены главным образом небольшими флягами с рельефным декором, тулово которых оттискивалось в форме (*илл. 6:* 99/17/45, 10/19-4/1, 16/22-2/27). Благодаря такому способу производства из одной формы

[9] Подробнее об этом см.: [Малых, 2010, с. 149]

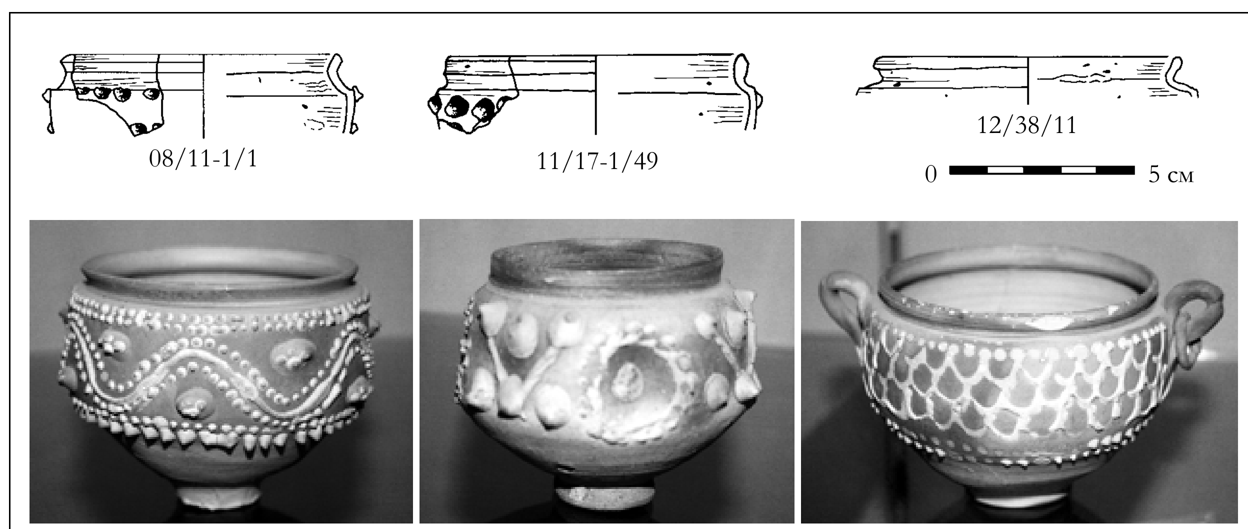
[10] Подробнее об этом см.: [Zivie-Coche, 1991, p. 91–92, 174–210; Bareš, 1999, p. 97–98; Smoláriková, 2002, p. 71–82].

[11] Подробнее о "Memphis Black Ware" см.: [Seif el-Din, 2006].

могло получаться неограниченное число слепков, т. е. сосудов, одинаковых по декору. Схожие предметы производились и в других местах Египта – Фаюмском оазисе, Дельте (вероятно, Атрибисе), но обычно они имели не черный, а красный или коричневый цвет поверхности. Один фрагмент такой фляги (*илл. 6:* 17/VII/7) был обнаружен в балластном слое вблизи гробницы Кахерптаха (G 7721).



Илл. 7. Сосуды в форме граната I–II вв. н. э. из раскопок в восточной Гизе (*слева*) и из коллекции Национального археологического музея в Карфагене (Тунис) (*рис. и фото автора*)



Илл. 8. Чаши с декором «барботин» II в. н. э. из раскопок в восточной Гизе (*сверху*) и из коллекции Суданского национального музея в Хартуме (*рис. и фото автора*)

Репрезентативна группа тонкой столовой посуды в восточной Гизе – это фрагменты краснолощеных и чернолощеных чаш различной формы, относящихся к Птолемеевскому, Римскому и Византийскому периоду и имеющих как местное (*илл. 9*: 14/58-1/5, 6), так и импортное происхождение. Встречаются фрагменты африканской и восточной *Terra Sigillata* – качественной столовой утвари, во II–VII вв. н. э. изготовлявшейся в гончарных мастерских на территории современного Туниса и Кипра [Bonifay, 2004, p. 77, 155, 313–315; Meyza, 2007]. Первоначально – на рубеже эр – этот тип керамики производился в гончарнях римского

города Арециум, однако уже с I в. н. э. ее начали копировать в мастерских Галлии, Германии, Малой Азии и Леванта [Bourriau, 1981, p. 89], со II в. н. э. – в Тунисе и на Кипре, а с IV в. – уже и в Египте, в местах, где были найдены подходящие по качеству глины – в Асуане и оазисах Харга и Дахла[12]. С V в. н. э. форму привозной сигиллаты приобрела и местная столовая посуда, изготовлявшаяся по всему Египту из более грубых аллювиальных глин[13]. Привлекает внимание венчик сосуда в форме плода граната (*илл. 7*: 11/IV/6), обнаруженный перед скальной гробницей Нисутптаха. Аналогичные предметы изготовлялись в римских гончарнях, в частности, в провинции Проконсульская Африка (один схожий по форме предмет представлен в коллекции Национального археологического музея в Карфагене (Тунис), *илл. 7*). Однако найденный в Гизе венчик сосуда в форме граната сделан из нильской аллювиальной глины, что свидетельствует о том, что египетские гончары также подражали римским образцам.

Аналогичный вывод можно сделать и для небольших тонкостенных чаш с налепным декором «барботин», фрагменты которых найдены в заполнении шахт гробницыЧенти I (GE 11) и GE 17, а также в одиночной шахте GE 38 перед гробницей Ченти I (*илл. 8*). Чаши с барботиновым декором изготовлялись в I–II вв. н. э. на Аппенинском полуострове, но затем их стали производить и в провинциальных мастерских Римской империи (в Британии, Германии, Испании) [Малых, 2016, с. 365–367]. Однако найденные в Гизе фрагменты трех таких чаш не имеют италийского происхождения; судя по глине, они были произведены в гончарнях Асуана, где в небольшом количестве имитировались подобного рода изделия, затем достигавшие Нижнего Египта на севере и царства Мероэ на юге[14]. Барботиновые изделия метрополии привозились только в столицу провинции Египет – Александрию [Élaigne, 2012, p. 50–55, fig. 14–16]; в других городах и поселениях долины Нила зафиксированы лишь местные имитации.

Грубая утварь, в основном кухонного назначения, более многочисленна в заполнении помещений скальных гробниц восточной Гизы: это фрагменты мешкообразных котлов и цилиндрических котлов-*лопасов* от Римского и Византийского времени (*илл. 9*: 14/58-1/12, 11/17-1/35, 47, 48[15]) до Средневековья (*илл. 9*: 15/64-2/5, 15/64-3/8[16]). Здесь же обнаружены фрагменты т. н. кувшинов-фильтров для хранения и охлаждения воды Римского, Византийского и Арабского времени[17] (*илл. 9*: 11/17-1/38, 07/15c/1, 16/63-5/12), названных так из-за специальной глиняной перфорированной перегородки в горле, препятствующей попаданию в сосуд мусора. Такие кувшины появились в Египте еще в Птолемеевское время и существуют в несколько измененном виде и поныне [Henein, 1992, p. 192–193, fig. 1, 4; Wodzińska, 2010, p. 338 (no. 60), 341 (no. 69)]; местные жители называют их *кулла* / *олла*. Примечательно также присутствие в заполнении шахты 2 скальной гробницы GE 58 венчиков сосудов-*кавадис* (араб. sing. *qādūs* / pl. *qawādīs*) для водочерпального колеса-*сакия*. Найденные в данной гробнице предметы датируются V–VIII вв. н. э.[18], однако колесо-*сакия* с сосудами-*кавадис*, служившее для поднимания воды из Нила в расположенные выше каналы

---

12 [Bourriau, 1981, p. 93–94; Rodziewicz, 1987, p. 124–128; Ballet et al., 1991, p. 141–143; Bonifay 2004, p. 460; Brones, Duvette, 2007, p. 39].

13 [Ballet et al., 1991, p. 138, fig. 16; Gempeler, 1992, S. 96, Abb. 39 (no.5, 6); Bavay, Bovot, Lavigne, 2000, p. 53, fig. 19.18].

14 [Evina 2010, 109–110, fig. 131; Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 126–127, pl. 58.544; Шинни, 2004, с. 136, 202, илл. 54, 55]. По этому вопросу также см.: [Малых, 2016, с. 364].

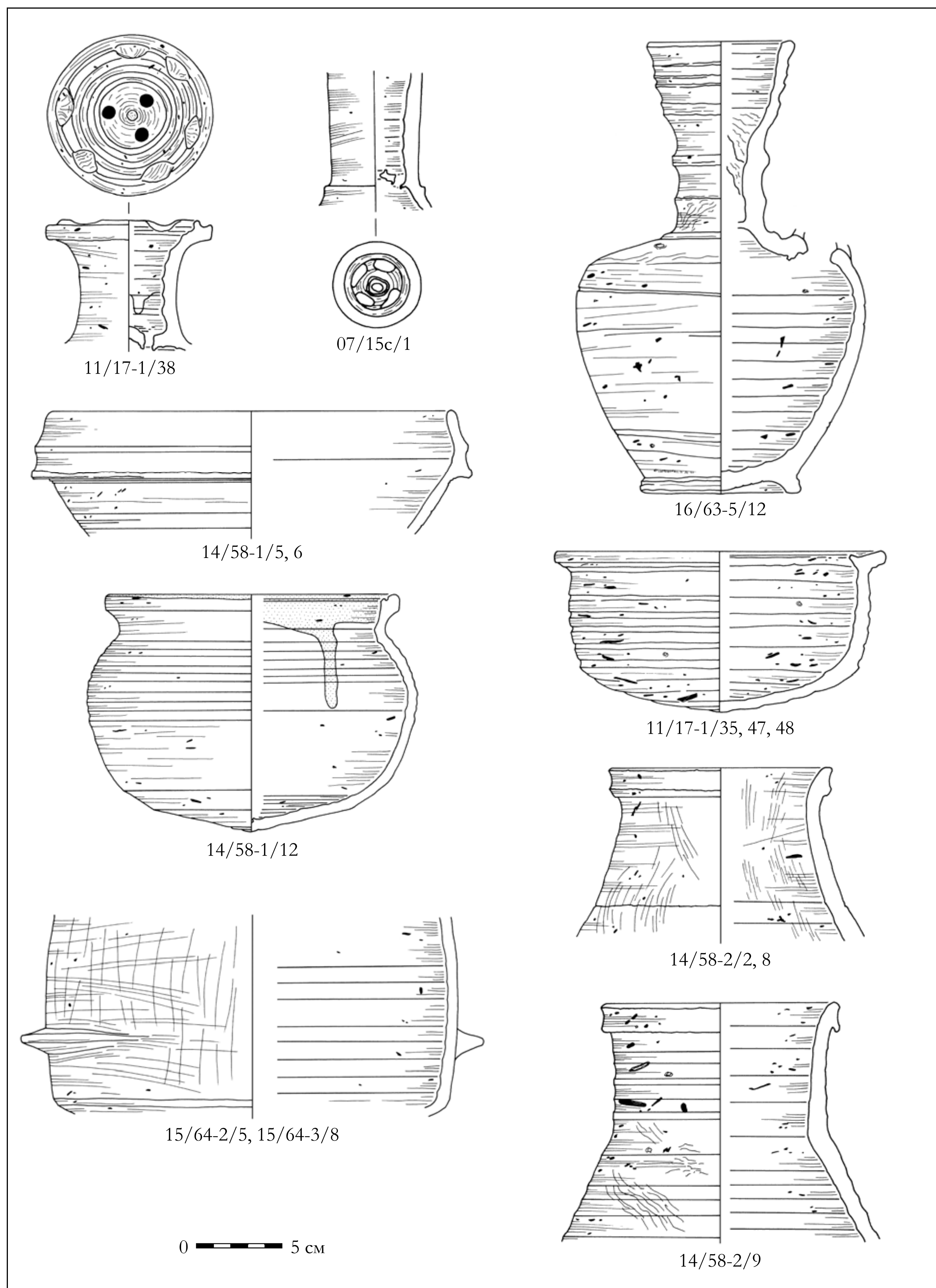
15 Морфологические параллели шарообразных котлов относятся к Византийскому времени [Jacquet-Gordon, 1972, pl. CCXX.22a]. Цилиндрические котлы-*лопасы* подобной формы бытовали с V по VII вв. н. э. [Lecuyot, Pierrat-Bonnefois, 2004, p. 149, pl. 1, fig. 6].

16 Аналоги данному котлу имеются в египетской керамике времени Фатимидов (969–1171 гг. н. э.) [Monchamp, 2016, p. 151, fig. 9.1–9.2].

17 Датировка по аналогиям в литературе: [Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 108, pl. 50; Gempeler, 1992, S. 137, Abb. 78 (no.5, 6)].

18 Датировка по аналогиям в литературе: [Jacquet-Gordon, 1972, pl. CCXXV.3; Faiers, 2005, p. 150–151, fig. 2.50 (no. 353); Południkiewicz, Konstantinidou, 2012, p. 93, fig. 18].

для орошения полей, было известно в Египте еще с Птолемеевского времени и используется до сих пор [Masson, Naguib, Shafey, 2012, p. 128; Wodzińska, 2010, p. 310 (no.16)].



Илл. 9. Керамика I–XV вв. н. э. из скальных гробниц восточной Гизы (*рис. автора*)

Характер бытовой керамики из заполнения помещений скальных гробниц восточной Гизы, а также присутствие здесь же (в гробничных часовнях, шахтах и погребальных камерах) другого вещевого материала (античных и средневековых монет, обломков стеклянных сосудов и украшений, костей животных) вкупе с толстым слоем копоти на стенах и потолках четко показывают, что, начиная с Римского времени, часовни скальных гробниц, сооруженных в III тыс. до н. э., стали использоваться местным населением для жилья, а расположенные здесь же шахты – как мусорные ямы. Более того, некоторые гробницы перестраивались в согласии с нуждами жителей – закладывались первоначальные проходы и прорубались новые (в гробнице GE 23), ставились деревянные двери, выравнивались грубой штукатуркой стены (в гробнице Ченти II), строились очаги и жаровни (в гробнице Ченти II), делались полки и крючки (в гробницах Персенеба и GE 17). Даже европейские исследователи XIX в. отмечали, что некоторые гробницы восточной Гизы обитаемы: так, К. Р. Лепсиус, работавший в Гизе с 10 ноября 1842 по 10 февраля 1843 гг., сообщал, что в гробнице Ипи живет водонос Ибрагим [Lepsius, 1849, S. 96], а О. Мариетт, на время своего исследования древнего некрополя в ноябре 1850 г. поселившийся со слугами в незанятой гробнице Персенеба, отмечал, что расположенная по соседству все та же гробница Ипи заселена «современными арабами» [Mariette, 1889, p. 536–537].

Примечательно, что в целом такой нередкий для других археологических памятников Египта материал, как античные амфоры или *терра сигиллата*, официально практически неизвестен в Гизе по раскопкам зарубежных коллег, из-за чего в обобщающих работах, посвященных, например, греческому импорту в Египте или североафриканской (тунисской) керамике IV–VII вв. н. э., Гиза даже не входит в ареал этих керамических групп[19].

В целом, найденный Российской археологической экспедицией ИВ РАН в Гизе керамический материал, охватывающий хронологический интервал в четыре с половиной тысячи лет, позволяет расширить наши знания о погребальных обрядах древних египтян и торговых связях Египта в целом и Мемфисского региона в частности. Он дает возможность увидеть, как на протяжении III-го тыс. до н. э. формировался древний некрополь, как гробницы стали повторно использоваться для погребений, а затем и вовсе служили жилыми помещениями, что продолжалось вплоть до начала XX в., когда начавшиеся в Гизе широкомасштабные археологические исследования дали возможность египетской Службе древностей выселить население из древних гробниц и навести на археологическом памятнике относительный порядок. Нельзя также обойти вниманием и тот факт, что многообразный, хотя и происходящий по большей части из переотложенных слоев поздний керамический материал из российских раскопок позволяет включить Гизу в ареал распространения основных категорий импортных для Египта изделий I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

Литература / References

Лукас А. *Материалы и ремесленные производства Древнего Египта.* М., 1958 [Lucas A. *Materialy i remeslennye proizvodstva Drevnego Egypta*. Moscow, 1958].

Малых С. Е. Греческий керамический импорт VI в. до н.э. в Гизе (из раскопок Российской археологической экспедиции в Египте) // *Вестник древней истории.* 2010. № 1. С. 141–150 [Malykh S. E. Grecheskiy keramicheskiy import VI v. do n. ʻe. // *Vestnik drevney istorii.* 2010. 1. Pp. 141–150].

Малых С. Е. К истории Гизехского некрополя в первой половине второго тысячелетия до н.э. // *Петербургские египтологические чтения 2013–2014. Памяти Юрия Яковлевича Перепелкина. Ко 110-летию со дня рождения. Доклады. Труды Государственного Эрмитажа.* Т. LXXVI. СПб., 2015. С. 143–152 [Malykh S. E. K istorii Gizehskogo nekropolya v pervoi polovine vtorogo tysyacheletiya do n. ʻe. // *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2013–2014*. Saint Petersburg, 2015. Pp. 143–152].

[19] См., в частности, данные, представленные в базовых работах К. Смоляриковой [Smoláriková, 2002, p. 47–60, fig. 1–5] и М. Бонифе [Bonifay, 2004, p. 454–456, fig. 256].

Малых С. Е. Керамика типа «барботин» в Римском Египте: распространение и проблема атрибуции // *Вестник древней истории*. 2016. № 2. С. 361–370 [Malykh S. E. Keramika tipa "barbotine" v Rimskom Egipte: rasprostranenie i problema atributsii // *Vestnik drevney istorii*. 2016. 2. Pp. 361–370].

Малых С. Е. О назначении древнеегипетской керамики из некрополей эпохи Древнего царства: эпиграфические и археологические свидетельства // *Эпиграфика Востока*. Вып. XXIX. М., 2011. С. 148–173 [Malykh S. E. O naznachenii drevneegipetskoy keramiki iz nekropoley 'epohi Drevnego tsarstva: 'epigraficheskie i arheologicheskie svidetel'stva // *'Epigrafika Vostoka*. Vol. XXIX. Moscow, 2011. Pp. 148–173].

Малых С. Е. Сосуд и его содержимое: к вопросу об интерпретации некоторых древнеегипетских гробничных сцен эпохи Древнего царства // *Вестник древней истории*. 2012. № 4. С. 122–133 [Malykh S. E. Sosud i ego soderzhimoe: k voprosu ob interpretatsii nekotoryh drevneegipetskih grobnicnyh stsen 'epohi Drevnego tsarstva // *Vestnik drevney istorii*. 2012. 4. Pp. 122–133].

Шинни П. *Нубийцы. Могущественная цивилизация древней Африки*. М., 2004 [Shinnie P. *Nubiitsy. Moguschestvennaya tsivilizatsiya drevney Afriki*. Moscow, 2004].

Ярмолович В. И. Египетские диадемы эпохи Древнего царства: проблема использования предметов-имитаций в погребальном обряде // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2016. № 3. С. 63–73 [Yarmolovich V. I. The Egyptian diadems of the Old Kingdom: the use of imitation objects in funerary equipment // *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*. 2016. 3. Pp. 63–73].

Arnold Do., Bourriau J. *An Introduction to Ancient Egyptian Pottery*. Mainz am Rhein, 1993.

Aston B., Aston D., Ryan D. P. Pottery from Tombs in the Valley of the Kings KV 21, 27, 28, 44, 45 and 60 // *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2000. 6. Pp. 11–26.

Aston D. A. *Egyptian Pottery of the Late New Kingdom and Third Intermediate Period*. Heidelberg, 1996.

Aston D. A. *tA pXrt wty*. The Saqqara Embalmers' Caches Reconsidered; Typology and Chronology // Aston D., Bader B., Gallorini C., Nicholson P., Buckingham S. (eds.). *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven, Paris, Walpole, 2011. Pp. 45–79.

Ballet P., Mahmoud F., Vichy M., Picon M. Artisanat de la céramique dans l'Égypte romaine tardive et byzantine. Prospections d'ateliers de potiers de Minia à Assouan // *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1991. 2. Pp. 129–143.

Ballet P., Południkiewicz A. *Tebtynis V. La ceramique des epoques hellenistique et imperiale. Campagnes 1988–1993. Production, consummation et réception dans le Fayoum méridional*. Le Caire, 2012.

Bareš L. *Abusir IV. The Shaft Tomb of Udjahorresnet at Abusir*. Praha, 1999.

Bavay L., Bovot J.-L., Lavigne O. La céramique romaine tardive et byzantine de Tanis. Prospection archeologique sur le Tell San el-Hagar // *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2000. 6. Pp. 39–75.

Bonifay M. *Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique*. Oxford, 2004.

Bourriau J. *Umm El-Gaàb. Pottery from the Nile Valley before the Arab Conquest. Catalogue*. Cambridge, 1981.

Bourriau J. D., Aston D. A., Raven M. J., van Walsem R. *The tomb of Horemheb, Commander-in-chief of Tut'ankhamun*. III. *The New Kingdom Pottery*. London, 2005.

Brones S., Duvette C. Le fort d'El-Deir, oasis de Kharga. "État des lieux" architectural et archéologique // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 2007. 107. Pp. 5–41.

Brovarski E. *Giza Mastabas*. Vol. 7. *The Senedjemib Complex*. Part 1. *The Mastabas of Senedjemib Inti (G 2370), Khnumenti (G 2374), and Senedjemib Mehi (G 2378)*. Boston, 2000.

Élaigne S. *La vaisselle fine de l'habitat alexandrine*. Le Caire, 2012.

Evina M. Une double tradition céramique // Baud M. (ed.). *Méroé. Un empire sur le Nil*. Paris, 2010. Pp. 105–113.

Faiers J. *Late Roman Pottery at Amarna and related studies*. London, 2005.

Fakhry A. *Sept tombeaux à l'est de la grande pyramide de Guizeh*. Le Caire, 1935.

Firth C. M., Gunn B. *Teti Pyramid Cemeteries*. T. I. Le Caire, 1926.

Gempeler R. D. *Elephantine X. Die Keramik römischer bis früharabischer Zeit*. Mainz am Rhein, 1992.

Hassan S. *Excavations at Giza 1929–1930*. Vol. I. Oxford, 1932.

Hassan S. *Excavations at Giza 1930–1931*. Vol. II. Cairo, 1936.

Hassan S. *Excavations at Giza 1931–1932*. Vol. III. Cairo, 1941.

Hassan S. *Excavations at Giza 1932–1933*. Vol. IV. Cairo, 1943.

Hassan S. *Excavations at Giza 1933–1934*. Vol. V. Cairo, 1944.

Hassan S. *Excavations at Giza 1934–1935*. Vol. VI. Part III. Cairo, 1950.

Hassan S. *Excavations at Giza 1935–1936*. Vol. VII. Cairo, 1953.
Hassan S. *Excavations at Giza 1936–1938*. Vol. IX. Cairo, 1960.
Henein N. L'atelier de potier de Badura, à Al-Qasr (oasis de Dakhla). Observations techniques // *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1992. 3. Pp. 191–201.
Ikram S., López-Grande M. J. Three Embalming Caches from Dra Abu el-Naga // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 2011. 111. Pp. 205–228.
Jacquet-Gordon H. *Karnak-Nord X. Le trésor de Thoutmosis Ier. La céramique*. Le Caire, 2012.
Jacquet-Gordon H. *Les ermitages chrétiens du désert d'Esna III. Céramique et objets*. Le Caire, 1972.
Junker H. *Giza VII. Der Ostabschnitt des Westfriedhofes*. Erster Teil. Wien, Leipzig, 1944.
Junker H. *Giza IX. Das Mittelfeld des Westfriedhofes*. Wien, 1950.
Junker H. *Giza X. Der Friedhof südlich der Cheopspyramide*. Westteil. Wien, 1951.
Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis I. The Tomb of Khafraankh*. Moscow, 2010.
Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948*. Moscow, 2012.
Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow, 2015.
Lepsius R. *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien*. Bd. I. Berlin, 1849.
Malykh S. Unusual ceramic complex in the Eastern Giza: problems of dating and interpretation // *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2015. 25. Pp. 113–125.
Mariette A. *Les Mastaba de l'Ancien Empire*. Paris, 1889.
Masson A., Naguib M., Shafey M. Overview of the Ceramic Productions from the Luxor Town Mound // *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2012. 23. Pp. 125–145.
Meyza H. *Nea Paphos V. Cypriot Red Slip Ware: Studies on a Late Roman Levantine Fine Ware*. Warsaw, 2007.
Monchamp J. Céramiques fatimides de Bāb al-Nasr, murailles du Caire // *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2016. 26. Pp. 143–165.
Petrie W. M. F. *Corpus of Prehistoric Pottery and Palettes*. London, 1921.
Petrie W. M. F. *The Royal Tombs of the Earliest Dynasties*. Part II. London, 1901.
Południkiewicz A., Konstantinidou A. Bawit – Church "D" // *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2012. 23. Pp. 91–99.
Reisner G. A., Smith W. S. *A History of the Giza Necropolis. The Tomb of Hetep-heres the mother of Cheops*. Vol. II. Cambridge, 1955.
Rodziewicz M. Introduction à la céramique à engobe rouge de Kharga (Kharga Red Slip Ware) // *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1987. 1. Pp. 123–136.
Roth A. M. *Giza Mastabas*. Vol. 6. *A Cemetery of Palace Attendants*. Boston, 1995.
Rzeuska T. I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs*. Varsovie, 2006.
Sabbahy L. Archaeological Context of Jequier's Cimetiere Arameen // *Journal of the Society of the Studies of Egyptian Antiquities*. 2014. 40. Pp. 57–69.
Seif el-Din M. *Die reliefierten hellenistisch-romischen Pilgerflaschen*. Le Caire, 2006.
Smoláriková K. *Abusir VII. Greek Imports in Egypt. Graeco-egyptian relations during the First millennium B. C.* Prague, 2002.
Smoláriková K. Late Saite – Early Persian Assemblages of Pottery from Abusir // Bader B., Knoblauch K. M., Köhler E. C. (eds.). *Vienna 2 – Ancient Egyptian Ceramics in the 21st Century. Proceedings of the International Conference held in the University of Vienna, 14th –18th of May, 2012*. Leuven, Paris, Bristol, 2016. Pp. 545–555.
Smoláriková K. The Greek Cemetery at Abusir // Barta M., Krejči J. (eds.). *Abusir and Saqqara in the year 2000*. Prague, 2000. Pp. 67–72.
Verner M., Bárta M., Benesovska H. *Abusir IX. The Pyramid Complex of Raneferef. The Archaeology*. Prague, 2006.
Weeks K. R. *Giza Mastabas*. Vol. 5. *Mastabas of Cemetery G 6000*. Boston, 1994.
Wodzińska A. *A Manual of Egyptian Pottery*. Vol. 4: *Ptolemaic Period – Modern*. Boston, 2010.
Zivie-Coche C. M. *Giza au premier millénaire. Autour du temple d'Isis Dame des pyramides*. Boston, 1991.

К ВОПРОСУ О СИНТАГМАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЯПОНСКИХ ПАДЕЖНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: ПУНКТУАЦИЯ И ДРУГИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

А. С. Зверев*

Статья посвящена одному из базовых вопросов японской грамматики – синтагматическому статусу падежных показателей, т. е. их положению на шкале от связанных морфем до самостоятельных словоформ. Прежние исследования этого вопроса в основном ориентировались на устную речь, тогда как специфика письменного дискурса, представленного в графической форме, практически игнорировалась. Стремясь восполнить этот пробел, в данной работе мы рассматриваем взаимодействие падежных показателей со знаками препинания, а также некоторые смежные явления.

Ключевые слова: японский язык, падежные показатели, морфосинтаксический статус, синтагматическая самостоятельность, знаки препинания, пунктуация.

ON THE SYNTAGMATIC STATUS OF CASE MARKERS IN JAPANESE: PUNCTUATION AND OTHER WRITTEN FEATURES

Aleksei S. Zverev

The paper deals with one of the basic issues in Japanese grammar, addressing the syntagmatic status of case markers, i.e. their position on the scale from bound morphemes to free word-forms. Previous work on this subject has primarily focused on oral speech while the specificity of written discourse, presented graphically, has been virtually neglected. In order to fill this gap, the paper examines the interaction between the case markers and punctuation as well as some other related phenomena.

Keywords: Japanese, case markers, morphosyntactic status, syntagmatic autonomy, punctuation.

В статье мы обратимся к малоизученным аспектам одного из базовых вопросов японской грамматики – синтагматического статуса падежных показателей. В современной лингвистике утвердилась точка зрения, согласно которой эти показатели следует считать не суффиксами, а относительно самостоятельными служебными словами[1]. Такая позиция обосновывается целым рядом аргументов, в числе которых важное место занимает отделимость от существительного различными языковыми выражениями с достаточной степенью автономности[2]. Так, указывают на размещение между именем и падежным показателем ограничительных частиц типа だけ *дакэ* ‘только’ [Алпатов, 2012, с. 21].

Исследование вопроса, однако, в основном ориентировалось на устный язык, а в немногочисленных прямых отсылках к «письменному языку» практически не раскрывалась та специфика, которая отличала бы письменный текст, воплощенный в графике, от ассоциированного с ним (через ситуацию чтения вслух) устного дискурса, имеющего звуковую форму.

В дискуссии нередко отмечалась возможность вставить между именем и показателем падежа пояснительную конструкцию[3]. В изложении [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 62] отделимость вставными конструкциями подается как явление письменной речи, хотя в

* Алексей Сергеевич ЗВЕРЕВ, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; zvereval@inbox.ru
Aleksei S. Zverev, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; zvereval@inbox.ru

[1] Об истории проблемы см.: [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 61-63; Алпатов, 2012].

[2] О критерии отделимости см.: [Мельчук, 1974, с. 161-165; Плунгян, 2000, с. 21-25].

[3] О факторах, влияющих на расположение таких парентез в скобках, см.: [Зверев, 2012].

действительности тот же аргумент вполне тривиально – с поправкой на теоретически допустимое опущение вставки при прочтении – переносится и на устную речь, возникающую при озвучивании текста. (Очевидно, столь же не специфицирован и аргумент, касающийся вставки всевозможных частиц типа だけ *дакэ*.) Напротив, упомянутые там же «потенциально всегда» возможные отделяющие паузы, за редкими исключениями, часть из которых будет обсуждаться ниже, на письме как раз ни в чем выражаться не будут.

С целью восполнить этот пробел, в настоящей статье мы бы хотели обсудить ряд специфически письменных явлений, устные корреляты у которых зачастую отсутствуют или, как минимум, неочевидны. До сих пор эти явления сами по себе получали крайне мало внимания в японистике. Тем более, насколько нам известно, они не рассматривались при анализе статуса падежных показателей. Речь пойдет о правилах совместного употребления этих показателей со знаками препинания, а также некоторых смежных явлениях.

В контексте заявленной проблематики интерес представляют следующие свойства японских падежных показателей в письменном языке.

1. Отделимость закрывающими кавычками разных видов – 」 』 ≫ ” и пр. (「リンゴ」の – *«яблока»*). Размещение закрывающей кавычки между существительным и показателем падежа – стандартная практика в японской письменной речи. По данным корпуса [BCCWJ], отделение показателем 」 (основной вид японских кавычек) оказалось весьма распространенным явлением – заметно более частотным, чем, например, отделение такими ограничительными частицами, как だけ *дакэ* или ばかり *бакари* ‘только’, на которые предпочитают ссылаться исследователи.

Табл. 1. Отделение падежного показателя от существительного частицами だけ, ばかり и закрывающей угловой кавычкой 」 в корпусе [BCCWJ]

Подкорпус	Объем подкорпуса (SUW~слов)	名詞-だけ-格助詞	名詞-ばかり-格助詞	名詞-」-格助詞
韻文 (Поэзия)	225 273	51	22	14
国会会議録 (Парламентские выступления)	5 102 469	1 353	47	468
教科書 (Учебники)	928 448	158	9	570
ベストセラー (Бестселлеры)	3 742 261	1 160	128	1 898
新聞 (Газеты)	1 370 233	264	23	2 636
法律 (Законы)	1 079 146	0	0	3 431
雑誌 (Журналы)	4 444 492	1 119	120	4 426
広報誌 (Рекламные журналы)	3 755 161	202	11	5 447
白書 («Белые книги»)	4 882 812	177	2	6 516
Yahoo!知恵袋 (ВиО)	10 256 877	2 534	291	7 530
Yahoo!ブログ (Блоги)	10 194 143	2 108	279	8 492
図書館/出版・書籍 (Книги)	30 377 866	13 614	1 666	55 439
Весь корпус	**104 911 464**	**22 740**	**2 598**	**96 867**

Как видно из таблицы, из общей картины несколько выбиваются поэтические тексты, где пунктуация традиционно неупотребительна, а также протоколы парламентских выступлений, которые принципиально ориентированы на фиксацию устной речи[4].

Следующий ряд примеров иллюстрирует употребление кавычек с рисунком разного вида (в японском эти знаки весьма разнообразны):

(1) 大抵の女工は<…>次に「杼換え、管換え」の作業にとりかかる

тайтэй но дзёко: ва цуги ни
большинство GEN работница TOP затем ADV
'хи-каэ, куда-каэ' но
'челнок-изменение, трубка-изменение' GEN
сагё: ни торикакар-у
работа DAT браться-PRS

Большинство работниц затем принимаются за так называемое «челночение-трубкование» [Shoogakukan, 2007, p. 76].

(2) まず『源氏物語』を取り上げよう。

мадзу «гэндзи моногатари» о ториагэ-ё:.
сначала «Гэндзи повесть» ACC рассматривать-HOR.

Прежде всего, можно назвать «Повесть о Гэндзи». [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 66].

(3) 嘘つきが〈嘘〉をつくのは、必ず自分の利益のためであり、

усоцуки га <усо> о цук-у но ва,
лжец NOM ложь ACC выражать–PRS NML TOP,
канарадзу дзибун но риэки но
непременно сам GEN выгода GEN
тамэ дэ ар-и,
для COP.CNV AUX-CNV,

Когда лжец говорит *ложь*, это непременно служит его собственным интересам [Shoogakukan, 2007, p. 96]

(4) 会社の名前、すなわち"商号"をどんな名称にするかはきわめて重要です。

кайся но намаэ, сунавати «сё:го:» о
фирма GEN имя, то.есть «торговая.марка» ACC
донна мэйсё: ни су-ру ка ва
какой название DAT делать-PRS Q TOP
кивамэтэ дзю:ё: дэс-у.
крайне важный COP.ADR-PRS.

Крайне важно выбрать название фирмы, т. е. какое имя дать «торговой марке». [BCCWJ].

При цитировании в кавычках именной группы в русском языке изменение грамматической формы вершинного имени, как минимум, сопряжено с некоторыми трудностями – это может расцениваться как неаккуратное искажение исходного высказывания; чтобы сохранить падеж, нередко приходится подстраивать под цитату авторский текст. Из сказанного выше ясно, что перед пишущим японцем подобной проблемы в принципе не возникает (безотносительно к тому, в какой мере использование кавычек вообще подразумевает «точное» цитирование).

[4] Представляется вероятным, что при протоколировании устной речи письменные средства, у которых устные корреляты недостаточно определенны или вовсе отсутствуют, будут применяться реже. В частности, кавычки, возможно, будут ставиться не во всех местах, где они могли бы быть уверенно употреблены в «оригинальном» письменном тексте, а не в подобном продукте устно-письменного перевода.

Необходимо добавить, что в частном случае закрывающая кавычка может предшествовать падежному показателю в контекстах, где кавычки выполняют функцию субстантиватора:

(5) 「このフォルダの内容を表示する」をクリックします。

‘коно	*форуда*	*но*	*найё:*	*о*
‘этот	папка	GEN	содержимое	ACC
хё:дзи	*су-ру’*	*о*	*курикку*	*си-мас-у.*
отображение	VRB-PRS’	ACC	клик	VRB-ADR-PRS.

Нажать на «Отображать содержимое этой папки». [BCCWJ].

В таких контекстах, по сути, сами кавычки выступают в роли вершинного имени (с семантикой типа ‘языковая единица, продукт речевой деятельности: слово, фраза,…, книга, надпись,…’), которому приписывается падеж. Поэтому усматривать здесь *отделение* показателя падежа закрывающей кавычкой представляется некорректным [5]. Впрочем, внимания заслуживает сама сочетаемость японских падежных показателей с подобными конструкциями.

2. Отделимость запятой в ряде специфических употреблений (リンゴ、の – *яблока*; обычно в русском переводе запятая неуместна). Периферийное, но все же возможное в японском языке явление, природа которого анализировалась нами в статье [Зверев, 2013].

Прежде всего, стоит отметить, что запятая может оказываться в позиции перед падежным показателем в ситуации, когда она в паре с другой запятой служит для оформления вставной конструкции, располагаясь на ее правой границе:

(6) 実質のある現実、女性の「本性」と思われるもの、に基づいている

дзиссицу	*но*	*ар-у*	*гэндзицу,*	*дзёсэй*	*но*
сущность	GEN	быть-PRS	реальность,	женщина	GEN

‘хонсё:’	*то*	*омов-арэ-ру*	*моно,*
‘подлинный.характер’	QUOT	считать-PASS-PRS	NML,

ни	*мотодзуй-тэ*	*и-ру*
DAT	основываться-CNV	AUX-PRS

[Это] основывается на подлинной действительности, на том, что считается *истинной сущностью* женщины. [BCCWJ].

Строго говоря, в этом примере в роли отделяющего элемента выступает не одна запятая, а всё заключенное в запятые вставное выражение 、女性の「本性」と思われるもの、. Поэтому такие контексты представляют собой просто частный случай хорошо известного отделения пояснительными парентезами, которые в письменном японском могут оформляться скобками, запятыми или тире[6].

Более примечательным выглядит другой класс случаев – редкие контексты типа (7), где запятая служит средством разрешения синтаксической неоднозначности.

(7) Rissolution＝キツギ文（Resolution＝決議文、のミススペル）

Rissolution = kitsugibun (*Resolution*		=	*кэцугибун,*
		–	резолюция,
но	*мисусупэру)*		
GEN	ошибочное написание)		

[5] Возможно, не столь тривиален и статус употреблений типа (2), где двойные угловые кавычки『』 передают информацию о том, что речь идет о *литературном произведении* (в этом примере, впрочем, дублируя 物語 ‘повесть’). Специфика этих и других употреблений кавычек обсуждалась нами в статье [Зверев, 2015].

[6] Хотя на возможную вставку пояснительных конструкций в литературе указывают регулярно, нам не известно ни одного случая, когда при этом были бы упомянуты не только скобки, но и тире или запятые, как-то анализировались бы различия между ними. Вероятно, не в последнюю очередь это объясняется традиционным пренебрежением письменной спецификой, характерным даже для авторов, которые декларируют обращение к «письменному языку», но практически направляют больше внимания на устную или мысленную речь, возникающую при прочтении письменного текста.

«Rissolution» – «ризолюция» (т. е. записанное с ошибкой «Resolution» – «резолюция»). [BCCWJ].

Здесь отсутствие запятой затрудняло бы прочтение, создавая опасность неверной синтаксической интерпретации – при которой пояснение в скобках становится бессмысленным, ср.:

(8) Rissolution＝キツギ文（Resolution＝決議文のミススペル）

(Resolution	*=*	*кэцугибун*	*но*	*мисусупэру)*
	–	резолюция	GEN	ошибочное написание)

«Rissolution» – «ризолюция» («Resolution» – это записанное с ошибкой слово «резолюция»).

Вставленная запятая повышает вероятное положение в синтаксической структуре того узла, в котором происходит объединение ее правого и левого контекста. Иначе говоря, это пояснение в скобках синтаксически должно быть устроено так, что в его верхнем узле происходит присоединение генитивного определения, а связь, оформленная пунктуационной атрибутивной связкой , устанавливается уровнем ниже (а не наоборот). В то же время можно сказать, что запятая ограничивает сферу действия показателя ＝ (не включающую в себя の), т. е. своим линейным положением в точности маркирует правую границу соответствующей составляющей.

Встречается и аналогичное употребление запятой при сочинительных конструкциях:

(9) 女性達はそれぞれ、ボルドー、ガイヤック、カルカッソンヌの近く、から来られていて、

дзёсэй	*тати*	*ва*	*сорэдзорэ,*		*борудо:,*
женщина	PL	TOP	соответственно,		Бордо,
гаиякку,	*карукассонну*		*но*	*тикаку,*	*кара*
Гайяк,	Каркасон		GEN	вблизи,	от
ко-рарэ-тэ		*и-тэ,*			
приехать-HON-CNV		AUX-CNV,			

Девушки приехали из Бордо, Гайяка и окрестностей Каркасона, каждая соответственно [BCCWJ]

В отсутствие запятой можно было бы неверно определить правую границу последнего из однородных членов (и всей сочиненной группы в целом) и понять текст так, будто речь идет об окрестностях всех трех городов:

(10) 女性達はそれぞれ、ボルドー、ガイヤック、カルカッソンヌの近くから来られていて、

дзёсэй	*тати*	*ва*	*сорэдзорэ,*		*борудо:,*
женщина	PL	TOP	соответственно,		Бордо,
гаиякку,	*карукассонну*		*но*	*тикаку*	*кара*
Гайяк,	Каркасон		GEN	вблизи	от
ко-рарэ-тэ		*и-тэ,*			
приехать-HON-CNV		AUX-CNV,			

Девушки приехали из окрестностей Каркасона, Бордо и Гайяка, каждая соответственно

Соответственно, в оригинальном примере (9) запятая сигнализирует о том, что генитивная связь с (の)近く должна устанавливаться на более низком уровне синтаксической структуры, чем объединение всех однородных членов в сочиненную группу и приписывание ей падежа с помощью から. При этом запятая ставится ровно на правой границе сочиненной группы (т. е. сферы действия сочинительных запятых, не включающей «внешний» падежный оформитель から).

В следующем примере падежный показатель и сочиненная группа, которую он оформляет, тоже оказались разделены запятой, хотя здесь и без нее альтернативная синтаксическая интерпретация (понимание 地学の四教科 как последнего из однородных членов) вполне надежно исключалась бы лексически:

(11) 物理、数学、地理、地学、の四教科を<...>復習しておくといいでしょう。

буцури, *су:гаку,* *тири,* *тигаку,*
физика, математика, география, физическая.география,
но *ёнкё:ка* *о* *фукусю:* *си-тэ*
GEN четыре.курса.обучения ACC повтор.урока VRB-CNV
ок-у *то* *и-й* *дэс-ё:.*
AUX-PRS COND AUX-PRS COP.ADR-PMT.

Стоило бы предусмотреть повторение четырех предметов – физики, математики, географии и физической географии. [BCCWJ].

Представляется, что запятая на правой границе сочинительной конструкции может быть отчасти функционально эквивалентной тире, употребление которого в той же позиции связывается в статье [Nomoto, 1975, p. 19] с «обобщением, собиранием воедино основного содержания» (要旨をまとめる *ё:си о матомэру*). Пример ниже иллюстрирует отделение падежного показателя таким «обобщающим» тире:

(12) 独禁法の改正等については①公取委の権限強化②価格対策――の点が骨抜きだ。

доккинхо: *но* *кайсэй* *надо* *ни* *цуйтэ*
антимонопольный.акт GEN поправка PL DAT о
ва *1 ко:тории* *но* *кэнгэн*
TOP 1) комиссия.по.справедливой.торговле GEN полномочия
кё:ка *2 какаку* *тайсаку –* *но* *тэн*
укрепление 2) цена контрмеры – GEN пункт
га *хонэнуки* *да.*
NOM выхолощенный COP.PRS.

Поправки к антимонопольному законодательству ничего не дают в отношении двух пунктов: 1) укрепление полномочий Комиссии по справедливой торговле; 2) контрмеры по ценообразованию. [Nomoto, 1975, p. 19].

Если в примерах (11) и (12), соответственно, лексические вершины 四教科 и 点 можно было бы назвать «обобщающими словами» (в терминах русистики), то в примере (9) сочиненная группа управляется (через から) сказуемым, которое синтаксически эквивалентно «обобщающим словам» только в функции подчинения сочинительной конструкции. (Собственно, как вершину, которой подчиняется сочиненная группа, аналогичным образом можно трактовать и сам групповой падежный оформитель の или から.) Все эти примеры объединяет наличие сочиненной группы, строго на правой границе которой и размещается пунктуационный показатель. Своим синтаксическим устройством они напоминают аналогичные конструкции с маркером типа など *надо* ‘и так далее’, место которого здесь занимает запятая или тире.[7]

3. Отделимость вопросительным или восклицательным знаком (リンゴ？の – *яблока (?)*). В таком употреблении эти знаки располагаются не в конце предложения, а внутри него, непосредственно при именной группе, приписывая ей определенную модально-экспрессивную характеристику. См. примеры:

(13) 今朝、ガソリンタンクに砂糖？を入れられていました。

кэса, *гасорин* *танку* *ни* *сато:?* *о*
сегодня.утром, бензин бак DAT сахар? ACC
ирэ-рарэ-тэ *и-маси-та.*
ввести-PASS-CNV AUX-ADR-PST.

Сегодня утром мне подсыпали в бензобак сахар (?). [BCCWJ].

[7] Отчасти они сопоставимы и с русскими конструкциями с отделением предлога двоеточием, вида «*В ассортименте препараты для: суставов и связок, зрения, сердца, иммунной системы…*» (фрагмент рекламного объявления), которые считаются не вполне корректными стилистически.

(14) 美人！の奥さんが部屋に入ってきた。

бидзин!	*но*	*окусан*	*га*	*хэя*	*ни*
красавица!	GEN	жена	NOM	комната	DAT
хаит-тэ		*ки-та.*			
войти-CNV		AUX-PST.			

В комнату вошла его жена – писаная красавица! [Данилов, Сыромятников, 2001, с. 87].

Этот класс употреблений вопросительного и восклицательного знаков соответствует русским конструкциям с (?), (!). В японском постановка скобок тоже встречается, хотя и не является обязательной:

(15) 私に、アメリカ人（？）が、日本橋への道を尋ねた。

ватаси		*ни,*	*амэрикадзин (?)*		*га,*	*нихонбаси*
я		DAT,	американец (?)		NOM,	Нихонбаси
э	*но*	*мити*		*о*	*тадзунэ-та.*	
к	GEN	дорога		ACC	спрашивать-PST.	

У меня американец (?) спросил дорогу к Нихонбаси. [Oorui, 1996, p. 44].

(16) 廊下の左右は客室とトイレ、階段下はお食事所と囲碁・将棋室（！）があるようです。

ро:ка	*но*	*саю:*	*ва*	*кякусицу*	*то*	
коридор	GEN	слева.и.справа	TOP	гостиная	и	
тойрэ,	*кайдан-ка*		*ва*	*о-сёкудзисё*		*то*
туалет,	лестница-низ		TOP	HON-столовая		и
иго • сё:ги	*сицу (!)*	*га*	*ар-у*	*ё:*	*дэс-у.*	
го • сёги	комната (!)	NOM	быть-PRS	EVD	COP.ADR-PRS.	

Как видно, слева и справа по коридору имеются гостиная и туалет, вниз по лестнице – столовая и даже комната для игры в го и сёги (!). [BCCWJ].

Последние примеры (15), (16), вероятно, следует рассматривать в одном ряду с прочими контекстами, где существительное и падежный показатель отделены друг от друга каким-либо комментарием в скобках; здесь комментарий заключает в себе модально-экспрессивную оценку. В примерах типа (13), (14), где эта оценка выражается без скобок, можно видеть графически (и морфологически) упрощенный вариант тех же конструкций.

4. Отделимость разнообразными знаками сноски – ＊１注一 и пр. (リンゴ*の – *яблока**). См. типичный пример (в оригинальном тексте присутствует и полужирное выделение, речь о котором пойдет ниже):

(17) おびただしい量の**漢字語***を作ることになりました

обитадаси-й	*рё:*		*но*	***кандзи-го****	*о*
обильный-PRS	число		GEN	**иероглиф-слово***	ACC
цукур-у	*кото*	*ни*	*нар-имас-ита*		
создавать-PRS	NML	DAT	стать-ADR-PST		

«Иероглифические слова»* стали создавать в огромном количестве [Takagi, 2013, p. 49]

В ряду прочих контексты с маркерами сноски, в состав которых входят скобки (вида (※)), отчетливо напоминают синонимичные конструкции с заключенными в скобки парентезами, по всей видимости, отражая тесную синхронную и этимологическую связь этих двух явлений. Ср. пример ниже:

(18) 現在エレベーター内のアナウンス等につき、不具合（※）が生じております。

гэндзай	*эрэбэ:та:*	*най*	*но*	*анаунсу*	*надо*
сейчас	лифт	внутри	GEN	оповещение	PL
ни *цуки,*	*фугуай (*)*	*га*	*сё:дзи-тэ*		*ор-имас-у.*
DAT о,	неполадка (*)	NOM	случаться-CNV		AUX-ADR-PRS.

В настоящее время наблюдаются неполадки* с системой оповещения в лифте. (фрагмент бытового объявления).

Все рассмотренные выше пунктуационные показатели в условиях письменного языка являются сегментными материальными единицами, не отличающимися в этом смысле от частиц типа だけ. При этом в нормальном прочтении все они лишены устных коррелятов с аналогичными свойствами. В дополнение к ним, стоит отметить и письменные явления супрасегментной природы.

5. Нераспространение супрасегментных признаков типа цвета или начертания (**リンゴ**の – *яблока*). Основная функция таких средств – привлекать внимание читателя к фрагментам текста, имеющим особую коммуникативную значимость. Иногда супрасегментное маркирование может охватывать и падежный показатель, но оформление, при котором оно ограничивается акцентируемой именной группой, по нашим наблюдениям, абсолютно преобладает. См. типичную картину в следующем предупреждении из гостиницы (полужирное начертание заменяет красный цвет в оригинальном тексте):

(19) 旅館**火災**の殆んどが**寝タバコ**によるものです。

рёкан ***касай***	*но*	*хотондо*	*га*	
отель пожар	GEN	большая.часть	NOM	
нэ-табако	*ни*	*ёр-у*	*моно*	*дэс-у.*
курение.в.постели	DAT	вызываться-PRS	NML	COP.ADR-PRS.

Большая часть **пожаров** в гостиницах случается из-за **курения в постели.** (фрагмент бытового объявления).

Аналогично супрасегментным средствам с этой точки зрения следует рассматривать и сегментные показатели, которые не получают собственного выделенного места в строке/столбце и должны делить одну линейную позицию с основными (недиакритическими) знаками, графически примыкая к ним.[8] Это разнообразные средства надстрочного или подстрочного (при вертикальном письме – бокового) выделения – сплошные линии (線 *сэн*) или цепочки из отдельных значков типа точек или запятых (圏点 *кэнтэн*), – сфера действия которых в нормальном случае также не захватывает показатель падежа. Пример:

(20) すぐ下には<…>少し小型の雑誌のようなものが積み重ねてあった。

сугу	*сита*	*ни*	*ва*	*сукоси*	*когата*	*но*
прямо	низ	DAT	TOP	немного	малый.формат	GEN
дзасси		*но*	*ё:на*	*моно* *га*	*цумикасанэ-тэ*	*ат-та.*
журнал		GEN	как	NML NOM	громоздить-CNV	AUX-PST.

Прямо внизу громоздилось *нечто похожее на небольшие журналы.* [Shoogakukan, 2007, p. 142] (в оригинале использована линия надстрочных запятых).

Перечисленные признаки могут комбинироваться друг с другом: при необходимости существительное может отделяться от показателя падежа пунктуационным кластером, состоящим сразу из нескольких сегментных показателей, и это может сочетаться с разграничивающим супрасегментным оформлением. Ср. пример (21) ниже, где генитивный показатель の *но* не только отделен от имени знаком сноски и закрывающей кавычкой, но и лишен выделяющего это имя полужирного начертания:

[8] Можно сказать, что «сегментность» этих показателей проявляется только на плоскости – если в дополнение к позиции (координатам) на главной оси развертывания письменного дискурса, направленной вдоль строки (или столбца), также рассматривать и положение на перпендикулярной ей оси. Подобные явления отличают письменную речь, которая выстраивается в двумерном пространстве материального носителя письменной информации (объекта типа листа бумаги), от устной, которая развертывается в единственном временном измерении.

(21) 例えば、漢字を「**明朝体***」の旧漢字の活字で書くとします。

татоэба,	*кандзи*	*о*	***'минтё:тай***'*	*но*
например,	иероглиф	ACC	'стиль.Минтё*'	GEN
кю:-кандзи	*но*	*кацудзи*	*дэ*	
старый-иероглиф	GEN	шрифт	INS	
как-у	*то*	*си-мас-у.*		
писать-PRS	QUOT	принимать-ADR-PRS.		

Пусть, например, иероглифы пишутся в старопечатном стиле шрифтом **Минтё-тай***. [Takagi, 2013, p. 56].

Таким образом, в условиях устоявшегося подхода к знакам препинания как к средствам, функционирующим, главным образом, на синтаксическом уровне и не проникающим внутрь слов-синтаксем [9], новые аргументы поддерживают интерпретацию японских падежных показателей как относительно самостоятельных служебных слов (клитик/формантов), а не частей слов (аффиксов).

В то же время, с другой стороны, статья расширяет круг языковых явлений, которыми обычно ограничиваются дискуссии о синтагматическом статусе тех или иных языковых единиц. Отмеченные нами письменные явления актуальны и для определения статуса, например, других служебных показателей – маркеров риторических отношений (союзов), всевозможных коммуникативных выделительных элементов (частиц), субстантиваторов и др.

Примечательно, что в японской нормативно-справочной и учебной литературе, насколько мы можем судить, всем этим особенностям взаимодействия пунктуации с падежными показателями не принято уделять никакого внимания. Более того, многие из описанных в статье пунктуационных явлений не упоминаются и сами по себе, в силу своей периферийности. Поэтому японцы, которые, к тому же, в большинстве своем с этими нормативными описаниями и не знакомятся, должны усваивать и системно закреплять эти особенности, прежде всего, через естественное взаимодействие с языком – так же, как и правила употребления частиц типа だけ. И те, и другие явления в этом смысле представляют собой продукт естественно-языковых механизмов – и, по-видимому, отражают некую общую языковую реальность.

Можно заметить, что по указанным параметрам русские падежные суффиксы демонстрируют более связанное поведение, чем японские показатели (см. переводы). Не вызывает сомнения неслучайность этих различий, их системная связь с более «каноническими» признаками, по которым обычно судят о синтагматическом статусе падежных показателей. В практическом плане эти языковые особенности следует учитывать при обучении языку и обработке текстов.

Принятые сокращения

ACC – аккузатив
ADR – адрессив
ADV – наречие
AUX – вспомогательный глагол
COND – условие
COP – связка
CNV – деепричастие
DAT – датив
EVD – эвиденциальность
GEN – генитив
HON – гоноратив
HOR – гортатив
INS – инструменталис
NML – субстантиватор
NOM – номинатив
PASS – пассив
PL – множественность
PMT – презумптив
PRS – настоящее-будущее время
PST – прошедшее время
Q – вопрос
QUOT – цитационный союз
TOP – топик
VRB – вербализатор

[9] О проблеме линейно-синтагматического статуса пунктуационных показателей см.: [Зверев, 2018].

Литература / References

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. *Теоретическая грамматика японского языка.* М., 2008. Т. 1 [Alpatov V. M., Arkad'ev P. M., Podlesskaya V. I. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka.* Vol. 1. Moscow, 2008].

Алпатов В. М. Есть ли в японском языке падежи? // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы X международной конференции (Москва, 21-22 ноября 2012 года).* М., 2012. С. 17–24 [Alpatov V. M. Est' li v yaponskom yazyke padezhi? // *Yazyki stran Dal'nego Vostoka, Yugo-Vostochnoy Azii i Zapadnoy Afriki: materialy X mezhdunarodnoy konferentsii (Moskva, 21-22 noyabrya 2012 goda).* Moscow, 2012. Pp. 17–24].

Данилов А. Ю., Сыромятников Н. А. *Японский язык. Пунктуация, знаки повтора, вспомогательные пометы.* М., 2001 [Danilov A. Yu., Syromyatnikov N. A. Yaponskiy yazyk. *Punktuatsiya, znaki povtora, vspomogatel'nye pomety.* Moscow, 2001].

Зверев А. С. Корпус японского языка как источник материала для исследования пунктуации // *Сборник IV конференции молодых японоведов. Japan Report, 12-13 декабря 2012, Москва.* М., 2013. С. 271–284 [Zverev A. S. Korpus yaponskogo yazyka kak istochnik materiala dlya issledovaniya punktuatsii // *Sbornik IV konferentsii molodykh yaponovedov. Japan Report, 12-13 dekabrya 2012, Moskva.* Moscow, 2013. Pp. 271–284].

Зверев А. С. Нестандартное употребление запятой в письменном японском языке: отделение существительных от падежных послелогов // *Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2013».* М., 2013 [Zverev A. S. Nestandartnoe upotreblenie zapyatoy v pis'mennom yaponskom yazyke: otdelenie sushchestvitel'nykh ot padezhnykh poslelogov // *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Lomonosov-2013".* Moscow, 2013].

Зверев А. С. Скобки и кавычки в японском языке // *Вопросы филологии.* М., 2015. №1 (49). С. 113–121 [Zverev A. S. Skobki i kavychki v yaponskom yazyke // *Voprosy filologii.* Moscow, 2015. № 1 (49). Pp. 113–121].

Зверев А. С. Графическая связность: к вопросу о линейно-синтагматическом статусе японских пунктуационных показателей // *Вестник Томского гос. ун-та.* Томск, 2018. № 426. С. 27–38 [Zverev A. S. Graficheskaya svyaznost': k voprosu o lineyno-sintagmaticheskom statuse yaponskikh punktuatsionnykh pokazateley // *Vestnik Tomskogo gos. un-ta.* Tomsk, 2018. № 426. Pp. 27–38].

Мельчук И. А. *Курс общей морфологии.* Т. 1. М., Вена, 1997. [Mel'chuk I. A. *Kurs obshchey morfologii.* Vol. 1. Moscow, Vienna, 1997].

Плунгян В. А. *Общая морфология. Введение в проблематику.* М., 2000 [Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku.* Moscow, 2000].

句読点、記号・符号活用辞典. [*Kutooten, kigoo fugoo katsuyoo jiten.* Tokyo: Shoogakukan, 2007].

野元菊雄 区切り符号の用法 // 言語 Vol. 4. №9. С. 14-19 [Nomoto Kikuo. Kugiri fugoo no yoohoo // *Gengo.* Tokyo, 1975. Vol. 4. №9. Pp. 14-19].

大類雅敏 いい文章 うまい書き方 [Oorui Masatoshi. *Ii bunshoo Umai kakikata.* Tokyo, 1996].

高木裕子 日本語の文字・表記入門 [Takagi Hiroko. *Nihongo no moji hyooki nyuumon.* Tokyo, 2013].

Электронные ресурсы

BCCWJ – 現代日本語書き言葉均衡コーパス（中納言） [*Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (Chuunagon)*]. URL: https://chunagon.ninjal.ac.jp (дата обращения: 10.01.2018)

ТАРИХ АЛ-ДЖАЗА'ИР АЛ-ʿАММ ʿАБД АР-РАХМАНА Б. МУХАММАДА АЛ-ДЖИЛАНИ (1908–2010): ТРАДИЦИОННОСТЬ И НОВАТОРСТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ XX В.

Д. В. Микульский*

Тарих ал-Джаза'ир ал-ʿамм («Общая история Алжира») – основное сочинение по истории этой североафриканской страны, написанным видным алжирским улемом XX в. Книге присущи как традиционные черты, так и заимствованные из западной историографии. К первым относится династийная композиционная структура части *Тарих*, где излагается история Алжира в эпоху ислама, а ко вторым – концепция древней истории страны, выраженная в начальной части сочинения. Труд ал-Джилани принадлежит к довольно распространенному типу арабских исторических сочинений XX в., где традиционная основа проглядывает сквозь флер модернизации.

Ключевые слова: Алжир, история Алжира, алжирская историография, ал-Джилани, династийная историография, традиции и новаторство.

TARIKH AL-DJAZA'IR AL-ʿAMM BY ʿABD AL-RAHMAN B. MUHAMMAD AL-DJILANI (1908–2010): TRADITIONAL FEATURES AND INNOVATIONS IN AN HISTORICAL WRITING OF THE 20th CENTURY

Dimitry V. Mikulski

Tarikh al-Djazaʾir al-ʿamm is the principal Algerian work describing the history of the country, composed by an outstanding *ʿalim* of the 20th century. The book contains both traditional features and some characteristics borrowed from Western historical works. The former is exemplified by the dynastical structure of the *Tarikh* part, relating the history of Islamic Algeria, while the latter is expressed through a concept of the country's ancient history (in the opening part). *Tarikh* by al-Djilani belongs to a rather widespread type of 20th-century Arabic historical works, where traditional basis is discernible through the veil of modernization.

Keywords: Algeria, history of Algeria, Algerian historiography, al-Djilani, dynastic historiography, traditions and innovations.

Шейх ал-Джилани – один из видных алжирских улемов XX в. Происходит из старинной семьи, издавна проживающей в городе Алжире, члены которой полагают своим родоначальником старшего сына ʿАли б. Абу Талиба ал-Хасана б. ʿАли (VII в.). Другой знатный предок этого семейства – знаменитый суфий ʿАбд ал-Кадир ал-Джилани (1077–1166 гг.) [Акимушкин, 1991, с. 65–66], *нисба* которого стала семейным прозванием (фамилией) клана ал-Джилани.

Родившись и сформировавшись еще в колониальную эпоху, шейх ал-Джилани получил традиционное мусульманское образование сначала на родине, а затем в ал-Азхаре в Каире. На родине одним из учителей ал-Джилани был первый профессор Алжирского университета из числа коренных алжирцев Мухаммад б. Абу Шанаб (Бен Шенеб; 1869–1929 гг.) [ʿАбд ар-Рахман ал-Джилани; Бурайу, б.г., с. 13–14].

* Дмитрий Валентинович МИКУЛЬСКИЙ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dmitrimikulski@mail.ru

Dimitry V. MIKULSKI, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmitrimikulski@mail.ru

Следует отметить, что и родственные связи Бен Шенеба отразили сложные перипетии алжирской истории – он потомок, с одной стороны, арабов-мусульман, пришедших в Алжир с первой волной мусульманских ее завоевателей, а с другой – турок, которые с XVI в. по первую треть XIX в. так или иначе контролировали эту страну и оставили в ней глубокий этнокультурный след [Бувушма ал-Хади, б.г., с. 48–49]. Помимо этого, ал-Джилани многому научился, сотрудничая в 1930-е гг. с алжирскими газетами[1].

Отпечаток и личности автора, и социокультурных условий его формирования несет главное историческое сочинение шейха *Тарих ал-Джаза'ир ал-'амм* («Общая история Алжира»; это один из основных трудов по истории Алжира, написанных в XX в.), первое издание которого было осуществлено в двух частях в 1954–1955 гг. [2] (я располагаю первой частью издания 1980 г. (Бейрут, *Дар ас-сакафа*).

Экземпляр книги, находящийся в моем владении, мне особенно дорог. Он был великодушно преподнесен мне 2 февраля 2008 г. во время моей первой поездки в Алжир известным алжирским арабоязычным писателем Джилали Халласом (род. 1952 г.), человеком сложной судьбы и обладателем подорванного здоровья. Джилали Халлас, как и автор сочинения, которому посвящена настоящая статья, – носитель в значительной мере традиционной культуры, великий поклонник в том числе и любимого моего арабского писателя X в. ал-Мас'уди (ум. 956 г.). Дж. Халлас по происхождению – бербер. Он поддерживает отношения с членами своего клана, помнит, кто был родоначальником его '*ашра*. Тем не менее, он считает себя прежде всего алжирцем и носителем североафриканского варианта арабской культуры. О семейных связях Дж. Халласа и других моих знакомых алжирцев мне довелось написать статью [Микульский 2013в, с. 298, 300–303, 305–306].

Собственно говоря, я сам напросился на такой бесценный подарок, ибо заводил с алжирцами, принимавшими профессора Р. Г. Ланду, петербургского профессора М. А. Родионова и меня, разговор о трудах по истории их отечества, составленных в двадцатом столетии. Вручая мне книгу, щедрый Дж. Халлас рассказал о самом авторе. В то время он был еще жив – ему только что исполнилось сто лет. Выросший в алжирской столице, шейх ал-Джилани с детских лет впитал культурные традиции города Алжира. Таких людей принято обозначать особым этнокультурным термином – *ал-'асими*. Шейх, по словам Дж. Халласа, был славен не только как ученый, но и как музыкант, искусный в игре на одном из самых любимых алжирцами традиционных инструментах – лютне.

Первый том труда ал-Джилани начинается с повествования о географическом положении страны и ее древней истории. Эта часть сочинения ал-Джилани занимает примерно одну треть всего объема его текста [ал-Джилани, 1980, с. 30–109]. Манера изложения материала в этой части книги подверглась серьезному влиянию западной (французской) историографии: в традиционных алжирских и вообще североафриканских исторических сочинениях не существовало никакой концепции древней истории страны, кроме легендарной.

Рассказывая об исконных насельниках Алжира, ливийцах, а также финикийцах (и их потомках карфагенянах), римлянах, вандалах и византийцах, которые владели страной до прихода туда арабов-мусульман, ал-Джилани отдает дань старинным арабо-берберским легендам о завоевании в глубокой древности не только ал-Магриба, но и ал-Андалуса древними йеменцами, химйаритами. Большинство мотивов таких легенд он черпает из «Истории» (*Китаб ал-'ибар*) своего великого предшественника Ибн Халдуна (1332–1406 гг.)

---

1 'Абд ар-Рахман ал-Джилани // *Викибидийа*. URL: https://fa.wikipedia.org/wiki/%D8%B9%D8%A8%D8%AF%D8%A7%D9%84%D8%B1D8%AD%D9%85%D9%86_%DA%AF%DB%8C%D9%84%D8%A7%D9%86%DB%8C (дата обращения 1.04.2018).

2 'Абд ар-Рахман ал-Джилани // *Викибидийа*. URL: https://fa.wikipedia.org/wiki/%D8%B9%D8%A8%D8%AF%D8%A7%D9%84%D8%B1D8%AD%D9%85%D9%86_%DA%AF%DB%8C%D9%84%D8%A7%D9%86%DB%8C (дата обращения 1.04.2018).

[Talbi, 1986, p. 825-831; Тарих Ибн Халдун, 2000, с. 116–135]. Эти легендарные сведения алжирский историк пытается согласовать с данными археологических открытий, сделанных на Африканском континенте к концу первой половины XX в. [ал-Джилани, 1980, с. 115–118].

Весьма примечательным (впрочем, характерным для магрибинской историографии XX в.) является отношение ал-Джилани к владычеству вандалов, которое продолжалось с 431 по 534 г. Кратко рассказав о происхождении и миграции этого германского народа, ал-Джилани отмечает, что Вандальское королевство стало первой наследственной монархией, возникшей на территории Северной Африки. Власть вандалов, при всех ее недостатках, оказалась более приемлемой для коренного населения будущего Алжира, берберов, нежели владычество римлян. По этой причине берберы охотно вступали в вандальское войско, служили, в том числе, и в вандальском флоте, сильнейшем в то время в Западном Средиземноморье. Северная Африка, полагает ал-Джилани, расцвела под вандальской властью, чему подивились византийцы, впоследствии покорившие Вандальское королевство. Так что, по мнению автора, сам по себе термин «вандализм», изобретенный на Западе, бессмыслен и лжив. Падение же Вандальского королевства он объясняет, совершенно в духе средневековых арабских историков, порчей нравов как рядовых вандалов, так и знати, а в особенности же – членов королевского семейства [ал-Джилани, 1980, с. 94–99][3].

Напротив, часть тома, посвященная истории Алжира в мусульманскую эпоху, в значительной мере традиционалистична. Причина этого в том, что автор, как и полагается арабо-мусульманскому историку, опирался на труды арабских предшественников, сознательно избегая сочинений французских или иных западных коллег. В соответствии с традиционной манерой историописания, текст этой части труда ал-Джилани делится на главы, посвященные династиям, правившим на территории Алжира.

Первоначально же ал-Джилани повествует об арабо-мусульманском завоевании ал-Магриба и первых арабо-мусульманских военачальниках и администраторах, действовавших там от имени Праведных халифов. После он рассказывает о наместниках омейядских и аббасидских государей, управлявших Ифрикией (восточной частью ал-Магриба), где, в соответствии с древней традицией, располагался административный центр наместничества. Помимо того, автор останавливается и на ряде аспектов развития культуры ал-Магриба [ал-Джилани, 1980, с. 121–164].

Первым самостоятельным государством, возникшим в Центральном ал-Магрибе (ал-Магриб ал-Аусат), то есть, на территории собственно Алжира, ал-Джилани называет государство Рустамидов (*бану рустам*; 776–909 гг.) [ал-Джилани, 1980, с. 165–181]: этим государством управляла династия, возводившая родословную к известному иранскому военачальнику Рустаму, павшему в знаменитом сражении при ал-Кадисийи между иранцами и арабами-мусульманами (636 или 637 г.) [Rustam b. Farrukh, 1995, p. 638]. И сами государи, и значительная часть их подданных исповедовали ибадитскую доктрину [Talbi, 1995, p. 638–640]. Потомками Рустамидов, между прочим, полагает себя один из берберских народов, живущих в Алжире и поныне, – мзабиты [Микульский, 2012, с. 138; Народы Африки, с. 150].

Далее автор излагает историю династий, под властью которых находилась территория Алжира: Идрисидов (788–923 гг.) [ал-Джилани, 1980, с. 182–193; Eustache, 1986, p. 1035–1037], Аглабидов (800–909 гг.) [ал-Джилани, 1980, с. 194–212; Marçais, Schacht, 1986, p. 247–250], Фатимидов (в арабо-мусульманской историографии эта династия нередко именуется Убайдитской; этой традиции следует и ал-Джилани; правила в Северной Африке в 909–972 гг.) [ал-Джилани, 1980, с. 213–242; Canard, 1991, p. 850–862], Зиридов (972–1014 гг.) [ал-Джилани, 1980, с. 243–274; Tibi, 2002, p. 513–516], Хаммадидов (1014–1153 гг.) [ал-Джилани, 1980, с. 275–306; Idris, 1986, p. 137–139], Альморавидов (1079–1145 гг.) [ал-Джилани, 1980, с. 307–322; Chalmeta, Norris, 1993, p. 583–591].

---

[3] О владычестве вандалов в Северной Африке и установлении над нею власти Византии см.: [История Византии, т. 1, с. 298–309].

Повествуя об истории династии Зиридов, сумевшей сделаться независимой от Фатимидского халифата, центр которого был перенесен из Северной Африки в Египет, ал-Джилани рассказывает и о весьма важном событии в истории и культуре Северной Африки – вторжении многочисленных арабских племен *бану хилал* и *бану сулайм*. С одной стороны, следуя способу подачи информации об этом событии, которую выработал еще Ибн Халдун, ал-Джилани сообщает о разорениях, причиненных бедуинами, а с другой, – об их расселении в Среднем ал-Магрибе [ал-Джилани, 1980, с. 259–261; Микульский, 2013а, с. 161–169]. Иными словами, алжирский историк показывает, что пришельцы сделались органическим компонентом населения Алжира. Отметим, что изучение быта и фольклора потомков бану хилал – важная тема для современной североафриканской этнографии и фольклористики [Микульский, 2013б, с. 177–185]. Вместе с тем, алжирцы берберского происхождения, противопоставляющие себя арабской культуре, полагают потомков бану хилал этнической группой, сыгравшей в истории их страны сугубо негативную роль [Микульский, 2014, с. 139, 140–143].

Традиционным элементом изложения материала являются и биографии выдающихся алжирцев: они помещены в каждой из глав, посвященных правлению алжирских династий.

Вместе с тем, чертой модернизации исторического повествования следует считать таблицы, в которые сведено упоминание о важнейших исторических событиях, случившихся в правление той или иной династии [ал-Джилани, 1980, с. 63, 93, 99, 109, 132, 150, 164, 181, 195, 212, 242, 274, 306, 322]. Скорее всего, ал-Джилани заимствовал идею подобных текстовых структур у своего старшего современника, видного тунисского историка Х. Х. 'Абд ал-Ваххаба (1884–1969 гг.) [Микульский, 2008, с. 286–287]. Правда, таблицы как средство сжатой подачи информации, были хорошо известны еще арабо-мусульманским ученым [Liber Mafatih al-olum, 1898, p. 194, 196].

Таким образом, книга шейха ал-Джилани принадлежит к довольно широко распространенному типу арабских исторических сочинений XX в., где сквозь флер модернизации явственно просматривается традиционная основа.

Литература / References

Акимушкин О. Ф. Ал-Джилани // *Ислам. Энциклопедический словарь*. М., 1991. С. 65–66 [Akimushkin O. F. Al-Djalani // *Islam. Entsyklopeditcheskiy slovar'*. Moscow, 1991].

Ал-Джилани 'Абд ар-Рахман б. Мухаммад. *Тарих ал-Джаза'ир 'амм … Ал-Джуз' ал-аввал*. Бейрут, 1980 [Al-Djilani 'Abd al-Rahman. *Tarikh al-Djaza'ir al-'amm … Al-Djuz' al-awwal*. Beirut, 1980].

Бувушма ал-Хади. Ал-Фикр, ал-хувиййа ва-т-т'аззум фи хайат Мухаммад б. Аби Шанаб. Кира'а сусийубийуджрафиййа // *Мухаммад б. Аби Шанаб. Ал-Марджа'иййа ас-сакафиййа ва-л-бу'д ал-фикри. А'мал ал-му'тамар ад-дували би-Джами'ат ал-Джаза'ир. 15–17 дисамбар 2009*. Алжир, б.г., с. 47–67 [Buwushma al-Hadi. Al-Fikr, al-huwiyya wa-l-ta'zzum fi hayat Muhammad b. Abi Shanab. Qira'a cuciyubiudjrafiyya // *Muhammad b. Abi Shanab. Al-Marddja'iyya al-thaqafiyya wa-l-bu'd al-fikri. A'mal al-mu'tamar al-duwali bi-Djami'at al-Djaza'ir. 15–17 disambar 2009*. Algiers, s.a.].

Бурайу 'Абд ал-Хамид. Мухаммад б. Аби Шанаб ва-с-сийаса // *Мухаммад б. Аби Шанаб. Ал-Марджа'иййа ас-сакафиййа ва-л-бу'д ал-фикри. А'мал ал-му'тамар ад-дували би-Джами'ат ал-Джаза'ир. 15–17 дисамбар 2009*. Алжир, б.г. С. 11–18 [Burayu 'Abd al-Hamid. Muhammad b. Abi Shanab wa-l-siyasa // *Muhammad b. Abi Shanab. Al-Marddja'iyya al-thaqafiyya wa-l-bu'd al-fikri. A'mal al-mu'tamar al-duwali bi-Djami'at al-Djaza'ir. 15–17 disambar 2009*. Algiers, s.a.].

История Византии. В трех томах. М., 1967 [*Istoriya Visantii*. V trekh tomakh. Moscow, 1967].

Микульский Д. В. Ибн Халдун о нашествии на Северную Африку арабских племен бану хилал и бану сулайм и об эпосе, повествующем об этом нашествии // *Проблемы источниковедения, историографии и истории Востока. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Вольфа Менделевича Бейлиса (1923–2001 гг.). 15–16 мая 2013 года, г. Луганск*. Луганск, 2013. С. 161–169 [Mikul'skiy D. V. Ibn Khaldun o nashestvii na Severnuyu Afriku arabskikh plemen banu hilal b banu salaym I ob epose, povestvuytshem ob etom nashestvii // *Problemy istochnikovedeniya istoriografii I istorii Vostoka. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferetsii,*

posvyatshennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya Vol'fa Mendelevitcha Beylisa (1923–2001 gg.). 15 – 16 maya 2013 goda, g. Lugansk. Luhansk, 2013].

Микульский Д. В. На родине легендарной ал-Кахины // *Восток (Oriens*), 2014. № 5. С. 135–151 [Mikul'skiy D. V. Na rodine legendarnoy al-Qahiny // *Vostok (Oriens)*. 2014. 5].

Микульский Д. В. Североафриканское устное народное творчество и памятники арабского книжного эпоса в исследованиях ливийских и алжирских фольклористов. Обзор // *Восток (Oriens)*. 2013. № 1. С. 177–185 [Mikul'skiy D. V. Severoafrikanskoye ustnoye narodnoye tvortchestvo i pamyatniki knizhnogo eposa v issledovaniyakh liviyskikh I alzhyrskikh fol'kloristov // *Vostok (Oriens)*. 2013. 1].

Микульский Д. В. Семейно-родственные структуры современного Алжира (по материалам полевых наблюдений 2008–2010 гг.) // *Тахиййат. Сборник статей в честь профессора Н. Н. Дьякова. Арабистика – Исламоведение – Этнография*. СПб., 2013. С. 298–307 [Mikul'skiy D. V. Semeyno-rodstvenniye struktury sovremennogo Alzhyra (po materialam polevykh nablyudeniy 2008–2010 gg.) // *Hahiyyat. Sbornik statey v tchest' professora N. N. Dyakova. Arabistika – Islamovedeniye – Etnografiya*. Saint Petersburg, 2013].

Микульский Д. В. Среди алжирский литературоведов и писателей (на конференции в провинции Бурдж Бу 'Арриридж) // *Восток (Oriens)*, 2012. № 4. С. 131–146 [Mikul'skiy D. V. Sredi alzhyrskikh literaturovedov i pisateley (na konferentsii v provintsii Burdzh Bu 'Arriridzh) // *Vostok (Oriens)*. 2012. 4].

Микульский Д. В. *Хуласат Та'рих Тунис* Хасана Хусни 'Абд ал-Ваххаба: традиционные основы современного исторического сочинения // *Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается*… М., 2008. С. 264–291 [Mikul'skiy D. V. *Khulasat Ta'rikh Tunis* Khasana Khushi 'Abd al-Vahhaba: traditsionnye osnovy sovremennogo istoritcheskogo sotchineniya // *Voskhvaleniye: Isaaku Moiseevitchu Fil'shtinskomu posyatshaetsya*… Moscow, 2008].

Народы Африки. М., 1954 [*Narody Afriki*. Moscow, 1954].

Тарих Ибн Халдун… Та'лиф Ибн Халдун… Ал-Джуз' ас-садис. Бейрут, 2000 [*Tarikh Ibn Khaldun*…Ta'lif Ibn Khaldun… Al-Djuz' al-thadith. Beirut, 2000].

Liber Mafitih al-olum explicans vocabula technical scientarum tam arabum quam perigrinorum auctore Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusof al-Katib al-Khowarezmi. Edidit, indeces adjecit G. van Vloten adjutor interpretis legati warneriani. Lugduni-Batavorum, 1898.

Canard M. Fatimids // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition (EI2)*. Vol. II. Leiden, 1991. Pp. 850–862.

Chalmeta P., Norris H. T. Al-Murabitun // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition (EI2)*. Vol. VII. Leiden, New York, 1993. Pp. 583–591.

Eustache D. Idrisids // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition (EI2)*. Vol. III. Leiden, London, 1986. Pp. 1035–1037.

Idris H. R. Hammadids // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition (EI2)*. Vol. III. Leiden, London, 1986. Pp. 137–139.

Marçais G., Schacht J. Aghlabids // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition (EI2)*. Vol. I. Leiden, 1986. Pp. 247–250.

Rustam b. Farrukh (Ed.) // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition (EI2)*. Vol. VIII. Leiden, 1995. P. 638.

Talbi M. Ibn Khaldun // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition (EI2)*. Vol. III. Leiden, London, 1986. Pp. 825–831.

Talbi M. Rustamids // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition (EI2)*. Vol. VIII. Leiden, 1995. Pp. 638–640.

Tibi A. Zirids // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition (EI2)*. Vol. XI. Leiden, 2002. Pp. 513–516.

Электронные ресурсы

'Абд ар-Рахман ал-Джилани // *Викибидийа*.
URL: https://fa.wikipedia.org/wiki/%D8%B9%D8%A8%D8%AF%D8%A7%D9%84%D8%B1 D8%AD%D9%85%D9%86_%DA%AF%DB%8C%D9%84%D8%A7%D9%86%DB%8C (дата обращения 1.04.2018).

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БЕНГАЛИИ И БИХАРА В VIII–XII ВВ.

А. А. Столяров[*]

В статье дан обзор публикаций, посвященных социально-экономическому развитию Бенгалии и Бихара V–XIII вв., с середины XX в. и вплоть до настоящего времени. Эти темы разрабатывали историки различных направлений и школ – от марксиста Д. Д. Косамби до эпиграфиста Д. Ч. Сиркара. Большое внимание уделено работам западнобенгальских и бангладешских историков в XXI в. и исследованиям японского ученого Рёсуке Фуруи.

Ключевые слова: Бенгалия, Бихар, северная Индия, историография, эпиграфические источники, надписи, социально-экономическая история раннесредневековой Северной Индии, социально-экономическая история Бенгалии, социально-экономическая история Бихара.

FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF SOCIOECONOMIC HISTORY OF BENGAL AND BIHAR IN 8TH–12TH CENTURIES

Alexander A. Stolyarov

The article surveys works on socioeconomic development of Bengal and Bihar in 8th–12th centuries published since the middle of the 20th century. These topics were researched by historians holding views and hailing from scholarly traditions as diverse as Marxism (here represented by D. D. Kosambi) and epigraphy (D. C. Sircar). Special attention is paid to the works of West Bengali and Bangladeshi historians, as well as research by Japanese scholar Ryosuke Furui.

Keywords: Bengal, Bihar, Northern India, historiography, epigraphic sources, inscriptions, socioeconomic history of early mediaeval Northern India, socioeconomic history of Bengal, socioeconomic history of Bihar.

В отличие от хронологии правлений Восточной Индии, достаточно точно восстановленной в трудах первой половины XX в., ее социально-экономическая история стала изучаться значительно позже. Поначалу авторы подавляющего большинства работ по этой тематике старались описать комплекс социально-экономических явлений в масштабах всей Северной Индии. Историки Индии (как английские, так и индийские) видели свою задачу в привлечении как можно большего числа источников – прежде всего на санскрите, а также на пали, пракритах, новоиндийских языках и т. п. Значение того или иного термина исследовалось на базе контекстов, в которых он встречался в дхармашастрах, надписях, художественной литературе и пр. без учета хронологических и территориальных характеристик этих источников. Этому, конечно, способствовало то обстоятельство, что большинство произведений, традиционно относимых к литературной традиции индуизма, не имели точных географических и хронологических «привязок».

Практиковавшийся метод работы с источниками, безусловно, важен и полезен, как любой вид сбора и сопоставления материала. Однако его неумеренное и некритическое использование способно не только завести в тупик, когда исследователь не имеет возможности согласовать различные и зачастую противоположные значения термина, но и привести к неправильным выводам.

[*] Александр Александрович СТОЛЯРОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН; доцент ФМО и ЗР ИАИ РГГУ, Москва; astol007@gattamelata.com
Alexander A. STOLYAROV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow; astol007@gattamelata.com

Интерес историков к изучению социально-экономической истории страны возрос, начиная с середины XX в. Появилось большое количество работ, посвященных проблемам социально-экономического развития Северной и, в частности, Восточной Индии в раннее средневековье [Kosambi, 1956; Mazumdar, 1960; Niyogi, 1962; Verma, 1962; Gopal, 1965; Udgaonkar, 1969; Sharma, 1972; Aquique, 1974; Sircar, 1974; Raychoudhry, 1978; Sharma, 1986; Chattopadhyaya, 2005]. Все они содержат богатейший справочный материал: в них подытожены практически все исследования предыдущих лет, соединены воедино различные концепции и точки зрения, содержится множество вариантов интерпретации отдельных терминов.

Многим из этих работ присущи отмеченные выше недостатки, в результате чего реконструируемая в них картина социально-экономической жизни общества характеризуется статичностью и усредненностью, отсутствием стадиальных и региональных черт. В то же время отметим склонность ряда историков подходить к исследованию проблем социально-экономического развития Северной и, в частности, Восточной Индии, т. е. Бенгалии, Бихара и смежных с ними областей, с позиции исторического материализма.

Это выразилось в стремлении многих из перечисленных историков исследовать такое явление как феодализм. Большой вклад в изучение проблем феодализма внес Д. Д. Косамби [Kosambi, 1956; 1965] – блестящий математик, астроном и историк-марксист. Значительное место в его трудах, переведенных в том числе и на русский язык [Косамби, 1968], отведено проблеме генезиса и дальнейшего развития феодализма в Индии. При этом он уделял большое внимание выяснению роли как производственных, так и природных факторов в этом процессе. Он считал, что процесс зарождения и развития феодализма в Северной Индии прошел несколько стадий. В частности, IX–XII вв. были эпохой торжества феодализма, когда начавшаяся еще с IV в. «феодализация сверху», заключавшаяся в создании иерархии взаимозависимых средних и крупных землевладельцев (в результате дарения деревень и земель), была дополнена «феодализацией снизу» – расслоением в среде общинников, приведшим к образованию класса мелких феодальных землевладельцев.

С этой концепцией не согласен Л. Гопал [Gopal, 1965], отрицавший «феодализацию снизу» и считавший, что процесс феодализации земельной собственности был на всех уровнях результатом политики центральной власти. В целом он рассматривал социально-экономическое развитие Индии в средние века как непрерывный процесс, считая, что основные социально-экономические институты, известные для «мусульманского периода», оформились еще в раннее средневековье. Основное место Л. Гопал отводил характеристике высших и средних слоев раннесредневекового общества, сравнительно мало внимания уделяя рассмотрению положения низших слоев и сельской общины. При этом он высказывал мысль о расширении использования в предмусульманский период рабского труда.

Проблема возникновения и развития феодализма занимает центральное место в монографии Р. Ш. Шармы [Sharma, 1965]. Трактуя феодализм как систему производственных отношений, он провел анализ как политической, так и его экономической систем. Р. Ш. Шарма стремился как можно к более полному изучению причин, обусловивших не только то или иное направление развития феодализма в целом по Индии и по каждому из основных районов Северной Индии, но также и переход от одной его стадии к другой. Однако ряд положений, выдвинутых Шармой, вызывал сомнения. Придавая большое значение социально-политическим факторам (в частности, верховной власти), по его мнению, обусловившим зарождение и дальнейшее развитие феодальных отношений, он почти ничего не говорил о роли сельской общины в процессе становления феодализма и ее месте в материальном производстве. Кроме того, он считал, что в XI–XII вв. наблюдался некоторый упадок феодализма. Такая позиция затрудняет подход к изучению социально-экономических отношений в последующий период. Как бы отвечая на эту критику, в 1990 г. Шарма выпустил монографию, посвященную проблемам низших слоев индийского общества в эпоху раннего средневековья [Sharma, 1990], а еще через 11 лет – монографию о

социально-экономическом развитии индийского общества в раннее средневековье и факторах, определивших его феодализацию [Sharma, 2001].

Упадок феодализма в конце раннесредневекового периода отрицал Б. Н. С. Ядава [Yadava, 1973], который развил и уточнил многие положения, выдвинутые Шармой. Он, как и Шарма, считал феодализм историческим явлением, характерным для большинства стран, но предпочитал называть индийский феодализм «системой самантов», т. е. вассалов.

С начала XXI в. статьи по разным аспектам социально-экономического развития раннесредневековых Бенгалии и Бихара стали публиковаться во многих англоязычных журналах и сборниках (их авторы – по большей части профессора и преподаватели западнобенгальских и бангладешских университетов). Можно проследить этот процесс на примере «Журнала бенгальского искусства», упоминавшегося в первом выпуске «Вестника Института востоковедения» [Столяров, 2018, с. 186].

Амита Рай, профессор кафедры археологии Калькуттского университета, в статье «Ранние городские центры древней Бенгалии» [Ray, 2000], напечатанной в пятом томе «Журнала бенгальского искусства», сделала обзор древнейших археологических комплексов Бенгалии, существовавших начиная с I тыс. до н. э. (эпоха Шунга-Маурьев) вплоть до правления династии Палов. Саянтани Пал, доцент кафедры древней индийской истории и культуры того же Калькуттского университета, опубликовала в седьмом томе того же журнала статью об институте махаттаров – старейшин деревенской общины – и их роли в общинной структуре согласно свидетельствам раннесредневековых надписей [Pal, 2002]. В следующем, восьмом томе появилась статья С. К. Мукерджи о политическом статусе и хозяйственной деятельности независимых территориальных образований на территории Бенгалии в гуптский период и позже [Mukherji, 2003]. В сдвоенном 13–14 томе за 2008–2009 гг. была опубликована статья профессора кафедры древней индийской истории и культуры Калькуттского университета Сучандры Гхош о природе царского покровительства на территории Юго-Восточной Бенгалии в VI–XIII вв. [Ghosh, 2009].

Сарита Кхеттри, преподаватель кафедры древнеиндийской истории, цивилизации и археологии Университета Вишва Бхарати в Шантиникетане, опубликовала в 16 томе «Журнала бенгальского искусства» за 2011 г. статью о социальной роли буддийских монастырей в раннесредневековой Бенгалии [Khettri, 2011]. В трех следующих томах журнала – 17 за 2012 г., 18 за 2013 г. и 19 за 2014 г. – опубликованы три статьи Кришненду Рая, преподавателя и главы кафедры древней индийской истории и культуры Калькуттского университета: о трактовке ряда строф «Чарьяпады» – сборника мистических песен, относившихся к буддийской традиции ваджраяна, написанных предположительно в IX–XIII вв. на старобенгальском языке, где рассказывалось о вычесывании хлопка, и о возможности использования этого источника для выяснения роли внекастовых социальных групп в разделении труда, а также в качестве свидетельств вовлеченности Бенгалии в процесс морской торговли в эпоху раннего средневековья [Ray, 2012]; о социальной жизни в раннесредневековой Бенгалии на основании изучения «Садуктикарнамриты» – сборника вишнуитских метрических афоризмов, составленного Шридхарадасой, придворным поэтом правителей династии Сена, приблизительно в 1205 г. [Ray, 2013]; и о способах обозначения межей и деревенских границ в Бенгалии VI–XIII вв. и зависимости их от различий в окружающей среде по данным эпиграфики [Ray, 2014].

Тему окружающей среды продолжил Аксадуль Алам, профессор кафедры истории Университета Дхаки, опубликовав в 20 томе журнала статью о влиянии географических факторов на культуру Бенгалии в V–XIII вв. [Alam, 2015], где выдвинул концепцию региональной культуры, развивавшейся в периферийных районах.

Следует сказать, что это далеко не полный список работ указанных авторов. Почти все они, помимо статей по проблемам социально-экономической истории Бенгалии, публиковали в «Журнале бенгальского искусства» статьи на более узкие, специальные темы, связанные с публикацией надписей и произведений искусства, их комментарием, обзором

археологических раскопок и проч. Кроме этого, они являются авторами статей по тем же проблемам в научных журналах и сборниках, таких как «Индийское историческое обозрение», «Журнал по истории и социологии», «Исследования индийской эпиграфики», «Труды индийского исторического конгресса», а также членами редколлегий большинства этих сборников.

Наконец, говоря о трудах по социально-экономической истории раннесредневековых Бенгалии и Бихара, нельзя не упомянуть молодого японского исследователя Рёсуке Фуруи, доцента Института перспективных исследований по Азии Токийского университета. Докторскую диссертацию на тему «Сельское общество и социальные связи в ранней Бенгалии с восьмого по тринадцатый века» [Furui, 2007] он защитил в Центре исторических исследований Школы социальных наук Университета им. Джавахарлала Неру (Дели, Индия). В первые несколько лет после защиты он в основном публиковал тексты надписей, включая жалованные грамоты, проявив себя блестящим палеографом и интерпретатором текстов. Начиная с 2013 г. стали появляться статьи, содержащие анализ социально-экономических аспектов. Среди них «Купеческие группы в раннесредневековой Бенгалии – на примере надписи на камне из Раджбхиты времени Махипалы I» [Furui, 2013a], «Брахманы в раннесредневековой Бенгалии: образование их общности, связей и авторитета» [Furui, 2013b], «Аграрная экспансия и властные взаимоотношения на местах в Восточной Бенгалии седьмого и восьмого веков: по данным жалованных грамот» [Furui, 2014], «Особенности восстания кайвартов, описанного в Рамачарите» [Furui, 2015a], «Разнообразие приспособлений: формирование государства в Бенгалии с пятого по седьмое столетия» [Furui, 2015b], «Брахманы в раннесредневековой Бенгалии: данные надписей» [Furui, 2017a], «Аграрное общество и социальные группы в раннесредневековой Бенгалии: на основании изучения надписей» [Furui, 2017b].

Перечисленные выше работы, опубликованные в первые два десятилетия XXI в., говорят не только о возросшем интересе индийских и зарубежных историков к проблемам социально-экономического развития восточных районов Южной Азии в домусульманский период, но и о возможном появлении в скором времени многотомного труда по истории Бенгалии и Бихара, созданного с учетом новых находок и разысканий.

Литература / References

Косамби Д. *История и культура Древней Индии: Исторический очерк*. М., 1968 [Kosambi D. *Istoriya i kul'tura Drevnei Indii: Istoricheskiy ocherk*. Moscow, 1969].

Столяров А. Зарубежная историография политической истории Бенгалии и Бихара в VIII–XII вв. (династии Палов, Сенов и их ближайших соседей) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. 2. Сс. 182-187 [Stolyarov A. Foreign Historiography of Political History of Bengal and Bihar in 8th–12th Centuries (Pala and Sena Dynasties, and their Close Neighbours) // *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2018. 2. Pp. 182-187]

Alam A. Geographical Factors in Cultural Aspects of Early Bengal (5th to 13th Centuries CE) // *Journal of Bengal Art*. 2015. 20. Pp. 309–322.

Aquique Md. *Economic History of Mithila (c. 600 B.C.–1907 A.D.*). New Delhi, 1974.

Chattopadhyaya D. P. (ed.). *History of Science, Philosophy and Culture in Indian Civilization* Vol. VIII. *Economic History of India*. New Delhi, 2005.

Furui R. Agrarian Expansion and Local Power Relation in the Seventh and Eighth Century East Bengal: A Study on Copper Plate Inscriptions // Chatterjee R. (ed.). *Urbanity and Economy: The Pre-Modern Dynamics in Eastern India*. Kolkata, 2014. Pp. 96–110.

Furui R. Agrarian Society and Social Groups in Early Medieval Bengal: From a Study of Inscriptions // Chattopadhyaya B. D., Ghosh S., Basak B. (eds.). *Inscriptions and Agrarian Issues in Indian History: Essays in Memory of D. C. Sircar*. Kolkata, 2017. Pp. 168–188.

Furui R. Brāhmaṇas in Early Medieval Bengal: Construction of their Identity, Networks and Authority // *Indian Historical Review*. 2013. 40, No.2. Pp. 223–248.

Furui R. Brāhmaṇas in Early Medieval Bengal: Data of Inscriptional References // Nobuhiro Ota (ed.). *Zen-kindai Minami-Ajia Shakai Ni Okeru Matomari To Tsunagari (Clustering and Connections in Pre-Modern South Asian Society)*. Tokyo, 2017. Pp. 181–215.

Furui R. Characteristics of Kaivarta Rebellion Delineated from the Rāmacarita // *Indian History Congress: Proceedings, 75th Session, 2014*. Aligarh, 2015. Pp. 93–98.

Furui R. Merchant groups in early medieval Bengal: with special reference to the Rajbhita stone inscription of the time of Mahīpāla I, Year 33 // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 2013. 76, No.3. Pp. 391–412.

Furui R. *Rural Society and Social Networks in Early Bengal from the Fifth to the Thirteenth Century A.D.:* Thesis submitted to the Jawaharlal Nehru University. New Delhi, 2007.

Furui R. Variegated Adaptations: State Formation in Bengal from the Fifth to the Seventh Century // Sahu Bh. P., Kulke H. (eds.). *Interrogating Political Systems: Integrative Processes and States in Pre-Modern India*. New Delhi, 2015. Pp. 255–273.

Ghosh S. Nature of Royal Patronage in South-Eastern Bengal: 507 AD–1250 AD // *Journal of Bengal Art*. 2008–2009. 13–14. Pp. 109–118.

Gopal L. The Economic Life of Northern India, c. A.D. 700–1200. Delhi, 1965.

Khettri S. Social Role of Monasteries in Bengal in Early Medieval Period // *Journal of Bengal Art*. 2011. 16. Pp. 289–298.

Kosambi D. D. *An Introduction to the Study of Indian History*. 2nd ed. Bombay, 1975.

Kosambi D. D. *An Introduction to the Study of Indian History*. Bombay, 1956.

Kosambi D. D. *The Culture and Civilisation of Ancient India in Historical Outline*. London, 1965.

Mazumdar B. P. *Socio-Economic History of Northern India (1030–1194 A.D.)*. Calcutta, 1960.

Mukherji S. C. Some Glimpses of Independent States in Bengal in the Gupta Period and After // *Journal of Bengal Art*. 2003. 8. Pp. 83–94.

Niyogi P. *Contributions to the Economic History of Northern India (from the tenth to the twelfth century A.D.)*. Calcutta, 1962.

Ray A. Early Urban Centres in Ancient Bengal // *Journal of Bengal Art*. 2000. 5. Pp. 153–165.

Ray K. Aspects of Rural Social Life in Early Medieval Bengal: Glimpses from the Saduktikarṇāmṛta of Śrīdharadāsa (early 13th Century) // *Journal of Bengal Art*. 2013. 18. Pp. 193–201.

Ray K. The Land/Village Boundary Marks and the Environmental Conditions in Early Medieval Bengal: Gleanings from Inscriptions (c. C. E. Sixth –Thirteenth Centuries) // *Journal of Bengal Art*. 2014. 19.

Ray K. Understanding Glimpses from the *Caryāpadas* on Cotton-Carding and their Probable Bearing on Seaborne Trade and Commerce of Early Medieval Bengal (C. 9th / 10th Century C.E. to 13th) // *Journal of Bengal Art*. 2012. 17. Pp. 63–67.

Raychoudhry S. C. *Social, Cultural, and Economic History of India. Ancient Times*. Delhi, 1978.

Sharma B. N. *Social and Cultural History of Northern India, c.1000–1200 A.D.* New Delhi, 1972.

Sharma R. S. *Early Medieval Indian Society: A Study in Feudalisation*. Hyderabad, 2001.

Sharma R. S. *Śūdras in Ancient India: a Social History of the Lower Order down to circa A.D. 600*. Delhi, 1990.

Sharma R. Sh. *Indian feudalism: 300–1200*. Calcutta, 1965.

Sharma R. S. (ed.). *Survey of Research in Economic and Social History of India: a Project Sponsored by Indian Council of Social Science Research*. Delhi, 1986.

Sircar D. C. *Studies in the Political and Administrative Systems in Ancient and Medieval India*. Delhi, 1974.

The *Mahattaras* of Early Bengal Inscriptions // *Journal of Bengal Art*. 2002. 7. Pp. 277–282.

Udgaonkar P. B. *The Political Institutions and Administration of Northern India during Mediaeval Times (from 750 to 1200 A.D.)*. Delhi, 1969.

Verma B. Sh. *Socio-Religious, Economic and Literary Conditions of Bihar (from c.a. 319 A.D. to 1000 A.D.)*. Delhi, 1962.

Yadava B. N. S. *Society and Culture in Northern India in the Twelfth Century*. Allahabad, 1973.

ДУРГА БХАГВАТ «ИРАВАТИ КАРВЕ» МЕЖВИДОВАЯ БОРЬБА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ ПОД НЕБОМ ЮЖНОЙ АЗИИ. ЧАСТЬ II

И. П. Глушкова*

Вторая часть скрупулезно комментированного перевода с маратхи эссе Дурги Бхагват (1991 г.), индийского фольклориста, социолога и санскритолога, предлагает субъективный взгляд на деятельность д-ра Иравати Карве, широко известного и более удачливого (чем автор эссе) антрополога и социолога. Текст фактически реконструирует научный, социальный и гендерный контекст формирования в Западной Индии XX в. современных дисциплин еще в период существования антропологии и социологии как единого направления.

Ключевые слова: Индия, Махараштра, социология, антропология, каста, полевая работа, университеты, конкуренция, гендерные исследования.

"IRAWATI KARVE" BY DURGA BHAGWAT UNDER THE SKIES OF SOUTH ASIA: INTRASPECIFIC COMPETITION IN THE ACADEMIC WORLD. PART II

Irina Glushkova

This second part of the richly commented translation from Marathi of the essay authored by Durga Bhagwat (1991), an Indian folklorist, sociologist and Sanskritologist, offers a personal approach to evaluation of the achievements of Dr. Irawati Karve, an anthropologist and sociologist arguably more acclaimed and successful than the author of the essay. It factually reconstructs the academic, social and gender context of the introduction in 20th-century Western India of modern disciplines of anthropology and sociology in the period when both were still treated as one field.

Keywords: India, Maharashtra, sociology, anthropology, caste, field work, universities, competition, gender studies.

Это эссе[1] было впервые опубликовано в 1991 г., через 20 лет после смерти его эпонимической героини – известного индийского социолога и антрополога Иравати Карве (1905–1970), когда Дурге Бхагват было за 80. Оно субъективно, изобилует неологизмами, сумбурно по стилю, вероятно, отражая возраст автора, чья память сохранила и/или намеренно отобрала острые моменты из собственной жизни, наполненной эмоциональными переживаниями профессионального характера и вплетенной в культурную историю Махараштры XX века. Кроме Иравати Карве, в эссе фигурирует множество представителей интеллектуальной, прежде всего, научной, элиты Западной Индии, что превращает персоналистский текст в универсалистский первоисточник при изучении природы ненависти, зависти, ревности, отвращения, презрения, унижения и других – преимущественно негативных – чувств, весьма распространенных в академической среде в целом. Не мимолетное ощущение, но настоянное десятилетиями жгуче-аффективное месиво-

* Ирина Петровна ГЛУШКОВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; iri_glu@hotmail.com

Irina GLUSHKOVA, PhD (Linguistics), DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; iri_glu@hotmail.com

[1] [Bhagwat, 2014]. Перевод с маратхи и примеч. Ирины Глушковой. Вторая часть титула добавлена переводчиком. Часть I см.: [Глушкова, 2018, с. 194–203].

настроение, обретшее концентрированное вербальное выражение, не только не утратило силы и остроты, но наглядно демонстрирует, сколь живуча именно эмоциональная озлобленность, взнузданная (не)заслуженным признанием другого.

Иравати Карве (1905–1970)

Исследовательница Нандини Сундар в главе «Во имя антропологии. Жизнь и работа Иравати Карве» из труда, посвященного основоположникам индийской антропологии и социологии, признает, что «судя по всему, она была одновременно невероятно интересной и тяжелой, мгновенно решавшей – нравится ей человек или нет; часто грубой или в такой степени откровенной, что это граничило с грубостью; со склонностью кричать на студентов, которые ее беспокоили и злили». Не вступая в полемику с Бхагват, Сундар мимоходом – в пристраничной сноске, которую легко пропустить, – замечает: «Дурга Бхагват работала над диссертацией на степень PhD под руководством Гхуръе, но дело до конца не довела. Тем не менее, она продолжила заниматься исследованиями в области филологии, философии и фольклора. Она и Иравати Карве считались ведущими интеллектуалками среди маратхских женщин своего времени. Эссе Бхагват об Иравати Карве в *Āṭhavle tase* («Как я это помню»), написанное автором к концу жизни, уже после смерти Карве, содержит ряд претензий в адрес последней, включая обвинения в плагиате, карьеризме, манипулировании коллегами и в зажиме их работ. Сколько бы ни было правды в этих утверждениях, они не делают Бхагват чести» [Nandini, 2007, p. 371, 374 (footnote 30)]. Как эмоциональный человек, со студенческой поры глубоко вовлеченный в махараштранское «нутро» – учебу/работу в пунских и бомбейских университетах и колледжах, а также личное знакомство с рядом упомянутых в эссе персонажей, я имею собственный взгляд почти на все затронутые в эссе сюжеты. Как переводчик я не имею права занимать чью-либо сторону – героини эссе или ее автора – и обязана сохранять нейтралитет.

ИРАВАТИ КАРВЕ. ЧАСТЬ II

В это же время еще из-за одного случая я испытала к Иравати-баи омерзение. И она, и Дхананджай-рав Гадгил[2] заглядывали к Гхуръе[3]. Приступив к работе в Декан-колледже, она ходила к нему не одна, а преимущественно с Гадгилом. Там, в присутствии нас, студентов, эта тройка ведийских жрецов непрерывно приговаривала: «Ганди[4] нужно пристрелить». Это было в 1938–1939 гг., когда Виноба Бхаве приобрел

[2] Дхананджай Рамчандра Гадгил (1901–1971) – экономист, директор-основатель Института политики и экономики им. Г. К. Гокх(а)ле (1930 г., город Пуна; см. ниже), вице-президент Плановой комиссии Индии, участник и идеолог кооперативных движений в Махараштре.

[3] Говинд Садашив Гхуръе (1893–1982) – профессор социологии; с 1924 по 1958 г. возглавлял факультет социологии Бомбейского университета, основанный шотландским урбанистом и биологом Патриком Геддесом. Учредитель Индийского социологического общества.

[4] Мохандас Карамчанд (Махатма) Ганди (1869–1948) – «отец нации», лидер национально-освободительного движения в Индии, основоположник многих новых практик противостояния британским колонизаторам. Убит Натхурамом Годсе, брахманом-читпаваном, выходцем из Пуны.

известность как первый *сатьяграхи*[5]. Иравати-баи и Гадгил как раз только вышли, а студенты еще оставались у Гхуръе, и тут появилась я. При виде меня Гхуръе сказал: «Вот пришла гандишка, вот пришла кхадишка![6] Ганди нужно пристрелить». Поскольку эти слова предназначались непосредственно мне, я выразила протест. Тут я опущу детали того, что произошло между мной и Гхуръе; расскажу как-нибудь потом. Только одно я в то время высказала совершенно отчетливо: вы тут – люди при высоком положении – считаете, что надо убить Ганди. Самих вас на такой поступок не хватает. А вот какой-нибудь юнец совсем незрелый – услышит это и сделает. И последствия будут чудовищными. Так и произошло в 1948 г. Можно ли после этого утверждать, что подобные размышления так называемых высоколобых интеллектуалов не подтолкнули к убийству Ганди именно жителя Махараштры[7]? После убийства Ганди я и почувствовала омерзение к этой тройке. И даже пожалела их за трусость. Просто потому, что эта компания считала Ганди виновником экономического, социального и политического кризиса, что было абсолютно неверным. После убийства Ганди никакого улучшения ни в чем не произошло, более того – положение испортилась навсегда, а про Махараштру и говорить нечего! Т. е. легко понять, насколько они ошибались в оценке социального контекста и в какой степени не умели прогнозировать будущее.

Примерно году в 1940-м произошло еще одно примечательное событие. Я оставила Школу экономики и социологии. В это же время Гхуръе, решив, что он превзошел меня и освоил племенную проблематику[8], прочитал в Институте им. Гокх(а)ле[9] лекцию «Так называемые аборигены», которая тут же вышла в виде книжицы[10]. Одновременно появились «Потеря нерва» Элвина и «Адиваси» Тхаккара-баппы[11]. Пресса как следует отлупила все три. Я болела, думала, не выкарабкаюсь, когда до меня дошло, что на эту тему пишет и Тхаккар-баппа. Чтобы ему не быть поверженным Элвиным, я пришла к нему с машинописным экземпляром своей статьи и молча протянула, тем самым предлагая воспользоваться. Тхаккар-баппа сказал: «Какая ты хилая. Кто поверит, что ты жила среди племен? Говоришь, нужен научный подход? И Элвин говорит то же самое. Никак промеж вас что-то есть? Не нужен нам научный подход!» Выслушав это бесстыжее заявление, я забрала рукопись и ушла. Впоследствии Тхаккар-баппа присоединил библиографию, полученную им от Иравати-баи. Когда книжица вышла, Эвелин Вуд[12] разнес ее в пух и прах и вовсю поиздевался над библиографией. Она того и стоила. Если Иравати-баи смастерила ее сама, то это свидетельствовало как раз о ее способностях; если же это сделал кто-то из ее студентов, то – о ее безответственности. Тхаккар-баппа, прочитав критику, разрыдался и признал поражение от Элвина.

[5] Винаяк (Виноба) Нарахари Бхаве (1895–1982) – участник антиколониального движения, сподвижник Махатмы Ганди, в 1940 г. назначенный последним в качестве первого индивидуального манифестанта идеологии «упорство в истине» (*satyāgrah*).

[6] Уничижительные слова, составленные из имени «Ганди» и названия домотканого полотна – *кхади*, символа антибританского протеста и поддержки гандистского курса.

[7] В своей статье [Nandy, 1980] Ашис Нанди обосновал – с учетом исторических и личностных факторов, почему Махатма Ганди не пользовался популярностью в Махараштре и почему его убийцей стал именно брахман-читпаван.

[8] Д. Бхагват проводила полевые исследования среди племен Центральной Индии; вынуждена была прервать их и лечиться на протяжении нескольких лет после сильнейшего отравления дикими растениями. Запланированная диссертация под руководством Г. С. Гхуръе не состоялась, т. е. Бхагват докторской степени – PhD – не имела.

[9] Институт политики и экономики им. Гокх(а)ле учрежден в 1930 г. «Обществом слуг народа» (Servants of India Society) и назван по имени основателя «Общества» Гопала Кришны Гокх(а)ле (1866–1915).

[10] Полное название книги "The Aborigines – "So Called" – and Their Future" [Ghurye, 1943].

[11] Верриер Элвин (1902–1964) – британский антрополог и этнограф, посвятивший жизнь изучению племен Центральной Индии; полное название упомянутой книги [Elwin, 1941]. Амритлал Витхалдас Тхаккар (1869–1951) – активист, защитник жителей племенных поясов Индии и неприкасаемых.

[12] Эвелин Вуд (1903–1976) – поэт и экономист британского происхождения, жуир, завсегдатай бомбейских литературных салонов.

После этого Д. С. Свами, первый директор Школы социальных исследований им. Таты[13], прислал мне письмо: «Можешь ли ты написать другую, не такую как эти три, работу? Страниц на 50?» «Могу». Эту мою работу – «Основы антропологии»[14] – индийская пресса на английском встретила на ура. Высказались Мани, Аййяпан и другие. Поскольку Тхаккар-баппа был среди них лидером, я один экземпляр отправила ему, но он даже не подтвердил получения. Уже позднее прислал записку: «Заходи просто так, без дела», однако я не пошла.

Вышла в свет книга Иравати-баи «Маратхская культура»[15] и попала на рецензию в журнал *Satyakathā* («Истинные истории»), а ШриПу Бхагват [16] переправил ее мне. В предисловии *баи* непременно поблагодарила за помощь Дхананджай-рава Гадгила, д-ра Катре[17], д-ра Санкалию[18] и своего мужа д-ра Карве[19]. Откликов было немало, но в основном информационного характера. Помнится, Прабхакар Падхъе[20] в *Navśakti* («Новая сила») назвал книжку «гирляндой из роз». Вот такая прославленная продукция попала ко мне в руки, и я дала согласие. Едва начав читать, почувствовала ее легковесность. Естественно, давать неблагоприятный отзыв на книгу, воспетую крупными авторитетами, было тяжко. Кроме того, у меня уже имелся опыт беспричинной вражды со стороны некоторых известных университетских персонажей. Я стала размышлять, в каких долях совместить правду и резкость. Целых три месяца провела в исследованиях, необходимых для обстоятельной рецензии, и результат оказался для многих неутешительным. Вдобавок к потраченному времени, я предвидела и тот негатив, что должен был обязательно мне аукнуться. Делать-то что? Может, поступить по-умному? И сама себе ответила: «Да». Отписала весьма лаконично и отослала: от правды не отступила, но и глубоко вгрызаться во всякие погрешности не стала.

Как-то зашла к Н. Р. Пхатаку[21] и там встретила ШриПу. Он сказал мне: «Все в вашей рецензии правильно, но написано без души. Было бы хорошо, если бы вы ее расширили». «Так это повлечет за собой враждебность. Кто гарантирует, что неприятных для меня последствий не будет?» – «Я гарантирую».

Пхатак тоже плохо отзывался об этой книге. Зашел Лакшман-шастри[22] – и у него не было хороших слов об этой работе. Впрочем, в дальнейшем оба легко изменили свою позицию. Я потратила еще два месяца и, дописав рецензию, отправила ее ШриПу. Он ее одобрил, опубликовал, и вся Пуна забурлила. В самом начале я написала: «Если это и есть результат мыслительной деятельности видных ученых из Махараштры, то придется озаботиться ее интеллектуальной потенцией». В литературных кругах Бомбея тоже зазвучали критические нотки, и оголтелая хвала книги после этого затихла.

Через несколько месяцев после публикации рецензии Иравати-баи пришла на одно из заседаний Бомбейского антропологического общества. Во главе него стоял П. Д. Шаха[23], и я

---

13 Основан в 1936 г. как Школа общественной деятельности (social work) им. Дорабджи Таты, но первым директором был Клифорд Мансшрадт, американский миссионер.

14 В тексте – *A Prime of Anthropology*; мне не удалось найти библиографических данных этой книги. Последующие имена – «Мани, Аййяпан» – мне также не известны.

15 Книга под таким названием мне не известна. Перу И. Карве принадлежат несколько публикаций на маратхи, в том числе *Amcī saṃskṛti* («Наша культура») и *Saṃskṛti* («Культура»).

16 Шрикришна Пурушоттам Бхагват (1923–2007) – легендарный основатель художественно-публицистического еженедельника *Mauj* («Удовольствие», впоследствии ежегодника) и ежемесячного журнала *Satyakathā*, а также издательства *Mauj*, выпускавшего высококлассную художественную литературу на маратхи и задававшего высокие эстетические и интеллектуальные параметры. Известен (по первым слогам имени) как ШриПу.

17 Сумитра Мангеш Катре (1906–1998), основатель факультета лингвистики в Декан-колледже и его руководитель с 1939 по 1959 г.

18 Хашмукх Дхираджлал Санкалия (1908–1989) – археолог, профессор прото- и древней истории в Декан-коледже.

19 Динкар Дхондо Карве (1899–1980) – преподаватель химии, позднее директор пунского Фергюссон-колледжа.

20 Прабхакар (Бхау) Падхъе (1926–1996) – маратхский журналист и писатель; экономист по образованию.

21 Нарахар Рагхунатх Пхатак (1893–1970) – литературный критик и биограф.

22 Лакшман-шастри Дзоши (1901–1994) – ученый-санскритолог, знаток правовых трактатов индуизма; инициатор и ответственный редактор (1960–1994) многотомной «Маратхской энциклопедии» (*Marāṭhī viśvakoś*).

23 Сведений о П. Д. Шаха я не обнаружила.

тоже заглянула. Заседание проходило в холле Азиатского общества. Шаха нас представил друг другу. Даже не выдавив из себя самых простых слов, Иравати-баи с выражением на лице «вообще-не-понимаю-о-чем-вы-тут», повернулась ко мне спиной и покинула помещение. Нетрудно было понять истоки этого недовольства. Я ничего другого и не ожидала. Но главное еще впереди.

Год спустя – в 1957 – мне пришло письмо из Пунского университета с просьбой принять участие в конкурсном отборе на ставку преподавателя факультета социологии. Я согласилась. Заявилась туда в положенное время и у самого вход столкнулась с Иравати-баи, которая с широчайшей улыбкой бросилась мне наперерез. Голос у нее всегда был располагающим, но сейчас она привнесла в него всю сладость вместе с восторгом и просто набросилась на меня с объятиями. Едва мне удалось выбраться из удушающих тисков, как она пренежнейшим голоском сообщила: «До чего же я вас люблю, Дурга-баи. Прекрасно, что вы здесь. Я только что из Антропологического общества, как раз вспоминала вас, думала, может, и вы заглянете, но не нашла вас, и пошла на заседание». Я сначала смутилась, а потом просто задохнулась, поскольку это заявление Иравати-баи было полнейшей ложью, что мы обе понимали. Однако она разыграла это настолько убедительно, что ответить ей было нечего. За нашей любовной встречей наблюдали коллеги – именно поэтому Иравати-баи пришлось изобразить такой восторг. Для меня это актерство оказалось новым в ее характере. Но она решила не выходить из роли – не успела я произнести и слова, как она продолжила: «Знаете что – вы мне безумно нравитесь. Поэтому мое предложение к вам – если нужно опубликовать какие-нибудь ваши работы, присылайте мне. Я их напечатаю в “Бюллетене” Декан-колледжа, а?» Однако я не была готова передать ключ от шкафа в руки вора. Конечно, наживка, пущенная в ход, была весьма привлекательна, но нам обеим было понятно, какая за этим стоит западня. Я вспомнила про Сулочну[24] и про себя усмехнулась. Я уже упоминала о другой истории, которую мне рассказала Сулочна – вот она в тот момент и всплыла в памяти, сейчас расскажу.

Иравати-баи отправилась в Нагар для антропометрических измерений. Вся аппаратура для этих целей принадлежала университету или еще каким-нибудь учреждениям. В дальнейшем все это каким-то образом оказалось вместе с Иравати-баи в Бомбее, поэтому я упоминаю об этом, а подробнее расскажу позже – это отдельный сюжет! Иравати-баи никогда не могла самостоятельно обмерить или завесить, т. е. она пользовалась излюбленной методологией, усвоенной индийскими учеными: использовать кого-то, кто под рукой, а потом самому наносить интеллектуальный блеск. Когда еще Иравати-баи писала работу на степень магистра, вместе с ней в Школе социологии был д-р Гопинатх Прадхан[25]. Он как раз только-только получил степень бакалавра, и ему приходилось помогать *баи*. Потом он неоднократно жаловался мне на это. В Нагаре также какой-то молодой человек при степени – то ли Бавле, то ли Давре – помогал ей производить обмеры среди дешастха[26]. Иравати-баи ему сказал: «Собирай данные о дешастха, а я помогу тебе с зачислением для PhD». Он собрал данные, а *баи* ему на это сказала: «Работа – некачественная, даже на магистра не потянет». Иравати-баи получила то, что хотела, и молодой человек к ней больше не приходил. Чтобы закрепиться в Декан-колледже на постоянной работе, каждый должен был предъявлять самостоятельное исследование. Всю информацию о дешастха вместе с данными замеров Иравати-баи опубликовала в «Бюллетене» Декан-колледжа под своим именем. Была и причина, почему она на этот раз в качестве темы выбрала дешастха – расскажу попозже.

Цифры по замерам, которые Иравати-баи привела в своей книге на маратхи (их же она воспроизвела и в англоязычном издании), проф. В. М. Дандекар[27] назвал ошибочными.

---

[24] О Сулочне Саптарши см. Часть I: [Глушкова, 2018, с. 201–203].

[25] Сведений о Гопинатхе П. Прадхане я не обнаружила.

[26] Дешастха – брахманская подкаста, основные соперники читпаванов, считавшие последних выскочками.

[27] Винаяк Махадев Дандекар (1920–1995) – экономист, основатель Индийской школы политэкономии, директор Института политики и экономики им. Гокх(а)ле.

Баи обращалась к нему при проведении замеров и потом при взвешивании, и Дандекар сказал: «Вся ее система измерений ошибочна», т. е. все наработанное предназначалось для мусорной корзины.

Университетское оборудование Иравати-баи получила от Гхуръе. После того как их отношения разладились, никто больше не смог им воспользоваться. Я несколько раз просила, но безрезультатно. Так создалась ситуация, при которой студенты антропологического факультета, желавшие заниматься физической антропологией и наследственными чертами, оказались отлучены от необходимой аппаратуры. И поскольку другим было отказано в праве заниматься этими проблемами, Иравати-баи автоматически оказалась ведущим в этой области авторитетом. Я и мне подобные лишились возможности даже проверить ее измерения. Мы закупали собственное фотооборудование, но ту аппаратуру частным образом было приобрести совершенно невозможно. Университеты в Калькутте, Лакхнау и еще кое-где позволяли нашим студентам знакомиться с некоторыми приборами, но в целом студенты из Бомбейского, а потом и Пунского университетов оказались в стороне от этой методологии из-за стариков, которые держали эту область под самих себя. То, что при наборе преподавателей для социологического факультета Иравати-баи отдала предпочтение Матхуру[28] из Северной Индии, а не своим студентам, как раз косвенно подтверждает это. Мол, свои студенты в этом не разбираются, а вот Матхур оказался специалистом. А как студентам-беднягам из Махараштры было выучиться? Нельзя сказать, чтобы эти приемы были не знакомы ученому сообществу, и Иравати-баи их великолепно усвоила, что можно проиллюстрировать хотя бы на примере дхарвадского Ш. Б. Дзоши. Около 1954 г. издательство *Sādhnā* («Достижение») выпустило его книгу «Мархатская культура»[29]. Я тогда была с ним вовсе не знакома. *Satyakathā* отправила ее ко мне на рецензию. Эта книга доказывала смешение и общность культур каннадига и маратхов. Я написала положительную рецензию, потому что, вопреки языковому различию, Карнатак, Южная Махараштра и Теленгана представляют собой культурное единство, в чем я имела случай неоднократно убедиться. Благодаря этой книге мне удалось более последовательно изложить свои выводы по этому вопросу. Уже после я в реальности познакомилась с Дзоши, связь окрепла, и мы стали обмениваться письмами. Дзоши рассказывал, как ранее Иравати-баи неоднократно повторяла, что разделяет эти взгляды. Дзоши-буа[30] – человек простодушный, всего-то школьный учитель. Иравати отправилась в Дхарвад на обмеры и за прочей информацией. Ей стало известно, что Дзоши занимается какими-то исследованиями, и она познакомилась с ним через Гадгила, который был связан с Дзоши домами. Так что Дзоши пригласил ее заходить, и она заявилась к нему домой. Поскольку языком каннада она не владела, то как следует использовала этого школьного учителя. Задабривая его льстивыми словами, давая высокую оценку его суждениям, обещая помощь в исследовании, она получила для своей работы все, что нужно. Впоследствии при подготовке монографии к публикации, Дзоши несколько раз пытался к ней обратиться, но ничего кроме высокомерного взгляда не получил. Использовав всю информацию, полученную от Дзоши, и не упомянув его вовсе, она предпочла язвить над его положениями, тем самым выражая поддержку Движению за Объединенную Махараштру, поскольку открыто признать долг перед культурой каннадига Иравати-баи не могла[31].

[28] Вероятно, речь идет о К. С. Матхуре, авторе книги [Mathur, 1964].

[29] Шанкар Балдикшит Дзоши (1896–1991) – исследователь, сторонник каннадо-маратхской этнической и языковой общности. Вариант *marhaṭṭī* в названии книги, интерпретируемый Дзоши как прилагательное от композита «лесные люди», широко употреблялся в начале I тыс. н.э.

[30] *Буа* (*buvā*) – гонорифик; преимущественно употребляется в отношении простых людей, избравших духовное поприще.

[31] Положения Ш. Б. Дзоши получили окончательное оформление в гипотезе Франклина С. Саутворта о маратхи как языке креольского/гибридного типа, языке-пиджине, см.: [Southworth, 1971]. О Движении за Объединенную Махараштру см.: [Глушкова, 2008].

В университете механизм подготовки «специалистов» и «неспециалистов» был полностью отработан и применялся негласно, но абсолютно систематически. Точно сказано: пешки гибнут, полководцы побеждают. Такого типа люди сотворили миф о незаменимости в интеллектуальной сфере – подобный тому, какой создали в политическом пространстве политики: использовать и понуждать к сбору нужных материалов других, а потом их же принижать и подвергать насмешкам.

Теперь я расскажу о поведении Иравати-баи в отношении того преподавателя, на отбор которого меня пригласили, в преддверие чего она обрушила на меня водопад любви.

Он был дешастха, магистр, ее собственный студент. Внешность такая незначительная, из бедной семьи. Однако он заключил брак по любви, и жена его была PhD. К этому человеку у Иравати-баи не было никакого расположения, и вопрос о его отборе она, повысив мои ставки, переложила на меня. Он прекрасно ответил на устные вопросы; его резюме подтверждало его годность, и я дала положительное заключение. С саркастической усмешкой Иравати-баи подтвердила мою рекомендацию. Ей никогда не удавалось скрыть в своем смехе сарказм. Это навсегда стало ее неприятной особенностью. По завершении интервью она некрасиво пошутила о его браке и сама же расхохоталась в полный голос. Я никогда не забуду этого смеха. Жена того человека дожидалась меня снаружи, чтобы пригласить к ним домой. Это не понравилось Иравати-баи. Обернувшись, она окинула взглядом нас обеих, снова изобразила на лице ту самую улыбку и напомнила: «Так присылайте мне свои статьи», ласково похлопала меня по спине и ушла. Человека приняли на работу, но должность не была постоянной. Поэтому в дальнейшем Иравати-баи могла уже не быть столь же доброй. Власть была в ее руках, и она посчитала в своих интересах убрать его. Это было ее право, и она им воспользовалась. В дальнейшем он работал в школе обычным учителем.

А теперь я расскажу историю с изучением дешастха, которая приключилась с Мадхавом Вагхом. Этот рассказ о садисте-наставнике и мазохисте-ученике весьма показателен. В своем исследовании о брахманах-читпаванах Иравати-баи установила их арийское происхождение, правильнее было бы сказать, она это считала аксиомой. С одной стороны, в основе такой уверенности лежало уважение к Тилаку[32]. Собственно, многие принимали это за аксиому. Врагами англичан – со времен *пешв* до самого Тилака, Агаркара, Васудева Балванта, Цапхекаров, Саваркара[33] и других – были именно читпаваны. Нет никаких сомнений, что они наносили ощутимые удары по британскому империализму, обрекши себя на жизнь, полную лишений. И тем более нет ничего необычного в том, что среднестатистический читпаван гордится своими собратьями по касте. Но когда это чувство опирается на садизм и превращается в комплекс превосходства, тогда гордость становится нетерпимостью и ничего позитивного в ней не остается. Вот из-за такого рода эмоционального настроя кое-кто отправился на учебу не в Англию, а в Германию. Как раз в то время, когда Гитлер провозглашал преимущества арийской расы. На самом деле Гитлер разве считал индийцев или «гаудских» брахманов[34] ариями? И концы его свастики были повернуты в другую сторону. Но немало людей, привлеченных идеями аризма, отправились в Германию. Получили там степени. Среди них были Иравати-баи (и также ее муж). В

[32] Бал Гангадхар (Локаманья) Тилак (1856–1920) – брахман-читпаван; политик-националист и реформатор, инициатор многих начинаний – от периодики до массовых праздников, определивших будущий профиль Махараштры.

[33] Гопал Ганеш Агаркар (1856–1895) – социальный реформатор, соратник Тилака; Васудев Балвант Пхадке (1845–1883) – основоположник вооруженной борьбы против английских колонизаторов; братья Цапхекары – Дамодар (1869–1898), Балкришна (1873–1899) и Васудев (1845–1883) считаются зачинателями терроризма как формы политического протеста в Индии и революционерами; Виняк Дамодар Саваркар (1883–1966) – национальный герой, прото-националист, революционер, активный пропагандист *хиндутвы* как политической концепции, нацеленной на создание индусской государственности. Подробнее о читпаванах см.: [Глушкова, 1993, с. 54–59].

[34] «Гаудские» брахманы – те, чье происхождение связывается с индийским Севером, к ним относятся и сарасваты; читпаваны принадлежат к «дравидским», т.е. южанам.

действительности Иравати-баи в Германии несколько подправила свою магистерскую диссертацию и представила ее на степень PhD. После этого все, кто ехал за границу – по крайней мере, из социологов, – применяли тот же прием. В том числе, и М. Н. Шринивас[35], а бомбейский университет – что и говорить – не лишая себя удобства, закрывал на это глаза. Как бы то ни было, эта самая Иравати-баи, отправляясь в Германию, забыла ископаемый марксистский лозунг и вернулась, вдохновленная поисками аризма. Государственная служба казалась ей престижной, и она ее приняла – это тоже правда. Но вот так открыто провозглашать арийство читпаванов, да еще в спорах с другими брахманами и небрахманами, было делом трудным. Поэтому поначалу надо было утвердить эту идею хотя бы в брахманских кругах. И тут-то *баи* решила втянуть в это дело дешастха. Вагх – лучший среди ее учеников, первый PhD по социологии в Пунском университете. Но магистерской степени у него не было: он попал к *баи* в руки после бакалавра по философии и, поскольку он уже был не новичком, она не потребовала, чтобы перед докторской он предварительно получил магистра. В дальнейшем она как следует воспользовалась этим недочетом. Вагх – умный, упорный, трудолюбивый, но считал себя неудачником, чьи огрехи видны всему миру. *Баи* быстро уловила эту его черту, и стала ею пользоваться, чтобы еще больше ущемить бедолагу. Вагх был беден и получал стипендию благодаря ей, а она поручила ему заниматься дешастха. Работал он дотошно, санскрит у него был на высоте, но время шло, а *баи* не принимала у него его план диссертации. Потому что вывод Вагха был таков: дешастха не арии, и *баи* это не нравилось. Она убедила себя в том, что ученик высокомерно отрицает свою брахманскую элитарность. Через четыре года мужество Вагха стало иссякать: отец умер, денег не было, дома жена, жить было не на что. Но *баи* не позволяла ему изложить антиарийскую аргументацию. Прошло восемь лет. В университете объявили новую ставку на факультете социологии. Вагх вполне ей соответствовал, и поэтому замер в ожидании. Напряженность, которая была свойственна их отношениям в последние годы, усилилась, и это не могло не сказаться на Вагхе. В конце концов, желание занять это место победило, Вагх уступил *баи,* и она заставила его у себя на глазах сжечь все свидетельства о неарийском происхождении дешастха. Диссертация пошла на защиту, Вагх стал PhD. А вот на работу *баи* взяла другого. И в университет еще до этого тоже протолкнула другого. Измученный Вагх покинул Пуну, стал преподавать в колледже логику – и уже навсегда. Степень ему никак не помогла.

Иравати-баи вместе с д-ром Санкалией ездила на раскопки в Гуджарат, где они обнаружили останки каменного века. Был там и череп, по поводу которого она написала статью «Ты это я, а?», снискавшую признание. Там вместе с ними был Вагх и еще несколько студентов. Вагх великолепно изображал все, что там происходило. Вот, например, пришло время обедать. Из женщин – одна *баи*. Мужчины помогали ей с готовкой, но лепешки приходилось печь самой. Что она и делала, раскалившись до красна от гнева. Правда, в результате получились не лепешки, а плюхи. *Баи* просто трясло, что нужно было готовить для нижестоящих. Главное, впрочем, в другом – то ее исследование было сплошной подтасовкой. Те самые черепушки столетней или двухсотлетней давности были с мусульманского кладбища. В Гуджарате часть территории занята пустынями, и в приморских районах на костях откладывается слой известняка. Их-то Санкалия и превратил в останки каменного века, по утверждению Вагха, что удалось, в том числе, благодаря его известности. И на долю Иравати-баи кое-что перепало.

[35] Майсур Нарасимхачар Шринивас (1916–1999) – крупнейший индийский социолог. Согласно его доступной биографии, он уехал в Оксфорд после получения степени PhD в Бомбейском университете.

В 1959 г., когда я жила в Пуне[36], заглянула однажды в Декан-колледж – нужно было посмотреть кое-какую периодику. Я сидела в библиотеке и листала журналы, когда один из тамошних сотрудников сказал мне: «Баи, сейчас расскажу вам кое-что про Иравати-баи. Она утверждает, что никогда не пьет чай и кофе и не ест в столовых. Говорит, мол, что питаться где-то еще, кроме дома, это трата денег. А сама все время занимает – то у пьюна – 4 анны, то у каркуна – 8 анн[37], у студентов – по две-три рупии, а у преподавателей и того больше. Тратит эти деньги в столовой и никогда не возвращает». Я выслушала эту информацию и никак не прокомментировала.

Пока я работала в Институте им. Гокхле, она трижды по телефону зазывала меня к себе домой. Дважды заходила в Институт и приглашала заглянуть. Но у меня не получалось. Снова позвала. На тот момент я уже жила в Пуне около полугода – устроилась замечательно. Д-р Н. Г. Калелкар[38] тоже к тому времени перебрался в Пуну. Тогда, предупредив заранее, я вместе с ним отправилась к Иравати-баи. Обменялись любезностями. Потом *баи* распорядилась принести стакан сока сахарного тростника, кувшин с водой и еще три стакана: разделила сок на три части, долила водой и угостила нас. Говорит: «Мы всегда в такой пропорции разбавляем отжатый сок». Чтоб мы не задавались вопросом. Я собралась было уходить, как *баи* с нажимом сказала: «Заходите почаще, но обязательно с предварительным предупреждением. И вот еще что: я такого не признаю, что ко мне кто-то приходит, а потом я наношу ответный визит. Так что не ждите меня у себя. А ко мне – конечно же, заглядывайте». Это *баи* выпустила коготки. И тут я ей ответила: «Я заглядываю единожды – и то после неоднократных приглашений. А если кто ко мне не приходит, то и я к нему не хожу. Так что не ждите».

На этом и завершился спектакль нашего с Иравати-баи знакомства. С того момента она просто перестала меня узнавать, а я – ее.

Д-р Кханапуркар[39] – мой друг и единомышленник. После получения PhD он два года оставался безработным. Услышав, что в Пуне есть место, приехал сюда. *Баи* в Декан-колледже не было, и он отправился к ней домой. Дело было летом, в полдень. Он изведся от жажды. А *баи* ему: «Что это вы домой заявились?» Он попросил воды, а она ему в ответ, мол, подавать не буду. После этого он уже никогда с ней не общался. Это было году в 1944 или 1945. Потом он устроился на государственную службу, а еще лет через десять умер от теплового удара.

Много историй о Иравати-баи рассказывает Индраяни Савкар[40]. Она даже написала рассказ – о своем и д-ра Косамби[41] опыте общения с ней. Стоит послушать. Не буду здесь распространяться, поскольку опыт не мой.

---

[36] Речь идет о краткосрочной – с апреля 1958 г. до середины 1960 г. – работе Дурги Бхагват в качестве главы факультета социологии в Институт им. Гокх(а)ле с целью «изучения артистов тамаши (фольклорное представление часто с непристойным содержанием, жестами, песнями и т.д. – *И. Г.*) Бомбея и Пуны», чем она и занималась, как свидетельствуют ее дневниковые записи, исследованные Анджали Киртане, см.: [Kirtane 2016]. В частности, Киртане выражает удивление, что в автобиографическом эссе Бхагват никак не характеризует ни этот период, ни окружавших ее людей. Проведенные поиски, в том числе в архивах Декан-колледжа, привели Киртане к выводу, что рафинированная академическая среда Пуны приняла *тамашу* как объект исследования, но не как объект развлечения и времяпрепровождения, к чему попыталась их приучить Бхагват, организовав показ *тамаши* на территории Института. В результате сложившейся внутри обстановки ей пришлось «хлопнуть дверью» и прервать исследование (как она в свое время сделала в отношении племен Центральной Индии из-за расхождений с Гхурье).

[37] *Пьюн* и *каркун* – низшие должности уровня посыльных в учреждениях; *анна* – в те времена 1/16 часть рупии.

[38] Нараян Говинд (НаГо) Калелкар (1909–1989) – выпускник Сорбонны, лингвист, глава факультета линвистики в Декан-колледже; мой учитель маратхи.

[39] Д. П. Кханапуркар – антрополог, ученик Г. С. Гхурье.

[40] Индраяни Савкар (1934 г.р.) – маратхская писательница.

[41] Дамодар Дхармананд Косамби (1907–1966) – энциклопедист: математик, историк, санскритолог и пр. Н. Сундар, касаясь взаимоотношений Карве с коллегами, пишет: «Были и другие, с которыми Карве не разговаривала. Среди них известный своими новаторскими методами историк Д. Д. Косамби – возможно, потому что они с ним использовали одинаковые источники, но их подходы и заключения об обществе были весьма различны» [Nandini, 2007, p. 383].

Под конец расскажу о случае в связи со смертью Иравати-баи. Я в тот момент была в Кальяне у тетки – она была нездорова. Из бомбейских газет беспрерывно звонили, но мне удалось увернуться как раз потому, что я была в Кальяне, а то бы пришлось лгать. Я так и сказала тетке: «То, что ты заболела, мне только на пользу пошло».

Потом, через месяц, когда я уже вернулась в Бомбей, в Литературном обществе устраивали вечер памяти. Меня попросили на нем выступить. Я ответила: «На вечер приду, выступать не буду». Пришла, встретила там Н. Р. Пхатака. Он сказал: «Вам-то повезло, вы напрямую отказались. А у меня так не получилось». Ну и понятно было, почему у него так не получилось – положение обязывало[42].

Зал наполнился. Среди ораторов – адвокат Суле, Г. П. Прадхан и Н. Р. Пхатак. Прадхан – ученик Иравати-баи. И он – взахлеб – столько наговорил! Вечер закончился, ораторы спустились со сцены, и Пхатак с Суле мне сказали: «Правильно вы поступили. Повезло. А мы вляпались. Сколько еще придется фальшивить?»

Как бы то ни было, разве все мероприятие прошло не под стать характеру Иравати-баи? И тем не менее мне пришлось там сидеть и слушать. Я даже прониклась состраданием к Иравати-баи. Коли она им не нравилась, зачем вообще нужно было выступать? Если ради показного почтения к умершему приходится врать, то в этом проявляется культурное банкротство общества. Если есть, что сказать по-простому и по-хорошему, то и врать не придется. Вполне можно было бы напомнить о популярности Иравати-баи. Но эта компания привнесла взрыв высоких чувств, что и было главной ложью.

В принципе мне было жалко Иравати-баи – сколько хорошего она могла бы сделать для страны! А так – вся жизнь сплошная корысть. Когда моя тетка преподавала в «Хузур-Пага», я прочитала один из номеров школьного ежемесячника *Balikādarśan* («Зерцало девочки»). До сих пор помню оттуда «Нищенку», прекрасное стихотворение Иравати Кармаркар, которая потом стала Карве. Все просто его превозносили. Стиль письма у нее был аккуратный. Но в ней отсутствовала человечность, которая привносит в мастерство жизнь. По всей стране бушевали политические страсти. А ее они никак и никогда не затронули, вот только Ганди ее раздражал. В детстве описавшая мольбы нищенки, в дальнейшем она не отозвалась ни на одну просьбу. Никак в ней не отозвались бедствия нации. Что за сердечная скудость! В ней расцвел эгоизм и иссохло сострадание. В такие времена мне вспоминается Бертран Рассел[43], чей протест против войны привел его к тюремному заключению.

Не удалось ей заполучить и пост вице-канцлера Пунского университета. В конце концов, как она написала в одной статье, ее предназначение не в том, чтобы быть «матерью Ананда»[44], хотя разве материнство – ненадежное свершение? Так в чем было это предназначение – в высоких должностях, да? В ложном авторитете, да? А ведь именно это выпало на ее долю. Жизнь подошла к концу – что поделаешь? А если бы еще длилась, так она бы продолжала добиваться этого поста. Какой еще бывает конец у карьериста?

Литература / References

Глушкова И. П. Бхагват Д. «Иравати Карве». Межвидовая борьба в академической среде под небом Южной Азии. Ч. I. // *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018. № 1. С. 194–203 [Glushkova I. P. Bhagvat D. “Iravati Karve”. Mezhvidovaya bor’ba v akademicheskoi srede pod nebom Yuzhnoi Azii // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2018. 1].

[42] Речь идет о какой-нибудь из многочисленных литературных организаций, где Пхатак был председателем/президентом. Об «адвокате Суле» у меня сведений нет.

[43] Бертран Рассел (1872–1970) – британский философ, математик, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе, пацифист. За пропаганду отказа от военной службы в год Первой мировой войны был заключен на 6 месяцев в тюрьму.

[44] Ананд Динкар (род. 1936) – сын Иравати Карве.

Глушкова И. П. Читпаваны: реформаторы, ученые, террористы // *Азия и Африка сегодня*. 1993. №6. С. 54–59 [Glushkova I. P. Chitpavany: reformatory, uchenye, terroristy // *Asiya i Afrika segodnya*. 1993. 6].

Глушкова И. П. Язык мой – враг твой. Борьба и тяжба за маратхиязычные земли // *Язык до Индии доведет. Памяти А. Т. Аксенова*. М., 2008 [Glushkova I. P. Yazyk moi – vrag tvoi. Bor'ba i tyazhba za marathiyazychnye zemli // *Yazyk do Indii dovedyot. Pamyati A. T. Aksyonova*. Moscow, 2008].

Bhagwat D. Irawati Karve // *Āṭhavle tase*. Pune, (1991) 2014.

Elwin V. *Loss of Nerve: a Comparative Study of the Result of the Contact of People in the Aboriginal Areas of the Bastar State and the Central Provinces of India*. Bombay, 1941.

Ghurye G. S. The Aborigines – "So Called" – and Their Future // *Gokhale Institute of Politics and Economics Publication*. 11. 1943.

Kirtane A. Adhurï ek kahāṇï// *Mauj, Divāḷī aṅk*, 2016.

Mathur K. C. *Caste and Ritual in a Malwa village*. London, 1964.

Nandini S. In the Cause of Anthropology. The Life and Work of Irawati Karve // Uberoi P., Nandini S., Satish D. *Anthropology in the East: Founders of Indian Sociology and Anthropology*. New Delhi, 2007.

Nandy A. Final Encounter. The politics of assassination of Gandhi // *At the Edge of Psychology: Essays in Politics and Culture*. New Delhi, 1980.

Southworth F. C. Detecting prior creolization: an analysis of the historical origin of Marathi // Dell H. (ed.). *Pidginization and creolization of languages*. Cambridge, 1971.

Опечатки, замеченные в №1, 2018 «Вестника Института востоковедения РАН»

На с. 96: в подписи под *Илл. 7*. следует читать: *слева* – обычная линейная перспектива, *справа* – китайская живописная аксонометрия

На с. 111: во втором абзаце сверху следует читать: [Сироткина, 2014, с. 58].

На с. 120: в списке литературы после Миргородская С. пропущено: Сироткина И. Е. *Шестое чувство авангарда. Танец, движение, кинестезия в жизни поэтов и художников*. СПб., 2014 [Sirotkina I. E. *Shestoe chuvstvo avangarda. Tanets, dvizhenie, kinesteziya v zhizni po'etov i hudozhnikov*. Saint Petersburg, 2014].

Подписано в печать 28.05.2018. Формат 205 х 290 мм
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 300 экз. Гарнитура Garamond
Объем 20,3 печ.л.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru